

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

HARVARD COLLEGE LIBRARY

in honor of

ARCHIBALD CARY COOLIDGE

1866 - 1928

Professor of History

Lifelong Benefactor and
First Director of This Library

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Н. И. КАРВЕВА.

(1898 г.).

ТОМЪ ДЕСЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1899.

2803

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при
Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, Спб., 18 мая 1899 года.

Предсѣдатель *Н. Кареевъ*.

Слѣдующій (XI) томъ „Историческаго Обзорѣнія“ выйдетъ въ свѣтъ осенью 1899 г. Въ немъ между прочимъ будутъ помѣщены протоколы и отчеты Общества за послѣдніе годы, а также и обычная „Историческая Хроника“.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
<i>М. М. Сперанскій.</i> Проектъ уложенія государственныхъ законовъ . . .	I
<i>Н. В. Водовозовъ.</i> Шарль Фурье	68
Къ вопросу о сословіи <i>педанес</i> въ древней Спартѣ ¹⁾	139
<i>Приложеніе:</i> Крестьянская реформа въ Новгородской губерніи. Записки С. И. Носовича (1861—1863).	1—64

---

¹⁾ Редакторъ сборника покорнѣйше проситъ автора этой статьи сообщить ему свой адресъ (Сиб., Вас. Остр., 1900 г. я. д. 2).

Проектъ уложенія государственныхъ законовъ.

М. М. Сперанскаго.

Обширный планъ государственнаго устройства, составленный Сперанскимъ въ 1809 г., до сихъ поръ не былъ напечатанъ цѣликомъ. До послѣдняго времени ученые довольствовались нѣкоторыми извлеченіями изъ него и изложеніемъ его содержанія, сдѣланными въ переводѣ на французскій языкъ въ книгѣ Н. И. Тургенева „La Russie et les Russes“, т. III, стр. 292—328. Подлинная черновая рукопись Сперанскаго, озаглавленная „Введеніе къ уложенію государственныхъ законовъ“, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ собраніи бумагъ сенатора К. Г. Рѣпинскаго. Сравнивая ее съ тѣмъ, что напечатано у Н. И. Тургенева, мы находимъ, что въ его трудѣ (на стр. 292—295, подъ заглавіемъ: „Extraits de l'introduction au profit d'une organisation constitutionnelle de l'état“) приведены по-французски отрывки изъ этой рукописи (кромя § III, „Sur l'insuffisance et l'incertitude des lois existantes“, котораго въ рукописи нѣтъ). Затѣмъ, начиная со стр. 296, идутъ извлеченія изъ другого труда Сперанскаго, который Тургеневъ называетъ „Projet d'une organisation constitutionnelle de l'état“. Всей первой части этого произведенія (Considérations générales, стр. 296—309) мы не находимъ въ рукописи Публичной Библіотеки; вторая же часть, составляющая общій очеркъ государственныхъ реформъ (изложенная Тургеновымъ на стр. 309—328), опять находится въ рукописи Публичной Библіотеки. Такимъ образомъ, отсутствуетъ часть труда, которая, вѣроятно, была составлена нѣсколько позднѣе, такъ какъ и по своему направленію она представляетъ нѣкоторыя отличія отъ „Введенія къ уложенію государственныхъ законовъ“: именно въ этой части, извѣстной намъ только изъ

книги Тургенева, чувствуется уже сильное влияние английских аристократических взглядов; тутъ рекомендуется и введеніе майората. Г. Шильдеръ въ своемъ трудѣ „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“ (1897 г.) изложилъ „Введеніе къ усовершенію государственныхъ законовъ“ (см. т. II, стр. 372—394), но, къ сожалѣнію, съ опущеніемъ весьма важныхъ мѣстъ и при томъ не во подлинной (хотя и черновой) рукописи, хранящейся въ Публичной Библиотекѣ, а во весьма несправномъ списку съ искажающими смыслъ ошибками.

Проектъ Сперанскаго печатается съ разрѣшенія г. директора Императорской Публичной Библиотеки, Асанація Фодоровича Бычкова. Копія сдѣлана съ подлинникомъ бібліотечаремъ рукописнаго отдѣленія Иваномъ Асанасявичемъ Бычковымъ.

Общую характеристику политическихъ взглядовъ Сперанскаго читатели могутъ найти въ нашей статьѣ „Изъ исторіи общественныхъ теченій въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка“ въ „Историческомъ Обзорѣнн“, т. IX, стр. 260—270.

В. Сенинскій.

ВВЕДЕНИЕ КЪ УЛОЖЕНІЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗАКОНОВЪ.

Введение сіе содержитъ въ себѣ два отдѣленія. *Въ первомъ* излагается планъ и распредѣленіе предметовъ, входящихъ въ составъ государственнаго уложенія; *во второмъ* представляются начала и разумъ, въ коемъ оно составлено.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О планѣ уложенія.

Чтобы опредѣлить планъ государственнаго уложенія, надлежитъ прежде всего составить истинное понятіе вообще о законахъ государственныхъ.

I. О свойствѣ законовъ государственныхъ.

Общій предметъ всѣхъ законовъ есть учредить отношенія людей къ общей безопасности лицъ и имуществъ.

Въ великой сложности сихъ отношеній и законовъ, отъ нихъ возникающихъ, необходимо нужно постановить главныя ихъ раздѣленія.

Началомъ сихъ раздѣленій, пріемлются самыя предметы законовъ: отношенія людей, въ обществѣ живущихъ.

Отношенія сіи двояки: каждое лицо имѣетъ отношенія ко

всему государству и всѣ лица въ особенности имѣютъ отношенія между собою.

Отсюда возникаютъ два главныхъ раздѣленія законовъ:

Законы государственные опредѣляютъ отношенія частныхъ лицъ къ государству.

Законы гражданскіе учреждаютъ отношенія лицъ между ими¹⁾.

Законы государственные суть двухъ родовъ: одни суть переходящія, другіе коренные и неподвижные.

Законы переходящія суть тѣ, коими опредѣляется отношеніе одного или многихъ лицъ къ государству въ одномъ какомъ-либо случаѣ. Таковы суть: законы публичной экономіи, законы мира и войны, уставы полиціи и прочее. Они по существу своему должны измѣняться по измѣненію обстоятельствъ.

Законы коренные, напротивъ, состоятъ въ началахъ неподвижныхъ и неизвѣняемыхъ, съ коими всѣ другіе законы должны быть соображаемы.

Нужно рассмотреть ихъ свойство и степень необходимости.

II. О свойствѣ государственныхъ коренныхъ законовъ.

Законы существуютъ для пользы и безопасности людей, имъ подвластныхъ.

Но польза и безопасность суть понятія неопредѣленныя, подверженныя разнымъ измѣненіямъ.

Если бы законы измѣнялись по различному образу сихъ понятій, они вскорѣ пришли бы въ смѣшеніе и могли бы содѣлаться даже противны тому концу, для коего они существуютъ.

Поэтому во всякомъ благоустроенномъ государствѣ должны быть начала законодательства положительныя, постоянныя, неподвижныя, съ коими бы всѣ другіе законы могли быть соображаемы.

Сии положительныя начала суть коренные государственные законы.

Три силы движутъ и управляютъ государствомъ: сила законодательная, исполнительная и судная.

Начало и источникъ сихъ силъ въ народѣ: ибо онѣ не что

---

¹⁾ Такъ напримѣръ: законъ, налагающій подать или личную службу, есть законъ государственный, ибо онъ опредѣляетъ отношенія частнаго лица къ государству. Но законъ о раздѣлѣ имущества между наследниками есть законъ гражданскій, ибо онъ устанавливаетъ отношенія между частными людьми.

другое суть, какъ нравственныя и физическія силы людей въ отношеіи ихъ къ общежитію.

Но силы сіи въ разсѣяніи ихъ суть силы мертвыя. Онѣ не производятъ ни закона, ни правъ, ни обязанностей ¹⁾).

Чтобы сдѣлать ихъ дѣйствующими, надлежало ихъ соединить и привести въ равновѣсіе.

Соединенное дѣйствіе сихъ силъ составляетъ державную власть.

Сопряженія ихъ въ державной власти могутъ быть много-различны.

Изъ сихъ многоразличныхъ сопряженій коренные законы опредѣляютъ одинъ постоянный и непремѣнный.

Итакъ, предметъ и свойство государственныхъ коренныхъ законовъ есть опредѣлить образъ, коимъ силы государственныя сопрягаются и дѣйствуютъ въ ихъ соединеніи.

III. Предметы коренныхъ законовъ.

Опредѣливъ такимъ образомъ общее свойство коренныхъ законовъ, не трудно будетъ въ особенности означить всѣ ихъ предметы.

Въ самомъ дѣлѣ, силы государственныя, составляющія общій предметъ коренныхъ законовъ, могутъ быть разсматриваемы въ двухъ положеніяхъ: или въ состояніи ихъ соединеніи или въ состояніи ихъ личнаго раздѣленія ²⁾).

Въ состояніи ихъ соединенія онѣ производятъ державную власть и политическія права ея.

Отъ державной власти возникаетъ законъ и его исполненіе.

Въ состояніи раздѣльномъ силы государственныя рождаетъ права подданныхъ.

Если бы права державной власти были неограничены; если бы силы государственныя соединены были въ державной власти въ такой степени, что никакихъ правъ не оставляли бы онѣ подданнымъ, тогда государство было бы въ рабствѣ и правленіе было бы деспотическое.

---

¹⁾ Таково есть состояніе сихъ силъ въ естественномъ положеніи чело-вѣка, или въ анархіи.

²⁾ Прежде нежели существовала державная власть, лица ея обладаемыя существовали. Каждый имѣлъ свою волю, свой законъ и свое исполненіе. Сіи личныя силы были первыми стихіями, изъ соединенія коихъ впоследствии составилась державная власть; такимъ образомъ въ силахъ государственныхъ должно различать двѣ степени бытія, или два состоянія: *первое*—состояніе разсѣянности, *второе*—состояніе соединенія.

Рабство сіе можетъ быть двояко: политическое вмѣстѣ и гражданское, или одно только политическое.

Перваго рода рабство бываетъ, когда подданные не только не имѣютъ никакого участія въ силахъ государственныхъ, но и сверхъ того не имѣютъ и свободы располагать лицомъ ихъ и собственностью въ связи ихъ съ другими.

Рабство втораго рода бываетъ, когда подданные, не участвуя въ силахъ государственныхъ, имѣютъ однакоже свободу въ лицѣ ихъ и собственности ¹⁾).

Изъ сего видно, что при державной власти силы государственныхъ, остающіяся въ расположеніи подданныхъ, суть двояки: одними пользуются они въ ихъ соединеніи; другими каждый особенно. Отъ первыхъ рождаются *права подданныхъ политическія*, опредѣляющія степень ихъ участія въ силахъ государственныхъ. Отъ вторыхъ происходятъ *права гражданскія*, опредѣляющія степень ихъ свободы въ лицѣ и имуществѣ.

Хотя права гражданскія и могутъ существовать безъ правъ политическихъ, но бытіе ихъ въ семъ положеніи не можетъ быть твердо.

Въ самомъ дѣлѣ, права гражданскія въ существѣ своемъ не что другое суть, какъ тѣ же права политическія, но дѣйствующія раздѣленно и лично для каждаго. Сіе раздѣленное ихъ дѣйствіе не могло бы имѣть никакой твердости, если бы не предполагало оно другаго ихъ дѣйствія соединеннаго ²⁾).

Изъ сего слѣдуетъ, что истинныя права гражданскія должны быть основаны на правахъ политическихъ, точно такъ же, какъ и законъ гражданскій вообще не можетъ быть твердъ безъ закона политическаго.

Здѣсь открывается причина и образъ, въ коемъ права гражданскія могутъ имѣть мѣсто въ коренномъ законѣ государственномъ. Они должны быть въ немъ означены въ видѣ первоначальныхъ гражданскихъ послѣдствій, возникающихъ изъ правъ политическихъ. Дальнѣйшія же ихъ сопряженія должны быть предоставлены постановленіямъ закона гражданскаго ³⁾).

---

¹⁾ Крѣпостные люди въ Россіи находятся въ первомъ положеніи; а все государство — во второмъ. Въ Турціи рабство есть втораго рода, ибо тамъ имѣтъ крѣпостныхъ людей.

²⁾ Примѣръ: контрактъ на куплю и продажу есть право гражданское. Но какую достовѣрность имѣло бы сіе право, если бы законъ политическій не опредѣлилъ вообще, что *всякая собственность есть неприкосновенна* и если бы не было власти исполнительной, приводящей сіи законы въ дѣйствіе?

³⁾ Такъ на примѣръ: въ законѣ государственномъ опредѣляется, что

Изъ сего происходятъ три главные предмета, входящіе въ составъ коренныхъ законовъ:

I. Права державной власти.

II. Законъ, возникающій изъ правъ державной власти.

III. Права подданныхъ.

Къ каждому изъ сихъ главныхъ предметовъ принадлежатъ свои раздѣленія. Нужно опредѣлить ихъ съ точностію.

И, во первыхъ, права державной власти не иначе могутъ быть приводимы въ дѣйствіе, какъ приложеніемъ ихъ къ одному лицу или ко многимъ. Въ монархическомъ правленіи они прилагаются къ одному. Отсюда необходимость опредѣлить лицо, власть державную представляющее, порядокъ сего представленія и ближайшія его послѣдствія.

Такимъ образомъ составъ перваго отдѣленія коренныхъ законовъ долженъ заключать въ себѣ слѣдующіе предметы:

ОТДѢЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

О державной власти.

I. О правахъ державной власти въ трехъ отношеніяхъ:

1) въ силѣ законодательной;

2) въ силѣ исполнительной;

3) въ силѣ судной.

II. О лицѣ, представляющемъ державную власть, или Императорѣ, и правахъ его въ силахъ государственныхъ.

III. Порядокъ представленія:

1) наследство престола;

2) образъ воспріятія державной власти;

3) составъ Императорской фамиліи;

4) часть экономическая.

Первое дѣйствіе державной власти есть законъ и его исполненіе.

И поелику въ правахъ державной власти означено, что законъ не иначе составляется и исполняется, какъ установленнымъ порядкомъ, то въ семъ отдѣленіи и должно означить образъ составленія закона и его исполненія.

каждый можетъ располагать своею собственностью по произволу. На семъ основаніи законъ гражданскій распредѣляетъ, какимъ образомъ собственность должна переходить изъ одного владѣнія въ другое по общему согласію.

Такимъ образомъ предметы сего отдѣленія расположатся въ слѣдующемъ видѣ:

ОТДѢЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

О законѣ.

I. Опредѣленіе отличительныхъ свойствъ закона.

II. Составленіе закона:

- 1) предложеніе;
- 2) разсмотрѣніе;
- 3) утвержденіе.

III. Исполненіе закона:

- 1) уставы и учрежденія;
- 2) обнародованіе;
- 3) дѣйствіе обнародованія;
- 4) предѣлы дѣйствія закона—давность и отиѣна.

Опредѣливъ симъ образомъ державную власть и главныя ея дѣйствія, постановятся всѣ существенныя начала, по коимъ государственныя силы дѣйствуютъ въ ихъ соединеніи. Остается послѣ сего опредѣлить дѣйствіе сихъ силъ въ раздѣльномъ ихъ состояніи, и сіе есть общій предметъ третьяго отдѣленія.

Выше было примѣчено, что раздѣльное дѣйствіе силъ государственныхъ составляетъ права подданныхъ. Права сіи принадлежать или каждому лицу особенно, или многимъ въ соединеніи. Первыя суть гражданскія, вторыя политическія. Въ коренныхъ законахъ опредѣляются одни только главныя правъ гражданскихъ основанія.

Но въ опредѣленіи тѣхъ и другихъ правъ прежде всего надо опредѣлить: 1) въ чемъ точно состоитъ понятіе подданнаго и 2) всѣ ли подданнымъ равно должны принадлежать права сіи?

Первый изъ сихъ вопросовъ ведетъ къ началамъ, опредѣляющимъ свойство подданнаго, отличающее его отъ иностранца.

Второй—къ раздѣленію состояній.

Такимъ образомъ предметы третьяго отдѣленія представляются въ слѣдующемъ видѣ:

ОТДѢЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

О правахъ подданныхъ.

I. Опредѣленіе отличительныхъ свойствъ російскаго подданнаго.

II. Раздѣленіе состояній.

III. Основанія правъ гражданскихъ, всѣмъ подданнымъ общихъ.

IV. Права политическія, присвоенныя разнымъ состояніямъ:

1) въ составленіи закона;

2) въ исполненіи его.

Въ сихъ трехъ отдѣленіяхъ должны содержаться всѣ существенныя части государственнаго устройства. Началами, въ нихъ поставленными, силы государственныя во всѣхъ отношеніяхъ должны быть измѣрены, между собою уравновѣшены и составлены.

Но въ семъ составѣ дѣйствовать онѣ еще не могутъ: имъ должно имѣть органы дѣйствія, потребныя установленія, кои бы приводили ихъ въ дѣйствительное упражненіе.

Сіе ведетъ къ четвертому отдѣленію коренныхъ законовъ, къ законамъ органическимъ.

Отъ троякаго свойства силъ государственныхъ возникаетъ троякій порядокъ ихъ дѣйствія и, слѣдовательно, три главныя установленія: законодательное, судное и исполнительное.

Всѣ сіи установленія соединяются въ державной власти, яко въ первомъ и верховномъ ихъ началѣ.

Но какимъ образомъ власть державная должна дѣйствовать на сіе установленіе?

По разнообразію ихъ, пространству и многосложности ихъ предметовъ нельзя предполагать, чтобы лицо державное, само собою и непосредственно на нихъ дѣйствуя, могло сохранить съ точностію ихъ предѣлы и во всѣхъ случаяхъ сообразить всѣ различныя ихъ отношенія. Посему надлежитъ быть особенному мѣсту, гдѣ бы начальныя ихъ правила и дѣйствія были единообразно соображаемы.

Отсюда происходитъ необходимость четвертаго установленія, въ коемъ бы три предыдущія во всѣхъ ихъ отношеніяхъ къ державной власти сливались во едино и въ семъ единствѣ восходили бы къ верховному ея утвержденію.

Посему четвертое отдѣленіе будетъ имѣть слѣдующій видъ:

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Законы органическіе.

I. Устройство порядка законодательнаго.

Сюда принадлежитъ устройство первоначальныхъ, среднихъ и высшаго законодательнаго сословія, образъ ихъ дѣйствія, ихъ образы и проч.

II. Устройство порядка суднаго.

Сюда принадлежит устройство верховнаго суда и постепенно-стей, отъ него зависящихъ.

III. Устройство управления, или исполненія.

Сюда принадлежит устройство министерствъ и назначеніе мѣстъ, отъ нихъ зависящихъ.

IV. Устройство сословія, въ коемъ всѣ сіи распорядки должны соединиться и чрезъ которое власть державная будетъ на нихъ дѣйствовать и принимать ихъ дѣйствіе.

Въ семъ состоятъ всѣ главные предметы, существенно входящіе въ составъ коренныхъ государственнхъ законовъ.

Сравнивая сіе распредѣленіе со всѣми извѣстными конституціями, нельзя не примѣтить, что всѣ его части столь естественно связаны между собою, что ни одной изъ нихъ нельзя исторгнуть изъ своего мѣста, не разрушивъ цѣлаго, и что всѣ онѣ держатся на одномъ началѣ.

Преимущество сіе весьма легко изъясняется. Конституціи во всѣхъ почти государствахъ устроены были въ разныя времена, отрывками, и по большей части среди жестокихъ политическихъ превращеній.

Россійская конституція одолжена будетъ бытіемъ своимъ не воспаленію страстей и крайности обстоятельствъ, но благодѣтельному вдохновенію верховной власти, которая, устроивъ политическое бытіе своего народа, можетъ и имѣеть всѣ способы дать ему самыя правильныя формы.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О разумѣ государственнаго уложенія.

Царства земныя имѣютъ свои эпохи величія и упадка, и въ каждой эпохѣ образъ правленія долженъ быть соразмѣренъ тому степеню гражданскаго образованія, на коемъ стоитъ государство. Каждый разъ, когда образъ правленія отстаетъ или предваряетъ сію степень, онъ испровергается съ большимъ или меньшимъ потрясеніемъ.

Симъ вообще изъясняются политическія превращенія, кои въ древнія времена и во дни наши прелагали и измѣняли порядокъ правленій.

Симъ изъясняются также и тѣ неудачи, коими нерѣдко были сопровождаемы самыя благотворныя усилія политическихъ пере-

мѣнѣ, когда образованіе гражданское не приуготовило еще къ нимъ разумъ ¹⁾.

Итакъ время есть первое начало и источникъ всѣхъ политическихъ обновленій ²⁾. Никакое правительство, съ духомъ времени не сообразное, противъ всемогущаго его дѣйствія устоять не можетъ.

Посему первый и главный вопросъ, который въ самомъ преддверіи всѣхъ политическихъ перемѣнъ разрѣшить должно, есть благовременность ихъ начинаній.

Исторія государственныхъ перемѣнъ и настоящее положеніе нашего отечества представляютъ къ разрѣшенію сего вопроса слѣдующія истины.

Три великія системы издревле раздѣляли политическій міръ: система республикъ, система феодальная и система деспотическая.

Первая подъ разными именованіями и формами имѣла то отличительное свойство, что власть державная умѣрлась въ ней закономъ, въ составѣ коего граждане болѣе или менѣе участвовали.

Вторая основана была на власти самодержавной, ограничиваемой не закономъ, но вещественнымъ или, такъ сказать, матеріальнымъ ея раздѣленіемъ.

Третья ни мѣры, ни границъ не допускала.

Примѣры первой системы мы видѣли въ республикахъ греческихъ и особенно въ римской.

Вторая система основалась на Сѣверѣ и оттуда распространилась по всей Европѣ.

Третья утвердила свое владычество на Востокѣ.

Всѣ политическія превращенія, въ Европѣ бывшія, представляютъ намъ непрерывную, такъ сказать, борьбу системы республикъ съ системою феодальною. По мѣрѣ какъ государства просвѣщались, первая приходила въ силу, а вторая въ изнеможеніе.

Одно важное обстоятельство на Западѣ Европы ускорило особенно ея перевѣсъ. Крестовые походы, устремивъ всѣ виды частныхъ владѣльцевъ на восточныя завоеванія, представили власти самодержавной случай и возможность исторгнуть удѣлы власти изъ прежняго ихъ обладанія и соединить ихъ въ одинъ составъ.

Установленіе регулярныхъ войскъ и первое образованіе порядка

---

¹⁾ Таковъ былъ общій разумъ всѣхъ почти политическихъ превращеній, коихъ цѣлью была перемѣна образа правленія. Примѣры перваго рода представляетъ древній Римъ, Англія и въ послѣднія времена Франція. Примѣры втораго рода можно видѣть въ тщетныхъ усиліяхъ Юсифа II, въ замыслахъ политическихъ системъ, бывшихъ въ Россіи во времена Императрицы Анны и особенно Императрицы Екатерины II.

²⁾ Le plus grand novateur est le temps. Bacon.

въ государственныхъ сборахъ довершили въ послѣдствіи сіе соединеніе.

Такимъ образомъ на развалинахъ первой феодальной системы образовалась вторая, которую можно назвать феодальнымъ самодержавіемъ; въ ней остались еще слѣды первыхъ установленій, но сила ихъ совершенно измѣнилась. Правленіе было еще самовластное, но не раздѣльное. Ни политической, ни гражданской свободы еще не было, но въ той и другой положены уже были основанія.

И на сихъ то основаніяхъ время, просвѣщеніе и промышленность предпріали воздвигнуть новый вещей порядокъ, и примѣтити должно, что, не взирая на все разнообразіе ихъ дѣйствія, первоначальная мысль, движущая ихъ, была одна и та же—достиженіе политической свободы.

Такимъ образомъ приуготовился третій переходъ отъ феодальнаго правленія къ республиканскому, основался третій періодъ политическаго состоянія государствъ.

Англія первая открыла сей новый кругъ вещей; за нею послѣдовали другія государства: Швейцарія, Голландія, Швеція, Венгрія, Соединенныя Американскія области и, наконецъ, Франція.

Во всѣхъ сихъ превращеніяхъ время и состояніе гражданскаго образованія были главнымъ дѣйствующимъ началомъ. Тщетно власть державная силилась удержать его напряженіе; сопротивленіе ея воспалило только страсти, произвело волненія, но не остановило перелома. Сколько бѣдствій, сколько крови можно бы было сберечь, если бы правители державъ, точнѣе наблюдая движеніе общественнаго духа, сообразовались ему въ началахъ политическихъ системъ и не народъ приспособляли къ правленію, но правленіе къ состоянію народа ¹⁾.

Тотъ же самый рядъ происшествій представляетъ намъ исторія нашего отечества.

Удѣльныя владѣнія князей образуютъ у насъ первую эпоху феодальнаго правленія и, что весьма замѣчательно, переходъ отъ сей первой эпохи во вторую, то есть къ самодержавію, точно подобныя имѣлъ причины. Въмѣсто крестовыхъ походовъ были у насъ походы татарскіе, и хоти предметъ ихъ былъ не одинаковъ, но послѣдствія равныя. Ослабленіе удѣльныхъ князей и побѣды царя

---

¹⁾ Какое, впрочемъ, противорѣчіе: желать наукъ, коммерціи и промышленности и не допускать самыхъ естественныхъ ихъ послѣдствій; желать, чтобы разумъ былъ свободенъ, а воля въ дѣлахъ; чтобы страсти двигались и перемѣнились, а предметы ихъ, желанія свободы, оставались бы въ одномъ положеніи; чтобы народъ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащенія—свободою. Нѣтъ въ исторіи примѣра, чтобы народъ просвѣщенный и коммерческій могъ долго въ рабствѣ оставаться.

Ивана Васильевича, дѣйствуя соединенно съ духомъ сего сильнаго государя, испровергли удѣльный образъ правленія и утвердили самодержавіе.

Съ того времени до дней нашихъ напряженіе общественнаго разума къ свободѣ политической всегда болѣе или менѣе было примѣтно; оно обнаруживалось разными явленіями. Слѣдующія можно особенно здѣсь замѣтить.

Еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ почувствована была необходимость ограничить самодержавіе, и если по разуму того вѣка нельзя было основать для сего прочнаго установленія, по крайней мѣрѣ вѣшнія формы правленія представляли первоначальное тому очертаніе. Во всѣхъ важныхъ мѣрахъ признаваемо было необходимымъ призывать на совѣтъ просвѣщеннѣйшую по тогдашнему времени часть народа, бояръ, и освящать мѣры сіи согласіемъ патріарха; примѣтитъ здѣсь должно, что совѣты сіи не были дѣломъ кабинета, но установленіемъ публичнымъ и въ самыхъ актахъ означаемымъ ¹⁾).

Петръ Великій во вѣшнихъ формахъ правленія ничего рѣшительнаго не установилъ въ пользу политической свободы; но онъ отверзъ ей двери тѣмъ самымъ, что открылъ входъ наукамъ и торговлѣ. Безъ точнаго намѣренія дать своему государству политическое бытіе, но по одному, такъ сказать, инстинкту просвѣщенія онъ все къ тому приуготовилъ ²⁾).

Вскорѣ начала, имъ положенныя, столько усилились, что при востшествіи Императрицы Анны на престолъ сенатъ могъ и дерзнулъ пожелать политическаго существованія и поставилъ себя между народомъ и престоломъ.

Здѣсь можно видѣть первое доказательство, сколь усилія сіи были преждевременны и сколь тщетно предварятъ обыкновенный токъ вещей; одно дворское, такъ сказать, движеніе испровергло всѣ сіи замыслы.

Вѣкъ Императрицы Елисаветы тщетно протекъ для славы государства и для политической его свободы. Между тѣмъ однакоже сѣмана свободы, въ промышленности и торговлѣ сокровенныя, возростали безирепатственно.

Настало царствованіе Екатерины II-й. Все то, что въ другихъ

---

¹⁾ Съ благословеніемъ патріаршимъ государь повелѣлъ и бояре приговорили. Такъ надписываются важнѣйшіе акты того времени.

²⁾ По разуму того времени не было еще точнаго понятія о политической свободѣ. Сіе доказывается учрежденіемъ Петра Великаго (1714 года) о правѣ первородства. Сіе установленіе, совершенно феодальное, могло бы склонить Россію на нѣсколько вѣковъ отъ настоящаго ея пути.

государствахъ введено было для образованія генеральныхъ штатовъ; все то, что въ политическихъ писателяхъ того времени предполагалось наилучшаго для успѣховъ свободы; наконецъ, почти все то, что послѣ, двадцать пять лѣтъ спустя, было сдѣлано во Франціи для открытія послѣдней революціи, все почти было ею допущено при образованіи Коммисіи Законовъ. Созваны депутаты отъ всѣхъ состояній, и созваны въ самыхъ строгихъ формахъ народнаго законодательнаго представленія, данъ наказъ, въ коемъ содержалось сокращеніе лучшихъ политическихъ истинъ того времени, употреблены были великія пожертвованія и издержки, дабы облечь сословіе сіе всѣми видами свободы и величія, словомъ, все было устроено, чтобы дать ему, и въ лицѣ его Россіи, бытіе политическое, — но все сіе столь было тщетно, столь незрѣло и столь преждевременно, что одно величіе предпріятій и блескъ дѣяній послѣдующихъ едва могли только сохранить сіе установленіе отъ всеобщаго почти осужденія. Не только толпа сихъ законодателей не понимала ни цѣли, ни мѣры своего предназначенія, но едва ли было между ими одно лицо, одинъ разумъ, который бы могъ стать на высотѣ сего званія и обзрѣть все его пространство.

Такимъ образомъ громада сія, усиленъ одного духа, безъ содѣйствія времени составленная, отъ собственной своей тяжести пала, оставивъ по себѣ одну долготѣнную и горестную укоризну всѣмъ подобнымъ сему предпріятіямъ.

Съ сего времени мысли сей государыни, какъ можно заключать изъ всѣхъ ея установленій, совершенно измѣнились. Неудачный сей опытъ охладилъ и, такъ сказать, привелъ въ робость всѣ ея помысленія о внутреннихъ политическихъ преобразованіяхъ. Среди войны и непрестанныхъ няѣшнихъ развлеченій она ограничивалась одними первоначальными чертами управленія; а въ государственныхъ законахъ грамоты дворянству и городамъ остались какъ опыты великаго зданія.

При покойномъ Государѣ Императорѣ изданы: важный въ государственныхъ постановленіяхъ актъ послѣдія престола, фамиліное учрежденіе и сверхъ того постановленіе о раздѣлѣ поселянскихъ работъ съ ограниченіемъ ихъ тремя днями, постановленіе весьма примѣчательное, потому что оно со времени укрѣпленія крестьянъ помѣщикамъ есть въ семь родѣ первое.

Въ настоящемъ царствованіи изъ разныхъ установленій слѣдующія должно отнести къ государственнымъ:

- 1) Открытіе всѣмъ свободнымъ состояніямъ права собственности на землю;
- 2) Учрежденіе состоянія свободныхъ земледѣльцевъ;

3) Устройство министерствъ съ отвѣтственностью;

4) Лифляндское положеніе, яко примѣръ и опытъ ограниченія повинностей крестьянскихъ.

Къ симъ главнымъ учрежденіямъ должно присоединить нѣкоторыя правила, не менѣе дѣйствительныя, хотя и не составляютъ они особенныхъ актовъ. Таковы суть:

Правила, принятыя къ умѣренію налоговъ по частнымъ жалобамъ;

Правила, принятыя о неотдачѣ казенныхъ людей въ крѣпость.

Въ семъ состоятъ всѣ покушенія, какія правительство само собою доселѣ дѣлало къ политическому государству освобожденію.

Два послѣдствія изъ нихъ извлечь можно:

1) Что начинанія, при Императрицѣ Аннѣ и Екатеринѣ II-й сдѣланныя, очевидно были преждевременны и потому никакого не имѣли успѣха;

2) Что, въ общемъ движеніи человѣческаго разума, государство наше стоитъ нынѣ во второй эпохѣ феодальной системы, то есть въ эпохѣ самодержавія, и, безъ сомнѣнія, имѣетъ прямое направленіе къ свободѣ ¹⁾.

Но на семъ обширномъ поприщѣ какимъ образомъ опредѣлить истинную точку разстоянія и какими признаками можно въ ней удостовѣриться?

Удостовереніе сіе весьма важно и оно одно можетъ разрѣшить вопросъ, выше предложенный о времени политическихъ преобразованій.

Слѣдующіе признаки кажутся достовѣрны:

1. *Перемѣна въ предметахъ народнаго уваженія.* Не разумомъ, но силою воображенія дѣйствуетъ и владычествуетъ ими правительство на страсти народныя. Для сего установлены между прочимъ чины и почести. Доколѣ сила воображенія поддерживаетъ ихъ въ надлежащей высотѣ, дотолѣ они сопровождаются уваженіемъ. Но какъ скоро по стеченію обстоятельствъ сила сія ихъ оставитъ, такъ скоро и уваженіе исчезаетъ. Чины и почести въ семъ положеніи

---

¹⁾ Направленіе сіе у насъ дѣйствительно прямѣе, нежели было оно въ другихъ государствахъ. Причины сему суть слѣдующія:

1) Въ самомъ началѣ испровергнуто у насъ, важное на семъ пути, затрудненіе, право первородства; установленіе сіе во всѣхъ прочихъ государствахъ, тотъ же путь совершившихъ, было великимъ камнемъ преткванія.

2) Опытъ превращеній, вокругъ насъ бывшихъ, имѣли, безъ сомнѣнія, сильное вліяніе на мысли большей части людей, ими занимающихся.

3) Въ общемъ счетѣ времени успѣхи въ Россіи идутъ несравненно быстрѣе, нежели шли они въ тѣ же эпохи въ другихъ государствахъ.

могутъ быть еще лестны, но въ одномъ только томъ отношеніи, что они служатъ знаками довѣрія или милости; внутренняя же ихъ очаровательная сила, впечатлѣніе на народъ, мало по малу изглаждается и пропадаетъ.

Не должно думать, чтобы явленіе сіе зависѣло у насъ отъ одного образа мыслей государя или отъ стеченія случайныхъ обстоятельствъ: оно точно таково было и во всѣхъ другихъ государствахъ въ той эпохѣ, когда феодальная система приближалась къ своему паденію ¹⁾. Основаніе сему очевидно: когда разумъ начинаетъ распознавать цѣну свободы, онъ отмечаетъ съ небреженіемъ всѣ дѣтскія, такъ сказать, игрушки, конми забавлялся онъ въ своемъ младенчествѣ ²⁾.

II. *Ослабленіе власти.* Различать должно два рода власти: одну физическую, другую моральную.

Если физическая власть осталась въ прежнемъ положеніи, то моральная, безъ сомнѣнія, весьма ослабѣла. Какая мѣра правительства не подвержена нынѣ осужденію? Какое благотворное движеніе не искажено и не перетолковано?—Духъ партій и злонамѣренность, безъ сомнѣнія, имѣютъ въ сѣбѣ участіе; но духъ партій не имѣлъ бы столько силы, если бы общій разумъ не расположенъ былъ къ его впечатлѣніямъ. Съ горестію, но съ достовѣрностію можно сказать, что въ настоящемъ положеніи всѣ мѣры правительства, требующія не физическаго, но моральнаго повиновенія, не могутъ имѣть дѣйствія. Тщетно ищутъ изъяснить сіе изъ личныхъ свойствъ министровъ. Сравнивая одни пороки съ другими, перевѣсь, безъ сомнѣнія, будетъ на временахъ протекшихъ. Одна есть истинная сему причина: образъ мыслей настоящаго времени въ совершенной противоположности съ образомъ правленія.

III. *Невозможность частныхъ исправленій.* Всѣ жалуются на запутанность и смѣшеніе гражданскихъ нашихъ законовъ. Но какимъ образомъ можно исправить и установить ихъ безъ твердыхъ законовъ государственныхъ? Къ чему законы, распредѣляющіе собственность между частными людьми, когда собственность сія ни въ какомъ предположеніи не имѣетъ твердаго основанія? Къ чему гражданскіе законы, когда скривляли ихъ каждый день могутъ быть разбиты о

---

¹⁾ Передъ революціей французскіе вельможи сами смѣялись и надъ чинами, и надъ лентами. Въ настоящемъ смыслѣ, или тонѣ того времени было казаться простымъ гражданиномъ.

²⁾ Въ нѣкоторыхъ классахъ чины у насъ еще уважаются, но не по внутреннему ихъ свойству, а единственно по праву владѣнія крестьянъ, съ ними сопряженному, или въ видѣ достиженія важныхъ государственныхъ должностей.

первый камень самовластиа?—Жалуются на запутанность финансовъ. Но какъ устроить финансы тамъ, гдѣ нѣтъ общаго довѣрія, гдѣ нѣтъ публичнаго установленія, порядокъ ихъ охраняющаго? ¹⁾—Жалуются на медленность успѣховъ просвѣщенія и разныхъ частей промышленности. Но гдѣ начало, ихъ животворящее? Къ чему послужить народу просвѣщеніе? Къ тому только, чтобы асиѣ обозрѣлъ онъ всю горестъ своего положенія.

IV. Наконецъ сіе всеобщее неудовольствіе, сія преклонность къ горестнымъ изъясненіямъ всего настоящаго есть не что другое какъ общее выраженіе пресыщенія и скуки отъ настоящаго вещей порядка. Войны и политическія происшествія, безъ сомнѣнія, занимаютъ тутъ свое мѣсто. Но были тягости, были войны, и духъ народный не былъ однакоже подавленъ ими до такой степени, какъ нынѣ. Неужели дорогизнѣ сахару и кофе можно въ самомъ дѣлѣ приписать начало сихъ неудовольствій? Уменьшилась ли отъ нихъ роскошь? Обѣднѣлъ ли въ самомъ дѣлѣ народъ? Гдѣ тѣ жестокія несчастія, кои его на самомъ дѣлѣ постигли? Всѣ вещи остались въ прежнемъ почти положеніи, а между тѣмъ духъ народный страждетъ въ безпокойствіи. Какъ можно изъяснить сіе безпокойствіе иначе, какъ совершеннымъ измѣненіемъ мыслей, глухимъ, но сильнымъ желаніемъ другаго вещей порядка.

Таковы суть главные признаки, по коимъ можно опредѣлить мѣсто, которое Россія нынѣ занимаетъ на дѣйствицѣ гражданскаго образованія. По симъ признакамъ можно, кажется, съ достовѣрностью заключить, что настоящая система правленія несвойственна уже болѣе состоянію общественнаго духа и что настало время перемѣнить ее и основать новый вещей порядокъ ²⁾.

Но, приступая къ сей важной перемѣнѣ, должно со всею зрѣlostію размыслить и опредѣлить разумъ сего преобразованія, какъ вообще, такъ и особенно въ частяхъ его.

---

¹⁾ Въ настоящемъ положеніи нельзя даже съ успѣхомъ положить какой-нибудь налогъ, къ исправленію финансовъ необходимо нужной, ибо всякая тягость народная приписуется единственно самовластию. Одно лицо государя отвѣтствуетъ народу за всѣ постановленія, совѣтъ же и министры всегда, во всякой мѣрѣ тягостной, могутъ отречься отъ участія тамъ, гдѣ нѣтъ публичныхъ установленій.

²⁾ Всѣ исправленія частныя, всѣ, такъ сказать, пристройки къ настоящей системѣ были бы весьма непрочны. Пусть составляютъ какое угодно министерство, распорядятъ иначе части, усилятъ и просвѣтятъ полицейскія и финансовыя установленія, пусть издадутъ даже гражданскіе законы: всѣ сія введенія, бывъ основаны единственно на личныхъ качествахъ исполнителей, ни силы, ни твердости имѣть не могутъ.

I. О общемъ разумѣ преобразования.

Общій предметъ преобразования состоитъ въ томъ, чтобъ правленіе, доселѣ самодержавное, постановить и учредить на непремѣняемомъ законѣ.

Нельзя основать правленіе на законѣ, если одна державная власть будетъ и составлять законъ, и исполнять его.

Отсюда необходимость установлений, дѣйствующихъ въ составленіи закона и его исполненіи.

Изъ троякаго порядка государственныхъ силъ возникаетъ троякій порядокъ сихъ установлений. Одно изъ нихъ должно дѣйствовать въ образованіи закона, другое въ исполненіи, третіе въ частн судной. Разумъ всѣхъ сихъ установлений можетъ быть различенъ.

Первое и главное различіе происходитъ отъ самой силы установлений и вышнихъ ихъ формъ.

Два различныхъ устройства съ перваго возрѣнія здѣсь представляются.

Первое состоитъ въ томъ, чтобы облечь правленіе самодержавное всѣми, такъ сказать, вышними формами закона, оставивъ въ существѣ его ту же силу и то же пространство самодержавія.

Второе устройство состоитъ въ томъ, чтобы не вышними только формами покрыть самодержавіе, но ограничить его внутреннею и существенною силою установлений и учредить державную власть на законѣ не словами, но самымъ дѣломъ.

Въ самомъ преддверіи преобразования должно рѣшительно избрать одно изъ сихъ двухъ устройствъ. Избраніе сіе опредѣляетъ истинный его разумъ.

Если будетъ избрано первое устройство, тогда всѣ установленія такъ должны быть соображены, чтобъ они въ мнѣніи народномъ казались дѣйствующими, но никогда не дѣйствовали бы на самомъ дѣлѣ.

Главныя черты сего устройства состоятъ могутъ въ слѣдующемъ:

1) Установить сословіе, которое бы представляло силу законодательную свободную, но на самомъ дѣлѣ было бы подъ вліяніемъ и въ совершенной зависимости отъ власти самодержавной.

2) Силу исполнительную такъ учредить, чтобъ она по выраженію закона состояла въ отвѣтственности, но по разуму его была бы совершенно независима.

3) Власти судной дать всѣ преимущества видимой свободы, но

связать ее на самомъ дѣлѣ такими учрежденіями, чтобы она въ существѣ своемъ всегда состояла во власти самодержавной ¹⁾).

Если, напротивъ, предпочтено будетъ второе устройство, тогда всѣ сіи установленія расположены быть должны на слѣдующихъ правилахъ:

1) Законодательное сословіе должно быть такъ устроено, чтобы оно не могло совершать своихъ положеній безъ державной власти, но чтобы мнѣнія его были свободны и выражали бы собою мнѣніе народное.

2) Сословіе судебное должно быть такъ образовано, чтобы въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора, и одинъ только надзоръ формъ судебныхъ и охраненіе общей безопасности принадлежало правительству.

3) Власть исполнительная должна быть вся исключительно ввѣрена правительству; но поелику власть сія распоряженіями своими подъ видомъ исполненія законовъ не только могла бы обезобразить ихъ, но и совсѣмъ уничтожить, то и должно поставить ее въ отвѣтственности власти законодательной.

Таковъ есть общій разумъ двухъ системъ, коимъ можно слѣдовать въ составленіи коренныхъ законовъ.

Сравнивая сіи двѣ системы между собою, нѣтъ сомнѣнія, что первая изъ нихъ имѣетъ только видъ закона, а другая самое существо его; первая подъ предлогомъ единства державной власти вводитъ совершенное самовластіе, а другая ищетъ въ самомъ дѣлѣ ограничить его и умѣрить. Первая издадека готовитъ сама себѣ прекращеніе, а другая, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можетъ утвердиться, долгое время безъ важныхъ перемиѣнъ постепенно слѣдовать за гражданскимъ усовершеніемъ; первая можетъ быть оправдана въ народѣ своевольномъ, непостоянномъ, преклонномъ ко всѣмъ новымъ умствованіямъ и особливо тогда, какъ народъ сей выходитъ изъ анархіи съ превратными привычками; но вторая одна можетъ быть свойственна народу, который имѣетъ болѣе добраго смысла, нежели пытливости, болѣе простаго и твердаго разума, нежели воображенія, коего характеръ трудно обольстить, но легко убѣдить простою истинною, словомъ, она можетъ быть болѣе свойственна такому народу, коего нѣтъ нужды прельщать и обманывать по добронравію его и нѣкоторой лѣности, всѣмъ народамъ сѣвернымъ природной.

Опредѣливъ симъ образомъ общій разумъ коренныхъ законовъ, свойственныхъ настоящему положенію Россіи, нужно приложить его къ разнымъ частямъ, государственное уложеніе составляющимъ.

¹⁾ На сихъ трехъ главныхъ правилахъ основано настоящее политическое устройство Франціи.

II. О разумѣ законовъ въ державной власти.

Въ разумѣ законовъ, державную власть опредѣляющихъ, должно изобразить, какое дѣйствіе власть сія должна имѣть въ порядкѣ законодательномъ, въ судебномъ и исполнительномъ.

1) О дѣйствіи державной власти въ порядкѣ законодательномъ.

Порядокъ законодательный слагается изъ трехъ началъ: изъ предложенія закона, уваженія его и утвержденія.

Предположивъ по общему разуму коренныхъ законовъ бытіе законодательнаго сословія, въ дѣйствіи верховной власти должно опредѣлить, какія изъ сихъ трехъ началъ принадлежать ей исключительно.

Политическія системы другихъ народовъ опредѣляютъ сіе разнообразно.

Въ однихъ, какъ то въ Англіи, предложеніе закона принадлежитъ какъ законодательному сословію, такъ и власти державной.

Въ другихъ, какъ то во Франціи, предложеніе закона принадлежитъ одной власти державной исключительно.

Уваженіе закона во всѣхъ системахъ принадлежитъ законодательному сословію, и правительство участвуетъ въ немъ единственно голосами своихъ министровъ или изъясненіями ораторовъ.

Утвержденіе закона вездѣ принадлежитъ власти державной, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что въ Англіи и во Франціи не можетъ она утвердить закона, большинствомъ голосовъ не уваженнаго, а въ Англіи сверхъ того можетъ не утвердить закона, хотя бы онъ и всѣми былъ уваженъ.

Изъ сихъ различныхъ постановленій какое можетъ быть наиболѣе свойственно Россіи?

а) Въ предложеніи закона.

Нѣтъ, кажется, сомнѣній, что предложеніе закона должно представить исключительно правительству. Пространство Имперіи, разнообразіе населенія и степень нашего просвѣщенія требуютъ, чтобы правительство имѣло всю возможную силу дѣйствовать во благо, и сила сія въ одномъ только злоупотребленіи ея должна быть умѣряема.

Если источникъ закона поставить въ нѣкоторыхъ случаяхъ внѣ предѣловъ державной власти, тогда можетъ произойти безмѣрное въ видахъ разнообразіе и несвязность; тогда часто въ законодательномъ сословіи будетъ теряться время въ предложеніяхъ невинныхъ или неблаговременныхъ; тогда для самаго порядка сихъ предложеній должно будетъ учредить въ законодательномъ сословіи множество формъ и образовъ, коихъ охраненіе можетъ, особенно у насъ, произвести великую сложность и затрудненіе; тогда правительство можетъ быть поставлено въ непріятное положеніе отвергать или не давать своего утвержденія на такіе предметы, кои будутъ законодательнымъ сословіемъ приняты ¹⁾.

По симъ причинамъ нѣтъ, кажется, сомнѣнія предложеніе закона исключительно присвоить державной власти. Бывъ окружена во всѣхъ своихъ важныхъ дѣяніяхъ государственнымъ совѣтомъ, коего бытіе устанавливается не произволомъ ея, но кореннымъ государственнымъ закономъ, нѣтъ сомнѣнія, что власть державная всегда будетъ болѣе имѣть способовъ предлагать законы съ зрѣлостію, нежели каждый членъ законодательнаго сословія. И впрочемъ, какая польза для нея отлагать предложеніе закона полезнаго, или предлагать законъ вредный? Первымъ она стѣснить только себя въ собственныхъ своихъ дѣяніяхъ, а второй будетъ отвергнуть въ законодательномъ сословіи.

Есть однакоже исключеніе, которое необходимо должно допустить въ семь правилъ.

1) Когда какою-нибудь мѣрою правительства явное дѣлано будетъ нарушеніе коренному государственному закону, какъ то личной или политической свободѣ ²⁾.

2) Когда правительство въ установленное время не представитъ узаконенныхъ отчетовъ.

Въ сихъ только двухъ случаяхъ законодательное сословіе можетъ собственнымъ своимъ движеніемъ, предваривъ однакоже правительство, предложить дѣло на уваженіе и возбудить узаконеннымъ порядкомъ слѣдствіе противъ того министра, который подписалъ сію мѣру, и просить виѣстѣ съ тѣмъ ея отмѣны.

---

¹⁾ Известно, что въ англійской конституціи искали избѣжать сей несообразности введеніемъ отказа, сокрытаго подъ предлогомъ: *le roi s'aviseга*. Уклоненіе не совмѣстное ни съ достоинствомъ, ни съ правотою державной власти.

²⁾ Во Франціи—право сіе дано сенату; въ Англій—нижнему парламенту. Сверхъ сего, во Франціи на словахъ существуютъ при законодательномъ корпусѣ, виѣсто трибунала, двѣ комиссіи: одна для охраненія личной свободы, другая для свободы книгопечатанія.

б) Въ уваженіи закона.

Хотя уваженіе закона собственно принадлежит законодательному сословію, нельзя однакоже исключить изъ онаго министровъ. Если подтвержены они отвѣтственности въ мѣрахъ, ими приемлемыхъ, то самая справедливость требуетъ имъ дозволить лично объяснять и поддерживать предложенія правительства ¹⁾.

2) *О дѣйствии державной власти въ порядкѣ исполнительномъ.*

Существо части исполнительной требуетъ по всей необходимости единства. Истина сія всѣми единогласно признана. Въ самыхъ республикахъ исполненіе болшею частью всегда ввѣряемо было одному лицу.

Посему нѣтъ сомнѣнія, что въ Россіи вся исполнительная часть должна принадлежать власти державной.

Но выше было замѣчено, что образъ исполненія можетъ столько отступать отъ разума закона, что, если часть сія оставлена будетъ безъ всякой связи съ порядкомъ законодательнымъ, она можетъ самымъ законъ содѣлать игролищемъ прихоти и произвола. Отсюда происходитъ необходимость отвѣтственности, коей формы могутъ быть различны, но существо одинаково.

Существо отвѣтственности состоитъ въ слѣдующихъ предположеніяхъ:

1) Предполагается, что власть державная, предлагающая и утверждающая законъ, никогда не можетъ дѣйствовать сама собою противъ его разума.

2) Предполагается также, что совѣтъ, яко сословіе, содѣйствовавшее предложенію и утвержденію закона, не можетъ поступить противъ его разума. А посему

3) Всякая мѣра, приемлемая въ нарушение закона, вѣняется не державной власти и не совѣту ея, но подчиненнымъ ей исполнителямъ или министрамъ, кои посему лично, каждый по своей части, подвергаются за нихъ отвѣту, и сіе обязательство приемлютъ они на себя самымъ подписаніемъ актовъ. Отсюда происходитъ

---

¹⁾ Въ Англіи министры имѣютъ мѣсто и голосъ въ нижнемъ парламентѣ. Во Франціи хотя и не имѣютъ они мѣста въ сословіи законодательномъ, но имѣютъ оное въ сенатѣ, а по устройству сего государства сенатъ есть первое политическое сословіе и самыя важнѣйшія постановленія, въ немъ совершаются.

4) Что подписаніе актовъ всегда предполагается совершенно свободнымъ.

Вышнія формы сей отвѣтственности должны быть самыя простѣйшія и онѣ будутъ, безъ сомнѣнія, таковыми, когда постановится правиломъ, чтобы члены законодательнаго сословія имѣли право предъявлять обвиненіе ихъ противъ министровъ, и когда предъявленіе ихъ большинствомъ голосовъ за благо будетъ признано, тогда приступали бы къ предметамъ самаго обвиненія. Когда обвиненіе большинствомъ голосовъ признано будетъ основательнымъ и вѣстѣ съ тѣмъ утверждено будетъ державною властію, тогда наряжается судъ или слѣдствіе.

Въ сихъ предѣлахъ отвѣтственности власть державная, дѣйствуя въ исполненіи закона, всегда будетъ освѣщаема мнѣніемъ народнымъ и слѣдовательно будетъ дѣйствовать съ достовѣрностію и безъ всякаго вниманія къ слухамъ постороннимъ.

3) *О дѣйствіи державной власти въ порядкѣ судномъ.*

Власть судная въ источникѣ своемъ не что другое есть, какъ власть исполнительная. Всякое дѣло, всякій споръ, предметъ суда составляющій, есть не что другое въ существѣ своемъ, какъ жалоба на нарушеніе закона. Власть судная удостоверяется въ семъ нарушеніи и возстановляетъ законъ въ его силу, то-есть приводитъ его въ исполненіе.

По сему понятію порядокъ судный, яко часть корпуса исполнительнаго, принадлежитъ по существу своему власти державной, и для сего-то вездѣ и у всѣхъ народовъ судъ ея являемъ производится ¹⁾.

Въ порядкѣ исполнительномъ предполагается отвѣтственность; по сему надлежало бы таковую же отвѣтственность допустить и въ порядкѣ судномъ.

Но какиимъ образомъ учредить сію отвѣтственность во множествѣ и разнообразіи частныхъ споровъ? Для сего надлежало бы допустить по каждому дѣлу жалобы частныхъ людей въ законодательное сословіе и по каждому дѣлу отвѣтственность и объясненіе министра юстиціи.

Очевидное неудобство сего предположенія заставило искать дру-

---

¹⁾ Въ древнемъ Римѣ судья былъ одинъ преторъ, окруженный юрисконсультами. Въ Англіи и во Франціи хотя судъ производится и посредствомъ избранныхъ лицъ, но всегда являемъ державной власти.

гихъ способовъ учредить судную отвѣтственность. Положено, чтобы судьи избираемы были самими тѣми лицами, для коихъ судъ устанавливается. Такимъ образомъ власть судная по существу своему осталась въ правахъ власти державной, но исполненіе ея ввѣрила она избранію тѣхъ самыхъ лицъ, кои могли бы на нее приносить жалобы. Сими учрежденіемъ сила отвѣтственности слагается уже съ власти исполнительной и переходитъ прямо на самихъ судей и первоначальныхъ ихъ ввѣрителей.

Но отвѣтственность въ судѣ можетъ быть двойная: въ существѣ дѣла и въ судныхъ образахъ.

Власть державная, ввѣривъ лицамъ избраннымъ судъ въ существѣ его, не могла однакожъ ввѣрить имъ охраненіе образовъ. Образы судные составляютъ часть публичнаго права; они по всей необходимости требуютъ единообразія. Они столько суду существенны, что часто переиѣна или нарушеніе ихъ измѣняетъ самое существо дѣла. Какимъ образомъ можно предположить, чтобы тысяча избранныхъ судей могла соблюсти ихъ единообразіе? Какое смѣшеніе могло бы произойти, если бы въ одной провинціи по одному и тому же дѣлу понимали формы судныя иначе, нежели въ другой?

Отсюда необходимость, чтобы охраненіе судебныхъ формъ основано было на томъ же правилѣ единства, на коемъ вообще часть исполнительная должна быть поставлена.

По сему понятію о порядкѣ судномъ, онъ слагается изъ двухъ установленій: первое изъ нихъ, относящееся къ существу дѣла, державная власть ввѣряетъ свободному выбору подданныхъ и, слагая вслѣдствіе того отвѣтственность сей части, передаетъ ее, такъ сказать, тому же началу, отъ коего истекаетъ и власть законодательная. Второе установленіе—надзоръ и охраненіе формъ судебныхъ—остается и съ отвѣтственноію, къ тому принадлежащую, исключительно въ порядкѣ исполнительномъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что дѣйствіе власти державной въ судѣ должно быть ограничено однимъ установленіемъ власти надзирающей в охраняющей судныя образы.

Опредѣливъ симъ образомъ права державной власти, государственное уложеніе приступаетъ къ опредѣленію перваго и главнаго ея дѣйствія—къ составленію закона.

III. О разумѣ государственнаго уложенія въ составленіи закона.

Составленіе закона имѣетъ три стихіи: предложеніе его, увлженіе и утвержденіе.

Выше были означены причины и ограничешя, по коимъ двѣ изъ сихъ стихій закона, предложеніе и утвержденіе, ввѣряются исключительно державной власти.

Уваженіе закона принадлежитъ законодательному сословію.

Въ органическихъ законахъ будетъ означенъ составъ и движеніе сего сословія.

Здѣсь нужно только опредѣлить съ точностію предметъ его; опредѣленіе сіе весьма существенно: отъ него зависитъ сила самаго установленія.

Если понятіе закона распространить на всѣ постановленія безъ изъятія, тогда все содѣлается предметомъ законодательнаго сословія, дѣла придутъ въ совершенное смѣшеніе, и единство исполненія исчезнетъ.

Если, напротивъ, понятіе закона такъ стѣснить, чтобъ оно относилось только къ однимъ самымъ общимъ положеніямъ, тогда власть исполнительная не будетъ имѣть своихъ предѣловъ, и подъ видомъ исполненія самый законъ разорится ¹⁾.

Нужно найти въ семъ истинную средину, опредѣлить характеръ, коимъ законъ отличается отъ мѣръ исполненія и разныхъ учрежденій.

Всѣ постановленія, коими государство управляется, составляютъ неразрывную связь послѣдствій, изъ одного начала истекающихъ. Начало сіе весьма просто: не дѣлай другому того, чего не желаешь себѣ ²⁾.

---

¹⁾ По личнымъ припискамъ державной власти, во Франціи смѣшеніе понятія о законѣ, допущенное въ конституціи, есть главною причиною ея нестройности и должно содѣлаться со временемъ причиною ея перемѣны. Въ конституціи сей допущено три рода законовъ: 1) *La loi*—составляется въ законодательномъ сословіи; 2) *Sénatus-consulte organique*—образуется въ сенатѣ и подъ видомъ дополненія можетъ даже перемѣнить конституцію; 3) *Sénatus-consulte*—можетъ остановить дѣйствіе закона. Такимъ образомъ, во Франціи установлено два законодательныхъ сословія; одно изъ нихъ избирается народомъ, другое совершенно почти зависитъ отъ правительства. Державная власть почти по произволу можетъ избирать тотъ изъ сихъ двухъ путей, который для видовъ ея можетъ быть удобнѣе и послушнѣе; а какъ сенатъ болѣе отъ нея зависитъ, то и предпочитаетъ она, обыкновенно, чрезъ его посредство проводить всѣ свои постановленія. Сословіе законодательное есть почти пустой образъ.

²⁾ Безчисленныя послѣдствія, изъ сего начала возникающія, всѣ имѣютъ одно общее свойство, въ томъ состоящее, что всѣ они ограничиваютъ отдѣльную и естественную свободу человѣка и приводятъ ее въ совмѣстность со свободой другихъ и, слѣдовательно, всѣ они могутъ быть признаваемы закономъ. Законъ положительный не что другое есть, какъ ограниченіе естественной свободы человѣка.

Но не всё сіи послѣдствія равно существенны для политической и гражданской свободы.

Въ отношеніи къ свободѣ они могутъ быть раздѣлены на два главные класса:

Въ первомъ должно положить тѣ постановленія, кои вводятся какая-либо переменна въ отношеніяхъ силъ государственныхъ или въ отношеніяхъ частныхъ людей между собою.

Во второмъ тѣ, кои, не вводя никакой существенной перемены, учреждаютъ только образъ исполненія первыхъ.

Первымъ принадлежитъ въ точномъ смыслѣ толкованіе *закона*, вторымъ *уставовъ* и *учрежденій*.

Первыя должны составлять предметъ законодательнаго сословія, вторыя же относятся къ дѣйствию власти исполнительной.

Здѣсь представляется одно существенное примѣчаніе. Хотя уставы и учрежденія не переменяютъ законовъ, тѣмъ не менѣе, опредѣляя образъ ихъ исполненія, они могутъ столько ихъ обезсилить, что самое существо ихъ останется ничтожнымъ, хотя и сохранятся всё внѣшнія ихъ формы.

Сіе то уваженіе было началомъ установленія отвѣтственности.

Понеже законъ не могъ всего объять и учредить, и учрежденія и уставы, бывъ оставлены одной власти исполнительной, могли самый законъ испровергнуть, то и принято правиломъ, чтобы законъ былъ исключительно предметомъ законодательнаго сословія, но учрежденія и уставы стояли бы подъ его же отвѣтственностію.

Такимъ образомъ дѣйствіе законодательнаго сословія раздѣлилось на двѣ части: одно прямое—составленіе закона; другое косвенное—взысканіе отвѣта во всѣхъ уставахъ и учрежденіяхъ.

Прямое дѣйствіе законодательнаго сословія не можетъ быть уничтожено безъ уничтоженія самаго существа сословія; но косвенное всегда можетъ быть (обращено) въ прямое, если правительство того пожелаетъ, ибо симъ не уменьшается власть законодательнаго сословія, но возрастаетъ.

Изъ сего слѣдуетъ:

1) Что никакой законъ не можетъ имѣть силы, если не будетъ онъ составленъ въ законодательномъ сословіи.

2) Что, напротивъ, учрежденія и уставы состоятъ во власти правительства, но съ отвѣтственностію его въ томъ, что не нарушаютъ они закона.

3) Что отвѣтственность сію можетъ правительство сложить, внося уставы и учрежденія въ законодательное сословіе.

По сему понятію о законѣ и учрежденіяхъ, сила и именованіе закона присволяется слѣдующимъ постановленіямъ:

- 1) Уложенію государственному и законамъ органическимъ, къ нему принадлежащимъ;
- 2) Уложенію гражданскому;
- 3) Уложенію уголовному;
- 4) Уложенію коммерческому;
- 5) Уложенію сельскому;
- 6) Всѣмъ общинамъ дополненіямъ и изясненіямъ предметовъ, въ уложенія сіи входящихъ.

Сверхъ сего вносятся въ законодательное сословіе и подчиняются порядку закона слѣдующіе уставы и учрежденія:

- 7) Уставъ судебный;
- 8) Всѣ уставы, опредѣляющіе положеніе каковой-либо части въ связи ея съ другими;
- 9) Общія судебныя и правительственныя учрежденія, какъ то учрежденія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ;
- 10) Всѣ постановленія о налогахъ и общихъ народныхъ повинностяхъ, какъ временныхъ, такъ и всегдашнихъ;
- 11) Продажа и залогъ государственныхъ имуществъ и исключительныхъ на нихъ привилегій;
- 12) Вознагражденіе частныхъ людей за имущества, для общей пользы необходимыя.

Исключая сихъ статей, всѣ прочіе уставы и учрежденія остаются на отвѣтственности правительства и въ его распоряженіи.

Сюда принадлежать:

- 1) Постановленія о мирѣ и войнѣ;
- 2) Всѣ великія мѣры, пріемлемыя правительствомъ къ спасенію отечества среди какихъ-либо бѣдствій;
- 3) Всѣ частныя инструкціи, учрежденія и распоряженія, удостоверяющія, изясняющія и дополняющія прежніе уставы и учрежденія и разрѣшающія частныя въ нихъ сомнѣнія и затрудненія.

Опредѣливъ симъ образомъ разумъ закона, уставовъ и учрежденій и окончивъ симъ дѣйствіе государственныхъ силъ въ ихъ соединеніи, государственное уложеніе приступаетъ къ означенію ихъ дѣйствія въ отдѣльномъ ихъ состояніи, къ начертанію правъ поданныхъ.

IV. О разумѣ законовъ въ правахъ поданныхъ.

Здѣсь представляются два важные вопроса къ разрѣшенію: 1) должно ли въ Россіи допускать раздѣленіе состояній; 2) въ чемъ должно состоять сіе раздѣленіе.

1. Причины раздѣленія состояній.

Выше было примѣчено, что Россія стоитъ нынѣ во второй эпохѣ феодальнаго состоянія, въ эпохѣ, когда власть самодержавная, соединивъ въ себѣ всѣ силы государственныя, обладаетъ свободою подданныхъ, какъ политическою, такъ и гражданскою.

Но обладаніе сіе имѣеть у насъ три степени:

Первый и самый высшій степенью обладанія падаетъ на ту часть народа, которая не имѣеть ни политической, ни гражданской свободы. Въ семъ положеніи находятся крестьяне помѣщичьи.

Второй степенью обладанія простирается на тѣхъ подданныхъ, кои имѣють гражданскую свободу, но не имѣють политической. Въ семъ положеніи находятся у насъ такъ называемыя лица свободнаго состоянія: купцы, мѣщане и государственные крестьяне.

Третьей степенью обладанія относится къ тѣмъ, кои хотя и не имѣють правъ политическихъ, но, имѣя право гражданское, сверхъ того раздѣляютъ съ державною властію право обладанія въ первой степени. Въ семъ положеніи находится дворянство.

Такимъ образомъ народъ російскій раздѣляется нынѣ на три класса.

Первый классъ, дворянство, представляетъ остатокъ тѣхъ древнихъ феодальныхъ установленій, въ коихъ державная власть, то есть соединеніе правъ политическихъ и гражданскихъ, раздѣлялась между извѣстными родами. Въ послѣдствіи времени политическія права отъ нихъ отторгнуты, но гражданскія остались неприкосновенны, и роды сіи наследственно дѣлятъ ихъ съ державною властію ¹⁾.

Второй классъ, купечество, мѣщанство и прочее, основался переходомъ и постепеннымъ освобожденіемъ изъ третьяго.

Третьй классъ, крѣпостные люди, въ началѣ имѣли нѣкоторый степень гражданскихъ правъ. Они могли имѣть собственность и право перехода съ однихъ земель на другія ²⁾. Но въ послѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ отъ удѣльныхъ владѣльцевъ права политическія переходили и присоединялись ко власти державной, права гражданскія сего послѣдняго класса, какъ бы въ вознагражденіе первыхъ,

---

¹⁾ Каждый дворянинъ, въ существѣ своего состоянія, представляетъ потомство тѣхъ родовъ, кои нѣкогда обладали частию народа самодержавно и зависѣли отъ великихъ князей болѣе словомъ, нежели дѣломъ.

²⁾ До царя Ивана Васильевича и даже по Уложенію царя Алексѣя Михайловича различались еще люди кабальные и холопы отъ крестьянъ.

переходили къ ихъ помѣщикамъ и, наконецъ, разными обстоятельствами, особенно же системою составленія военныхъ нашихъ силъ, бывъ укрѣплены къ землѣ, потеряли какъ личную, такъ и вещественную свободу.

Таково есть настоящее раздѣленіе состояній въ Россіи.

Два только могутъ быть источника всѣхъ раздѣленій: права гражданскія и политическія.

Первый источникъ. Права гражданскія, то-есть безопасность лица и имущества, суть первое и неотъемлемое достояніе всякаго человека, входящаго въ общество. Противно природѣ человека предполагать, чтобы кто-либо согласился жить въ такомъ обществѣ, гдѣ ни жизнь, ни имущество его ничѣмъ не обезпечены.

Рабы однакоже всегда и вездѣ существовали. Въ самыхъ республикахъ число ихъ почти равнялось числу гражданъ, а участь ихъ тамъ была еще горше, нежели въ монархіяхъ.

Не должно однако изъ сего заключать, чтобы рабство гражданское было необходимо. Конституція древнихъ республикъ и нравы вѣка были причиною сего установленія. Мы видимъ, напротивъ, государства обширныя и многонаселенныя, въ коихъ рабство сего рода мало по малу уничтожилось.

Нѣтъ никакого основанія предполагать, чтобы въ Россіи не могло оно уничтожиться, если приняты будутъ къ тому дѣйствительныя мѣры.

Но чтобы мѣры сіи были дѣйствительны, онѣ должны быть постепенны.

Гражданская свобода имѣетъ два главные вида: свобода личная и свобода вещественная.

Существо первой состоитъ въ слѣдующихъ двухъ положеніяхъ:

- 1) Безъ суда никто не можетъ быть наказанъ.
- 2) Никто не обязанъ отправлять личную службу иначе, какъ по закону, а не по произволу другаго ¹⁾.

Существо свободы втораго рода, то-есть вещественной, основано на слѣдующихъ положеніяхъ:

- 1) Всякій можетъ располагать своею собственностью по произволу, сообразно общему закону; безъ суда никто собственности лишень быть не можетъ.

- 2) Никто не обязанъ отправлять вещественной службы, ни

---

¹⁾ Первое изъ сихъ положеній даетъ крѣпостнымъ людямъ право суда и, отъемля его отъ помѣщиковъ, ставитъ ихъ наравнѣ со всѣми передъ закономъ. Второе предложеніе отъемлетъ право отдавать въ службу безъ очереди. На сихъ двухъ основаніяхъ утверждается личная свобода.

платить податей и повинностей иначе, какъ по закону или по условію, а не по произволу другаго.

Должно ли оба сія рода гражданской свободы предоставить всѣмъ вообще подданнымъ безъ всякаго ограниченія?

Два уваженія здѣсь представиться могутъ:

1) *Въ свободу личной.* Законъ, личную службу опредѣляющій, не можетъ быть для всѣхъ одинаковъ. Есть родъ службы, предполагающій особенный образъ воспитанія и науки, который не можетъ быть совмѣстимъ со всѣми родами промышленности. Такова есть служба высшихъ чиновъ въ порядкѣ судномъ, въ управленіи и въ войскахъ. Если допустить равенство во вступленіи въ службу и всѣхъ безъ различія подчинить одной очереди, тогда высшія званія наполнятся людьми, воспитаніемъ къ нимъ не приуготовленными, и одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ общественнаго образованія исчезнетъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что законъ, опредѣляющій службу, не можетъ быть безъ изъятія; онъ долженъ допустить сіе изъятіе въ пользу тѣхъ, кон наукою и воспитаніемъ будутъ приуготовляться къ высшимъ родамъ службы; но ни въ какомъ предположеніи нивого не долженъ онъ освобождать отъ службы.

Здѣсь открывается первое различіе, которое должно по необходимости допускать въ личномъ гражданскомъ правѣ; никто не долженъ быть его лишень, но не всѣ могутъ имѣть его въ равномъ степени.

2) *Въ свободу вещественной.* Основаніе свободы вещественной есть собственность. Законъ, опредѣляющій сію свободу, также долженъ имѣть свои степени. Право собственности движимой и недвижимой, но не населенной, должно принадлежать всѣмъ безъ различія; но собственность населенная предполагаетъ такія отношенія, къ коимъ не всѣ могутъ быть способны. Она предполагаетъ управленіе, и слѣдовательно знаніе законовъ правительства, коего нельзя достигнуть безъ особеннаго къ тому образованія. Странно бы было допустить, чтобы помѣщичій крестьянинъ, разбогатѣвъ по случаю, купилъ деревню, населенную другими подобными крестьянами, и управлялъ бы ею по закону, тогда какъ власть его, воспитаніемъ не приуготовленная, ни познанія закона, ни моральнаго къ себѣ уваженія прибрѣсть не можетъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что собственность недвижимыхъ имѣній населенныхъ не можетъ принадлежать всѣмъ безъ различія, и долженъ быть классъ людей, коему бы право сіе принадлежало исключительно.

Отсюда происходятъ слѣдующія общія заключенія:

I. Права гражданскія какъ личныя, такъ и вещественныя, раздѣляются на два рода: одни суть общія всѣмъ подданнымъ россійскимъ, другія особенныя нѣкоторымъ состоянїямъ.

а) Права гражданскія общія.

- 1) Никто безъ суда наказанъ быть не можетъ.
- 2) Никто не обязанъ отправлять личную службу по произволу другаго, но по закону, опредѣляющему родъ службы по состоянїямъ.
- 3) Всякій можетъ приобрѣтать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону; но приобрѣтеніе собственности недвижимой населенной принадлежитъ извѣстнымъ только состоянїямъ.
- 4) Никто не обязанъ отправлять вещественныхъ повинностей по произволу другаго, но по закону или добровольнымъ условїямъ.

в) Права гражданскія особенныя.

1) Быть изъятымъ отъ общей очередной службы, но не быть однакоже свободнымъ отъ особенной службы, которая на извѣстныхъ состоянїя особенно положена закономъ.

2) Имѣть право приобрѣтать недвижимую собственность населенную, но управлять ею не иначе, какъ по закону.

II. Изъ различія правъ гражданскихъ, общихъ и особенныхъ, возникаетъ различіе состоянїй, различіе, которое по самой необходимости допустить должно.

Въ древнихъ республикахъ различіе сіе не было допускаемо. Всякій гражданинъ могъ имѣть всякаго рода собственность, но сіе происходило отъ того, что собственность большею частію обрабатываема была рабами, кои сами считались вещью.

Во Франціи сіе различіе хотя сначала и не было допускаемо въ заковѣ, но впоследствии признано было нужнымъ допустить его. Для сего установлено право первородства, по коему собственность безъ продажи должна обращаться навсегда въ извѣстныхъ только родахъ.

Въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ сіе различіе также не допускается; но примѣтити должно, что тамъ земли обрабатываются большею частію наймомъ, и крестьяне не имѣютъ твердой осѣдности.

Въ Россіи распорядокъ сей былъ бы невозможенъ: 1) потому

что воинская наша система и пространство земель ненаселенных непремѣнно требуютъ осѣдлости; 2) что наймомъ обрабатывать у насъ земель по пространству ихъ и по малости населенія также невозможно; 3) наконецъ, ежели бы система сія и была возможна, то въ нравственныхъ уваженіяхъ участь крестьянина симъ безмѣрно бы отяготилась, а земледѣліе потерпѣло бы великую разстройку. Участь крестьянина, отправляющаго повинности по закону и имѣющаго въ возмездіе свой участокъ земли, несравненно выгоднѣе, нежели положеніе бобылей, каковы суть всѣ рабочіе люди въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ.

Второй источникъ раздѣленія состояній суть права политическія. Выше было означено, что они состоятъ въ участіи въ силахъ государственныхъ: законодательной, судной и исполнительной.

Всѣмъ ли вообще подданнымъ россійскимъ должны принадлежать равно права политическія?

Оъ тѣхъ поръ какъ основалась въ европейскихъ государствахъ система выборовъ, или народнаго представленія, участіе народа въ силахъ государственныхъ раздѣлилось на два главныя дѣйствія: право избиранія и право представленія. Слѣдовательно и вопросъ о принадлежности правъ политическихъ имѣетъ два вида: въ первомъ опредѣляется, всѣ ли вообще подданные должны имѣть право избиранія; во второмъ—всѣ ли могутъ имѣть право представленія.

Къ разрѣшенію вопроса въ первомъ видѣ представляются слѣдующія уваженія:

Законъ составляется въ защиту лица и собственности. Слѣдовательно, положивъ право личное равнымъ, чѣмъ болѣе человекъ пріемлетъ участія въ собственности, тѣмъ естественно болѣе печется онъ о ея охраненіи.

Сверхъ сего самое пріобрѣтеніе собственности въ обыкновенномъ порядкѣ предполагаетъ разумъ и трудолюбіе.

Изъ сего слѣдуетъ, что въ общемъ исчисленіи человекъ, имѣющій собственность, по уваженію собственныхъ своихъ польсъ, болѣе пріемлетъ участія въ добротѣ закона и болѣе соединяетъ вѣрностей къ правильному его усмотрѣнію, нежели человекъ безъ собственности или бобыль ¹⁾.

Слѣдовательно, нѣтъ сомнѣнія, что люди, имѣющіе собственность, всѣ безъ различія должны быть допускаемы къ участію въ правахъ политическихъ.

Но если вмѣстѣ съ ними допустить къ сему участію и людей,

---

¹⁾ Какая, напримѣръ, нужда человеку безъ собственности ограничивать законъ о податяхъ вещественныхъ, когда законъ сей на него не падаетъ?

собственности не имѣющихъ, тогда голосъ и сужденіе сихъ послѣднихъ по числу ихъ, безъ сомнѣнія, возьметъ перевѣсъ, и, слѣдовательно, всѣ избирательныя силы народа перейдутъ въ руки тѣхъ самыхъ, кои наименѣе въ добротѣ сихъ выборовъ имѣютъ участіе и наименѣе способовъ къ правильному ихъ усмотрѣнію ¹⁾.

На семъ-то основано то важное правило, по коему во всѣхъ государствахъ, въ самой Франціи среди революціи, право выборовъ ограничено было только тѣми людьми, кои имѣютъ собственность.

Нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ тому же правилу должно слѣдовать и потому постановить, что въ составленіи выборовъ никто не можетъ участвовать, кто не имѣетъ недвижимой собственности или капиталовъ промышленности въ извѣстномъ количествѣ.

Сверхъ сего есть въ обществѣ положенія, кои по образу жизни и воспитанія не позволяютъ предполагать ни довольно разума, ни столько любочестія, чтобы допустить людей, ими (sic) занимающихся, къ участію въ составленіи закона. Таковы суть состоянія домашнихъ слугъ, ремесленныхъ и рабочихъ людей и поденщиковъ, хотя бы они и имѣли собственность, въ капиталахъ состоящую.

Къ разрѣшенію вопроса во второмъ видѣ представляются тѣ же уваженія. Если собственность должна быть принята основаніемъ въ правѣ выборовъ, то кольми паче она должна быть предпочтена въ правѣ представленія. По сему-то причинамъ во всѣхъ государствахъ полагается извѣстный доходъ для права представленія, и доходъ сей долженъ быть выше, нежели окладъ для выборовъ.

Изъ сего обзорѣнія правъ гражданскихъ и политическихъ открывается, что всѣ они въ разсужденіи принадлежности ихъ на три класса могутъ быть раздѣлены:

- 1) Права гражданскія общія, всѣмъ подданнымъ принадлежащія.
- 2) Права гражданскія частныя, кои должны принадлежать тѣмъ только, кои образомъ жизни и воспитанія къ нимъ будутъ приуготовлены.
- 3) Права политическія, принадлежащія тѣмъ, кои имѣютъ собственность.

Изъ сего происходитъ слѣдующее раздѣленіе состояній:

- 1) дворянство;
- 2) люди средняго состоянія;
- 3) народъ рабочій.

Опредѣливъ сѣмъ образомъ раздѣленіе состояній, должно опредѣлить съ точностію: 1) права, каждому состоянію принадлежащія, и составъ его; 2) переходъ изъ одного состоянія въ другое.

---

¹⁾ Сіе состояніе общества называется олигархіа.

I. Права состояній.

1) Права дворянства.

1) Дворянство пользуется всѣми гражданскими правами, поданнымъ російскимъ вообще принадлежащими.

2) Сверхъ сихъ общихъ правъ, дворянство имѣеть то особенное право, что оно свободно отъ личной службы очередной, но обязано непремѣнно отправлять оную въ гражданскомъ или воинскомъ званіи не менѣе 10-ти лѣтъ по своему выбору, но безъ перехода, исключая случаевъ, особеннымъ закономъ определенныхъ.

3) Дворянство имѣеть особенное право приобретать недвижимыя имѣнія населенныя, управляя ими по закону.

4) Дворянство имѣеть политическія права въ выборѣ и представленіи, но не иначе, какъ на основаніи собственности.

5) Всѣ свободные промыслы, дозволенные закономъ, открыты дворянству. Оно можетъ вступать въ купечество и другія званія, не теряя своего состоянія.

Составъ дворянства.

6) Дворянство раздѣляется на личное и потомственное; личное не простирается далѣе одного лица.

7) Дворянство потомственное приобретается по праву родомъ съ службою сопряженнымъ.

8) Дѣти дворянина потомственного до совершенія положенныхъ лѣтъ службы суть дворяне личные. Окончивъ службу, они приобретаютъ дворянство потомственное, а дѣти ихъ суть дворяне личные.

9) Дворянство личное приобретается службою.

10) Дѣти личныхъ дворянъ суть люди средняго состоянія.

11) Но личное дворянство не превращается въ потомственное однимъ совершеніемъ службы; къ сему потребны особенныя заслуги, по уваженію конхъ Императорскою властію въ теченіе службы или по окончаніи ея даруется потомственное дворянство и удостоверяется особеннымъ дипломомъ.

12) Титла дворянскія личныя производятъ дворянство личное; а потомственныя даютъ дворянство потомственное.

13) Но сохраненіе сихъ титулъ зависить также отъ продолженія службы, какъ и сохраненіе правъ дворянскихъ.

14) Дворянство потомственное пресѣкается и превращается въ личное уклоненіемъ отъ службы.

15) Вообще дворянство теряется:

- а) судомъ и публичнымъ наказаніемъ;
- б) вступленіемъ въ классъ людей рабочихъ.

2) Права средняго состоянія.

1) Среднее состояніе имѣетъ права гражданскія общія, но не имѣетъ особенныхъ.

2) Личная служба людей средняго состоянія опредѣляется по ихъ званіямъ и промысламъ особеннымъ закономъ.

3) Лица средняго состоянія имѣютъ политическія права по ихъ собственности.

4) Всѣ свободные промыслы имъ открыты, и изъ одного въ другой переходятъ они свободно, исполнивъ возложенныя на нихъ повинности.

5) Они достигаютъ личнаго дворянства службою, когда вступятъ въ оную по своему выбору, но не прежде, какъ исполнивъ службу, закономъ на нихъ возложенную.

Составъ средняго состоянія.

6) Среднее состояніе составляется изъ купцовъ, мѣщанъ, однодворцевъ и всѣхъ поселенъ, имѣющихъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ.

3) Права народа рабочаго.

1) Народъ рабочій имѣетъ общія права гражданскія, но не имѣетъ правъ политическихъ.

2) Переходъ изъ сего класса въ слѣдующій всѣмъ отвергать, кто приобрѣлъ недвижимую собственность въ извѣстномъ количествѣ и исполнилъ повинности, кои онъ обязанъ былъ по прежнему состоянію.

Составъ сего класса.

3) Къ классу рабочаго народа причисляются всѣ помѣстные крестьяне, мастеровые, ихъ работники и домашніе слуги.

Въ семъ состоятъ раздѣлы тѣхъ правъ, кои принадлежатъ російскимъ подданнымъ въ разныхъ состояніяхъ.

Въ раздѣлѣ сихъ состояній паче всего уважена постепенность усовершенія и перехода изъ состоянія низшаго въ высшее. Для сего въ каждомъ состояніи назначена такъ сказать черта, соединяющая его съ послѣдующимъ. Такъ дворянство личное связуетъ состояніе первое со вторымъ. Приобрѣтеніе недвижимой собственности связуетъ второе съ третьимъ, и такимъ образомъ тѣ самія лица, кои по положенію ихъ не имѣютъ правъ политическихъ, могутъ ихъ желать и нацѣпляться отъ труда и промышленности.

Опредѣливъ симъ образомъ права подданныхъ, государственное уложеніе поступаетъ къ послѣдней его части, законамъ органическимъ.

О разумѣ законовъ органическихъ.

Законы органическіе, коренные, должны опредѣлить устройство тѣхъ установленій, коими силы государственныя дѣйствуютъ.

Установленія сіи суть: совѣтъ, законодательное сословіе, сенатъ и министерства.

Въ общемъ разумѣ сихъ установленій должно означить: 1) составъ каждаго изъ нихъ, 2) предметы его и 3) порядокъ дѣйствія.

Каждое изъ сихъ установленій, соединяясь въ державной власти и образуя первенствующія государственныя сословія, должно простираться на всю имперію и, раздѣляясь постепенно, нисходитъ къ самымъ послѣднимъ селеніямъ.

Слѣдовательно, прежде нежели можно опредѣлить порядокъ сихъ установленій въ высшихъ ихъ отношеніяхъ, нужно разсмотрѣть и назначить обѣ степени, чрезъ кои они проходить должны.

Сіе ведетъ къ раздѣленію имперіи въ порядкѣ законодательномъ, въ судномъ и въ порядкѣ управленія.

Первое правило сего раздѣленія состоитъ въ томъ, чтобы стараться сколь возможно всѣ степени силъ государственныхъ совмѣстить между собою. Сего требуетъ экономія ихъ упражненій, надзора и надержекъ.

Второе правило, не менѣе важное, состоитъ въ томъ, чтобы, избѣгая излишней раздробительности, доставить всѣмъ подданнымъ, въ установленіяхъ сихъ участвующимъ, удобность въ нихъ дѣйствовать.

Третье правило. Всѣ устройства слишкомъ сложныя и составленныя изъ великаго числа людей движутся медленно. На-

противъ, тѣ установленія, кои не имѣютъ достаточныхъ силъ, вмѣстѣ дѣйствующихъ, обыкновенно падаютъ въ слабости и неуваженія. Слѣдовательно, въ числѣ лицъ, составляющихъ сословіе, должна быть средняя мѣра.

Четвертое правило. Установленія законодательныя по существу своему требуютъ содѣйствія многихъ лицъ въ сужденіи и единства въ утвержденіи. Установленія судныя требуютъ также содѣйствія многихъ лицъ въ сужденіи и единства въ надзорѣ. Установленія исполнительныя, напротивъ, требуютъ единства во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ.

Въ настоящемъ положеніи имперія въ порядкѣ судномъ и исполнительномъ дѣлится на губерніи и каждая губернія на уѣзды; ниже сихъ двухъ степеней есть еще третья, но не совершенно образованная, въ волостяхъ казенныхъ — волостное правленіе, въ помѣщичьихъ — власть помѣщика, въ удѣльныхъ — приказы.

Въ порядкѣ законодательномъ не могло быть никакихъ степеней, когда и самый порядокъ сей еще не существуетъ.

Должно ли оставить сіе раздѣленіе въ его силѣ и приспособить къ нему степени порядка законодательнаго?

Безъ сомнѣнія, легче бы казалось сохранить его; но, соображая настоящее положеніе съ общими правилами, выше постановленными, открываются слѣдующія неудобства:

1) Въ раздѣленіи губерній на уѣзды доселѣ большею частію принимаемо было въ счетъ одно разстояніе. Населеніе ихъ весьма различно. Есть уѣзды, въ коихъ совсѣмъ почти нѣтъ людей, коимъ, по настоящему государственному положенію, должны принадлежать права политическія, и есть другіе, въ коихъ число ихъ очень мало. Слѣдовательно, въ однихъ совсѣмъ пельзя основать никакихъ началъ законодательнаго порядка, а въ другихъ начала сіи будутъ весьма слабы.

2) Даже въ порядкѣ судномъ и исполнительномъ, нынѣ существующемъ, раздробленіе уѣздовъ производитъ разныя затрудненія. Есть уѣзды, въ коихъ дворянство такъ слабо, что некому ни выбирать, ни быть избираемымъ. Посему наполненіе мѣстъ, хотя и чинится по выборамъ, но въ самомъ дѣлѣ зависитъ большею частію отъ произвола губернатора.

3) Нѣтъ почти возможности, раздробивъ управленіе губернаторское на 12 частей, для каждой изъ нихъ пріискать столько исправныхъ и надежныхъ чиновниковъ, сколько судъ и добрая полиція ихъ требуетъ, и объять всѣ сіи части однимъ надзоромъ губернатора и прокурора.

Отсюда, между прочимъ, происходитъ слабость уѣздныхъ судовъ и земской полиціи и недостатокъ отвѣтственности и взысканія.

Чтобы поставить раздѣленіе имперіи въ болѣшую сообразность съ расположеніемъ государственныхъ силъ и съ правилами, выше наложенными, представляется слѣдующее положеніе:

I. Россійская имперія раздѣляется на области и на губерніи.

II. Именованіе областей присвоается тѣмъ частямъ имперіи, кои по пространству и населенію своему не могутъ войти въ общій распорядокъ управленія. Сіи области суть: 1) Сибирь, по хребетъ Уральскихъ горъ; 2) край Кавказскій и Астраханскій съ Грузією; 3) край Оренбургскій; 4) Земля доискихъ казаковъ; 5) край Новороссійскій.

III. Области имѣютъ особенное устройство съ примѣненіемъ къ нимъ общихъ государственныхъ законовъ по мѣстному ихъ положенію.

IV. Губернія составляетъ населеніе отъ 100 до 300 тысячъ душъ ¹⁾).

V. Губернія раздѣляется на округа. Въ каждой губерніи полагается самое меньшее два и самое большее число пять округовъ.

VI. Округъ имѣетъ нѣсколько волостей и волостныхъ городовъ, къ коимъ онѣ приписаны.

Принявъ сіе раздѣленіе, слѣдующія устанавливаются въ немъ степени:

Первая степень порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго будетъ въ волостныхъ городахъ, округъ составляющихъ ²⁾).

Вторая степень—въ окружномъ городѣ.

Третья — въ губернскомъ.

Четвертая — въ столицѣ.

Въ сихъ четырехъ степеняхъ силы государственныхъ образуются, восходятъ, наконецъ, къ державной власти и въ ней соединяются.

Разумъ сего образованія состоитъ въ слѣдующемъ:

I. Порядокъ законодательный.

Степень первая.

Въ каждомъ волостномъ городѣ или въ главномъ волостномъ селеніи каждые три года изъ всѣхъ владѣльцевъ недвижимой соб-

¹⁾ Раздѣленіе губерній можно оставить нынѣ существующее.

²⁾ Гдѣ нѣтъ удобныхъ городовъ, къ коимъ бы волости могли быть приписаны, тамъ правительство назначаетъ мѣста соединенія въ селеніяхъ.

ственности составляется собраніе, подъ названіемъ *волостной думы*. Казенныя селенія отъ каждаго пятисотнаго участка посылаютъ въ думу одного старшину.

Волостная дума, прежде всего, избираетъ предсѣдателя и секретаря.

Въ волостной думѣ всѣ голоса равны. Никто голоса своего другому заочно передать не можетъ.

Предметы волостной думы суть:

- 1) Выборъ членовъ волостнаго правленія.
- 2) Отчетъ въ сборахъ и употребленіи суммъ, ввѣренныхъ волостному правленію.
- 3) Выборъ депутатовъ въ думу окружную; число ихъ не можетъ превысить двухъ третей всего числа владѣльцевъ.
- 4) Составленіе списка 20-ти отличнѣйшихъ обывателей, волость населяющихъ, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ были и въ отсутствіи.
- 5) Представленіе окружной думѣ объ общественныхъ волостныхъ нуждахъ.

Окончивъ сіи предметы, дума распускается, а мѣсто ея занимаетъ избранное ею правленіе.

Срокъ созыва и время засѣданія, образъ отчетовъ и разсужденій, все сіе опредѣляется особеннымъ закономъ.

Степень вторая.

Изъ депутатовъ волостныхъ думъ каждые три года въ окружномъ городѣ составляется собраніе, подъ именемъ *думы окружной*.

Окружная дума избираетъ предсѣдателя и главнаго секретаря. Въ думѣ наблюдается равенство голосовъ.

Предметы окружной думы:

- 1) Выборъ членовъ окружнаго совѣта.
- 2) Выборъ членовъ окружнаго суда.
- 3) Выборы депутатовъ въ губернскую думу. Число ихъ не можетъ превышать двухъ третей окружной думы.
- 4) Изъ списковъ, представленныхъ отъ волостныхъ думъ, составляется списокъ 20-ти отличнѣйшихъ обывателей округа. Отсутствующіе не исключаются.
- 5) Отчетъ окружнаго начальства въ суммахъ, на общественныя издержки собираемыхъ.

6) Представленіе окружной думѣ объ общественныхъ нуждахъ, основанное на разсмотрѣніи представленій думъ волостныхъ.

Для разсмотрѣнія отчетовъ и представленій о нуждахъ, дума составляетъ изъ членовъ своихъ комиссіи.

Окончивъ сіи предметы, дума распускается.

Срокъ созыва ея, время засѣданій и образъ разсужденій опредѣляются особеннымъ закономъ.

Статья третья.

Изъ депутатовъ окружныхъ думъ составляется въ губерскомъ городѣ каждые три года собраніе, подъ именемъ *губернской думы*.

Губернская дума, собравшись, прежде всего избираетъ предсѣдателя и секретаря.

Голоса въ губернской думѣ всѣ равны, и отсутствующіе не могутъ ихъ передать другимъ.

Предметы губернской думы:

- 1) Выборъ членовъ губернскаго совѣта.
- 2) Выборъ членовъ губернскаго суда.
- 3) Выборъ членовъ въ государственную думу изъ обонхъ состояній, политическія права имѣющихъ. Число ихъ въ каждой губерніи назначается закономъ.
- 4) Составленіе списка 20-ти отличнѣйшихъ въ губерніи обывателей по спискамъ окружнымъ, не исключая и отсутствующихъ.
- 5) Отчетъ губернскаго управленія въ суммахъ, на общественныя издержки собираемыхъ.
- 6) Представленіе объ общественныхъ нуждахъ, сообразно представленіямъ думъ окружныхъ.

Для разсмотрѣнія отчетовъ и представленія о нуждахъ дума составляетъ изъ членовъ своихъ особенныя комиссіи.

Окончивъ сіи предметы, предсѣдатель за подписаніемъ всѣхъ членовъ собранія препровождаетъ въ государственный совѣтъ на имя *канцлера юстиціи* списки всѣхъ членовъ, избранныхъ въ правленія волостныя и суды окружныя и губернской; на имя *канцлера государственной думы*: 1) списки членовъ, избранныхъ въ совѣты окружныя и губернской; 2) членовъ, избранныхъ въ законодательное сословіе; 3) отличнѣйшихъ губерній обывателей; 4) представленія о нуждахъ каждой губерніи.

Симъ оканчивается дѣйствіе губернской думы, и мѣсто ея занимаетъ совѣтъ губернской.

Примѣчаніе общее. Всѣ губерніи въ отношеніи къ выборамъ раздѣляются на пять классовъ, и выборы располагаются такъ, чтобы въ двухъ близко смежныхъ губерніяхъ никогда вмѣстѣ выборовъ не было и чтобы въ десяти губерніяхъ ежегодно они совершались.

Степень четвертая.

Изъ депутатовъ, представленныхъ отъ губернской думы, составляется законодательное сословіе, подъ именемъ *государственной думы*.

Государственная дума государственныхъ силъ есть мѣсто равное сенату и министерству.

Государственная дума собирается по коренному закону и безъ всякаго созыва ежегодно въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

Срокъ дѣйствія ея опредѣляется количествомъ дѣлъ, ей предлагаемыхъ.

Дѣйствіе государственной думы пресѣкается двоякимъ образомъ: 1) отсрочкою его до будущаго года; 2) совершеннымъ всѣхъ членовъ ея увольненіемъ.

Отсрочка производится актомъ державной власти въ государственномъ совѣтѣ.

Увольненіе производится таковымъ же актомъ, но съ означеніемъ въ немъ же новыхъ членовъ, назначенныхъ послѣдними выборами губернскихъ думъ.

Кромѣ общаго увольненія члены государственной думы не могутъ оставить свое мѣсто, развѣ смертію или опредѣленіемъ верховнаго суда.

Въ сихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ мѣста членовъ занимаются непосредственно однимъ изъ кандидатовъ, въ спискѣ послѣдняго выбора означенныхъ.

Предсѣдатель государственной думы есть ея канцлеръ по самому своему званію.

Особенный чиновникъ опредѣляется ему въ помощь подъ именемъ секретаря государственной думы.

Въ первыхъ собраніяхъ государственная дума образуетъ слѣдующія законодательныя комиссіи:

- 1) Комиссію законовъ государственныхъ.
- 2) Комиссію законовъ гражданскихъ.
- 3) Комиссію уставовъ и учрежденій.

4) Комиссію министерскихъ отчетовъ или взысканія отвѣтственности.

5) Комиссію представленій о государственныхъ нуждахъ.

6) Комиссію финансовъ.

Каждая изъ сихъ комиссій имѣеть своего предсѣдателя и секретаря по выбору думы.

Дѣла государственной думѣ предлагаются отъ имени державной власти однимъ изъ министровъ или членовъ государственнаго совѣта.

Исключаются изъ сего:

1) Представленія о государственныхъ нуждахъ.

2) Представленія объ уклоненіи отъ отвѣтственности.

3) Представленія о мѣрахъ, нарушающихъ государственные коренные законы.

Въ прочемъ образъ дѣйствія, разсужденіе и формы государственной думы опредѣляются подробно въ коренныхъ законахъ.

II. Порядокъ судный.

Степень первая.

Судъ волостной.

Существо волостнаго суда состоитъ болѣе въ мирномъ разбирательствѣ гражданскихъ дѣлъ чрезъ посредниковъ и во взысканіи за маловажные полицейскіе проступки означенныхъ въ законѣ пеней и наказаній, нежели въ фѳормальномъ и письменномъ ихъ производствѣ.

Волостной судъ состоитъ изъ главнаго волостнаго судьи, его товарища и волостныхъ судей, постоянно пребывающихъ.

Законъ опредѣляетъ нѣкоторый родъ дѣлъ, и особливо преступленій, въ коихъ главный волостной судья не иначе можетъ положить рѣшеніе, какъ пригласивъ въ судъ двухъ депутатовъ изъ волостнаго совѣта, которые и будутъ въ семъ случаѣ представлять присяжныхъ, а судья будетъ ихъ предсѣдателемъ (*digesteur de jury*)¹⁾.

Въ прочемъ предѣлы власти и образъ дѣйствія волостнаго судьи опредѣляются подробно особеннымъ уставомъ.

---

¹⁾ Депутаты, оба или по крайней мѣрѣ одинъ, избираются изъ того состоянія, къ коему принадлежитъ подсудимый; если же таковыхъ нѣтъ, то подсудимый отсылается въ окружный судъ.

Степень вторая.

Судъ окружной.

Судъ окружной въ порядкѣ формальнаго судопроизводства представляетъ первоначальное судебное мѣсто.

Онъ дѣлится на два отдѣленія: на гражданское и уголовное.

Число членовъ опредѣляется общимъ о судахъ учрежденіемъ, соразмѣрно населенію округа.

Каждое отдѣленіе имѣетъ предсѣдателя не въ видѣ судьи, но въ видѣ охранителя формъ и судебныхъ обрядовъ.

Предсѣдатель избирается изъ 20-ти отличившихся обывателей округа ¹⁾ и утверждается министромъ юстиціи.

Законъ опредѣляетъ случаи, въ коихъ предсѣдатель, особливо въ отдѣленіи уголовномъ, обязанъ требовать депутатовъ изъ окружнаго совѣта для составленія суда присяжнаго. Въ семъ случаѣ сохраняется равенство состояній подсудимаго и депутатовъ.

Въ прочемъ предѣлы власти, образы и дѣйствія сего суда опредѣляются общимъ судебнымъ уставомъ и учрежденіемъ.

Степень третья.

Судъ губернской.

Сей судъ составляется на тѣхъ же началахъ, какъ и окружной. Предсѣдатели его по губернскому списку избираются министромъ юстиціи и опредѣляются съ утвержденія государственнаго совѣта.

Степень четвертая.

С е н а т ъ.

Сенатъ есть верховное судилище для всей имперіи.

Онъ имѣетъ четыре департамента: два гражданскихъ и два уголовныхъ, по равному числу въ обѣихъ столицахъ.

---

¹⁾ Если въ округѣ не будетъ людей, способныхъ къ сему званію, то предсѣдатели опредѣляются изъ губернскаго списка, въ недостатокъ же и сихъ послѣднихъ—изъ списка государственнаго, но въ семъ послѣднемъ случаѣ потребно министру разрѣшеніе совѣта.

Онъ составляется изъ опредѣленнаго числа членовъ; мѣста ихъ по смерти или увольненіи замѣщаются утвержденіемъ державной власти лицами, избранными въ губернскихъ думахъ и внесенными въ государственный избирательный списокъ. Канцлеръ юстиціи хранитъ и представляетъ сей списокъ.

Каждый департаментъ сената каждые три года избираетъ изъ членовъ своихъ трехъ кандидатовъ и чрезъ канцлера юстиціи представляетъ державной власти для утвержденія одного изъ нихъ президентомъ.

Должность президента есть охранять порядокъ разсужденій въ сенатѣ. Онъ представляетъ чрезъ канцлера юстиціи тѣ случаи, кои сенатъ въ законѣ найдетъ сомнительными или недостаточно опредѣленными, для дополненія и поясненія ихъ установленнымъ порядкомъ.

По предложенію президента сенатъ можетъ въ дѣлахъ затруднительныхъ наименовать комиссію изъ трехъ сенаторовъ для предварительнаго ихъ разсмотрѣнія и доклада сенату.

Дѣйствіе cadaго департамента во всѣхъ вообще дѣлахъ слагается изъ двухъ частей: 1) производство дѣла (informatio); 2) сужденіе (judicium)

Для производства дѣла при каждомъ департаментѣ находится извѣстное число рекетмейстеровъ подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора.

Оберъ-прокуроръ и рекетмейстеры опредѣляются Высочайшею властью по представленію министра юстиціи.

Должность рекетмейстеровъ есть, собрать всѣ нужныя свѣденія, привести дѣло въ совершенную ясность и изготовить его къ предложенію сенату.

Если при разсмотрѣніи дѣла, не касаясь существа его, усмотрѣно будетъ нарушеніе существенныхъ формъ въ губернскомъ судѣ, тогда дѣло по общему приговору рекетмейстеровъ, съ утвержденія министра юстиціи, обращается для исправленія въ губернской судъ, а поступокъ предсѣдателя, яко блюстителя формъ, допустившаго такое нарушеніе, предается уваженію государственнаго совѣта.

По изготовленіи дѣла къ слушанію, изложеніе его представляется въ краткій срокъ обѣимъ сторонамъ на разсужденіе.

Если стороны усмотрятъ существенное въ изложеніи упущеніе, онѣ приносятъ жалобу министру юстиціи.

Если министръ юстиціи признаетъ жалобу основательною, онъ предписываетъ сдѣлать дополненіе. Въ противномъ же случаѣ даетъ дѣлу установленное движеніе.

Изложеніе дѣла, такимъ образомъ изготовленное, предается

тисненію съ поплиною на счетъ виновной стороны и вносится оберъ-прокуроромъ въ сенатъ, въ надлежащемъ количествѣ экземпляровъ, съ означеніемъ дня его вступленія и изготовленія.

Рѣшенія сената производятся по очереди при открытыхъ дверяхъ публично.

Если при разсмотрѣніи дѣла сенатъ найдетъ упущеніе въ его производствѣ или излишнюю медленность, президентъ его чрезъ канцлера юстиціи вносить сіе на уваженіе совѣта, по разсмотрѣніи коего чинится въ дѣлѣ надлежащее дополненіе, а съ виновныхъ въ медленности взысканіе.

Рѣшенія сената предаются тисненію, прилагаются къ изложенію и вмѣстѣ съ нимъ составляютъ актъ, который скрѣпляется канцлеромъ юстиціи, утверждается государственною печатью и отдается для храненія въ государственный судный архивъ, а экземпляры акта чрезъ министра юстиціи выдаются обѣимъ сторонамъ и посылаются въ надлежащія мѣста къ исполненію. Въ рѣшеніи дѣлъ уголовныхъ приемятся тѣ же основанія.

Но есть дѣла уголовныя особеннаго рода, какъ по важности своей, такъ и по качеству лицъ преступившихъ. Таковы суть преступленія государственнаго бунта, или измѣны, или важнаго какого либо потрясенія государственной безопасности. Таковы суть преступленія членовъ совѣта, государственной думы, сената, министровъ и ихъ товарищей, главныхъ директоровъ, управляющихъ частями, генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ. Судъ надъ сими лицами, по особенному вліянію ихъ прижѣра, требуетъ особеннаго образованія.

Для сего въ самомъ сенатѣ устанавливается верховный уголовный судъ.

Судъ верховный открывается актомъ державной власти, изданнымъ въ совѣтѣ.

Онъ составляется изъ одной трети сенаторовъ обѣихъ департаментовъ, изъ всѣхъ членовъ государственнаго совѣта, изъ всѣхъ министровъ и изъ извѣстнаго числа депутатовъ государственной думы.

Президентъ сего суда на каждый случай опредѣляется верховною властію изъ четырехъ государственныхъ сословій.

Канцлеръ юстиціи занимаетъ въ немъ мѣсто министра юстиціи; нѣсколько сенаторовъ избираются для производства дѣла, а министр юстиціи занимаетъ мѣсто оберъ-прокурора.

Судъ совершается установленнымъ въ законахъ порядкомъ и представляется на уваженіе и окончательное утвержденіе верховной власти.

III. Порядокъ исполнительный.

Порядокъ исполнительный, подобно прочимъ частямъ, слагается изъ четырехъ главныхъ раздѣленій: 1) управление государственное, или министерство; 2) управление губернскаго; 3) окружное и 4) волостное.

Начало, на коемъ порядокъ сей долженъ быть устроенъ, есть единство дѣйствія и отвѣтственность.

Поелику порядокъ сей истекаетъ изъ державной власти, то всѣ низшія его раздѣленія должны быть сколь можно болѣе сообразны высшему. Посему въ образованіи частей его прежде всего должно устроить высшее его раздѣленіе, или министерство.

I. Министерство.

Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіемъ министерствъ въ 1802-мъ году положено весьма важное начало устройству государственнаго управленія ¹⁾.

Слѣдовательно, должно не только сохранить его, но по возможности усовершенствовать и усилить, а для сего нужно разсмотрѣть настоящіе его недостатки.

Три есть источника сихъ несовершенствъ:

- 1) Недостатокъ отвѣтственности.
- 2) Нѣкоторая неточность и несоразмѣрность въ раздѣленіи дѣлъ.
- 3) Недостатокъ точныхъ правилъ или учрежденія, на коемъ должно дѣйствовать министерство.

Нужно кратко обозрѣть каждое изъ сихъ уваженій, чтобы изъ существа ихъ извлечь самые простые и удобные способы исправленія

1) Недостатокъ отвѣтственности.

Выше было примѣчено, что отвѣтственность государственная которую всегда должно отличать отъ отвѣтственности личной, со-

---

¹⁾ Нѣтъ сравненія между симъ порядкомъ и тѣмъ, который ему предшествовалъ. Если бы крупныя обстоятельства политическія постигли управленіе въ томъ неустройствѣ, когда все гражданское управленіе состояло въ хаосѣ дѣлъ, ввѣренныхъ почти одному генералъ-прокурору, замѣшательство и затрудненіе дошло бы до самой высшей степени и не только движеніе частей не было бы соразмѣрно быстротѣ происшествій, но и совсѣмъ бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно остановилось.

стоитъ въ томъ, что правительство, приѣмля на себя уставы и учрежденія, обязуется предъ закономъ не допускать въ нихъ ничего ему противнаго ¹⁾).

Обязанность сія не должна состоять только въ словахъ; она должна быть существенною; а чтобъ быть таковою, она должна предполагать особенный порядокъ составленія закона и его охраненія; слѣдовательно, установивъ государственную отвѣтственность, надлежало установить и государственное сословіе, предъ коимъ она должна быть изъясляема.

Предполагаемо было, что сенатъ можетъ занять мѣсто сего сословія. На сей конецъ весьма основательно признано было нужнымъ дать или возвратить ему нѣкоторыя права и нѣкоторый видъ бытія политическаго ²⁾).

Но бытіе политическое образуется не словами, а внутреннимъ началомъ, изъ коего составъ его слагается. Никогда мѣсто, по существу своему исполнительное и во всѣхъ отношеніяхъ отъ произволенія державной власти зависящее, не можетъ на себя принять характера политическаго, не можетъ замѣнить сословіе государственное, составленное посредствомъ народнаго представленія.

Такимъ образомъ отвѣтственность министерская не могла доселѣ у насъ существовать, и если бы сами министры утвердить ее пожелали, они не могли бы въ семъ успѣть, ибо гдѣ законъ самъ не стоитъ на твердомъ основаніи, тамъ и отвѣчать предъ нимъ нельзя ³⁾).

Такимъ образомъ въ настоящемъ устройствѣ министерства недостаетъ одного изъ главныхъ началъ, установленію сему свойственныхъ.

---

¹⁾ Подъ именемъ отвѣтственности личной разумѣть должно тѣ только высканія, кои отъ державной власти происходятъ въ неисполненіи данныхъ уставовъ и учреждений, а государственная отвѣтственность состоитъ въ сообразности самихъ сихъ уставовъ съ закономъ. Въ первой министръ отвѣчаетъ только за исполненіе принятой мѣры; а во второй онъ отвѣчать долженъ за самую доброту и правильность мѣры, имъ предложенной.

²⁾ Можетъ быть въ другихъ обстоятельствахъ, въ высшей степени просвѣщеніи, люди, права сіи получившіе, пользуясь ихъ наружностію и мало по малу ихъ усовершая, предупредили бы дать имъ со временемъ истинное бытіе; но у насъ не могло сіе совершиться, и впрочемъ жалѣть о семъ вельзя, ибо изъ сего образовалось бы сословіе аристократическое, истиннымъ пользамъ Россіи, самому духу правительства нашего совершенно противное.

³⁾ Всего яснѣе доказываетъ сіе опытъ. Известно, что отвѣтственность министровъ сначала обратила на себя нѣкоторое вниманіе; потомъ, не бывъ утверждена на свойственномъ ей основаніи, она начала слабѣть и, наконецъ, нынѣ почти о ней забыли.

А отъ сего недостатка происходитъ, что всѣ дѣйствія его воспріяли видъ произвола и вмѣсто правильнаго суда подверглись симъ страннымъ, такъ сказать, пересудамъ, гдѣ мнѣніе общественное, не находя свойственной ему точки соединенія, теряется въ пустыхъ догадкахъ и нареканіяхъ и вмѣсто того, чтобы служить оплотомъ достоинству правительства, само падаетъ въ злословіе.

И понеже съ самыми лучшими намѣреніями нѣтъ способа укрыться отъ сей, такъ сказать, заразы общественнаго мнѣнія, то министрамъ въ настоящемъ вещей порядкѣ не остается другой защиты, какъ или отрекаться отъ мѣръ, ими принятыхъ, слагая ихъ одному на другаго, или съ горестью и въ молчаніи переносить тяжесть своего положенія.

Въ томъ и другомъ случаѣ необходимо зарождается и усиливается въ правительствѣ духъ робости и уклоненіе отъ всѣхъ тѣхъ мѣръ, кои предполагаютъ силу и твердость, и, напротивъ, устанавливается привязанность и излишнее уваженіе къ тому роду текущихъ дѣлъ, который вошелъ, такъ сказать, въ навязъ, ибо онъ одинъ служитъ мѣроу дѣйствія и огражденія отъ общаго злословія. ¹⁾

2) Недостатокъ точности въ раздѣленіи дѣлъ.

Въ системѣ раздѣленія дѣлъ на министерства, безъ сомнѣнія, болѣе былъ уваженъ порядокъ предшествовавшій, нежели естественная ихъ связь и отношеніе. Казалось несходственнымъ—и заключеніе сіе было весьма правильно—пуститься съ перваго шагу въ большія уновленія и, строя новое зданіе, разрушить все прежнее до основанія.

Отсюда вѣроятно произошелъ недостатокъ истинной соразмѣрности въ раздѣленіи дѣлъ.

Должно прежде всего найти сію соразмѣрность въ самыхъ ея основаніяхъ, чтобы потомъ опредѣлить, до какой степени можетъ она быть приложена къ мѣстнымъ обстоятельствамъ каждаго государства. Сей одинъ есть способъ открыть истинную черту раздѣленія дѣлъ, съ коею можно соображаться въ многосложныхъ и разнообразныхъ его приложеніяхъ.

Порядокъ исполнительный по самому существу и именованію своему есть не что другое, какъ способъ, коимъ законы приводятся въ дѣйствіе.

---

¹⁾ Съ сего времени все искусство министерскаго поведенія состоитъ въ большей угодливости и въ нѣкоторомъ родѣ тактики, чтобы ничего на себя не принимать и казаться, однакоже, дѣйствующимъ.

Слѣдовательно, сколько есть разнообразныхъ частей закона, столько должно быть отдѣльныхъ частей исполненія,

Всѣми принято и выше было примѣчено, что законы, во-первыхъ, раздѣляются на государственные и гражданскіе.

Законы государственные раздѣляются на право публичное вѣшнее и внутреннее. Отъ перваго рождаются вѣшнія сношенія и государственная оборона; отъ послѣдняго внутренняя публичная экономія и установленіе внутренней безопасности.

Изъ сего простаго разсужденія происходитъ слѣдующее сравнительное въ обоихъ порядкахъ, въ законодательномъ и исполнительномъ, раздѣленіе.

Изъ сего раздѣленія открывається, что въ порядкѣ исполнительномъ есть пять главныхъ и отдѣльныхъ частей:

I. Вѣшнія сношенія.

II. Устройство вѣшной безопасности.

III. Публичная экономія.

IV. Устройство внутренней безопасности.

V. Устройство и надзоръ суда.

Нельзя предполагать, чтобы во всякомъ государствѣ каждая изъ сихъ частей имѣла одинаковое пространство. Естественно, одна другой должна быть сложнѣе и обширнѣе. Отсюда происходятъ раздѣленія каждой части.

И, *во-первыхъ*, часть вѣшныхъ сношеній, или иностранныхъ дѣлъ по самому существу своему не терпитъ раздѣленія. Отсюда происходитъ I) министерство иностранныхъ дѣлъ.

Во-вторыхъ, устройство вѣшной безопасности въ государствѣ, коего положеніе есть вѣствѣ морское и сухопутное, естественно дѣлится на двѣ части; отсюда II) министерство военно-сухопутныхъ силъ и III) министерство морскихъ силъ.

Въ третьихъ, публичная экономія заключаетъ въ себѣ двѣ раздѣльныя части: 1) народную промышленность, яко источникъ всѣхъ государственныхъ доходовъ; 2) доходы или финансы, яко слѣдствіе и участокъ произведенія народной промышленности, на государственныя нужды опредѣленный. Отсюда два министерства: IV) внутреннихъ дѣлъ и V) финансовъ.

Четвертое. Какъ вѣшнія сношенія были бы ничто безъ военной силы, ихъ поддерживающей и ограждающей вѣшнюю безопасность, такъ точно публичная экономія, то-есть народная промышленность и финансы, не могли бы существовать, если бы не было силы, ихъ покровительствующей и безопасность ихъ ограждающей. Сила сія есть полиція. Отсюда происходитъ VI) министерство полиціи.

Пятое. Наконецъ, отъ необходимости суда гражданскаго и уголовнаго происходитъ VII) министерство юстиціи.

Такимъ образомъ семь есть необходимыхъ министерствъ въ естественномъ раздѣленіи исполнительнаго порядка.

Мѣстныя уваженія могутъ въ каждомъ изъ нихъ основать новыя раздѣленія. Такъ, наприимѣръ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ можетъ быть допущена особенная *часть просвѣщенія*. Въ министерствѣ финансовъ можетъ быть допущено министерство казначейства.

Но, допуская сіи подраздѣленія, должно, по необходимости, держаться естественной ихъ связи. Наприимѣръ, нельзя къ народной промышленности присоединить полицію, которая сама по себѣ составляетъ особенную часть и столько же отдѣльную, какъ министерство внѣшнихъ дѣлъ нельзя совокупить съ военнымъ,

Изъ сего открывается въ настоящемъ устройствѣ слѣдующая несоразмѣрность съ естественнымъ ихъ порядкомъ:

I. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Къ народной промышленности отнесены 1) полиція, 2) часть финансовъ—соль. Отсюда произошло смѣшеніе и несвязность дѣлъ: соль, фабрики и полиція мало имѣютъ общаго.

II. Въ министерствѣ коммерціи. Часть сія, особенно у насъ, сама по себѣ не что другое есть, какъ вѣтъ общей народной промышленности; а таможенные доходы принадлежать къ финансамъ точно такъ же, какъ и всѣ другіе.

III. Оставлена безъ особаго устройства одна изъ важнѣйшихъ частей: *общая полиція*.

3) Недостатокъ учреждений.

При установленіи министерствъ нельзя, конечно, было снабдить ихъ вдругъ полными учреждениями. Въ манифестѣ означенъ только главными и общими чертами кругъ ихъ дѣйствія. Но въ послѣдствіи первая обязанность каждаго министра должна была состоять въ томъ, чтобы устроить внутренній ихъ порядокъ и правильнымъ раздѣленіемъ работъ ускорить и облегчить ходъ дѣлъ. Сего, однакоже, не было сдѣлано. Министерства юстиціи, коммерціи, просвѣщенія и финансовъ остались и по сіе время въ точно томъ же положеніи, въ какомъ они въ первые два мѣсяца были, то-есть сдѣланы оклады жалованья, или штаты, переименованы канцеляріи въ департаменты, и на семъ все остановилось. Ни внутри ихъ, ни въ частяхъ, отъ нихъ зависящихъ, не сдѣлано никакого правильнаго образованія ¹⁾.

) Изъ сего должно только исключить устройство университетовъ.

Отсюда произошло, что дѣла, не бывъ раздѣлены на свои степени, всѣ по прежнему стекаются въ однѣ руки и естественно производятъ пустое многодѣліе и безпорядокъ. Время главнаго начальника непрестанно пожирается тѣмъ, что долженъ 'бы былъ дѣлать одинъ изъ низшихъ его подчиненныхъ.

Отсюда происходитъ, что развлеченное на множество текущихъ дѣлъ вниманіе министра не можетъ обозрѣть ихъ въ цѣлости и вмѣсто того, чтобы остановиться на главныхъ и существенныхъ усмотрѣніяхъ, непрестанно разсѣивается въ мелкомъ падворѣ и исполненіи.

Отсюда происходитъ, что большими департаментами, какъ-то юстиціи, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, управлять съ честію никому невозможно, не перемѣнивъ ихъ устройства; невозможно управлять большимъ кругомъ дѣлъ, гдѣ нѣтъ другой постепенности, какъ только министръ, докладчикъ и писецъ.

Обнаруживъ снмъ образомъ недостатки настоящаго устройства министерствъ, въ самомъ существѣ снхъ недостатковъ надо найти способы къ ихъ исправленію.

Первый недостатокъ есть въ отвѣтственности.

Какъ скоро учредится законодательное сословіе съ правомъ требовать въ положенные сроки отчетовъ, то отвѣтственность министерская сама собою установится; останется только опредѣлить въ учрежденіяхъ министерства подробныя ей формы.

Второй недостатокъ есть несоразимѣрность въ раздѣленіи дѣлъ. Сіе требуетъ подробнѣйшаго соображенія.

Принявъ правила, выше поставленныя, о естественной связи исполнительныхъ дѣлъ, прнстекающей изъ самаго раздѣленія государственныхъ законовъ, слѣдующій распорядокъ самъ собою представляется въ учрежденіи министерствъ.

Предметы:

- I. Внѣшнія сношенія.
- II. Сухопутныя силы
- III. Морскія силы
- IV. Народная промышленность.
- V. Государственные доходы и расходы.
- VI. Охраненіе внутренней безопасности.
- VII. Судъ и расправа.

Министерства:

- I. Иностран. дѣлъ.
- II. Военное.
- III. Морское.
- IV. Внутрен. дѣлъ.
- V. Финансовъ.
- VI. Полиціи.
- VII. Юстиціи.

Сверхъ сихъ частей есть еще одна, коей управленіе, нынѣ разсѣянное по разнымъ департаментамъ, требуетъ совокупности. Сіе есть часть духовныхъ дѣлъ. Отдѣливъ отъ сената часть управленія, необходимо нужно будетъ назначить мѣсто, гдѣ дѣла духовныя разныхъ исповѣданій должны быть вѣдомы. По существу своему, ни къ промышленности, ни къ юстиціи, а еще менѣе того къ финансамъ и полиціи они принадлежать не могутъ. Посему и нужно составить изъ нихъ особенный департаментъ. Начальникъ онаго, подъ именемъ оберъ-прокурора синода, будетъ дѣйствовать на томъ же основаніи, какъ и министры, и долженъ имѣть особенный уставъ и учрежденіе.

Предметы трехъ первыхъ министерствъ сами собою опредѣляются во всѣхъ ихъ отношеніяхъ; но предметы трехъ послѣдующихъ будутъ особеннаго разсмотрѣнія.

И, *во-первыхъ, съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.* Постановивъ главнымъ предметомъ сего министерства промышленность, съ перваго возвращенія открывається, что къ существу его принадлежать слѣдующія части:

- 1) Земледѣліе.
- 2) Фабрики.
- 3) Торговля.

Сверхъ сихъ трехъ существенныхъ частей есть другіе предметы, кои хотя сами по себѣ и не составляютъ промышленности, но принадлежать къ ней или какъ средства, коими движенія ея совершаются—таковы суть почты и пути сообщенія, или какъ естественныя послѣдствія труда и усовершенія физическихъ способностей—такова есть вообще часть учебная.

Посему въ естественномъ раздѣленіи дѣлъ и сіи предметы не могутъ ни къ какому департаменту приличнѣе относиться, какъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ.

Но выше уже было примѣчено, что естественное раздѣленіе дѣлъ должно имѣть въ виду, какъ главное правило, но никакъ не должно запрещать себѣ дѣлать изъ него изыятія, когда мѣстныя уваженія ихъ необходимо требуютъ. Такъ, наприимѣръ, въ Англіи и во Франціи, гдѣ учебная часть стоитъ давно уже на твердыхъ основаніяхъ и не предполагаетъ со стороны правительства другаго надзора, кроми охраненія отъ злоупотребленій, министерство внутреннихъ дѣлъ съ удобностію можетъ управлять симъ департаментомъ вмѣстѣ съ другими его предметами. Но въ Россіи, гдѣ все надо еще заводить и вновь строить, та же самая часть должна составить обширный кругъ дѣлъ, коего пространство во многихъ случаяхъ было бы несовмѣстно съ другими предметами того же министерства.

Тѣ же самыя уваженія можно приложить къ путямъ сообщенія.

Посему предметы промышленности весьма правильно нынѣ раздѣлены на три департамента: 1) министерство внутреннихъ дѣлъ, 2) министерство просвѣщенія и 3) главная дирекція водяныхъ коммуникацій.

Изъ сего слѣдуетъ, что къ числу семи министерствъ и въ новомъ раздѣленіи должно будетъ присоединить еще два: 1) департаментъ просвѣщенія и 2) департаментъ путей сообщенія. Названіе главнаго директора или министра не дѣлаетъ въ семъ важной разности.

Во-вторыхъ, министерство финансовъ. Предметы сей части опредѣляются самымъ ея именованіемъ. Всѣ источники казенныхъ доходовъ должны состоять въ одномъ министерствѣ, ибо нѣтъ ни одного изъ нихъ, который бы съ другимъ не имѣлъ тѣсной связи. Слабость или истощеніе одного должно быть дополняемо другимъ, а сего безъ общаго соображенія сдѣлать невозможно.

Но въ предметахъ сего министерства должно различать три главныя раздѣленія: 1) источники доходовъ, ихъ управленіе и распредѣленіе по расходамъ; 2) движеніе капиталовъ, въ казначейство входящихъ, ихъ отпускъ и вѣрный счетъ; 3) отчеты въ ихъ употребленіи.

Трудно предполагать, чтобъ въ пространномъ государствѣ одинъ министръ могъ управлять сими тремя частями. Послѣдняя изъ нихъ — отчетъ (comptable) — должна быть даже по существу своему отъ него независима, ибо онъ самъ нѣкоторымъ образомъ въ ней былъ бы истецъ, отвѣтчикъ и судья.

Такимъ образомъ, часть финансовъ должна заключать въ себѣ три департамента: 1) финансовъ, 2) казначейства и 3) отчетовъ.

Въ-третьихъ, министерство полиціи. Выше были означены причины, по коимъ департаментъ сей составляетъ часть отдѣльную. Причины сіи кратко состоятъ въ томъ, что внутренняя государственная безопасность сама по себѣ есть столько же предметъ уважительный и обширный, какъ и всѣ другія части управленія. Прежде нежели можно думать о промышленности и народномъ богатствѣ, прежде нежели можно помышлять о казенныхъ доходахъ, должно оградить лицо и стяжаніе каждаго безопасностію; посему-то и выше было замѣчено, что часть сія должна служить всѣмъ другимъ внутреннимъ частямъ утвержденіемъ и нѣкоторымъ ручательствомъ въ успѣхъ ихъ предпріятій.

Существо дѣлъ, департаменту сему свойственныхъ, опредѣляется самымъ предметомъ его учрежденія. Внутренняя безопасность ограждается: 1) мѣрами предупрежденія; 2) мѣрами пресѣченія. Отсюда происходятъ два главныя раздѣленія полиціи:

1) *Полиція учредительная* (police administrative). Сюда принадлежат всѣ учрежденія, коими предупреждается нарушение безопасности. Одни—публичныя; къ нимъ принадлежатъ: паспорта, надзоръ зрѣлищъ, публичныхъ собраний и проч.; другія—сокровенныя; сюда принадлежатъ: непримѣтный надзоръ за иностранцами и всѣ тѣ мѣры наблюденія за движеніемъ общественнаго духа, кои извѣстны подъ именемъ *отсишей полиціи*.

Всѣ мѣры сіи, какъ публичныя, такъ и сокровенныя, должны быть: 1) въ тѣсной связи между собою, ибо однѣ другимъ онѣ служатъ повѣркою и способомъ къ открытію; 2) онѣ должны имѣть для всей имперіи подлежащую степень единства, ибо разлеченное ихъ дѣйствіе никогда не доставитъ полныхъ и правильныхъ заключеній ¹⁾.

2) *Полиція исполнительная* (police executive). Сюда принадлежатъ всѣ мѣры, коими пресѣкается нарушение безопасности, коего нельзя было отвратить мѣрами предупрежденій. Сюда принадлежатъ: устройство внутренней стражи, разныя учрежденія смиренныя, рабочія, темничныя и пр. Всѣ сіи учрежденія должны быть между собою въ такой же связи и единствѣ, какъ и дѣйствія полиціи учредительной.

Третій недостатокъ въ настоящемъ положеніи министерствъ есть недостатокъ внутренняго ихъ состава и образованія.

Два рода постановленій необходимо нужны къ устройству всякой исполнительной части: 1) уставъ и 2) учрежденіе.

Уставъ долженъ опредѣлять съ точностію главные правила, на коихъ министръ долженъ управлять ввѣренною ему частію.

Учрежденіе должно установить предметы его, предѣлы его власти, образъ его дѣйствія и постепенное исполненіе.

Такъ, напримѣръ, министръ внутреннихъ дѣлъ долженъ управлять мануфактурами по ихъ уставу; слѣдовательно, первая его обязанность есть пересмотрѣть и дополнить сей уставъ или вновь его составить. Примѣнить здѣсь должно, что нѣтъ лучшаго способа уменьшить множество дѣлъ текущихъ, какъ составленіемъ уставовъ ²⁾. По-

---

¹⁾ Такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ появились бы ложныя ассигнаціи; но корень ихъ можетъ быть на какой-либо фабрикѣ въ отдаленной губерніи. Если министръ полиціи не имѣетъ тамъ своихъ связей, то скоро появленіе ассигнацій огласится, и нить, связующая ихъ съ началомъ, тотчасъ пресѣчется.

²⁾ О дѣлахъ текущихъ много и часто разсуждали. Нужно составить о нихъ точное понятіе. *Дѣлами текущими* называются тѣ дѣла, коихъ предметы періодически или по крайней мѣрѣ часто, въ одномъ и томъ же видѣ, приходятъ на разрѣшеніе начальства. Чѣмъ менѣе есть общихъ положительныхъ правилъ, чѣмъ предѣлы власти менѣе опредѣлены, тѣмъ естественно

сему первое и самое существенное упражненіе каждого министерства должно состоять въ дополненіи и усовершеніи его уставовъ. Но прежде нежели уставы будутъ составлены, каждое министерство должно имѣть свое внутреннее учрежденіе, или распорядокъ разныхъ его частей и постепенности ихъ управленія.

Постепенность сія заключаетъ въ себѣ одинъ изъ главнѣйшихъ способовъ сохранить единство въ обширномъ кругѣ дѣйствій.

Для сего необходимо должно установить во всѣхъ обширныхъ министерствахъ для важныхъ частей особенныхъ директоровъ, кои бы управляли ими по уставамъ; относились къ министру въ тѣхъ только случаяхъ, когда предстанетъ дѣло, уставомъ не опредѣленное и коего нельзя разрѣшить по его смыслу; и сверхъ того въ установленные сроки они должны представлять ему таблицы о положеніи ихъ части.

Такимъ образомъ раздѣленный на части трудъ пойдетъ успѣшнѣе, а единство ничего не потеряетъ, ибо еще разъ примѣнить должно, что единство состоитъ не въ подлинси руки, но въ единообразіи главныхъ усмотрѣній.

На сихъ основаніяхъ составленное министерство, окруженное законною отвѣтственностію, соразмѣренное въ дѣлахъ своихъ естественною ихъ связью и снабженное уставами и учрежденіями, будетъ дѣйствовать съ силою и уваженіемъ и станетъ на той высотѣ, которую ему первое его установленіе предназначало, но коей оно доселѣ не могло еще достигнуть.

II. Губернское управленіе.

Составъ губернскаго управленія долженъ быть основанъ на томъ

должно быть болѣе дѣлъ текущихъ, ибо тогда каждое дѣло несетъ съ собою новое затрудненіе. Никто не знаетъ, что онъ можетъ на себя принять и чего не долженъ: отсюда все идетъ на Высочайшее разрѣшеніе и, при видимой поспѣшности, все терпитъ великую остановку. Отъ двухъ причинъ увеличилось, съ 1796-го года, количество дѣлъ текущихъ: 1) отъ того, что вообще духъ народный, возбужденный разными обстоятельствами и даже успѣхами промышленности, сталъ безпокойнѣе и нѣтлинѣе; 2) что самовластіе мѣстныхъ начальствъ, которое, до 1796-го года, одно служило достаточнымъ отвѣтомъ на всѣ вопросы, подвергнувшись, съ того времени, большому надзору и частымъ объясненіямъ, нарочито уменьшилось. Отсюда произошло, что губернаторъ во всемъ ищетъ отъ министра, а министръ, не имѣя правилъ или устава, по необходимости, долженъ просить онаго отъ верховной власти. Итакъ, одинъ уставъ и постепенное разграниченіе власти можетъ уменьшить сію громаду текущихъ дѣлъ, подъ коею стонутъ всѣ министерства.

же правилъ единства и постепенности, которое всему порядку исполнительному свойственно.

Въ губерніи находятса въ меньшемъ размѣрѣ тѣ же самые предметы внутренняго управленія, какіе и въ министерствѣ.

Они представляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

I) Полиція:

- 1) Учредительная.
- 2) Исполнительная.

II) Финансы:

- 1) Приходы и расходы.
- 2) Казначейство.
- 3) Отчетъ.

III) Народная промышленность:

- 1) Земледѣліе.
- 2) Фабрики.
- 3) Торговля.
- 4) Почты.

Предметы сихъ трехъ частей не равны между собою: нѣкоторые изъ нихъ требуютъ особеннаго управленія, другіе же одного общаго надзора. Части, требующія особеннаго управленія, суть:

- 1) Полиція.
- 2) Финансы.
- 3) Казначейство.
- 4) Управление казенными вѣрстѣями.
- 5) Лѣсоводство.
- 6) Межеваніе земель.
- 7) Почты.

Въ настоящемъ порядкѣ одна только полиція состоитъ прямо въ управленіи губернатора, на прочія части онъ имѣетъ косвенное только вліяніе. Отсюда происходитъ недостатокъ связи и непрерывныя почти приращенія одной части къ другой.

Слѣдующія начала можно положить основаніемъ губернскаго управленія.

I. Губернское управленіе вездѣ соединить съ казенною палатою подъ именемъ *губернскаго правительства*.

II. Губернское правительство раздѣляется на слѣдующія экспедиціи:

1) *Полицейская*. Сюда принадлежать будутъ всѣ дѣйствія полиціи учредительной и исполнительной, губернская и окружная стражи, рекрутскій наборъ и проч.

2) *Экспедиція народной промышленности*. Межеваніе земель, фабрики, торговля, учебныя заведенія, почты.

3) *Экспедиція казенная*. Сюда принадлежатъ всѣ казенные сборы, соль, вино, управленіе казенными крестьянами, лѣсоводство, часть строительная.

III. Каждая экспедиція имѣетъ столько отдѣленій, сколько есть обширныхъ частей, въ нее входящихъ; такъ, напр., экспедиція казенная можетъ имѣть три отдѣленія: 1) казенныхъ сборовъ, 2) соль и вино, 3) управленіе казенныхъ крестьянъ, 4) лѣсоводство, 5) часть строительная.

IV. Каждая экспедиція имѣетъ одного управляющаго.

V. Каждая экспедиція управляется по своимъ уставамъ и учрежденіямъ.

VI. Въ дѣлахъ важныхъ, коиъ родъ особенно опредѣляется, всѣ управляющіе составляютъ общее собраніе, коего предсѣдатель есть губернаторъ.

VII. Губернаторъ имѣетъ надзоръ надъ движеніемъ всѣхъ частей, и всѣ предписанія министерства къ нему обращаются.

VIII. Онъ отвѣтствуетъ министерству, а управляющіе отвѣтствуютъ ему.

IX. Въ каждой экспедиціи есть родъ дѣлъ, кои не могутъ быть рѣшены безъ его утвержденія.

X. При каждомъ правительствѣ находится совѣтъ, составленный изъ депутатовъ всѣхъ состояній, собственность въ губерніи имѣющихъ.

XI. Совѣтъ собирается одинъ разъ въ году, въ установленное время.

XII. Губернаторъ даетъ отчетъ совѣту въ сборѣ и употребленіи денегъ на земскія повинности и предлагаетъ смѣту оныхъ на будущей годъ.

XIII. Совѣтъ, рассмотрѣвъ сей отчетъ, дѣлаетъ на оный примѣчанія; одинъ экземпляръ сихъ примѣчаній, за подписаніемъ всѣхъ, доставляется къ министру финансовъ, другой остается у губернатора для надлежащихъ объясненій.

XIV. Рассмотрѣвъ отчетъ прошедшаго года, совѣтъ чинитъ раскладку на будущій и доставляетъ таковыя же экземпляры.

XV. Имѣстѣ съ симъ и таковымъ же порядкомъ совѣтъ чинитъ представленія о нуждахъ губерніи.

На сихъ основаніяхъ составленное губернское управленіе будетъ имѣть цѣлость и единство во всѣхъ дѣлахъ своихъ. Законная власть его съ одной стороны не будетъ развлекаема, какъ нынѣ, на разныя части, не будетъ теряться въ пустыхъ состязаніяхъ, а съ другой будетъ умѣряема дѣйствіемъ совѣта.

III. Управление окружное.

Управление окружное должно быть составлено въ меньшемъ видѣ на тѣхъ же самыхъ правилахъ.

Вице-губернаторъ долженъ занимать въ немъ мѣсто губернатора.

Управление волостное сохранить тотъ же образецъ въ своемъ составѣ, но будетъ имѣть еще меньшій размѣръ.

Начальникъ волостнаго управления будетъ отвѣчать одинъ начальнику окружному, сей губернскому, а онъ министерству.

Такимъ образомъ всѣ части управления придуть въ надлежащее единообразіе и отъ министра до послѣдняго волостнаго начальника дѣла пойдуть, такъ сказать, прямою линією, не кружась, какъ нынѣ, во множествѣ изворотовъ, гдѣ не можно найти ни конца, ни слѣдовъ разнымъ злоупотребленіямъ.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВѢТЪ.

I. Основанія коренныхъ законовъ, опредѣляющихъ совѣтъ.

Коренные государственные законы опредѣляютъ составъ совѣта, существо и главныя формы его дѣйствія.

Особенныя учрежденія опредѣляютъ подробно предметы его и образъ производства дѣлъ.

I. Въ порядкѣ государственныхъ установленій совѣтъ представляетъ сословіе, въ коемъ всѣ дѣйствія порядка законодательнаго, суднаго и исполнительнаго въ главныхъ ихъ отношеніяхъ соединяются и чрезъ него восходятъ къ державной власти и отъ нея изливаются.

II. Посему всѣ законы, уставы и учрежденія въ первыхъ ихъ начертаніяхъ предлагаются и разсматриваются въ государственномъ совѣтѣ и потомъ дѣйствіемъ державной власти поступаютъ къ предназначенному имъ совершенію въ порядкѣ законодательномъ, судномъ и исполнительномъ.

III. Никакой законъ, уставъ и учрежденіе не исходитъ изъ совѣта и не можетъ имѣть своего совершенія безъ утвержденія державной власти.

IV. Совѣтъ составляется изъ особъ, Высочайшею довѣренностью въ сословіе сіе призываемыхъ.

V. Члены совѣта могутъ имѣть званія въ порядкѣ судномъ и исполнительномъ.

VI. Министры суть члены совѣта по ихъ званію.

VII. Въ совѣтъ предсѣдательствуетъ Императоръ или лично, или назначеніемъ одного изъ его членовъ.

VIII. Назначеніе члена предсѣдательствующаго возобновляется по временамъ по Высочайшему усмотрѣнію.

IX. Совѣтъ раздѣляется на четыре департамента:

- 1) Законовъ;
- 2) Дѣлъ военныхъ;
- 3) Дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ;
- 4) Государственной экономіи.

X. Каждый департаментъ имѣетъ опредѣленное число членовъ, изъ коихъ одинъ предсѣдательствующій.

XI. Члены всѣхъ департаментовъ составляютъ общее собраніе совѣта.

XII. Члены совѣта, при опредѣленіи коихъ не будетъ наименованъ особенный департаментъ, присутствуютъ въ общихъ собраніяхъ.

XIII. Распорядокъ членовъ по департаментамъ и ихъ предсѣдателей возобновляется по временамъ по Высочайшему усмотрѣнію.

XIV. Присутствія департаментовъ и общихъ собраній имѣютъ положенные дни, но по уваженію дѣлъ во всякое время они могутъ быть созваны особеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ.

XV. Всѣ постановленія, выходящія изъ совѣта, по Высочайшемъ ихъ утвержденіи къ исполненію, имѣютъ слѣдующую форму:

1) Уставы и учрежденія и ихъ дополненія имѣютъ форму манифестовъ, во вступленіи коихъ означается: *Внявъ мнѣнію государственнаго совѣта, повелѣваемъ или учреждаемъ*, и проч.

2) Изъясненія уставовъ и учрежденій, не постановляющія ничего новаго, но опредѣляющія точный разумъ прежнихъ, имѣютъ видъ докладовъ, коихъ утвержденіе имѣетъ форму: *Быть по сему*.

Примѣчаніе. Никакой частный случай не можетъ быть предметомъ доклада; онъ долженъ быть прежде приведенъ въ общій его разумъ такъ, чтобы всѣ частные случаи сами собою уже ими опредѣлялись. Сіе подробно изъяснится въ образѣ.

II. Основанія къ учрежденіямъ совѣта.

По отдѣленіи отъ сената всѣхъ предметовъ управленія, они будутъ входить въ совѣтъ чрезъ министерство и будутъ раздѣляемы по департаментамъ слѣдующимъ порядкомъ:

Предметы департаментовъ совѣта:

Въ департаментъ законовъ будетъ входить все то, что по существу своему составляетъ предметъ закона. Комиссія законовъ будетъ вносить въ сей департаментъ всѣ свои работы.

Въ департаментъ военныхъ дѣлъ будутъ входить предметы министерствъ военнаго и морскаго.

Въ департаментъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ будутъ входить дѣла юстиціи, управленія духовнаго и полиціи.

Въ департаментъ публичной экономіи будутъ принадлежать дѣла по министерствамъ внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, казначейства и отчетовъ.

Исключая дѣлъ, кои особеннымъ наказомъ въ каждомъ министерствѣ предоставлены будутъ непосредственному докладу, всѣ прочія дѣла, превышающія власть министра, въ общемъ наказѣ подробно означенную, вносятся въ департаменты совѣта по ихъ принадлежности.

Предметы общихъ собраній совѣта.

Законы, уставы и учрежденія и ихъ дополненія, бывъ разсмотрѣны въ департаментѣ, вносятся въ общее собраніе.

Общія внутреннія мѣры, въ чрезвычайныхъ случаяхъ приемлемыя и коренными законами дѣйствию исполнительной власти предоставленныя, входятъ непосредственно въ общее собраніе.

Объявленіе войны и заключеніе мира и другія важныя политическія вѣщныя мѣры вносятся въ общее собраніе совѣта, когда по соображенію обстоятельствъ найдено будетъ сіе нужнымъ.

Ежегодныя смѣты (бюджеты) приходовъ и расходовъ и чрезвычайныя финансовыя мѣры, преѣдя назначенный имъ степень предварительныхъ соображеній въ департаментѣ, предлагаются общему собранію совѣта.

Всѣ дѣла о вознагражденіи частныхъ людей за имущества, на государственныя нужды взимаемыя, всѣ дѣла, по коимъ отчуждается какая-либо часть казенныхъ доходовъ или имущества въ частное владѣніе, бывъ разсмотрѣны въ своемъ департаментѣ, входятъ на уваженіе совѣта.

Отчеты всѣхъ министерствъ входятъ въ общее собраніе совѣта.

Сверхъ сего министръ казначейства каждый мѣсяцъ представляетъ совѣту положеніе приходовъ и расходовъ и предлагаетъ временно нужныя мѣры къ соблюденію опредѣленной въ нихъ соразмѣрности.

ОБЪ УСТАНОВЛЕНІЯХЪ, ПРИ СОВѢТЪ СОСТОЯЩИХЪ.

I. Коммиссія законовъ.

Поелику первое начертаніе и приуготовленіе законовъ, уставовъ и учрежденій относится ко всѣмъ министерствамъ и не принадлежитъ ни къ одному изъ нихъ исключительно, то и слѣдуетъ комиссіи законовъ относиться прямо въ совѣтъ посредствомъ ея управляющаго.

Такимъ образомъ всѣ законы, уставы и учрежденія, изготовляемыя въ комиссіи, будутъ вносимы сначала въ департаментъ законовъ, а оттуда въ общее собраніе и потомъ уже, слѣдуя существу ихъ, поступать или въ порядокъ законодательный, или же обращаться къ исполненію по надлежащемъ ихъ утвержденіи.

II. Статсъ-секретари.

При четырехъ департаментахъ совѣта находится по одному статсъ-секретарю, коихъ должность есть приуготовленіе дѣлъ, въ совѣтъ поступающихъ, дополненіе ихъ нужными свѣдѣніями и предложеніе ихъ совѣту.

Сверхъ сего статсъ-секретари, подъ предсѣдательствомъ одного члена совѣта, составляютъ комитетъ для разсмотрѣнія прошеній, входящихъ на Высочайшее имя. Особенный наказъ опредѣлить подробно дѣйствія сего комитета.

III. Аудиторы.

Отъ каждаго министерства находится при совѣтѣ по одному аудитору. Существенная ихъ должность есть доставлять всѣ свѣдѣнія по дѣламъ каждаго министерства, въ совѣтѣ нужныя, и быть помощниками статсъ-секретарей въ приуготовленіи и въ предложеніи дѣлъ совѣту.

IV. Государственная канцелярія.

Какъ государственный совѣтъ есть общее средоточіе всѣхъ государственныхъ дѣлъ, такъ канцелярія должна быть общимъ средоточіемъ окончательнаго ихъ приуготовленія.

Все, что восходит къ утвержденію державной власти, должно имѣть въ формахъ своихъ самый высшій степень достоинства, точности и единства.

Поэтому каждый законъ, уставъ и учрежденіе, въ совѣтѣ предложенное и достойное Высочайшаго утвержденія, получаетъ окончательную свою форму въ государственной канцеляріи.

Изъ сего изъемяются тѣ только дѣла, кои по наказамъ министровъ предоставлены особенному ихъ докладу.

Государственный канцлеръ есть главный начальникъ государственной канцеляріи.

Государственный секретарь управляетъ ею непосредственно.

Къ составу ея принадлежать статсъ-секретари и аудиторы.

Въ государственной канцеляріи хранятся всѣ оригинальныя постановленія законовъ, уставовъ и учреждений.

Въ ней хранится государственная печать.

Къ вѣдомству ея принадлежать всѣ государственныя архивы.

Въ государственной канцеляріи находятся самыя точныя свѣдѣнія о положеніи всѣхъ частей внутренняго управленія въ главномъ и общемъ ихъ соображеніи.

Она имѣетъ пять отдѣленій: четыре, соответствующія департаментамъ совѣта, и пятое отдѣленіе для распорядка государственныхъ архивовъ.

По роду дѣлъ ея она ограничена самымъ умѣреннымъ числомъ лучшихъ дѣлопроизводителей.

Всѣ дѣла, въ совѣтѣ входящія и изъ совѣта исходящія, идутъ чрезъ государственную канцелярію, въ ней приготавливаются и отъ нея на утвержденіе ихъ отправляются къ надлежащему ихъ исполненію.

Шарль Фурье ¹⁾.

Н. В. Водовозова.

Ни въ обществѣ, ни въ литературѣ нѣтъ вполне установившагося взгляда на Фурье. Одни видятъ въ немъ только безумнаго мечтателя, другіе—выдающагося мыслителя. Одни обвиняютъ его въ безнравственности, другіе называютъ проповѣдникомъ новой, болѣе чистой и совершенной нравственности. Историки-экономисты относятся къ Фурье въ большинствѣ случаевъ крайне неблагоклонно; они ему отказываютъ въ званіи ученаго и помѣщаютъ въ рубрику „утопистовъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ такіе авторы-писатели, какъ Лоренцъ Штейнъ и Милль, даютъ довольно благоклонныя характеристики ученія Фурье.

Если отъ оцѣнки взглядовъ Фурье обратиться къ вопросу объ ихъ исторической роли, то здѣсь окажется уже гораздо болѣе единодушія въ мнѣніяхъ. Никто не станетъ отрицать, что идеи Фурье нашли въ свое время массу горячихъ приверженцевъ, какъ на ихъ родинѣ, такъ и во многихъ другихъ странахъ. Люди, знакомые съ подвѣйшей исторіей этихъ идей, не станутъ оспаривать и того, что они оказали значительное вліяніе на многихъ представителей экономической науки.

Такимъ образомъ совершенно оправдывается тотъ интересъ къ Фурье, который обнаруживается на Западѣ, особенно въ послѣднее время. Доказательствомъ его можетъ служить обширная литература,

---

¹⁾ При изложеніи ученія Фурье въ его собственныхъ сочиненіяхъ мы руководствовались главнымъ образомъ двумя: *Le nouveau monde industriel et social*. Besançon, 1828, и *L'Harmonie universelle et le phalanstère. Recueil méthodique de morceaux choisis de l'auteur*. 2 тт. Paris. 1849. Большимъ подспорьемъ служили для насъ также книги В. Консидерана: *Destinée sociale*. 3 тт. 3-me ed. 1849 и *Le socialisme devant le vieux monde ou le vivant devant les*

посвященная изложенію и оцѣнкѣ сочиненій французскаго мыслителя, и между прочимъ появившіяся въ послѣдніе годы слѣдующія, специально его касающіяся, книги: *Bebel*, *Charles Fourier, sein Leben und seine Theorien*; *Dr Otto Warschauer* *Fourier u. seine Schule* и *Oeuvres choisies de Fourier* въ *Petite bibliothèque des économistes* Гильомэна.

Но если интересно ученіе Фурье, то такъ же интересна и его жизнь. Простой приказчикъ, собственными силами дополнившій свое крайне скудное формальное образованіе, свободно и съ знаніемъ дѣла трактующій о вопросахъ политическихъ, нравственныхъ и политической экономіи, и наконецъ выступающій реформаторомъ всего общественнаго строя,—явленіе, надо сознаться, совершенно исключительное. Судьба, изъ ряда вонъ выдвигая человѣка, заслуживаетъ того, чтобы надъ ней нѣсколько остановиться и задуматься...

Надѣмся, что въ виду сказаннаго, а также въ виду отсутствія у насъ какой-бы то ни было біографіи Фурье, предлагаемый очеркъ окажется нелишнимъ.

Историки-экономисты относятся къ Фурье неблагоклонно, онъ до сихъ поръ фигурируетъ у нихъ подъ именемъ „утописта“, да еще особенно утопическаго утописта. Въ обыкновенныхъ изложеніяхъ его идей первое мѣсто занимаютъ всегда пророчества Фурье о будущихъ твореніяхъ въ животномъ мірѣ и о космическихъ перемѣнахъ; затѣмъ идетъ заманчиво-невѣроятное описаніе счастливой жизни въ „Новомъ Мірѣ“, и наконецъ случайныя выборки изъ его „психологій“, гдѣ разнымъ страстямъ человѣка придаются какія-то непонятныя, нелѣ-

---

morts, suivi de: *Jesus Christ devant les conseils de guerre* par V. *Meunier*. 4 tirage. Libr. phalanstérienne. Paris. 1850.

Но особенно широко при составленіи нѣкоторыхъ главъ этой книжки мы пользовались нашей собственной статьей (см. „Русскую Мысль“, 1892, № 9 „Фурье, опытъ критическаго обзора его ученія“), куда и отсылаемъ читателя, желающаго имѣть болѣе обстоятельное изложеніе первой части системы Фурье вмѣстѣ съ подробной бібліографіей всей русской и иностранной литературы о немъ. Здѣсь же мы ограничимся указаніемъ только лучшихъ статей или книгъ, посвященныхъ Фурье:

— *Louis Reybaud*. „*Etudes sur les reformateurs ou socialistes modernes*“, 2^е vs. 7-me ed. Paris, 1864.

— *Ch. Pellarin*. *Charles Fourier, sa vie et sa théorie*. 2-me ed. Paris, 1843.

— *Bebel*. *Charles Fourier. Sein Leben und seine Theorien*. Stuttgart, 1888.

— *L. Stein*. *Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs*. 2-e Ausgabe. 2 B. Leipzig, 1848.

— *Исаевъ*. Мѣсто Фурье въ общественно-хозяйственной наукѣ. „Юридическій Вѣстникъ“, 1880 г., №№ 4 и 5.

— *Dr. Otto Warschauer*. *Geschichte der Socialismus und neueren Communismus*. Zweite Abh. *Fourier und seine Schule*. 1893.]

пня названія. Закачивается обыкновенно подобное изложеніе цитатами, изъ коихъ видно, какимъ непопулярнымъ самолюбивіемъ отличался Фурье и какъ ревниво дорожилъ онъ всѣми мелочами этой своей безсвязной и фантастической системы... Экономическая сторона ученія Фурье, если ей и отводится извѣстное мѣсто, остается такимъ образомъ висящею въ воздухѣ и сводится только къ очень рѣшительнымъ, но совершенно бездоказательнымъ *требованіямъ*.

Знакомясь съ Фурье по такимъ изложеніямъ, читатели заранее готовы согласиться съ самыми рѣзкими приговорами на его счетъ, въ особенности когда эти приговоры исходятъ отъ различныхъ и притомъ, повидимому, вполне авторитетныхъ лицъ. Съ полнымъ презрѣніемъ о Фурье говорятъ и Дюрингъ, и Шэфле, и Грюнъ, и Ферразъ, и Лавеле, и Прудонъ; всѣ они склонны въ немъ видѣть фантазера, мечтателя, сумасшедшаго, и ужъ никоимъ образомъ не ученаго экономиста. Конечно, на ряду съ неблагоприятными оцѣнками можно указать и на нѣкоторые благосклонные отзывы, на нѣсколько болѣе или менѣе сочувственныхъ характеристикъ его ученія. Ихъ дѣлали въ Германіи, напр., Лоренцъ Штейнъ, въ Англіи—Дж. Ст. Милль, у насъ въ Россіи—проф. А. Исаевъ. Но двѣ три благосклонныя оцѣнки тонутъ въ массѣ осужденій, такъ что общее впечатлѣніе получается такое, что экономисты совсѣмъ не желаютъ видѣть въ Фурье своего собрата. Это тѣмъ болѣе выглядит такъ, что и до самаго послѣдняго времени Фурье не дождался признанія, и въ наши дни, если встрѣчается гдѣ-нибудь упоминаніе о немъ, то это обыкновенно упоминаніе въ насмѣшливомъ или порицающемъ тонѣ. Любопытно, что даже въ новомъ изданіи его избранныхъ сочиненій, которыя составили томикъ въ „Маленькой библиотекѣ экономистовъ“ Гильемена, вступительная статья г. Жюда представляетъ собою пригвѣръ такого же точно насмѣшливо-осуждающаго отношенія. Въ Германіи надъ нимъ надѣвается въ наши дни Гуго Эйзенхартъ въ своей довольно распространенной „Исторіи политической экономіи“, у насъ же въ книгѣ г. Щеглова („Исторія социальныхъ системъ“) сдѣлана была даже оригинальная попытка собрать воедино всю брань, какая только сыпалась когда-нибудь на голову Фурье. Самъ авторъ этой квази-исторіи, изложивши его систему по объясненному выше шаблону, приходитъ къ такому заключенію, рѣзкость котораго равняется только его полнѣйшей неосновательности. „Если Фурье не сумасшедшій, не шарлатанъ“, говоритъ г. Щегловъ, „то всѣ чудовищности, высказанныя имъ, не что иное, какъ слѣдствіе теоретическаго изгнанія логики, удаленія ума изъ его собственной, исключительно ему принадлежащей области мысли. Вслѣдствіе чего мысль Фурье дѣйствительно и сполна превратилась въ бредъ, да притомъ въ бредъ съ особен-

нимъ характеромъ крайней безнравственности, униженія человѣческой природы, низведенія ея на низшія ступени царства животнаго. Система Фурье не можетъ быть превзойдена никакой неблагопріятной оцѣнкой...“.

Нечего и говорить, что такъ жестоко осужденный критикой, Фурье не встрѣтилъ къ себѣ безпристрастія и со стороны публики, которая въ отношеніи къ нему раздѣлилась на двѣ неравныя группы: одни, читая его сочиненія, поражались глубиной мысли, увлекались вѣрою автора и дѣлались ревностными адептами новаго ученія, другіе—и такихъ большинство—знакомились съ нимъ по наложеніямъ, смѣялись надъ пророческими крайностями Фурье и не хотѣли признавать за нимъ никакого научнаго значенія. Отдаленность того времени, когда онъ писалъ, и съ тѣхъ поръ подвинувшаяся значительно впередъ экономическая наука позволяютъ намъ теперь отнести къ Фурье и болѣе безпристрастно, и болѣе справедливо. Тѣмъ не менѣе время всеобщаго признанія, какъ уже сказано, для Фурье еще не наступило. Съ именемъ его еще не связывается сколько-нибудь отчетливаго представленія объ его заслугахъ, тогда какъ каждый хоть въ общихъ чертахъ да знаетъ, что сдѣлали для полит. экономіи Кене, Ад. Смитъ, Тюрго, Рикардо, Милль, Карлъ Марксъ. А между тѣмъ значеніе Фурье въ исторіи экономической науки велико и неоспоримо, хоть его роль была и не совсѣмъ такого характера, какъ только что перечисленныхъ нами экономистовъ.

Желая съ своей стороны сдѣлать все для вѣрной оцѣнки Фурье, мы постарались взглянуть на него со всѣмъ возможнымъ безпристрастіемъ и въ настоящей книжкѣ сдѣлали попытку изложить его идеи въ необходимой связности и полнотѣ. Предпославъ наложенію самой системы нѣкоторые факты изъ жизни Фурье, характерные и для его мировоззрѣнія, и для его нравственной личности, мы въ то же время считали нужнымъ присоединить къ книжкѣ и такую часть, которая менѣе существенна въ біографіяхъ всѣмъ извѣстныхъ, всѣми признанныхъ ученыхъ. Изложеніе идей Фурье мы заключили ихъ критической оцѣнкой, гдѣ, строго выдѣливъ и осудивъ всю утопическую часть его системы, мы постарались дать вѣрное понятіе объ ея положительной сторонѣ, о руководящихъ принципахъ Фурье и о томъ отношеніи, въ которомъ они находятся къ современному знанію. Смѣемъ надѣяться, что въ такомъ видѣ біографія эта послужитъ къ тому, что наши читатели отдадутъ необходимую дань уваженія французскому мыслителю, не мало потрудившемуся надъ расчищеніемъ поля политической экономіи отъ старыхъ заблужденій и надъ проложеніемъ для нея совершенно новыхъ и дѣйствительно вѣрныхъ путей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Родители.—Дѣтство.—Забавы, вкусы, занятія.—Школа.—Путешествія.—Осада Ліона.—Потеря имущества.—Отношеніе къ революціи.—Военная служба.

Шарль Фурье родился въ Безансонѣ 7-го апрѣля 1772 года. Онъ былъ единственнымъ сыномъ и самымъ младшимъ членомъ семьи. Родители его занимались торговлей, промысловъ предковъ, и потому всѣ домашнія традиціи имѣли характеръ исключительно купеческій. Фурье - отецъ пользовался извѣстнымъ уваженіемъ среди мѣстныхъ торговцевъ, что и выразилось между прочимъ въ избраніи его первымъ судьей по торговымъ дѣламъ. Однако ни уваженіе согражданъ, ни должность судьи не помѣшали ему быть человѣкомъ мало образованнымъ и даже не вполне грамотнымъ. Не лучшее образованіе получила и мать Фурье. Выросшая въ купеческой средѣ, она была очень религіозна, очень экономна,—хозяйка въ полномъ смыслѣ этого слова. До насъ дошла нѣкоторая часть ея переписки съ дѣтьми, изъ которой видно, какъ она была расчетлива въ денежныхъ дѣлахъ и какихъ подробныхъ сообщеній требовала отъ своихъ дѣтей о всѣхъ ихъ, самыхъ мелочныхъ, расходахъ. Особенно возставала она противъ нарядовъ, и это даже служило поводомъ для нѣкоторыхъ раздоровъ въ семьѣ; сестры Фурье любили наряжаться и не упускали случая попросить денегъ у матери на модную шляпку или на новыя ботинки. Въ этомъ маленькомъ расточительствѣ не было, впрочемъ, никакого протеста противъ купеческихъ традицій семьи, которыя въ нихъ какъ разъ выразились съ особенной силой; всѣ три онѣ вышли замужъ за торговцевъ, одна же изъ нихъ имѣла впоследствии даже свой собственный магазинъ.

Шарль Фурье, какъ уже сказано, былъ единственнымъ сыномъ. Это обстоятельство доставляло ему въ семьѣ нѣкоторыя преимущества. Въ то время, какъ его сестры не безъ труда отвоєвывали себѣ тѣ или инныя части туалета и видимо вообще стѣснялись каждымъ сантимомъ, маленькій Шарль располагалъ уже карманными деньгами и тратилъ ихъ довольно свободно на удовлетвореніе своихъ вкусовъ. А вкусы эти, надо сказать, значительно разнились отъ всего, что ожидаешь встрѣтить въ подобной семьѣ. Ребенокъ слабый, болѣзненный, Фурье съ самаго ранняго дѣтства отличался склонностью къ мечтательности и поэтическимъ увлеченіямъ. Шумныя игры дѣтей привлекали его меньше уединенныхъ занятій музыкой или чтеніемъ книгъ. По свидѣтельству одной изъ его сестеръ, онъ очень рано уже

умѣлъ играть на многихъ музыкальныхъ инструментахъ, хотѣ и дошелъ до этого самъ, ни у кого не учась, никого не спрашивая. Другою страстью Фурье были цвѣты. Комната его представляла собою настоящую оранжерею: различныя растенія въ необыкновенномъ порядкѣ покрывали и полъ, и окна, для самого же хозяина оставался только небольшой уголокъ.

Любовь къ уединенію и нѣкоторая мечтательность развили въ мальчикѣ сильное воображеніе. Воспитанный религіозно, онъ останавливался не разъ на мысли о загробной жизни, и тогда страшная картина ада въ самыхъ ужасныхъ краскахъ рисовалась передъ его глазами. „Семи лѣтъ“, рассказывалъ Фурье въ послѣдствіи, „я былъ очень напуганъ горячими угольями и кипящими котлами. Меня постоянно водили на разныя проповѣди и службы, и вотъ, наконецъ, пораженный угрозами проповѣдниковъ и кипящими котлами, не дававшими мнѣ покою по ночамъ, я рѣшилъ покаяться въ цѣлой массѣ грѣховъ, о которыхъ и понятія тогда не имѣлъ, но которые, какъ мнѣ казалось, могъ совершить, самъ не сознавая того. Я думалъ, что лучше умножить свои грѣхи, чѣмъ опустить хоть одинъ.“ Фурье рассказываетъ, какъ разсердился священникъ, когда услышалъ, что семилѣтній ребенокъ обвиняетъ себя въ сладострастіи и въ симоніи. Служитель церкви увидѣлъ въ этомъ глупую шутку, намѣренную ложь, чуть только не оскорбленіе самой исповѣди. „Но онъ былъ не правъ“, замѣчаетъ Фурье: „не сердиться тутъ нужно было, а смѣяться... Ребенокъ, обвиняющій себя въ симоніи!.. Но еслибъ онъ мнѣ далъ договорить до конца, я бы перечислилъ ему еще всѣ роды преступленій: все, что только находилъ самаго непонятнаго для себя въ катехизисѣ; я рѣшилъ обвинить себя въ чемъ угодно, только бы не пропустить грѣха, который могъ меня ввергнуть въ геенну огненную“...

Было бы ошибочно по этой исповѣди судить о лживости мальчика и вообще видѣть въ ней что-либо, кромѣ естественнаго продукта болѣзненно-разстроенаго воображенія. Наклонностью ко лжи Фурье не отличался, хотѣ мы и встрѣтимся еще съ однимъ случаемъ, когда онъ давалъ о себѣ тоже невѣрные показанія, даже напротивъ:—ненависть къ обману, къ неправдѣ была отличительною чертою его характера. Вотъ, напр., какой эпизодъ изъ его дѣтства сохранился въ памяти его учениковъ, которымъ онъ самъ объ этомъ рассказывалъ. Торговля не могла особенно привлекать маленькаго Фурье, занятаго своими книгами, цвѣтами и музыкой. Но, въ раннемъ дѣтствѣ, онъ интересовался, конечно, и тѣмъ, что дѣлали и старшіе, а потому нерѣдко вертѣлся въ магазинѣ отца, смотрѣлъ на покупателей и на торговлю. Разъ какъ-то (ему было тогда всего 5 лѣтъ) онъ увидѣлъ, что его отецъ кого-то обманулъ; не задумавшись ни на минуту, онъ

тутъ же на мѣстѣ раскрылъ весь обманъ. Нечего и говорить, что за такое разоблаченіе онъ поплатился жестоко: отецъ его высѣкъ, да и могъ ли остаться покойнымъ старый торговецъ въ виду такого безпримѣрнаго въ купеческомъ быту проступка!

Все, что мы знаемъ еще о дѣтствѣ Фурье, рисуется намъ его очень правдивымъ и добрымъ мальчикомъ. Въ компаніи другихъ дѣтей онъ всегда заступался за болѣе слабыхъ и былъ прекраснымъ, преданнымъ товарищемъ. Видъ нищеты вызывалъ его особенное сочувствіе, выражавшееся иногда въ самой трогательной формѣ. Такъ напр., уходи въ школу, онъ бралъ съ собой завтракъ, но по дорогѣ отдавалъ его одному нищему, никогда и никому объ этомъ не проговариваясь. Только съ отъѣздомъ Фурье изъ Безансона, когда нищій пришелъ узнать о здоровьѣ „маленькаго барина“, родители его впервые услышали объ этой постоянной и скромной милостыни.

Школа, которую посѣщалъ Фурье въ Безансонѣ, дала ему, по видимому, не слишкомъ много; наряду съ обязательными уроками, которые онъ отбывалъ вообще очень успѣшно, даже съ наградами, мы видимъ постоянно самостоятельныя и очень усидчивыя занятія. Эта особенная пытливость дѣтскаго ума заслуживаетъ быть отмѣченной здѣсь потому, что въ окружающей средѣ она не могла найти себѣ никакой поддержки: родители Фурье желали воспитать въ своемъ единственномъ сынѣ отнюдь не ученаго, но купца, преемника всѣхъ ихъ торговыхъ операций. А между тѣмъ склонности мальчика были совсѣмъ не практическаго характера: онъ обладалъ богатыми математическими способностями, изучалъ логику, географію, физику, пописывалъ также стихи. Покончивъ съ безансонскою школою, ему хотѣлось поступить въ инженерное училище; нужно думать, что страсть къ географіи и математическія способности побудили его избрать именно это учебное заведеніе. Оказалось однако, что купеческое происхожденіе Фурье становилось на дорогѣ его намѣренію: въ инженерное училище принимались тогда только дворянскія дѣти. Правда, дворянство въ то время покупалось за деньги, но расчетливая г-жа Фурье не согласилась на просьбы сына, находя этотъ расходъ совершенно излишнимъ.

Приходилось стать за прилавокъ.

Отецъ Фурье умеръ, когда самому ему было лишь 9 лѣтъ. Въ завѣщаніи, оставленномъ имъ послѣ смерти, онъ распредѣлилъ свое имущество между дѣтьми такъ, что $\frac{2}{5}$ получалъ сынъ, а три дочери получали каждая по одной пятой части. Распоряженіе имуществомъ до совершеннолѣтія дѣтей вѣдалась матери, которая и занялась торговлей, но, не рѣшаясь брать на себя всей отвѣтственности, вступила въ торговое товарищество со своимъ шуриномъ. Сдѣлка эта

оказалась чрезвычайно невыгодной, через нѣсколько лѣтъ ее пришлось расторгнуть, и долго послѣ того семья Фурье тягалась по судамъ съ своимъ родственникомъ, чтобы заставить его вознаградить причиненныя ей убытки. Разстроенныя семейныя дѣла вынуждали молодого Фурье тотчасъ же по окончаніи школы приняться за добываніе средствъ. Выбора не было: торговля представлялась единственнымъ выходомъ. Къ счастью, однако, торговля повернулась къ нему сначала болѣе привлекательной своей стороною: она дала возможность Фурье удовлетворить практически свою страсть къ географіи.

18-ти лѣтъ мы застаемъ его въ Ліонѣ, куда онъ уѣхалъ по настоянію матери учиться торговлѣ у одного богатаго купца. Но здѣсь онъ остается не долго: желаніе увидѣть новыя мѣста, узнать другихъ людей побудило Фурье перемѣнить патрона, и вотъ въ послѣдующіе годы мы видимъ его странствующимъ по всѣмъ главнѣйшимъ городамъ Франціи: онъ то въ Руанѣ, то въ Ліонѣ, то въ Марсели, то въ Бордо. Въ своихъ скитаніяхъ молодой провинціалъ не могъ не заглянуть и въ столицу. Парижъ произвелъ на него самое сильное впечатлѣніе. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ онъ описываетъ его своей матери: „Вы спрашиваете, пришелся ли мнѣ по вкусу Парижъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Онъ великолѣпенъ; такъ что даже и я, который не легко поддаюсь удивленію, я былъ просто очарованъ, увидѣвъ Пале-Рояль. Въ первый разъ кажется, что входишь въ жилище фей. Здѣсь есть все, чего только можно пожелать: прекрасныя постройки, зрѣлища, мѣста для прогулокъ, выставки модъ,—все, чего душа просить... Можно сказать, что это самое пріятное мѣсто, какое только существуетъ на свѣтѣ!“

Не удовольствовавшись одною Франціей, Фурье предпринялъ и нѣсколько заграничныхъ поѣздокъ. Онъ посѣтилъ многіе города Германіи, Вельгій, Голландіи, причемъ останавливался подольше въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ что-нибудь привлекало его особенное вниманіе. Не слѣдуетъ думать, что это были обыкновенныя увеселительныя поѣздки, къ которымъ его побуждало простое любопытство: въ большинствѣ случаевъ Фурье разѣзжалъ по порученію тѣхъ торговыхъ домовъ, въ которыхъ служилъ и которые, кстати сказать, онъ перемѣнилъ очень часто. Свои обязанности прикащика Фурье выполнялъ вполне добросовѣстно: объ этомъ мы имѣемъ письменное удостовѣреніе отъ одного изъ его патроновъ. „Увѣряю Васъ, сударыня,“ писалъ одинъ ліонскій торговецъ его матери, „что нѣтъ ничего равнаго доброму характеру вашего сына: онъ деликатенъ, честенъ и образованъ. Во всѣхъ моихъ поѣздкахъ онъ мнѣ доставлялъ самое большое удовольствіе.“ Однако занятіе торговлей и сопряженныя съ нею разѣзды, служба для Фурье постояннымъ источникомъ его матеріальныхъ

средствъ, имѣли и другое, болѣе важное значеніе въ его жизни. Здѣсь приобрѣлъ Ф. тѣ богатые свѣдѣнія въ области архитектуры и географіи, которыми впоследствии онъ поражалъ учениковъ, здѣсь же онъ изучалъ въ деталяхъ торговое дѣло и такимъ образомъ былъ основательно подготовленъ къ критикѣ той торговли, которой онъ явился въ своихъ сочиненіяхъ самымъ ожесточеннымъ врагомъ. Вотъ почему для будущаго творца „Новаго Міра“ годы странствованія были въ то же время и годами ученія.

1793-ій годъ застаётъ Фурье въ Ліонѣ. Онъ закупаетъ здѣсь партію колониальныхъ товаровъ, повидимому, для своего семейнаго безансонскаго магазина. Какъ извѣстно, именно въ этомъ году городъ Ліонъ оказалъ сопротивленіе революціонному правительству и вытерпѣлъ сначала продолжительную осаду, а затѣмъ суровую расправу со стороны уполномоченныхъ Конвента. Фурье пережилъ это тяжелое время вмѣстѣ со всѣми обывателями Ліона и на ряду съ ними принималъ участіе въ защитѣ города. Нѣсколько разъ онъ былъ на волоскѣ отъ смерти: послѣ одной вылазки ему удалось вернуться съ поля битвы только съ очень немногими товарищами. А въ это время, когда онъ самъ защищалъ городъ съ оружіемъ въ рукахъ, его товары служили для той же цѣли: тюки его хлопка нагромождались баррикадами у городскихъ воротъ, а сахаръ, чай, рисъ и другіе съѣстные припасы служили для подкрѣпленія раненныхъ. Сопротивленіе Ліона не привело ни къ чему: городъ былъ взятъ, и многіе изъ тѣхъ, кто избѣжалъ смерти въ сраженіяхъ, были теперь казнены, какъ матежники. Въ числѣ другихъ арестовали и Фурье: ему также угрожала смертная казнь, и только какая-то удачная выдумка спасла его жизнь. „Каждый изъ насъ“, писалъ онъ впоследствии, „чтобы спасти себя, не задумывался лгать революціонному комитету. Что касается меня лично, то въ одинъ день я обманулъ три раза комитетъ и тѣхъ, кто у меня дѣлалъ домашній обыскъ. Въ одинъ этотъ день я три раза избѣжалъ гильотины и думаю что, поступилъ хорошо, какъ бы о томъ ни судили господа моралисты“.

Выпущенный послѣ того на свободу, онъ снова былъ арестованъ черезъ нѣсколько дней и на этотъ разъ для своего освобожденія долженъ былъ пожертвовать карманными часами и богатой коллекціей картъ, которою онъ очень дорожилъ. Въ Безансонѣ, куда Фурье поспѣшилъ бѣжать изъ Ліона, ему опять не повезло: мѣстная полиція нашла неисправными его бумаги и заключила его въ тюрьму впредь до разъясненія дѣла. Не желая беспокоить семью, Фурье объ этомъ никому не далъ знать и проводилъ свое время въ заточеніи, игралъ на скрипкѣ и на гитарѣ. Однако слухъ объ его арестѣ распростра-

нился все же по городу, и тогда одинъ влиятельный родственникъ Фурье успѣшилъ выхлопотать ему освобожденіе.

Не дешево обошлось Фурье это лионское возстаніе! Кромѣ личныхъ передрагъ, которыя оно ему доставило, все его имущество погибло во время осады: онъ былъ разоренъ въ конецъ. Нѣкоторые позднѣйшіе критики видятъ въ этомъ основную причину враждебнаго отношенія Фурье къ революціи. Мы думаемъ однако, что факты не подтверждаютъ такой догадки. Свое несчастіе Фурье переносилъ необыкновенно благодушно, и послѣ, находясь въ очень стѣсненныхъ условіяхъ, онъ никогда не жаловался на свое разореніе. Ученики его до самой его смерти такъ и не узнали, что когда-то онъ былъ состоятельнымъ купцомъ и затѣмъ потерялъ свое имущество благодаря политическимъ неурядицамъ. Что же касается того осужденія, съ которымъ онъ относился къ революціи, то причина его лежитъ гораздо глубже. Вполнѣ раздѣляя демократическіе принципы 1789-го года, Фурье въ то же время былъ яркимъ противникомъ всякихъ насильственныхъ мѣръ. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ дѣлаетъ безпрестанныя оговорки, что осуществленія иного, лучшаго строя жизни слѣдуетъ ждать не отъ торжества силы, но отъ торжества разума. Къ нему въ этомъ случаѣ какъ нельзя лучше приложимы слова Огюста Конта, поставленныя имъ во главѣ своей книги: „L'amour pour principe, l'ordre pour base et le progrès pour but“¹⁾. Таково было его глубокое убѣжденіе, вытекавшее изъ всего склада его ума, изъ всего характера, а не изъ случайныхъ внѣшнихъ событій. Послѣдователи Фурье остались вѣрны мирнымъ завѣтамъ своего учителя, и никто лучше Консидерана не выразилъ этой существенной черты всего ученія. „Грубая сила“, говоритъ онъ, „служила закономъ для варварскаго состоянія общества: идея права и любви—вотъ святая, непобѣдимая сила грядущаго міра. Ея день приближается: свѣтъ, одинъ только свѣтъ разгонитъ всѣ призракъ“...

Съ освобожденіемъ Фурье изъ безансонской тюрьмы его мытарства однако еще не кончились. Какъ разъ къ этому времени подошелъ знаменитый указъ Конвента отъ 23-го августа 1793 года. „Съ этого момента“, гласитъ § 1 указа, „вплоть до того времени, когда враги будутъ изгнаны съ территоріи нашей республики, всѣ французы призываются къ постоянной службѣ въ войскахъ. Молодые люди отправятся въ битву, люди женатые станутъ ковать оружіе и доставлять провіантъ, женщины приготовить палатки, одежды, сами будутъ служить въ лазаретахъ, дѣти употреблять на кормію свое ста-

¹⁾ „Любовь въ качествѣ принципа, порядокъ въ качествѣ основанія и прогрессъ въ качествѣ цѣли!“

рое бѣлье, старики заставляютъ себя перенести на площади, чтобы тамъ своимъ словомъ возбуждать храбрость воиновъ и проповѣдывать ненависть къ царямъ ¹⁾ и единство республики". Фурье, какъ „молодой человекъ", былъ завербованъ въ дѣйствующую армію и сталъ служить рядовымъ въ отрядѣ конныхъ стрѣлковъ.

Невольно дивишься, на какія странныя противорѣчія наталкиваетъ иногда дѣйствительность! Убѣжденный противникъ торговли, Фурье занимался ею почти до конца своей жизни, проповѣдникъ мира, любви и согласія, онъ долженъ былъ поступить въ дѣйствующую армію послѣ того, какъ принялъ участіе въ братоубійственной войнѣ... Это-ли не жестокая иронія судьбы! И тѣмъ не менѣе самъ Фурье безропотно покорился своей участи: новыя свои обязанности онъ сталъ исполнять такъ же усердно, какъ прежде исполнялъ обязанности прикащика. Полтора года военной службы установили за нимъ репутацію добраго солдата и доставили со стороны начальства письменное удостовѣреніе въ томъ, что онъ служилъ „достойно и честно" (*il s'est toujours conduit avec honneur et probité*).

Въ 1795-мъ году, получивъ отпускъ, Фурье вернулся и къ своей торговлѣ, и къ своимъ научнымъ занятіямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дух изобрѣтеній. — Литературные опыты. — „Теорія четырехъ движеній". — Смерть матери. — Первый ученикъ. — Дальнѣйшія сочиненія. — Распространеніе фурьеризма. — Неудавшійся фаланстеръ.

Прежде чѣмъ перейти къ тому періоду жизни Фурье, въ которомъ онъ является передъ нами въ качествѣ реформатора общественнаго строя или „творца соціальной системы," какъ его называли ученики, посмотримъ сначала, какимъ образомъ совершилось это любопытное превращеніе простаго прикащика въ литератора и ученаго. Въ дѣйствительности тутъ не было никакого скачка, никакого рѣзкаго перелома: съ одной стороны, какъ это мы отчасти уже и видѣли, Фурье никогда не былъ только прикащикомъ, съ другой — онъ не прекратилъ своихъ торговыхъ занятій даже и тогда, когда его главной заботой стало распространеніе извѣстной доктрины. Въ годы юности, во время своей службы въ торговыхъ домахъ, онъ не удовлетворялся тѣмъ обязательнымъ дѣломъ, которое ему поручали, но вдумчиво, внимательно раз-

---

¹⁾ Здѣсь разумѣются очевидно „цари", составлявшіе тогда коалицію противъ французской республики.

сматривалъ всё окружающія явленія. Однимъ наблюденіемъ, однимъ изученіемъ не исчерпывалась еще однако вся его умственная дѣятельность. Встрѣчая тѣ или нынѣ несовершенства въ наукѣ или въ общественной жизни, Фурье не ограничивался простымъ констатированіемъ или порицаніемъ ихъ. Критика вообще не способна была его удовлетворить. Это былъ умъ по преимуществу творческой, разрушавшій только для того, чтобы созидать нѣчто новое, умъ, который не остается въ покоѣ ни на минуту, но такъ и брызжетъ всевозможными открытіями, прозрѣніями, усовершенствованіями!...

Конечно, главныя заслуги Фурье относятся къ тому времени, когда ему было уже 36 лѣтъ: тогда именно онъ выпустилъ свое большое изслѣдованіе — „Théorie des quatre mouvements“, положившее основаніе всему его общественно-экономическому ученію. Въ виду этой книги и тѣхъ идей, которыя онъ въ пей развиваетъ, все, что Фурье создалъ до того времени, представляется второстепеннымъ и малозначительнымъ. Но если будущій историкъ отмѣтитъ на этомъ основаніи только названное его сочиненіе и еще нѣкоторыя позднѣйшія, то намъ, задавшимся цѣлью прослѣдить жизнь Фурье, не вѣднѣю только жизнь, конечно, но главнымъ образомъ его духовное развитіе, намъ невозможно обойти молчаніемъ и самыя первыя стадіи его умственной дѣятельности. Присматриваясь къ нимъ, видишь наглядно, какъ долго оригинальный умъ Фурье искалъ себѣ надлежащей дороги и какъ сначала онъ постоянно сворачивалъ въ разныя стороны, повсюду оставляя слѣды своей проникательности и своей необыкновенной творческой силы.

Мы знаемъ, что Фурье любилъ музыку. Увлеченіе это было настолько серьезно, что онъ не удовольствовался умѣньемъ играть на различныхъ инструментахъ, но принялся и за теоретическое изученіе этого искусства. Его особенное вниманіе привлекала къ себѣ практиковавшаяся тогда, довольно сложная система нотописанія. Вникнувъ въ дѣло, Фурье замѣтилъ, что она можетъ быть значительно упрощена и съ этою цѣлью предложилъ другую, имъ самимъ придуманную систему. Теперь она уже устарѣла, конечно, и никакого значенія не имѣетъ, тѣмъ не менѣе для того времени его систему нотописанія нельзя не признать извѣстнымъ шагомъ впередъ. Болѣе важное усовершенствованіе, но уже въ совѣтъ иной области, предложилъ Фурье нѣсколько лѣтъ спустя, когда ему пришла мысль объ устройствѣ деревянныхъ сначала, а потомъ и металлическихъ рельсъ. Надо вспомнить, что въ то время не существовало еще ни желѣзныхъ дорогъ, ни такъ назыв. конокъ, рельсовый путь былъ совершенно неизвѣстенъ. Инженеры, къ которымъ обратился Фурье съ своимъ предложеніемъ, нашли его совершенно невыполнимымъ и даже посмѣялись надъ мо-

людямъ изобрѣтателемъ, а между тѣмъ какъ продуктивна оказалась эта простая мысль, когда ее привели въ исполненіе!

Впослѣдствіи, находясь въ различныхъ виѣшнихъ условіяхъ жизни, Фурье то и дѣло подавалъ проекты тѣхъ или иныхъ преобразованій; такъ, напр., результатомъ его службы въ милиціи явилась записка, касавшаяся военнаго дѣла. Она была подана правительству и вызвала отвѣтъ, подписанный Карно; въ немъ говорится, что замѣчанія гражданина Фурье о мѣрахъ для болѣе быстрого передвиженія войска привлекли къ себѣ особенное вниманіе и были приняты съ благодарностью. А эта записка, по словамъ біографа Фурье, была только однимъ обрывкомъ его широкаго плана, касавшагося и продовольствія, и внутренней организаціи войска. Вскорѣ послѣ того, въ 1797 году, Фурье ѣдетъ въ Парижъ, чтобы представить правительству проектъ болѣе значительныхъ и уже не однихъ военныхъ преобразованій. Со своими мыслями Фурье ознакомилъ сначала одного депутата; тотъ ихъ однако нашелъ непрактичными, неприложимыми въ настоящее время. Мы, къ сожалѣнію, не знаемъ, что это былъ за проектъ, какія преобразованія въ немъ предлагались; надо думать, что въ немъ уже заключались въ зародышѣ идея, развитыя Фурье впослѣдствіи въ одно стройное и грандіозное цѣлое. На это намекаютъ слова упомянутаго депутата, который, ознакомившись съ предложеніями Фурье, назвалъ ихъ „слишкомъ отличными отъ общепринятыхъ взглядовъ и отъ основъ существующаго порядка“.

Въ послѣдующіе годы Фурье не оставляетъ своихъ литературныхъ занятій: въ лонскихъ журналахъ того времени можно найти нѣсколько стихотвореній и нѣсколько статей, подписанныхъ его инициалами. Въ статьяхъ обсуждались по большей части различныя злобы дня или мѣстныя нужды. Иной характеръ имѣетъ только небольшой, но чрезвычайно любопытный политическій трактатъ подъ названіемъ: „Континентальный триумvirатъ“. „Эта статья“, говоритъ ученикъ и біографъ Фурье, г. Пелларенъ, „замѣчательная по своему предчувствію готовящагося униженія Пруссіи и Австріи, а также заключительнаго соперничества Россіи съ Франціей, написана безъ всякихъ околичностей, увѣреннымъ тономъ человѣка, который знаетъ, о чемъ говорить“. Статья обратила на себя вниманіе самого императора, и онъ приказалъ навести справки объ ея авторѣ. Ему отвѣчали, что это простой прикащикъ, человѣкъ далекій отъ политики и совсѣмъ не свѣдущій въ ней. Тѣмъ это дѣло и кончилось.

Въ 1808-мъ году появилось первое большое сочиненіе Фурье. Полное его названіе таково: *Théorie des quatre mouvements et des destinées générales. Prospectus et Annonce de la Découverte*.— A Leipsig. 1808. „Теорія четырехъ движеній и всеобщихъ судебъ. Проспектъ

и анонс открыт"). Помѣтка „Лейпцигъ“ сдѣлана была изъ цензурныхъ соображеній, на самомъ же дѣлѣ книга отпечатана въ Лионѣ. Какъ она писалась, сколько времени обдумывалъ Фурье свое произведеніе,—объ этомъ мы не знаемъ ничего вѣрнаго. Выпуская впоследствии собраніе сочиненій Фурье, ученики его объ этой книгѣ сообщали только то, что она должна была составить первый томъ обширной работы, задуманной приблизительно на восемь томовъ. Самъ авторъ остался недоволенъ своимъ „проспектомъ“ и даже впоследствии всегда вспоминалъ о немъ неохотно. Невыгодное впечатлѣніе производитъ книга и на посторонняго читателя; всѣ недостатки Фурье сказались здѣсь какъ то особенно ярко, а всѣ достоинства его остались скрыты, благодаря запутанности и многимъ странностямъ изложенія. Надо замѣтить, что сочиненія Фурье отличаются вообще значительнымъ несовершенствомъ формы, такъ что неподготовленный читатель одолѣетъ ихъ только съ большимъ трудомъ. Дорожа каждой мелочью придуманнаго имъ плана, Фурье въ его изложеніи постоянно сбивается въ сторону, останавливается подолгу на многихъ деталяхъ и тѣмъ только затемняетъ свою главную мысль. Мѣткій въ отдѣльныхъ характеристикахъ, вдохновенный при изображеніи Новаго Мира, проницательный въ своемъ психологическомъ анализѣ, Фурье не имѣлъ, къ сожалѣнію, чисто литературнаго дара; въ особенности не давались ему единство, цѣльность всей книги. Подраздѣляя свое сочиненіе на главы и рубрики, нагромождая параграфы на параграфы, онъ надѣялся такимъ образомъ придать изложенію особенную ясность, а вмѣсто того получалась еще большая спутанность. Къ этому у него присоединялась сначала замѣтная недостаточность доказательствъ. Дѣйствуя преимущественно на чувство читателей, Фурье очень заботился о красотѣ и привлекательности своихъ предложеній и часто совсѣмъ игнорировалъ тѣ возраженія, которыя ему могли быть сдѣланы менѣе увлекающимися людьми. А самъ онъ напротивъ увлекался до того, что судилъ въ Новомъ Мирѣ по истинѣ невѣроятныя вещи, способныя вызвать улыбку и въ самыхъ благосклонныхъ читателяхъ. Все это вмѣстѣ взятое въ соединеніи съ дидактическимъ и нѣсколько самоувѣреннымъ тономъ, особенно сильно сказавшимся въ его первомъ трудѣ, сдѣлало то, что онъ не имѣлъ успѣха въ публикѣ и со стороны критикъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго вниманія. Объясняя первую неудачу Фурье изъ самыхъ свойствъ его книги, мы не хотимъ этихъ сказать, чтобы она дѣйствительно заслуживала такого фіаско. Совсѣмъ напротивъ: каковы бы ни были ея литературныя и иные недостатки, во всякомъ случаѣ „Теорія четырехъ движеній“ представляетъ собой въ высшей степени замѣчательную книгу и сама по себѣ и какъ „аннонсъ“ системы Фурье, впоследствии имъ только нагляднѣе и полнѣе разработанной.

О фактахъ внѣшней и внутренней жизни Фурье за время, предшествовавшее изданію его первой книги и непосредственно слѣдовавшее затѣмъ, мы знаемъ очень немногое. Свѣдѣнія, сообщенныя о Фурье его сестрою, обрываются какъ разъ на этомъ времени, когда онъ долженъ былъ значительно отдалиться отъ семьи и отъ семейныхъ дѣлъ; позднѣе они возобновятся еще ненадолго, но это уже будетъ только нѣсколько отрывочныхъ, случайныхъ сообщений. Другой, и самый важный, источникъ для біографіи Фурье, рассказы учениковъ и его переписка съ ними, для означеннаго періода, въ которомъ Фурье является еще безвѣстнымъ прожектеромъ, авторомъ книгъ не читаемой, незаконченной книги, не даетъ намъ также никакихъ указаній. Имѣя въ виду нѣкоторыя случайныя упоминанія въ его сочиненіяхъ, а также догадки г. Целларэна, слѣдуетъ думать, что писаніе статей въ журналахъ и наконецъ изданіе отдѣльной книги нисколько не измѣнили образа жизни Фурье. Попрежнему онъ занимается торговлей, служитъ прикащикомъ въ различныхъ домахъ и по ихъ порученію предпринимаетъ заграничныя поѣздки. Въ одномъ изъ его позднѣйшихъ сочиненій упоминается мѣлькомъ, что именно около этого времени онъ между прочимъ посѣтилъ Швейцарію. Желая имѣть больше досуга для своихъ литературныхъ занятій, Фурье мѣняетъ обязанности прикащика на должность непатентованнаго маклера. Служба эта по своему характеру ничѣмъ не отличалась отъ обычной маклерской службы, вся разница состояла лишь въ томъ, что непатентованный маклеръ не имѣлъ преимуществъ правительственнаго утвержденія; это не мѣшало однако большимъ торговымъ домамъ постоянно пользоваться его услугами для своихъ нуждъ. Впослѣдствіи посредники этого рода подверглись строгому запрещенію со стороны закона и вынуждены были прекратить свое существованіе. Но тогда, во времена Фурье, непатентованные маклеры были еще въ большомъ ходу, а ихъ профессія считалась вполне законной и кромѣ того довольно прибыльной.

Такимъ образомъ, раздѣленная между торговой конторой и рабочимъ кабинетомъ, протекала мирная, однообразная жизнь Фурье. Ни политическія событія, ни тревоженія личной жизни не вторгались въ его уединенныя занятія. Только одинъ фактъ извнѣ долженъ былъ нѣсколько нарушить этотъ обычный покой: умерла мать Фурье. Въ послѣднее время своей жизни она была очень озабочена литературными занятіями сына: ея религіозное чувство обезпекло слухи о вольнодумномъ содержаніи „Теоріи четырехъ движеній“. Сама она, конечно, не читала этой книги, но услышала о ней черезъ какихъ-то родственниковъ или знакомыхъ. Если и позднѣе Фурье обвиняли не разъ въ безбожій и богохуленіи, то нѣтъ ничего удиви-

тельного, что тѣ же подозрительныя сомнѣнія были высказаны и его набожной матери ея услужливыми друзьями. Потерявъ уже всякое вліяніе на своего взрослого сына, она не стала дѣлать ненужныхъ и для нихъ обоихъ тягостныхъ попытокъ вернуть его на путь истинный, но зато втайнѣ тосковала и безпокоилась. Видя непрактичное направление его занятій и желая чѣмъ-нибудь выразить свою материнскую заботливость, она сдѣлала въ пользу Фурье завѣщаніе, по которому другія ея дѣти, три дочери, обязывались уплачивать своему брату ежегодную пенсію въ 900 франковъ.

Похороны матери, дѣла по наслѣдству, а позднѣе еще продажа семейнаго дома должны были неоднократно вызывать Фурье въ Безансонъ. Вѣроятно это его нѣсколько сблизило съ сестрами, потому что одну зиму затѣмъ мы видимъ его проводящимъ не въ Лионѣ, какъ прежде, а въ одной деревушкѣ въ гостяхъ у сестры. Впрочемъ, что касается пенсіи, то вѣрнѣе будетъ, кажется, предположить, что она выдавалась ему не долго, во всякомъ случаѣ не пожизненно, какъ того желала мать. По крайней мѣрѣ и на этотъ разъ въ жизни Фурье ничего не измѣнилось, и онъ попрежнему продолжалъ зарабатывать себѣ необходимыя средства занятіями въ торговыхъ домахъ. Только черезъ нѣсколько лѣтъ, а именно въ эпоху „ста дней“, положеніе его временно и радикально улучшилось. Благодаря покровительству своего вліятельнаго однофамильца, графа Фурье, назначеннаго Наполеономъ префектомъ Роны, онъ былъ поставленъ во главѣ одного провинціального статистическаго бюро. Но это возвышеніе его было столь же кратковременно, какъ и торжество императора: вмѣстѣ съ паденіемъ Наполеона ему снова пришлось вернуться къ своимъ обычнымъ торговымъ дѣламъ.

Какъ ни великъ былъ неуспѣхъ „Теоріи четырехъ движеній“, а все же книга эта не осталась безъ вліянія и на дальнѣйшую литературную дѣятельность самого Фурье, и на распространеніе его идей среди публики. Неудача всегда поучительна; она-то и объяснила Фурье необходимость болѣе систематическаго и доказательнаго изложенія его „соціальной системы“. Новое сочиненіе носилось уже въ его головѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ его безпокоила мысль о томъ препятствіи, которое стояло на пути къ опубликованію этого сочиненія: у Фурье не было средствъ, необходимыхъ для изданія книги. По счастью, на выручку явилось неожиданное, но очень важное въ его жизни событіе. Въ 1814 году „Теорія четырехъ движеній“ попала въ руки одному просвѣщенному, энергичному и умному человѣку, Жюсту Муирону (Just Muiron). Мы не можемъ не упомянуть здѣсь о немъ, какъ о личности выдающейся по своимъ умственнымъ качествамъ. Это была одна изъ тѣхъ ищущихъ свѣта натуръ, которыя не

довольствуются традиционными рѣшеніями социальныхъ вопросовъ, но съ увлеченіемъ хватаются за всякія новыя системы и оставляютъ ихъ не прежде, какъ совершенно извѣрившись въ ихъ обѣщаніяхъ. „Теорія четырехъ движеній“ поразила Жюста Мюирона новизною и смѣлостью нѣкоторыхъ мыслей, и съ этихъ поръ Фурье приобрѣлъ себѣ самаго преданнаго ученика, которому онъ затѣмъ былъ очень много обязанъ и матеріальной, и нравственной поддержкой. Глухота молодого прозелита вызвала необходимость писанныхъ разговоровъ его съ учителемъ даже въ то время, когда они бывали виѣстѣ, и эта обширная переписка, свидѣтельствующая объ установившихся между ними самыхъ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ, служитъ теперь весьма важнымъ подспорьемъ для знакомства съ мировоззрѣніемъ Фурье.

Новое, двухтомное сочиненіе Фурье, „*Traité de l'Association domestique-agricole*“ („Трактатъ о домашней земледѣльческой ассоціаціи“), изданное при матеріальномъ содѣйствіи Мюирона, представляетъ собой самое полное изложеніе системы Фурье. Предъ его первую книгу оно имѣетъ преимущество большей убѣдительности и цѣльности; выгоды общественной организаціи промышленности изложены здѣсь болѣе обстоятельно, критика современнаго строя отличается большей доказательностью. Но при всемъ томъ „Трактатъ о домашней земледѣльческой ассоціаціи“ не избавленъ всетаки и отъ утопической стороны; обѣщанія въ будущемъ новыхъ животныхъ твореній и космическихъ перемѣнъ не только не исчезли въ новомъ трудѣ, но приняли здѣсь еще болѣе фантастическую и грандіозную форму. При такихъ условіяхъ книга не прошла уже незамѣченной критикой, но встрѣтила съ ея стороны самую жестокую насмѣшку. Удивляться этому нечего, — многое въ книгѣ Фурье дѣйствительно такъ и напрашивалось на иронию, а то глубокое и новое, что въ ней заключалось, не легко было понять тогдашнимъ профессиональнымъ „критикамъ“. Но и публика отнеслась къ книгѣ нисколько не болѣе сочувственно. Фурье принялъ нѣкоторыя мѣры для искусственнаго распространенія своего „Трактата“: онъ разослалъ его многимъ выдающимся людямъ того времени, ученымъ, писателямъ и государственнымъ дѣятелямъ, но эта попытка не привела ни къ чему. Въ лучшемъ случаѣ онъ получалъ благосклонный отвѣтъ (какъ напр. отъ извѣстнаго англійскаго филантропа Оуэна), но ни отъ кого ему не удалось получить серьезной поддержки своимъ предложеніямъ. Исключеніемъ можетъ служить только приобретеніе двухъ-трехъ молодыхъ прозелитовъ: то были Кларисса Вигуре (*Vigoureux*), своимъ изящнымъ, краснорѣчивымъ перомъ принесшая значительную пользу тому дѣлу, которому стала служить, богатый Греа (*Gréa*), и раньше, и впоследствии ссужавшій Фурье средствами на изданіе его сочиненій, и наконецъ нѣсколько позже — Викторъ

Консидеранъ (Considerant), тогда еще молодой человекъ, только что кончившій инженерное училище, впоследствии же самый талантливый и видный представитель фурьеризма.

Съ этихъ поръ вокругъ Фурье группируется небольшая кучка приверженцевъ, нѣкоторая школа, разросшаяся благодаря его новымъ сочиненіямъ и усиленной пропагандѣ первыхъ Апостоловъ. Съ этихъ поръ Фурье уже не одинъ, онъ чувствуетъ поддержку въ окружающихъ близкихъ людяхъ, онъ видитъ, что дѣло его не погибнетъ и съ удвоенной силой принимается за обработку своей системы. Не въ этомъ еще однако, не только въ той нравственной поддержкѣ, которую оказали ему ученики, заключается все ихъ значеніе. Ученики Фурье не были его слѣпыми послѣдователями, его оруженосцами, которые безъ критики довѣряютъ всему, что онъ „самъ сказалъ“. Это были напротивъ люди независимаго ума и большихъ, равносѣренныхъ познаній; становясь подъ знамя „соціальной системы“, они не утрачивали ни известной самостоятельности, ни индивидуальныхъ отличій въ своихъ убѣжденіяхъ. Въ своемъ учителѣ они видѣли великаго человека, великаго изобрѣтателя, но не безгрѣшнаго прорицателя истины. Вотъ почему, принимая одну сторону въ ученіи Фурье, они иногда не соглашались съ другою ¹⁾),—вотъ почему вслѣдствіе общенія съ ними и самъ Фурье подвергалъ критикѣ, а иногда и смягченію нѣкоторыхъ части своей системы.

Постояннымъ полемъ для столкновеній учениковъ и учителя служила *космогонія* Фурье, его ученіе о будущихъ твореніяхъ. Ученики желали ея полного устраненія, причемъ ссылались на то вредное дѣйствіе, которое она имѣетъ на читателей, отталкивая ихъ своими крайностями отъ болѣе существенной части ученія. Фурье и самъ не могъ этого не видѣть, а потому готовъ былъ согласиться въ виду практическихъ соображеній выбросить за бортъ фантастическую часть Новаго Мира. На этомъ условіи Греа предлагалъ средства для изданія новаго „проспекта“, долженствовавшаго удовлетворять обычнымъ понятіямъ публики. Не довѣряя однако сдержанности Фурье, съ него взяли слово, что рукопись книги будетъ отдана Греа на предварительный просмотръ. Недовѣріе учениковъ имѣло свое основаніе. Фурье повидимому вполне проникся ихъ убѣжденіемъ, и самъ говорилъ объ этомъ въ совершенно спокойномъ тонѣ: „Ваши письма заключаютъ въ себѣ совѣты, которые я уже взвѣсилъ заранѣе и которые мнѣ не трудно выполнить посредствомъ сочиненія, своею формою соответ-

---

¹⁾ Это относится, конечно, не ко всемъ безусловно, въ особенности не къ позднѣйшимъ ученикамъ Фурье. Мы здѣсь имѣемъ въ виду болѣе всего Греа, Мюирова и Консидерана.

ствующаго вкуса публики и выполняющаго всё условія, предложенныя Вами, г. Греа и многими другими“. Эти дружескіе совѣты Фурье не безъ легкой ироніи формулируетъ себѣ въ такія правила поведенія:

„Избѣгать всякихъ побочныхъ отступленій, всякихъ сопоставленій съ заблужденіями науки, всякихъ экскурсій въ сторону отъ главной задачи.

„Слѣдовать общепринятому методу и не употреблять ни одного слова, не одобреннаго Академіей, ни одного малоупотребительнаго оборота.

„Щадить философію (философовъ) и предоставить ей (имъ) извѣстную часть пирога.

„И наконецъ сдѣлать мое сочиненіе и главную суть ученія доступными для пониманія женщинъ 20 лѣтъ и школьникамъ 12...“

Къ сожалѣнію Фурье только наполовину выполнялъ эти условія, не подчинился цензурѣ своихъ учениковъ и разошелся съ Греа. Выпущенная имъ затѣмъ книга: „Nouveau Monde industriel et sociétaiге“, 1829, („Новый Міръ промышленный и общественный“) носитъ на себѣ замѣтные слѣды нѣкоторой сдержанности, но все же не совсемъ свободна отъ космогоническихъ крайностей. Во всякомъ случаѣ это лучшее, самое систематическое и умѣренное изложеніе ученія Фурье, сдѣланное имъ самимъ: „Nouveau Monde“ можетъ быть рекомендовано тѣмъ, кто пожелаетъ познакомиться съ „соціальной системой“ изъ самыхъ первыхъ рукъ ея основателя.

Вслѣдъ за изданіемъ этой книги, популяризація и пропаганда идей Фурье переходитъ уже въ руки его учениковъ. Въ 1824 году, слѣдовательно, еще до появленія „Новаго Мира“, Жюстъ Мюиронъ сдѣлалъ первую попытку въ особой книжкѣ, ясно и просто написанной, изложить систему Фурье наиболѣе доступнымъ образомъ. Вислѣдствіи такого рода изложенія стали появляться въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ, распространяя въ публикѣ знакомство съ основными положеніями Фурье. Самымъ лучшимъ популяризаторомъ оказался Консидеранъ. Въ 1830-мъ году онъ помѣстилъ свою первую статью въ „Mercure de France“, затѣмъ въ 1832-мъ вмѣстѣ съ Мюирономъ и упомянутой выше Клариссой Вигуре предпринялъ изданіе еженедѣльнаго фурьеристическаго журнала — „Le phalanstère“ и наконецъ выпустилъ цѣлую книгу — „Destinée sociale“, гдѣ наши читатели, не затрудняя себя изученіемъ многословныхъ и спутанныхъ сочиненій Фурье, могутъ почерпнуть самое вѣрное и самое отчетливое понятіе о „соціальной системѣ“ и гдѣ глубина мысли учителя счастливо сочеталась съ блестящимъ литературнымъ талантомъ ученика.

Мы не станемъ перечислять другихъ сочиненій изъ обширной фурьеристической литературы, не станемъ слѣдить далѣе за судьбой фурьеристическихъ журналовъ, то издававшихся, то возникавшихъ съ особеннымъ успѣхомъ, достаточно будетъ сказать, что школа Фурье проявила, особенно послѣ смерти ея руководителя, необыкновенную энергію; она явила собою примѣръ того страстнаго увлеченія известной идеей, доходившаго подчасъ до фанатизма и нетерпимости, какихъ не много въ наше трезвое время, увлеченія, соединявшаго фурьеристовъ въ тѣсную секту на подобіе тѣхъ, которыя нѣкогда возникали, боролись и умирали на почвѣ древней Іудеи. Эта новая школа приложила отъ себя всѣ старанія, чтобы доставить торжество дорогимъ ей идеямъ и дѣйствительно сдѣлала то, что онѣ съ необыкновенною силой распространились по всему міру, коснувшись между прочими странами также и Россіи... Да, фурьеристы сдѣлали все съ своей стороны, не ихъ вина, если крайнее увлеченіе одной части общества вызвало протестъ другой, протестъ, выразившійся въ придрюкахъ къ пророческимъ крайностямъ Фурье, въ искаженіи нѣкоторыхъ сторонъ его ученія и въ невѣжественномъ глумленіи надъ тѣмъ, что въ дѣйствительности заслуживаетъ самаго глубокаго уваженія. Не ихъ вина также и въ томъ, что прогрессъ экономической науки, выдвинувъ новые факты и новыя обобщенія, устранилъ систему Фурье, какъ таковую. Но ихъ заслуга, что пропагандой этого ученія они подрывали вѣру въ авторитетъ установившихся мнѣній и посѣвали идеи, изъ коихъ нѣкоторыя явились прекраснымъ наслѣдіемъ всему повзрѣвшему и даже нашему времени.

А самъ Фурье съ того времени, какъ ученики взялись за распространеніе его идей, ничего существеннаго и новаго не прибавлялъ уже больше къ своей „соціальной системѣ“. Его литературная дѣятельность съ этихъ поръ обратилась или къ совсѣмъ постороннимъ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, или къ разъясненію нѣкоторыхъ подробностей своего плана, или наконецъ къ отставанію отъ всякаго смѣшенія его съ другими, распространенными тогда, соціальными ученіями. Въ послѣднемъ смыслѣ интересна его брошюра подъ названіемъ: „Pièges et charlatanisme des sectes Saint-Simon et Owen, qui promettent l'association et le progrès“. Paris. 1831. („Уловки и шарлатанство послѣдователей Сентъ-Симона и Оуэна, обещающихъ ассоціацію и прогрессъ“). Ученіе самого Фурье, какъ это мы увидимъ ниже, съ ученіемъ Сентъ-Симона имѣло нѣкоторыя точки совпаденія и тѣмъ не менѣе по всему своему духу и характеру расходилось съ нимъ самымъ существеннымъ образомъ. Види въ распространеніи сентъсимонизма опасную конкуренцію для своихъ собственныхъ идей, Фурье обратился къ критикѣ въ общемъ несимпатичнаго ему напра-

вленія и проявилъ здѣсь дѣйствительно большую силу и проникаемость. Полемика его носила правда чересчуръ ужь острый характеръ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ грѣшила и противъ справедливости, но все же нужно отмѣтить ту заслугу Фурье, что онъ сѣумѣлъ подмѣтить главную ошибку сенсимонизма,—его реакціонное положеніе въ вопросѣ объ отношеніи труда къ капиталу, и заклеить его въ глаза общественнаго мнѣнія. Вотъ характерная выдержка изъ его частной переписки по этому поводу: „Еслибы порядокъ, рекомендуемый сенсимонистами, въ дѣйствительности осуществился, то нельзя было бы быть увѣреннымъ, что результатомъ этого явилось бы улучшение судьбы рабочаго класса. Единственнымъ вѣрнымъ послѣдствіемъ было бы то, что въ какое-нибудь полустолѣтіе всякая собственность: земля, капиталы и фабрики—сосредоточилась бы въ рукахъ священниковъ новаго типа. А захвати только сенсимонисты все это въ свои руки,—и они начнутъ обращаться съ народомъ, какъ обращались съ нимъ всѣ теократы, начиная съ жрецовъ Египта и Индіи вплоть до римской куріи, которая всѣмъ завладѣваетъ въ Римѣ, все дѣлаетъ своей монополіей. А вѣдь Апостолы и ихъ преемники такъ же точно *все* общали народу...“ Какъ доказательство того, что его критика сенсимонизма попала дѣйствительно въ цѣль, надо привести тотъ любопытный фактъ, что два видныхъ представителя этого ученія, Лешевалье и Абель Трансонъ, подъ влияніемъ доводовъ Фурье отказались отъ своихъ взглядовъ и сдѣлались его ревностными послѣдователями.

Помимо полемики съ сенсимонизмомъ Фурье въ этотъ послѣдній періодъ своей жизни писалъ статьи по самымъ различнымъ вопросамъ и помѣщалъ ихъ частью въ журналъ, основанномъ Консидераномъ, частью въ безансонской газетѣ: „Impartial“. О послѣдней надо сказать, что это былъ органъ умѣренно-либеральной оппозиціи, самъ предложившій Фурье постоянное сотрудничество. Отношенія, установившіяся между нимъ и редакціей провинціальной газеты чрезвычайно характерны. Съ самаго начала Фурье сдѣлалъ ей такое заявленіе: „моя манера — не служить отголоскомъ того, что говорится всѣмъ свѣтомъ... Ничего приторнаго, ничего льстиваго. Статьи, подкрѣпленныя фактами и вѣскими соображеніями, гдѣ я не буду повторствовать ни партіи либеральной, ни абсолютизму—вотъ мое обыкновеніе...“ Редакція въ принципѣ ничего не имѣла ни противъ такой „манеры“, ни противъ такого „обыкновенія“, но когда Фурье сталъ присылать свои откровенныя, грубоватыя, лишепныя всякой дипломатіи статьи,—между нимъ и газетой стали возникать недоразумѣнія. Иначе и быть не могло, потому что въ либеральномъ изданіи Фурье выступилъ съ осужденіемъ конституціонализма, не обезпе-

чившаго, по его мнѣнію, благосостояніи рабочаго класса; въ газетѣ, получавшей субсидію отъ мѣстныхъ купцовъ, онъ сталъ нападать на торговлю и на ея представителей. Въ этомъ сказалась та обычная прямота, то отвращеніе къ компромиссамъ, которыя составляли отличительную черту его характера: подлаживаться къ людямъ Фурье не умѣлъ, онъ не умѣлъ даже высказывать свое убѣжденіе не цѣликомъ, а только вполонину. Сообщая въ редакцію свои замѣчанія по поводу тѣхъ или иныхъ статей, помѣщенныхъ въ томъ же „Impartial’ѣ“, онъ всегда возставалъ противъ всякой двусмысленности, неясности, нерѣшительности. Одинъ разъ ему пришлось высказаться и по совершенно личному поводу; онъ сдѣлалъ это опять же съ своей обычной прямою. Гордясь своимъ сотрудничествомъ, а можетъ быть также и для того, чтобы придать вѣсъ тѣмъ его статьямъ, которыя касались нѣкоторыхъ мѣстныхъ нуждъ, редакція провинціальной газеты намекнула однажды на безапосонское происхожденіе и на самую личность Фурье, писавшаго до тѣхъ поръ только за подписью своихъ инициаловъ; Фурье остался недоволенъ разоблаченіемъ и строго потомъ выговаривалъ, что публикѣ, читающей его статьи, нѣтъ дѣла до его личности и до его происхожденія. Это нежеланіе говорить о себѣ самомъ, о своей частной жизни, эта личная скромность были также постоянной особенностью Фурье; весь погруженный въ міръ идей, онъ былъ выше чисто личныхъ интересовъ и если искалъ популярности, то не для себя, а только для своихъ убѣжденій. Намъ придется еще говорить объ этомъ подробнѣе.

Чтобы покончить съ послѣднимъ періодомъ литературной дѣятельности Фурье, надо сказать, что подъ конецъ своей жизни онъ сталъ всего чаще и всего охотнѣе останавливаться не на теоретической сторонѣ своего ученія, а на его практическомъ примѣненіи. Добиваясь осуществленія своихъ проектовъ, онъ обращался къ государственнымъ людямъ, къ ученымъ, къ богачамъ и къ правительству. Въ 1830-мъ году онъ подаетъ докладъ тогдашнему министру общественныхъ работъ, доказывая всю выгоду предложенной имъ организаціи промышленности; нѣсколько лѣтъ спустя старается привлечь на свою сторону Гизо и Тьера, посылаетъ книги Казиміру Перье, Лафитту, почему-то даже лэди Байронъ, женѣ поэта, а наконецъ дѣлаетъ попытку, безплодную, какъ и всѣ прежнія, заинтересовать своимъ планомъ и самого короля, Луи Филиппа... Помощь, которую онъ ждалъ съ этой стороны, не приходила. Но зато одинъ изъ его учениковъ послѣдняго времени, Воле-Дюларю, попробовалъ сдѣлать то, чего Фурье такъ долго и такъ упорно добивался отъ всѣхъ богатство или власть имущихъ людей,—онъ попробовалъ осуществить на дѣлѣ совѣты Фурье и организовать по его плану общественно-хозяйствен-

ную колонію. Съ этою цѣлью Бодэ-Дюларю приобрѣлъ 500 гектаровъ земли и было приступлено уже къ сооруженію на ней всѣхъ необходимыхъ построекъ. Недостатокъ средствъ въ соединеніи съ неопытностью самихъ предпринимателей привели къ неудачѣ этотъ первый опытъ фурьеристической общины. Фурье былъ чрезвычайно огорченъ такимъ результатомъ. Глубоко убѣжденный въ выгодахъ своего плана, онъ послѣ страдалъ всякій разъ, когда встрѣчалъ возраженіе, что испробованный на дѣлѣ планъ его оказался неосуществимымъ...

Послѣднія минуты старика-Фурье были отравлены этой несчастной попыткой...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Домашняя жизнь Фурье: одиночество, бѣдность, торговля занятія. — Натурность Фурье и его характеръ. — Начитанность. — Энтузіазмъ въ работѣ. — „Elegi monumentum aere perennius!“ — Смерть.

Чѣмъ больше знакомишься съ біографіей Фурье, тѣмъ больше поражаешься тѣмъ полнѣйшимъ контрастомъ, который представляютъ собой его жизнь въ дѣйствительности и жизнь, рисовавшаяся его воображенію для Новаго Міра. Въ фаланстерахъ, говоритъ Фурье, всѣ члены общины соединятся узами любви и дружбы и будутъ трудиться въ группахъ избранныхъ лицъ, а въ настоящей жизни самому Фурье выпалъ на долю совсѣмъ обратный жребій: рано оставивъ семью, до самой старости онъ прожилъ одиноко, холостякомъ, и только въ послѣдніе годы жизни встрѣтилъ сочувствующихъ себѣ людей. Тамъ, въ Новомъ Мірѣ, и самый трудъ перестанетъ быть тягостнымъ бременемъ, онъ сдѣлается привлекательнымъ, соответствующимъ наклонностямъ каждаго работника,—а до тѣхъ поръ Фурье гнетъ свою спину надъ рабочей конторкой, добывая насущныя средства трудомъ не только непривлекательнымъ, но прямо ему антипатичнымъ. Всѣ потребности въ одеждѣ, въ пищѣ, въ комфортѣ удовлетворятся съ избыткомъ въ предполагаемыхъ общинахъ, но въ городѣ Парижѣ и притомъ самому изобрѣтателю этихъ общинъ приходится ютиться въ жалкихъ мансардахъ, экономя и дорожа каждымъ франкомъ.

Все, что мы знаемъ объ обязательныхъ занятіяхъ Фурье въ различныхъ торговыхъ домахъ, заставляетъ насъ только дивиться, какъ при той массѣ времени, которую они у него поглощали, какъ находилъ онъ еще возможнымъ писать свои обширные литературные труды. Въ его письмахъ къ ученикамъ мы постоянно встрѣчаемъ

упоминанія о томъ, что вотъ неожиданно прибавившаяся работа за- ставляетъ его повременить со статьей или книгой, что послѣ занятій въ такомъ-то торговомъ домѣ у него едва хватаетъ времени заняться какииъ-нибудь дѣломъ для себя. 54-хъ лѣтъ уже онъ работаетъ въ одной англійской конторѣ, и такъ сообщаетъ объ этомъ еще до поступления туда: „Вы удивляетесь, что я ничего не говорю о нашемъ большомъ дѣлѣ? Это не оттого, чтобы мой трудъ не подвигался впередъ: теперь я уже на тридцатой главѣ изъ всѣхъ 36-ти; но мнѣ придется работать въ томъ домѣ, куда я поступалъ 1-го мая, съ 10 часовъ утра до 5 дня, за что я, можетъ быть, и получать буду даже въ самый первый годъ—1.200 франковъ...“ Съ 10 часовъ утра до 5-ти, значить ежедневно 7 часовъ обязательнаго труда; и послѣ этого еще писаніе книги въ 36 главъ! А каково вознагражденіе? „Можетъ быть 1.200 фр. даже въ первый годъ.“ Цифра, очевидно представлявшаяся Фурье необыкновенно значительной, откуда слѣдуетъ заключить, что раньше онъ получалъ и еще того меньше.

Насколько плохо обезпечивалъ его весь этотъ тяжелый и усиленный трудъ, всего лучше видно уже изъ того, какую скромную жизнь долженъ былъ онъ вести повсюду, куда его забрасывала судьба. Въ воспоминаніяхъ о Фурье немалое мѣсто занимаетъ всегда описаніе его особливо бѣдной обстановки, а изъ его собственныхъ писемъ мы узнаемъ, что, напр., нанимая себѣ комнату въ Безансонѣ, онъ выбираетъ самую дешевую, за 11 франковъ въ мѣсяцъ (причемъ говорить однако о какихъ-то ея преимуществахъ предъ комнатой болѣе дорогой), и прибавляетъ: „экономія выходитъ въ 9 франковъ,—а я вѣдь не Крезъ...“ О какихъ-нибудь удовольствіяхъ, которыя бы доставлялъ себѣ Фурье, живя въ Парижѣ, кромѣ удовольствій даровыхъ, представляемыхъ созерцаніемъ уличной жизни, мы ничего не знаемъ, а ужъ еслибы они были, ученики Фурье, собравшіе не мало мелочныхъ фактовъ для характеристики его вкусовъ, не замедлили бы, конечно, сообщить съ достаточной полнотой. Тутъ стоитъ отмѣтить только совершенно невинное и ничего не стоившее ему удовольствіе, заключавшееся въ посѣщеніи военныхъ парадовъ. Фурье любилъ наблюдать порядокъ и стройность во всѣхъ полковыхъ маневрахъ: онъ даже въ своихъ сочиненіяхъ ссылается не разъ на армію, какъ на примѣръ образцовой организаціи (конечно, только въ смыслѣ порядка). Представленіе объ удовольствіяхъ какъ-то и не вьзается даже съ замкнутымъ, скромнымъ образомъ жизни Фурье. Въ гости онъ ходитъ не любилъ, его самого посѣщали очень немногіе. Въ послѣдніе годы, когда его имя стало нѣсколько популярнѣе, нашлось не мало людей, которые пожелали видѣть у себя за столомъ „творца соціальной системы“; но онъ неохотно и рѣдко принималъ такіа приглашенія:

чувство собственного достоинства не позволяло ему быть участникомъ даровыхъ трапезъ парижскихъ меценатовъ.

Лишенія, которыя ему приходилось переживать, всё несчастія и неудачи Фурье переносилъ совершенно безропотно. Мы уже говорили, что онъ, напр., и не подумалъ рассказать своимъ ученикамъ о томъ, какъ потерялъ все имущество послѣ осады Ліона; точно такъ же поступалъ онъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ: его ученики не слышали отъ него жалобъ на какія-нибудь неудобства въ домашней, личной жизни. Если онъ и жаловался когда, то это исключительно на невниманіе къ его идеямъ, на неизвѣстность, въ которой такъ долго пребывала его социальная система. „Какъ ни велико было несоотвѣтствіе, продолжавшееся всю его жизнь“, говоритъ Пелларэнъ, „несоотвѣтствіе между мыслью Фурье и тѣми низмѣнными (vulgaires) занятіями, которыми онъ былъ всегда поработенъ, мы не слышали отъ него ни одной жалобы въ этомъ направленіи. Ни одинъ такого рода намекъ не принимается къ упрекамъ, на которые онъ вообще не скупился для современнаго поколѣнія за то, что оно не пожелало провѣрить и испытать на дѣлѣ пользу открытія, указывающаго человѣчеству широкій путь къ социальному счастью.

Нуждаясь самъ, Фурье тѣмъ не менѣе находилъ возможнымъ помогать еще и другимъ. Помощь эта бывала часто нематеріальнаго свойства: совѣтами, хлопотами, но иногда и просто деньгами. И надо сказать, что онъ умѣлъ помогать, умѣлъ это дѣлать деликатно, не задѣвая самолюбія тѣхъ, кто къ нему обращался за помощью. О добротѣ, объ отзывчивости его характера свидѣтельствуютъ единогласно всѣ знавшіе этого исключительно-добраго человѣка. Мы не имѣемъ возможности перечислять здѣсь отдѣльные факты, рисующіе прекрасныя душевныя качества Фурье. Ограничимся только тѣмъ, что приведемъ изъ книги Пелларэна двѣ характеристики Фурье, сдѣланныя тотчасъ послѣ его смерти: въ нихъ интересно описаніе и его наружности, и того впечатлѣнія, которое онъ производилъ на собеседниковъ.

Первая характеристика принадлежитъ одной женщинѣ, которая была хорошо знакома съ Фурье въ послѣднія шесть лѣтъ его жизни. „Сѣдые, нѣсколько вьющіеся волосы“, — пишетъ она, — „представляли собой точно бѣлую корону на его большой, но пропорціонально сложенной головѣ; его голубые глаза, пронизательные и глубокіе, бросали взглядъ, суровая энергія котораго предупреждала о такомъ же характерѣ его рѣчи. Его немного горбатый носъ дополнялъ впечатлѣніе тонкихъ губъ и такого разрѣза рта, который говоритъ о разнообразныхъ и сильныхъ страстяхъ. Все его лицо, открытое и производящее впечатлѣніе, гдѣ выражались ясно живость ума и сила ге-

нія вмѣстѣ съ глубоко заложенымъ негодованіемъ и полнымъ спокойствіемъ снаружи, съ самаго перваго взгляда выдавало въ немъ человѣка; состоящаго во враждѣ съ своимъ вѣкомъ, но отиѣченнаго перстомъ Божиимъ для грядущихъ столѣтій. Такимъ именно въ соединеніи съ привлекательностью истинно-хорошаго человѣка Фурье и являлся тѣмъ, кто его понималъ и любилъ. . . . Его горячая, оживленная бесѣда, все разъяснявшая, на все дававшая отвѣты, привѣтливость, выражавшая его дѣйствительное чувство, благосклонность и снисходительность, прямо вытекавшія изъ глубины его генія,—все это тысячами блестящихъ чертъ отражало его безконечныя совершенства. . . .“

Столь же характерное описаніе сдѣлано было въ „Siccle“ однимъ журналистомъ, André Debrieu: „Фурье“,—читаемъ мы здѣсь,—„былъ небольшого роста, худощавый старикъ съ лбомъ, какой имѣлъ Сократъ: всѣ высшія способности его ума и сердца выражались въ чертахъ его лица и въ безукоризненномъ контурѣ головы. . . . Въ его глазахъ, гдѣ постоянно блестѣлъ какой-то рѣшительный, глубокоинтеллигентный огонекъ, гдѣ отчаяніе непризнаннаго философа просвѣчивалось сквозь постоянныя размышленія экономиста, можно было прочесть столько горя, столько настойчивости, столько благородства, что еще прежде, чѣмъ узнаешь его ближе, уже нисколько не сомнѣваешься въ его геніи“.

Для довершенія внѣшняго облика Фурье мы приведемъ еще свидѣтельство Пелларэна о его манерѣ говорить: „Фурье не обладалъ блестящимъ краснорѣчіемъ, но его выраженія бывали всегда правильны, точны и энергичны. Ничего придуманнаго, торжественнаго, ничего ораторскаго, такъ сказать, не было въ его приемахъ; но простота его рѣчи, этотъ тонъ добродушія, такъ поражавшій контрастомъ съ величіемъ самой идеи, увѣренность, съ которою онъ говорилъ о результатахъ своей системы, производили впечатлѣніе даже на умы, наиболѣе скептическіе“. При такихъ условіяхъ Фурье являлся пріятнымъ собесѣдникомъ, умѣвшимъ и забавлять, и воодушевлять всякое общество, въ которомъ ему только приходилось бывать. Со своими учениками онъ былъ поучителенъ, съ дамами любезенъ и разговорчивъ, съ людьми ему противныхъ взглядовъ находчивъ и убѣдителенъ въ критикѣ, съ низшими себѣ—просто, а вообще со всѣми носѣтителями, со всѣми окружающими—внимателенъ и ласковъ.

Что дѣлало особенно интересной бесѣду съ Фурье, такъ это то, что онъ былъ человѣкъ глубоко и разносторонне образованный. Многочисленныя цитаты въ его сочиненіяхъ показываютъ, что ему одинаково были знакомы писатели настоящаго времени и писатели древности, національные и чужестранные. Поэтовъ онъ, повидимому, пред-

почиталъ прозаикамъ, а между поэтами тѣхъ, которые описывали людскіе пороки. Его любимцами были Горацій, Мольеръ, Лафонтенъ и въ особенности Вольтеръ. Научная литература была не чужда ему также, хотя, относясь отрицательно къ философіи и къ политической экономіи того времени, онъ изучалъ охотнѣе тѣ отрасли знанія, которыя онъ называлъ точными и единственно вѣрными: анатомію, химію, астрономію, словомъ, науки естественныя въ широкомъ смыслѣ этого слова. Все такое книжное образованіе расширялось еще большимъ жизненнымъ опытомъ Фурье: путешествія дали ему вѣрныя свѣдѣнія объ экономической и общественной жизни различныхъ народовъ, его обязательныя занятія помогли понять самую суть торговаго дѣла, а частые разговоры съ людьми всевозможныхъ профессій (Фурье любилъ побесѣдовать и съ прислугой, и съ работникомъ, и съ садовникомъ) раскрыли ему интересы трудящихся классовъ. Вотъ почему мы думаемъ, что Фурье былъ, что называется, во всеоружіи знанія, когда въ своихъ сочиненіяхъ онъ выступилъ съ критикой современнаго ему общественно-экономическаго строя.

Какъ работалъ Фурье? Въ трудѣ онъ былъ очень усидчивъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣсколько прихотливъ. Заниматься долго однимъ и тѣмъ же дѣломъ, читать все время одну и ту же книгу онъ не любилъ и потому старался постоянно чередовать нѣсколько различныхъ занятій. Страсть къ разнообразію была сильно развита у Фурье,—недаромъ эту страсть и въ своей психологіи онъ помѣстилъ въ числѣ трехъ главныхъ страстей человѣка, назвавши ее оригинальной кличкой — *papillone* (отъ слова *papillon*—бабочка). Любя порядокъ, онъ, прежде чѣмъ приступить къ писанію известной статьи или книги, составлялъ себѣ подробный планъ всей предстоящей работы, гдѣ съ необыкновенной точностью заранѣе уже намѣчалъ количество главъ, страницъ и параграфовъ. Вотъ почему онъ могъ на вопросы учениковъ о томъ, какъ двигается работа, отвѣчать съ поразительной точностью: „готово 30 главъ изъ 36-и“, или „всего написано $\frac{14}{20}$ книги“. Писалъ Фурье въ большихъ тетрадяхъ съ обложками различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, причемъ и тутъ особенно внимательно слѣдилъ за порядкомъ: тетрадки слѣдовали другъ за дружкой въ той строгой послѣдовательности, въ какой различные цвѣта располагаются въ солнечномъ спектрѣ.

Такая причудливость, такое изысканное вниманіе къ внѣшности не мѣшали Фурье увлекаться и воодушевляться своей работой. Въ разгарѣ творчества онъ приходилъ въ экстазъ, писалъ быстро и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Занятый известной идеей, Фурье работалъ непрерывно, не ложась спать иногда даже по нѣскольку ночей подрядъ. На улицѣ въ періоды такого опьяненія работой онъ не пе-

реставаль обдумывать свое произведение и, незамѣтно для самого себя, усиленно размахивалъ руками, все время что-то бормоча себѣ подъ носъ. Экспанзивность эта привлекала вниманіе прохожихъ, а уличные мальчишки слѣдовали по его пятамъ и надѣвались безжалостно надъ нашимъ, черезчуръ увлекавшимся, философомъ.

Воодушевленіе, съ которымъ Фурье писалъ свои книги, казалось въ нихъ болѣе, чѣмъ замѣтно. И его слогъ, и его изложеніе носятъ характеръ чрезвычайной экзальтаціи. Проникнутый своими идеями, Фурье только ихъ и видѣлъ передъ собой, подчасъ совсѣмъ забывая о читателяхъ, о томъ впечатлѣніи, которое они могутъ вынести изъ его словъ, забывая и о доказательствахъ, ненужныхъ ему самому и столь необходимымъ для нихъ. Отсюда пронстекаетъ то несоотвѣтствіе, которое является иногда между настроеніемъ самого автора и настроеніемъ его читателя: одинъ забывается до галлюцинацій, другой не можетъ отдѣлаться отъ ироніи.

Въ чувствѣ, охватывающемъ сильно и неожиданно, въ порывѣ творчества — всегда есть что-то таинственное, неясное. Въ холодной работѣ ума нѣтъ мѣста ничему безсознательному, здѣсь все наглядно, все видно, все понятно, — такъ кажется по крайней мѣрѣ самому человѣку; а вдохновеніе? имѣетъ ли оно какіе-нибудь законы, откуда пришло и почему явилось? Откуда эти мысли, которыя подсказало возбужденное чувство? Отвѣтъ бываетъ часто нѣсколько мистическаго характера. Фурье казалось, что самъ Богъ вдохновляетъ его умъ, вкладываетъ въ голову мысли и посылаетъ проповѣдывать людямъ. Его рѣчь получала оттого какъ бы пророческій характеръ, вѣра въ истину своихъ словъ доходила до фанатизма, и онъ восклицалъ въ порывѣ экстаза: „Вы довѣряетесь руководству философовъ, которые хотятъ подчинить себѣ Божество, присваивая его высшую функцію и претендуя регулировать общественное движеніе. Чтобы покрыть ихъ стыдомъ, Богъ допустилъ человечеству купаться въ крови въ теченіе 23-хъ вѣковъ существованія науки, допустилъ ему снизойти до самой глубины нечестивостей, несчастій и преступленій. И вотъ наконецъ, чтобы довершить позоръ этихъ современныхъ титановъ, Богъ захотѣлъ ихъ видѣть пораженными изобрѣтателемъ, чуждымъ науки, онъ захотѣлъ, чтобы теорія всемірнаго движенія досталась въ руки человѣка почти необразованнаго. Это простой прикащикъ, который уничтожаетъ цѣлыя бібліотеки политическихъ и этическихъ трудовъ, постыдный плодъ древнаго и новаго шарлатанства. Что-же, это не въ первый разъ, что Богъ прибѣгаетъ къ человѣку низкому (humble), чтобы принизить гордаго, выбираетъ человѣка темнаго, чтобы повѣдать міру самую важную вѣсть!...“

Но если Фурье самъ называетъ себя человѣкомъ „темнымъ“ и

съ преувеличенной скромностью говорить о томъ, что онъ чуждъ науки, то тѣмъ болѣе зато его „соціальное открытіе“ возвышаетъ его въ своихъ собственныхъ глазахъ.

„Я одинъ“, говоритъ онъ, „заклеймилъ двадцать вѣковъ политическаго безумства, и одному мнѣ обязаны всѣ настоящія и будущія поколѣнія началомъ ихъ безконечнаго счастья. До меня человечество потеряло тысячи лѣтъ, безумно сражаясь съ природою; а первый покорился ей и изучилъ тяготѣніе, единый источникъ всѣхъ ея велиній... Обладатель книги судебъ, я послѣдшилъ разсѣять политическія и нравственные потемки и на развалинахъ невѣрныхъ знаній водружить ученіе о всеобъемлющей гармоніи...“

„Exegi monumentum aere perennius!“

Надъ Фурье уже много смѣялись по поводу его преувеличеннаго мнѣнія о своихъ заслугахъ. Да и дѣйствительно пожалуй довольно страшно, какъ то неловко и стыдно читать тирады въ родѣ только что нами приведенныхъ или тѣхъ, гдѣ онъ сравниваетъ себя съ Ньютономъ и при этомъ себѣ отдастъ предпочтеніе. Для насъ просто невозможно то безусловное довѣріе къ его идеямъ, которое онъ такъ настойчиво требуетъ; намъ кажется это только смѣшной претензіей, точно такъ же какъ и его горделивое состояніе съ Ньютономъ. А то, что обыкновенный, непредубѣжденный читатель сочтетъ быть можетъ только самоувѣренностью и самомнѣніемъ, чѣмъ то смѣшнымъ и несимпатичнымъ, то враждебными Фурье критиками подхвачено было, какъ настоящая манія величія, какъ безумная *idée fixe*.

На насъ самихъ, на пишущаго эти строки, хвастливыя тирады ученаго мечтателя производятъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Познакомившись съ жизнью Фурье и съ его характеромъ, мы убѣдились, какъ просто и скромно онъ былъ въ сношеніяхъ съ людьми, какъ никогда, ни при какомъ удобномъ случаѣ не проявлялъ передъ ними своего самомнѣнія. Не естественно ли было бы ему, кажется, при его якобы заносчивомъ мнѣніи о себѣ самомъ, заноситься въ самовосхваленіи и предъ своими учениками или даже въ особенности передъ учениками? Въ дѣйствительности между тѣмъ мы видимъ какъ разъ обратное: ученики Фурье особенно настойчиво свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ съ ними, какъ нельзя болѣе, скромно. И какъ бы придирчиво ни отнеслись мы къ его характеру, къ его образу жизни и къ обращенію съ людьми, нигдѣ не найдемъ мы ни одной черты, говорящей о какойнибудь маніи величія. Вотъ почему, когда Фурье сравниваетъ себя съ Ньютономъ и требуетъ мѣста среди величайшихъ умовъ всѣхъ временъ, мы видимъ въ этомъ не пустое самовосхваленіе и подчеркиваніе не столько своихъ заслугъ, сколько важности самаго

открытія, которое удалось сдѣлать ему, человѣку, какъ говорилъ онъ, „темному“, „чуждому наукъ“. А что онъ такъ высоко оцѣнивалъ свое „открытіе“, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Попробуемъ стать на его точку зрѣнія.

Ньютонъ открылъ законъ тяготѣнія, управляющій движеніемъ міра физическаго, а онъ, Фурье, законы движенія соціальнаго, непре-ложно дѣйствующіе въ мірѣ человѣческихъ обществъ. Важно, необходимо знать первое, но развѣ не важнѣе, не необходимѣе, не насущнѣе намъ узнать второе?! Въ первомъ случаѣ мы удовлетворяемъ правда, своей пытливости, двигаемъ впередъ науку, получаемъ новое оружіе въ борьбѣ съ природой, въ другомъ зато мы дѣлаемъ крупный шагъ, мы приближаемся рѣшительно къ самой цѣли всей нашей жизни,— къ созданію на землѣ полнаго счастья для всѣхъ ея обитателей... А если все это такъ, если дѣйствительно отношеніе между двумя открытіями таково, какъ же слѣдуетъ цѣнить тогда заслуги его, Фурье, какъ нужно поклоняться ему, творцу соціальной системы?...

Пророки древности, когда они, проникшись своею вѣрой, проповѣдывали ее передъ людьми, любили называть себя посланниками неба, сынами Воинни. Ученіе, которое казалось имъ спасительнымъ, высокимъ, приподнимало ихъ надъ людьми и возносило на небо. Бросимъ ли мы въ нихъ за это камень, назовемъ ли ихъ ступашедшими или шарлатанами? или мы скорѣе поймемъ, что человѣкъ, который, какъ ему кажется, держитъ въ рукахъ спасеніе всего человѣчества, человѣкъ не отъ міра сего, что его вѣра — не хитрый обманъ, его самоиѣніе — не мелкое тщеславіе какой-нибудь выскочки, рагвену? Время пророковъ, намъ скажутъ, уже давно миновало, а между тѣмъ, какъ оказывается, оно миновало еще не вполне, и Шарль Фурье являетъ намъ примѣръ пророка 19-го столѣтія. Чувство высокое, гуманное чувство стояло у него впереди логической работы ума (какой странный примѣръ атавизма въ нашъ просвѣщенный вѣкъ!), это чувство толкало его на служеніе людямъ, помогало рѣшенію всѣхъ соціальныхъ вопросовъ и воздвигало на высоту, недоступную для него, пока онъ былъ только Фурье-мыслитель, но не Фурье-пророкъ. И выскажемъ же тутъ нашу мысль до конца,—Фурье, проповѣдующій свое ученіе безъ глубокаго убѣжденія въ его полнѣйшей истинности, безъ вѣры, что, приложенное на дѣлѣ, оно перевернетъ весь міръ, былъ бы и менѣе понятенъ, и менѣе симпатиченъ, и менѣе великъ, чѣмъ Фурье настоящій, этотъ illuminé, этотъ безумецъ, этотъ ма-ніакъ!.. Только оставаясь такимъ, какъ онъ въ дѣйствительности былъ, Фурье и могъ увлечь за собой громадную массу послѣдователей, приковать къ своему ученію вниманіе всего свѣта и выполнить такимъ образомъ свою историческую миссію.

Надъ Фурье уже много, уже достаточно много смѣялись, смѣяться надъ нимъ мы не станемъ. Мы постараемся его, напротивъ, понять, памятуя при этомъ великій завѣтъ Христа: „кто много вѣрилъ, кто много любилъ, тому многое простится“. А такъ ли ужъ это много— нѣсколько самонадѣянныхъ фразъ, нѣсколько наивныхъ претензій? Простимъ же ему ихъ, простимъ ему гордую вѣру въ безсмертіе, которую онъ такъ трогательно выразилъ стихами незадолго до своей смерти. Вотъ заключительныя строфы этой послѣдней его лебединой пѣсни; приводимъ ихъ здѣсь въ нашемъ собственномъ усиленномъ переводѣ.

...А ты, вулканъ глумленья,
Презрѣнный вѣкъ! тебя прогрессъ гнететь:
Твой насмѣшливыя мнѣнья
Стѣсняють генія возвышенный полеты!
Того, кто избранъ былъ принести
На землю радостную вѣсть,
Ты въ благодарность желчью наполни.
Ужъ отъ тебя не жди признанья:
Насмѣшки, злобу, порицанье
Своимъ трудомъ себѣ я заслужилъ!

Парижъ, ты, Вавилонъ новѣйшихъ дней,
Когда теченью лѣтъ моихъ конецъ
Положить Парка, лавровый вѣнецъ
Воздвигнешь самъ на головѣ моей.
Ко гробу моему придутъ
Твои сыны, которые поимутъ,
Какъ ихъ отцы были неправы,
И съ гордостью положить въ Пантеонъ
Прахъ чловѣка большей славы,
Чѣмъ Цезарь, чѣмъ Наполеонъ..

10-го октября 1837 года Фурье умеръ, оплаканный небольшою кучкой друзей. Онъ былъ похороненъ на Монмартрскомъ кладбищѣ, гдѣ его прахъ въ забытой, заросшей травою могилѣ поконится и до сихъ поръ: „неблагодарные французы“ не потревожили его останковъ перенесеніемъ ихъ въ Пантеонъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Предварительныя замѣчанія о характерѣ всего ученія Фурье. — Его три части. — Критика общественнаго строя и экономической науки.

Наука, мы разумѣемъ науку общественную, тѣсно связана всегда съ явленіями практической жизни. Всякій прогрессъ культуры, всякое усовершенствованіе въ процессѣ производства, всякое увеличеніе благосостоянія однихъ классовъ общества на счетъ другихъ вызываетъ непремѣнно соотвѣтственное измѣненіе въ характерѣ и направленіи научной мысли. Въ послѣднее время замѣчается также обратное явленіе: жизнь въ свою очередь начинаетъ руководствоваться правилами, добытыми ей наукой, начинаетъ течь по тому руслу, которое прокладываетъ для нея отвлеченное мышленіе. Но это явленіе, въ общественной жизни едва замѣтное, устанавливаетъ лишь взаимодѣйствіе тамъ, гдѣ прежде было давленіе съ одной стороны, нисколько не устраняя, даже не ослабляя этого давленія. Попржежнему людская пытливость направляется въ ту именно сторону, куда ее особенно назойливо толкаетъ дѣйствительность, попржежнему фактическія отношенія *силы* служатъ основаніемъ, на которое опирается наше пониманіе *права*, попржежнему наука санкціонируетъ и разъясняетъ намъ то, къ чему привела жизненная практика. Чѣмъ больше мы вглядываемся въ эволюцію человѣческой мысли, тѣмъ больше убѣждаемся, какъ коротка въ сущности всегда бываетъ та привязь, на которой внѣшнія условія жизни держатъ абстрактное мышленіе даже передовыхъ умовъ своего времени. Припомнимъ хотя бы тотъ общезвѣстный въ исторіи фактъ, что до тѣхъ поръ, пока институтъ рабства былъ незыблемо-проченъ, онъ находилъ себѣ полное оправданіе и у философовъ (съ Аристотелемъ во главѣ), а какъ только возстанія рабовъ и видимая порча нравовъ пошатнули его, тотчасъ и со стороны философовъ послышались голоса, что всѣ люди отъ природы равны, что всякое неравенство исходитъ отъ нихъ самихъ, а слѣдовательно, ими же можетъ быть уничтожено.

Подобное явленіе повторилось и въ болѣе близкое къ намъ время. Рабство, владѣніе человѣка человекомъ, основанное на преобладаніи физической силы одного надъ силой другого, изжило свое время, но за то народилось на свѣтъ рабство новое, не менѣе суровое, но болѣе прочное, выражающееся въ томъ, что одинъ человѣкъ владѣетъ не тѣломъ другого, а его средствами къ жизни. Важнѣйшими условіями, способствовавшими такому закабаленію, экономическая наука считаетъ: освобожденіе крестьянъ, усовершенствованіе машинъ и ростъ

крупной промышленности. Эти три фактора, усиленные либеральным течениемъ въ сферѣ государственной жизни, произвели такъ назыв. *индустриальную революцію*. На слѣду феодальнаго строя жизни съ его сословными путями, съ его монополіями, съ его замкнутой въ цехи промышленностью, явился новый строй общества со свободнымъ обихомъ, обширнымъ райономъ сбыта и энергичной фабричной промышленностью. Необходимымъ условіемъ для дальнѣйшаго развитія этого новаго капиталистическаго строя была безусловная свобода экономическихъ отношеній; эта свобода и стала лозунгомъ экономической науки того времени. Казалось, что все благосостояніе общества зависитъ отъ прогресса промышленности, а для такого прогресса не требовалось ничего больше, какъ только невмѣшательство государства въ экономическую область. Носительницей такихъ взглядовъ явилась школа Ад. Смита; принявши за исходный пунктъ своихъ разсужденій современный ей строй общества и признавая какъ бы неизмѣннымъ этотъ строй съ его частной собственностью на землю, съ его разобщеніемъ труда и капитала, названная школа въ своихъ положительныхъ требованіяхъ не шла дальше желаній, которыя тогда питала буржуазія, эта передовая въ свое время часть общества.

Умудренные вѣковымъ опытомъ, знакомые съ промышленными кризисами и пролетаріатомъ, мы не скажемъ уже теперь, что свобода экономическихъ отношеній—вотъ все, что надо для благосостоянія націи. Но не слѣдуетъ забывать, что въ прошломъ столѣтіи интересы четвертаго сословія еще не выступали и бѣдствія промышленной анархіи не успѣли сказаться во всей ихъ силѣ; слѣдуетъ помнить, что наука, не переходя въ область мечтанія, не можетъ забѣгать дальше жизни. Зато, какъ скоро сама жизнь дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, предъявляетъ новые запросы, выдвигаетъ новые интересы, наука не можетъ уже ограничиться повтореніемъ старыхъ задовъ, она должна откликнуться на эти запросы, удовлетворить этимъ интересамъ...

Сильная своимъ прогрессивнымъ характеромъ и подкрѣпленная къ тому же авторитетомъ науки, буржуазія, какъ извѣстно, сломала сословное государство и на его развалинахъ водрузила знамя свободной промышленности. Эта побѣда, доставившая торжество принципу *laissez faire*, вмѣстѣ съ тѣмъ показала и всю его непригодность; такимъ образомъ буржуазія своими же руками вырыла могилу буржуазной политической экономіи. Фабричная промышленность, получившая небывалое до тѣхъ поръ развитіе, не только, какъ это скоро оказалось, не увеличила благосостоянія всего общества, но еще обострила его недуги, обогативъ меньшинство его членовъ на счетъ большинства. Уже Рикардо научно обосновалъ ту истину, что прибыль и за-

работная плата находится въ антагонизмѣ, что „уровень прибыли“, какъ онъ говорилъ, „возрастаетъ единственно вслѣдствіе пониженія заработной платы“. Дополнимъ это положеніе утвержденіемъ Смита, что правительство „въ сущности установлено ради защиты богатыхъ противъ бѣдныхъ, или же людей, имѣющихъ какую нибудь собственность, противъ людей, вовсе ея не имѣющихъ“. Понятно, что съ двойной силой, силой капитала (прибыли) и силой власти (правительства), предприниматели получили полную возможность эксплуатировать рабочихъ людей, по выраженію Смита, „собственности вовсе не имѣющихъ“. Широкое раздѣленіе труда, необходимое при фабричной промышленности, и низкая, благодаря конкуренціи, заработная плата тѣмъ увеличивали ихъ угнетенное положеніе, что дѣлало для рабочихъ почти невозможнымъ оставленіе разъ избранной профессіи; ограничивая дѣятельность человѣка однимъ узкимъ видомъ работы, раздѣленіе труда приковываетъ его обыкновенно даже къ данной фабрикѣ, гдѣ нуженъ трудъ именно этого характера. Заработная плата, даже настолько высокая, что она покрываетъ собой всѣ издержки существованія, никогда не доходитъ до того уровня, на которомъ рабочій путемъ сбереженій могъ бы составить себѣ капиталъ, чтобы самому сдѣлаться предпринимателемъ. Это обстоятельство положило пропасть между классами имущими и немущими, работающими и неработающими и создало привилегію въ самомъ фактѣ рожденія. Французская революція была направлена именно противъ всѣхъ привилегій рожденія,—не даромъ она первымъ параграфомъ своей „декларациі правъ“ не безъ театральности провозгласила, что „всѣ люди рождаются и живутъ свободными и равными въ правахъ“. Однако ту привилегію, о которой мы говорили, привилегію капитала утилизировать на свою пользу рабочія руки, французская революція не только не устранила, но еще усугубила однимъ законодательнымъ ограниченіемъ. Такое именно значеніе имѣютъ тѣ параграфы конституціи 91-го года, по которымъ право избирать себѣ представителя въ законодательныя собранія признается не за всѣми французами, а только за такъ наз. *citoyens actifs*, т.-е. за лицами совершеннолѣтними, присягнувшими республикѣ, прожившими нѣсколько лѣтъ въ одномъ округѣ и платящими извѣстнаго размѣра *прямой налогъ*. Это ограниченіе, еще усиленное конституціей 95 г., обладаніе недвижимой собственностью дѣлаетъ необходимымъ условіемъ для участія въ управленіи и, значитъ, совершенно устраняетъ отъ выборовъ всѣхъ, живущихъ только трудами рукъ своихъ. Такимъ образомъ, иронизируетъ Л. Штейнъ, равенство, провозглашенное правомъ человѣка, оказалось дѣйствующимъ лишь среди собственниковъ. Этотъ актъ революціоннаго правительства или, лучше сказать, достигнуей власти бур-

жуавин служитъ поворотнымъ пунктомъ во всей новѣйшей исторіи Франціи. Отстранивъ низшіе слои населенія отъ всякаго участія въ политической жизни страны, конституція 91 года выдвинула на арену борьбы новый общественный классъ, классъ пролетаріевъ въ точномъ смыслѣ этого слова, т.-е. немущихъ и неспособныхъ членовъ общества.

Какъ проявилось себя въ жизни это новое четвертое сословіе, какимъ оружіемъ стало оно бороться за свою независимость,—разбирать этого теперь мы не станемъ, посмотримъ зато, какого рода дѣйствіе оказало возникновеніе пролетаріата на экономическую науку. Оно воочію убѣждало, что свобода промышленности не даетъ благосостоянія всему народу и обогащаетъ однихъ предпринимателей. Однако правовѣрные послѣдователи Ад. Смита не хотѣли видѣть новыхъ явленій жизни и всякими оговорками старались спасти свою доктрину. Тогда явились мыслители, указавшіе на непримиримое противорѣчіе между теоріей и практикой и потребовавшіе постройки экономической науки на новыхъ началахъ.

Конечно, всегда была бѣдность и всегда были люди, которые мечтали о лучшихъ условіяхъ жизни для всего человѣчества. Но дѣло въ томъ, что простое указаніе на нищету работающихъ классовъ, даже если его сопровождаютъ укоры по адресу цѣлаго общества, какъ мы это находимъ у Руссо, Гельвеція и др. писателей XVIII в., безъ приведенія въ связь съ экономической наукой того времени, которой эта нищета являлась и слѣдствіемъ, и опроверженіемъ, точно такъ же, какъ измысленіе самымъ гуманнымъ образомъ устроенныхъ государствъ, проведенія которыхъ въ жизнь однако приходилось ждать лишь отъ Божескаго Промысла, измысленія, занимавшія людей съ древнѣйшихъ временъ и сохранившіяся отъ Платона, Томаса Мора, Кампанеллы, Гаррингтона, Морелли, Мабля и мн. другихъ,—все это дѣло людей честныхъ, благородныхъ, чувствительныхъ къ страданіямъ ближнихъ, но никомъ образомъ не реформаторовъ науки. Строгую критику политической экономіи выѣстъ съ требованіями совершенно перестроить науку мы находимъ только у Сен-Симона и у Фурье. Хотя оба эти писателя и не могутъ быть названы социалистами въ строгомъ смыслѣ этого слова, но зато они вполне заслуживаютъ названія застрѣльщиковъ социализма и въ такомъ своемъ качествѣ, какъ люди, хоть и не совсѣмъ свободные отъ рутины, но борящіеся съ ней, представляютъ собой особенно поучительный примѣръ первыхъ апостоловъ новой доктрины. Впрочемъ Сен-Симонъ былъ не всегда мѣткимъ застрѣльщикомъ,—его выстрѣлы попадали подчасъ въ него же самого, да къ тому же онъ еще былъ слишкомъ зараженъ раболѣпствомъ передъ классомъ промышленни-

ковъ; зато къ Фурье, этому вѣрному другу рабочихъ, такая кличка вполне примѣнима.

Силой самихъ обстоятельствъ Фурье вынужденъ былъ обратиться прежде всего къ критикѣ, которая и занимаетъ въ его сочиненіяхъ очень видное мѣсто; но эта критическая часть его ученія строго уравновѣшивается положительною частью, а обѣ онѣ логически вытекаютъ изъ его основныхъ понятій о Богѣ, человѣкѣ и природѣ. Естественнымъ образомъ, значитъ, и наше изложеніе распадется на такія же три части: въ первой мы ознакомимся съ критикой Фурье современной ему общественной жизни, во второй найдутъ себѣ мѣсто объединяющіе все ученіе философскіе принципы, а третья будетъ посвящена обзору положительныхъ практическихъ средствъ, предложенныхъ имъ для уврачеванія тѣхъ социальныхъ недуговъ, которые онъ обнаружилъ своею критикой. Только въ такомъ цѣльномъ видѣ ученіе Фурье и можетъ быть вѣрно понято и справедливо оцѣнено; намъ кажется, что невниманіе именно къ этому важному условію породило большую часть нареканій, выпавшихъ на долю французскаго мыслителя.

„Можно-ли гдѣ увидать“, говоритъ Фурье въ своей „Теоріи четырехъ движеній“, „беспорядокъ болѣе ужасный, чѣмъ тотъ, который царствуетъ на земномъ шарѣ? Половина всей земли населена хищными звѣрями и дикарями, что въ сущности одно и то же, а изъ другой, подчиненной культурѣ, половины— $\frac{3}{4}$ заселены варварами или головорѣзками, которые женщинъ и земледѣльцевъ обращаютъ въ рабство и во всѣхъ отношеніяхъ поступаютъ противно разуму. Слѣдовательно, только $\frac{1}{4}$ всего земного шара остается на долю такъ называемыхъ цивилизованныхъ, похваляющихся своимъ превосходствомъ и умножающихъ, въ то же время, нищету и развратъ до высшей степени“. Эта цитата вводитъ насъ въ самый центръ критики Фурье. „Нищета и развратъ“—этими двумя словами можно охарактеризовать всѣ тѣ печальныя экономическія и нравственныя условія, при которыхъ, по мнѣнію Фурье, живетъ въ наше время большая часть человѣчества. Отчего же происходятъ нищета и развратъ? Оттого ли, что земля недостаточно плодотворна? Оттого ли, что Богъ вложилъ людямъ въ сердце дурныя наклонности? Оттого ли, что сами люди не сумѣли воспользоваться дарованными имъ силами? Мы не можемъ сдѣлать перваго предположенія, такъ какъ видимъ, что еще далеко не исчерпаны всѣ средства, которыя могутъ заставить природу давать человѣку наибольшее количество своихъ произведеній. Мы не можемъ сдѣлать втораго предположенія,—оно бы подвергло сомнѣнію или способность Бога сдѣлать человѣка лучше, чѣмъ онъ есть, или Его желаніе видѣть Свое твореніе болѣе со-

вершеннымъ; въ первомъ случаѣ мы бы усомнились во всемогуществѣ Божіемъ, во второмъ случаѣ—въ Его всеблагости. Остается, слѣдовательно, принять третье предположеніе, что человѣкъ самъ виновать во всѣхъ своихъ несчастіяхъ, что ему была дана и плодотворная земля, и силы для обработки ея, но онъ не воспользовался въ достаточной мѣрѣ ни тѣмъ, ни другимъ, что своимъ устройствомъ общества онъ искажилъ хорошіе отъ природы инстинкты и поселилъ нищету среди изобилія. Достаточно взглянуть въ условія нашей общественной жизни, въ раздѣленіе общества на классы, въ организацію современной промышленности, чтобы это предположеніе стало твердой увѣренностью.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что общество трудится только нѣкоторой, небольшой частью своихъ членовъ; большинство же представляетъ собой паразитовъ, или только ничего не дѣлающихъ, или даже служащихъ дѣлу разрушенія. Фурье классифицируетъ ихъ по слѣдующимъ тремъ группамъ: паразиты домашніе, паразиты социальныя и паразиты дополнительные. Къ первымъ онъ относитъ значительную часть женщинъ, часто вовсе не работающихъ, а еще чаще занятыхъ такими домашними дѣлами, которыя при лучшей организаціи хозяйства могли бы быть сильно сокращены, затѣмъ почти всѣхъ дѣтей, совсѣмъ бесполезныхъ въ городахъ и только отчасти полезныхъ въ деревнѣ, и наконецъ почти всю прислугу, если не служащую къ удовлетворенію прихотей, то и тогда много времени теряющую въ праздности или въ ненужной работѣ. Паразитами социальными по классификаціи Фурье являются сухопутныя и морскія арміи, которыя поглощаютъ такъ много налоговъ, отвлекаютъ отъ труда лучшую часть населенія и подвергаютъ ее систематической порчѣ. „Безполезное соединеніе людей и машинъ, называемое арміей“, говоритъ Фурье, „употребляется на то, чтобы ничего не производить, въ ожиданіи того, что его употребятъ на разрушеніе“. Къ тому же разряду паразитовъ социальныхъ надо отнести больше половины фабрикантовъ, агентовъ транспорта, купцовъ и сборщиковъ податей; современная нераціональная организація промышленности и государства порождаетъ ихъ въ чрезмѣрномъ количествѣ. Въ послѣднюю рубрику паразитовъ дополнительныхъ Фурье соединяетъ всѣхъ тѣхъ, кто по закону, случайно или по нежеланію работать проводитъ свою жизнь непроизводительно. Сюда относятся законники и адвокаты, порождаемые современнымъ режимомъ, когда вражда и противорѣчіе интересовъ составляютъ неотъемлемую принадлежность всякаго общества; далѣе люди состоятельные, такъ наз. *compte il faut*, заключенные въ тюрьмахъ, больные и всякаго рода отщепенцы: завсегдашніе игорныхъ домовъ, падшія женщины, нищіе, воры, разбойники, тре-

бующіе содержанія „чиновниковъ и жандармовъ, равнымъ образомъ непродуцибельныхъ“.

Вотъ сколько людей въ нашемъ обществѣ сами уклоняются отъ работы и въ то же время живутъ результатами чужого труда! Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что остальная часть населенія, на которую исключительно и падаетъ все тяжелое бремя содержать своимъ трудомъ цѣлое общество, не производитъ достаточно на себя и на всѣхъ паразитовъ. Не слѣдуетъ думать однако, чтобъ даже эта остальная часть населенія не могла въ самомъ дѣлѣ производить достаточно, еслибъ хоть ея трудъ былъ правильно организованъ. А то, что мы видимъ теперь? Разбитая по отдѣльнымъ мастерскимъ, даже по отдѣльнымъ семьямъ, современная промышленность поглощаетъ массу труда и времени, которые могли бы быть сохранены при объединенномъ, кооперативномъ производствѣ съ широкимъ применением машинъ. На фабрикахъ такого рода кооперація осуществляется уже и теперь, но тамъ есть свое особенное неудобство, въ значительной степени парализующее всѣ выгоды крупной промышленности: рабочіе, взятые по найму, не заинтересованы въ выгодахъ предпріятія и потому на зло предпринимателямъ способны тормозить или даже портить все дѣло. Къ тому же фабричное производство далеко не охватываетъ всей сферы промышленной дѣятельности: въ земледѣліи, напр., кооперація до сей поры не примѣнялась вовсе, здѣсь царствуетъ полная раздробленность обработки, и потому крупныя улучшения почвы, непосильныя отдѣльнымъ хозяевамъ, такъ же какъ и утилизація лучшихъ машинъ—въ земледѣліи встрѣчаются очень рѣдко.

То же самое надо сказать и про мелкую промышленность, и про кустарное производство, только тутъ присоединяется еще новый неблагоприятный факторъ, который въ добывающей промышленности сказывается не такъ замѣтно. Угрожаемый голодомъ, рабочій берется за трудъ безъ всякаго выбора, даже и за такой, къ которому онъ не чувствуетъ ни малѣйшей склонности,—оттого онъ его выполняетъ, разумеется, самымъ недобросовѣстнымъ образомъ. Оно и понятно: какое ему дѣло до того, что, напр., сшитые имъ сапоги, не выдержавши, можетъ быть, и мѣсяца, развалиться? Ему важно получить за нихъ деньги, а особенно заботиться, чтобъ сапоги эти дольше носились, ему просто некогда: сбывъ одну пару сапогъ, надо скорѣе браться за другую; если при продажѣ удалось надуть покупателя, подсунуть ему гнилой товаръ вѣсто хорошаго, тѣмъ лучше... Увлеченія, этого важнаго во всякомъ трудѣ стимула, при такомъ порядкѣ быть, конечно, не можетъ; трудъ дѣлается источникомъ страданія, въ немъ привыкають видѣть лишь зло, неизбежное для однихъ, не-

обязательное для другихъ; понятно, что первые начинаютъ съ ненавистью относиться ко вторымъ, не работающимъ, но живущимъ трудами чужихъ рукъ. Вотъ вамъ уже, значить, готовы условія для разложенія общества, для проявленія въ немъ классовыхъ противорѣчій. Резюмируя кратко всѣ послѣдствія дурной организаціи современной промышленности, мы скажемъ, что она влечетъ за собой: 1) бесполезную трату извѣстной части труда и, слѣдовательно, уменьшеніе продуктовъ, могущихъ быть произведенными тѣмъ же числомъ рабочихъ рукъ; 2) обращеніе въ продажу товаровъ дурныхъ, требующихъ меньше времени для своего изготовленія и тѣмъ выгодныхъ производителю, и 3) отвращеніе работающихъ классовъ къ труду, недовольство своимъ положеніемъ и, затѣмъ, слѣдовательно неприязнь ко всему общественному строю.

Таковы главные недостатки современной организаціи труда. Но ими еще не исчерпываются всѣ невыгодныя условія, въ которыя поставленъ трудящійся,—самое худшее состоитъ въ томъ, что его вознагражденіе получается всегда за чей-нибудь счетъ и, притомъ, нерѣдко за счетъ несчастія его ближняго; такимъ образомъ создается антагонизмъ между всѣми отдѣльными членами общества. Докторъ ничего такъ не желаетъ своимъ согражданамъ, какъ большаго количества болѣзней, гробовщикъ заинтересованъ обиліемъ смертей, солдатъ мечтаетъ о войнѣ, которая ему можетъ дать случай обогатиться или получить повышеніе по службѣ, судья радуется каждому новому преступленію, архитекторъ и плотникъ эксплуатируетъ пожары, портной и сапожникъ были бы довольны, если бы ихъ продукты скорѣе изнашивались, вообще интересы покупателя противоположны интересамъ продавца, интересы фабриканта—интересамъ рабочихъ, наконецъ, интересы всѣхъ управляемыхъ часто не сходятся съ интересами правительства. Всеобщее недовольство, крайняя анархія и повальный эгоизмъ являются слѣдствіемъ этого противоположнаго порядка вещей.

Говоря о той расточительности, съ какой люди тратятъ свой трудъ, о той массѣ усилій, которая направлена часто на совершенно безцельное дѣло, Фурье съ особенной подробностью и настойчивостью останавливается на *торговлѣ*. Критика ея занимаетъ не мало страницъ въ его сочиненіяхъ и отличается, надо сказать, убѣдительностью и краснорѣчіемъ. Изложивши схематически главныя возраженія Фурье противъ современной промышленности, мы не можемъ не остановиться теперь и на его критикѣ торговли, всего лучше характеризующей отрицательную сторону „соціальной системы“.

Настоящая роль торговли, казалось бы, должна не превышать роли прислужницы потребленія; ея нормальные предѣлы ограничи-

ваются доставленіемъ потребителю продуктовъ, къ которымъ онъ нуждается, но которыхъ не имѣеть въ достаточномъ количествѣ. Непроизводительная по природѣ, она ни качественно, ни количественно не увеличиваетъ народнаго богатства и потому можетъ требовать себѣ лишь самаго малаго числа агентовъ. А между тѣмъ сколько рукъ заняла эта побочная отрасль промышленности, какую массу капиталовъ поглощаетъ она и въ какой невыгодной зависимости держитъ и производство, и потребление!.. Начать съ того, что, разъединивъ эти двѣ области, она заставила предпринимателя и рабочихъ производить на неизвѣстные имъ рынки и тѣмъ лишила возможности вѣрно сообразиться съ размѣрами спроса, съ нуждами населенія; съ другой стороны и потребителю она поставила въ необходимость, не рассчитывая уже на полное удовлетвореніе своихъ нуждъ, самыя эти нужды регулировать даннымъ состояніемъ рынка. То же разобщеніе привело и къ очень распространенной теперь *фальсификаціи* продуктовъ,— *фальсификаціи*, которая менѣе возможна, когда покупатель имѣеть непосредственныя сношенія съ производителемъ. Затѣмъ и тѣхъ, и другихъ, и производителей, и потребителей, торговля обложила такою контрибуціей, которая рѣшительно не вознаграждается доставляемыми ею услугами. Не странно ли напр., что купцы, простые посредники при передачѣ продуктовъ, имѣють зачастую больше доходовъ, чѣмъ сами производители ихъ? Для общества являются особенно вредными промышленныя кризисы, банкротства и спекуляціи на скупкѣ товаровъ, вину за которые Ф. не совсѣмъ справедливо цѣлкомъ валить на ту же торговлю. Хорошо знакомый со всѣми ея уловками, Фурье, а за нимъ и его ученики, ничѣмъ такъ не возмущаются въ окружающей жизни, какъ именно торговлей. „Торговля“ говоритъ онъ: „это—искусство купить за 3 франка, что стоитъ 6, и продать за 6 франковъ, что стоитъ 3“. „Торговля“, восклицаетъ Консидеранъ: „это—крадущій воръ, это пиратствующій корсаръ, это высасывающій кровь паукъ, это лютый ракъ; торговля—вотъ самое вѣрное сравненіе—это дурная болѣзнь, которая уродуетъ органы производства, которая кровь, текущую по артеріямъ и венамъ соціального тѣла, заражаетъ гнилостнымъ ядомъ“.

Въ лучшемъ случаѣ торговля непродизводительна, иногда она оказываетъ прямо разрушительное дѣйствіе. Изъ біографіи Фурье мы узнаемъ, что онъ самъ, въ качествѣ агента одной торговой фирмы, былъ вынужденъ однажды потопить въ морѣ цѣлую партію риса съ той цѣлью, чтобы возвысить цѣны на этотъ товаръ. Такого рода спекуляціи на предметы первой необходимости всегда вызываютъ его справедливое негодованіе. Фурье кажется недѣльнымъ, что этотъ грабежъ среди бѣла дня можетъ оставаться безнаказаннымъ; онъ тре-

буеть ограниченія произвола торговцевъ въ интересахъ всего народа. „Когда предоставляютъ свободу дѣйствій генералу, судья или доктору,—замѣчаетъ онъ,—то этимъ ихъ не уполномочиваютъ предавать армию, умерщвлять больныхъ и грабить невинныхъ; мы видимъ, что всѣ эти лица подвергаются наказанію, если они злоупотребляютъ своею властью: генераль-предатель обезглавливается, цѣлый судебный трибуналъ призывается министромъ къ отвѣтственности, одни торговцы неприкосновенны и увѣрены въ своей безнаказанности“.

Приведенное мѣсто очень характерно въ томъ отношеніи, что принципъ *свободы* промышленности и торговли былъ настоящимъ догматомъ для правовѣрныхъ экономистовъ того времени; въ высшей степени интересно поэтому встрѣтить въ сочиненіи, помѣченномъ еще 1808 годомъ („Теорія четырехъ движеній), уже вполне рѣшительное осужденіе этого принципа. Отвергая его, Фурье заходитъ такъ далеко, что отвергаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и всю тогдашнюю экономическую науку; онъ выставляетъ цѣлый рядъ обвиненій противъ экономистовъ, самое имя которыхъ является у него синонимомъ шарлатановъ; надо сознаться, однако, что эти осужденія у него слишкомъ общи, слишкомъ поспѣшны и слишкомъ бранчивы, чтобы они могли быть поставлены въ особую заслугу Фурье. Его главная заслуга состоитъ не въ критикѣ отдѣльныхъ положеній экономической науки и не въ полемикѣ съ различными экономистами, но въ указаніи на недостаточность науки для цѣлей практическихъ, на ея крайне буржуазный характеръ и на безсиліе разрѣшить антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ. Ученики Фурье, въ особенности Консидеранъ, ида по тому же пути, вступаютъ уже въ болѣе детальное обсужденіе нѣкоторыхъ теоретическихъ вопросовъ и при этомъ высказываютъ много прощипательности и остроумія.

Мы указали на тѣ причины, благодаря которымъ, по мнѣнію Фурье, все цивилизованное человѣчество въ наше время страдаетъ отъ нищеты; причины эти, какъ оказывается, сводятся къ дурной организаціи производства, плохо утилизирующей силы человѣка и приводящей ихъ во взаимное столкновеніе; къ этому надо прибавить еще болѣе дурное *распредѣленіе* добытыхъ благъ, которое содѣйствуетъ „порожденію нищеты даже самымъ ихъ изобиліемъ“. Однако, въ противность позднѣйшимъ писателямъ того же направленія, Фурье недостаточно вникалъ въ вопросы распредѣленія и, какъ мы увидимъ позже, въ своемъ идеальномъ обществѣ, разрѣшалъ эти вопросы далеко не идеально. Вотъ почему, только упомянувъ объ этомъ важномъ показателѣ народнаго благосостоянія, мы перейдемъ теперь къ другому „бичу человѣчества“, какъ называли его фурьеристы,—къ разврату.

Уже стало совершенно общимъ мѣстомъ то положеніе, что раз-

рушать не въ примѣръ легче, чѣмъ созидать, что подиѣтитъ недостатокъ еще далеко не значить устранить ихъ. Эта истина вполне оправдалась на той части системы Фурье, которая касается отношеній между полами. Намъ придется позже убѣдиться, что рекомендуемая имъ средства для устраненія царствующей нынѣ въ этихъ отношеніяхъ беспорядочности, по меньшей мѣрѣ, недостаточны, что многие изъ тѣхъ пороковъ, на которые онъ такъ негодуетъ, найдутъ себѣ мѣсто и въ его „Новомъ мѣрѣ“, гдѣ они только переимѣняютъ кличку и, вмѣсто пороковъ, будутъ именоваться добродѣтелями. Это несовершенство положительной части нисколько, однако, не умаляетъ той силы, съ которой Фурье обрушивается на современное общество за его испорченность, нисколько не подрываетъ той заслуги, что онъ не мирится съ этою испорченностью, но призываетъ на борьбу съ ней. Вракъ, эта „супружеская барщина“ (conгѳe conjugale), въ которой все ложь, развратъ и насиліе, вызываетъ особенное порицаніе Фурье; при этомъ онъ даже въ нѣкоторыхъ частностяхъ удивительно сходится съ тѣми взглядами на супружество, которые еще не такъ давно высказалъ въ своей повѣсти извѣстный русскій романистъ.

Здѣсь не мѣсто останавливаться долго на этой сторонѣ критики Фурье, замѣтимъ только, что картина семейной жизни съ невѣрностью супруговъ, съ постоянными ссорами, обусловленными несходствомъ характеровъ, съ дѣтьми—обузой, съ стремленіемъ обѣихъ сторонъ уйти подальше отъ домашняго очага, мужей въ сабѣ или клубъ, женъ—въ гости или театръ, картина эта выходитъ тѣмъ безотраднѣе, что прочность семейныхъ узъ, согласно Фурье, не только не ослабляется, но еще закрѣпляется вліяніемъ католицизма и развитіемъ венерическихъ болѣзней. Последнее, однако, по его собственному признанію, не препятствуетъ всѣмъ и каждому предаваться разврату до брака и внѣ его. Любовь продажная и любовь тайная, развратъ открытый и развратъ скрытый обличаются имъ для убѣжденія недовѣрчивыхъ читателей; предъ ихъ изумленными глазами проходитъ вереница субретокъ, швей, проституттокъ, любовниковъ, альфонсовъ, говорящая о томъ, что разложеніе коснулось всѣхъ классовъ общества безъ изятія. Нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ посвящено специально притонамъ разврата, которые представляютъ собою, по мнѣнію Фурье, извращеніе восточныхъ гаремовъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, были насильственные и тѣсныя по размѣрамъ, а новые гаремы широки и свободны. Гуманность, съ которою при этомъ говорится объ угнетенномъ положеніи женщины вообще, съ которою обществу напоминаются его обязанности по отношенію къ малолѣтнимъ членамъ, пробуждаетъ въ читателѣ невольную симпатію къ Фурье. Тѣ же гуманныя традиціи отличаютъ и его учениковъ. Уже нѣсколько разъ упомянутый нами Консидеранъ съ

особенной любовью останавливался именно на вопросах воспитания и посвятилъ имъ даже особую, во многихъ отношеніяхъ любопытную и замѣчательную книгу, гдѣ онъ вооружается противъ обязательнаго изученія древнихъ языковъ и требуетъ вообще предоставлять больше свободы учащимся. Тотъ же Консидеранъ вносилъ въ палату депутатовъ предложеніе о дарованіи женщинамъ права участвовать въ выборахъ; предложеніе его однако не встрѣтило тогда никакого сочувствія и было отвергнуто почти единогласно.

Мы думаемъ, что самага поверхностнаго знакомства съ критической стороной ученія Фурье достаточно, чтобы признать ее замѣчательно сильной и убѣдительною: здѣсь тонко подиѣчены и съ полною ясностью обнажены многія язвы современной Фурье общественной жизни, язвы, которыя къ нашему времени не только не зажили, но стали пожалуй еще злокачественнѣе. На первый взглядъ можетъ показаться однако, что слишкомъ ужъ разнородныя явленія Фурье критикуетъ, смѣшивая какъ будто все въ одну кучу. Конечно, ажіотажъ дурень, дурно и прелюбодѣяніе, но вѣдь между ними, казалось бы, нѣтъ ничего общаго; ужели Фурье надѣется однимъ ударомъ убить и то, и другое? Почти что такъ. Вѣрна или невѣрна, приложима или нѣтъ, его система во всякомъ случаѣ чрезвычайно разносторонняя: она одинаково объѣмлетъ какъ сферу матерьяльную, такъ и сферу нравственную, какъ область промышленную, такъ и соціальную въ широкомъ смыслѣ этого слова. Огдѣльныя положенія Фурье можно, конечно, осаривать, ихъ можно и вовсе отвергнуть, но нельзя не признать, что логичность и стройность его построеній выше всякихъ похвалъ. Мы говоримъ здѣсь не о той внѣшней стройности, которой, какъ уже говорено было выше, его книгамъ очень часто не доставало, но о цѣльности самага мировоззрѣнія, благодаря которой все, что Фурье осуждалъ въ современномъ ему обществѣ, все это онъ не забывалъ измѣнить въ своихъ планахъ будущаго общежитія и все это послѣдовательно вытекало изъ его общихъ, основныхъ философскихъ положеній.

Консидеранъ, со словъ Фурье описавъ всѣ бѣдствія современной цивилизаціи, такими выраженіями привѣтствуетъ положительную сторону системы своего учителя:

„Что же остановитъ наше разложеніе? Что насъ спасетъ? Конечно, это будетъ не *метафизика*, столь тщетная и пустая, съ ея воздушными шарами, съ ея разсужденіями о томъ, врождены ли намъ идеи, или нѣтъ, съ ея „сознаніемъ воспріятія ощущенія запаха розы“, съ ея человѣческимъ „я“, съ ея тройственностью феноменовъ, съ ея

сенсуалистическими и спиритуалистическими теоріями, съ ея наслѣдованіями англійскими, шотландскими, нѣмецкими, индійскими, китайскими и еще не знаю какими.

„Это будетъ не *политика* съ ея саблями, пушками, революціями, эшафотами, возстаніями и кровавыми побѣдами надъ ними, съ ея конституціями, которыя ничего не конституируютъ, съ ея правительствами, законными и квази-законными, съ ея бюджетами, миллионными долгами, съ ея протоколами и преніями безъ конца.

„Это будетъ не *этика* (*morale*), съ ея проповѣдами, запоздалыми и смѣшными; какъ рѣчи педанта, поучающаго ребенка, когда тотъ идетъ ко дну,—этика, которая уже не знаетъ, на какое основаніе ей теперь опираться послѣ попытокъ, предпринимавшихся въ продолженіе трехъ тысячелѣтій, утвердить царство добродѣтели, которая пришла къ тому, что сама стала поносить и преслѣдовать эту добродѣтель.

„Это будетъ и не *политическая экономія*, послѣднее дѣтище философіи, дѣтище незаконнорожденное, дряхлое уже при самомъ появленіи на свѣтъ и живое, какъ его мать; не политическая экономія, наука о богатствѣ народовъ,—народовъ..., которые мрутъ отъ голода, наука, вынужденная публично каяться въ своемъ невѣжествѣ и безсиліи.

„Это будетъ вовсе не то, что фантазируетъ, жметъ, разрушаетъ, что находится въ состояніи агоніи или уже погребено. Это будетъ не что-либо изъ прошлаго, но средство новое, которое, если оно не найдено, надо искать не по протореннымъ путамъ, а если найдено, надо подвергнуть испытанію.“

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Основныя понятія о Богѣ, человѣкѣ и природѣ.—Теорія страстей, философія исторіи.

Вникая въ самый духъ ученія Фурье, нельзя не замѣтить, что оно отличается довольно крайнимъ характеромъ. Возникшее въ извѣстныхъ общественныхъ и экономическихъ условіяхъ, ученіе это открыто порываетъ съ ними всякую связь и самымъ отрицательнымъ образомъ относится ко всему тогда существовавшему порядку. Фурье указываетъ на извращеніе естественныхъ наклонностей людей, на порчу нравовъ, на нищету и порабощенность трудящихся классовъ, усматриваетъ въ этомъ необходимое слѣдствіе современной организаціи общества и затѣмъ требуетъ измѣнить весь характеръ общественной жизни,

построить ее на совершенно новых началах. Никаких компромиссов, никаких уступок онъ не желаетъ допускать, не улучшенія и не реформы предлагаетъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ, но полную перестройку всего существующаго. „Ошибка нашихъ, такъ называемыхъ, реформаторовъ“, говоритъ Фурье въ одномъ мѣстѣ своего „Новаго Мира“, „заключается въ томъ, что они нападаютъ на одно или другое зло, вмѣсто того, чтобы обвинить всю цивилизацію, которая представляетъ собою во всѣхъ частяхъ одинъ закодированный кругъ всякихъ золъ“. Рѣзкая критика общественной жизни и въ ея экономическихъ, и въ ея нравственныхъ проявленіяхъ, презрѣніе ко всѣмъ научнымъ выводамъ, сдѣланнымъ до сихъ поръ, наконецъ вообще „полное сомнѣніе“ и „полное удаление“, принятія Фурье за исходный пунктъ всѣхъ его разсужденій, очень убѣдительно говорятъ намъ о томъ, что его ученіе рѣшительно противорѣчило установившимся, ходячимъ мнѣніямъ.

При такомъ крайнемъ своемъ направленіи новое ученіе, казалось бы, должно было держаться всегда самой независимой точки зрѣнія, отвергать всѣ авторитеты и въ разумѣ человѣческомъ видѣть источникъ всего прогресса и лучшей критерій истины. Въ дѣйствительности это было однако не такъ. Вся судьба человѣчества—согласно Фурье—заранѣе предначертана Богомъ, имъ установлены тѣ неизбѣжные законы, по которымъ движутся тѣла небесныя и земныя, человѣку остается только познать эти законы и покорно слѣдовать имъ. Познать и повѣдать ихъ людямъ дано было ему, Фурье, дано было свыше, какъ своего рода небесная миссія. Понятно, что эти божественныя законы, до сихъ поръ пренебрегавшіеся людьми, находятъ въ полномъ согласіи съ тѣмъ, что и раньше было открыто человѣчеству Богомъ. Отсюда слѣдуетъ, что новое ученіе должно ни въ чемъ не противорѣчить Евангелію и другимъ откровеніямъ Божиимъ, но наоборотъ почерпнуть себѣ въ нихъ опору и оправданіе.

Любопытно, что этотъ, какъ бы религиозный, характеръ, присущій ученію Фурье, отличаетъ даже еще въ большей степени и сочиненія Сен-Симона, другого радикальнаго реформатора, соотечественника и почти современника Фурье. Соціализмъ С. Симона—это религія, это „ученіе, имѣющее божественное происхожденіе“, это „новое христіанство“. Планъ, по которому должно быть перестроено наше общество, строго теократиченъ: во главѣ правленія, какъ неограниченный монархъ, поставляется верховный жрецъ, помощниками ему служатъ лица духовныя, священническая каста имѣетъ въ государствѣ преобладающее значеніе, а жизнь остальныхъ гражданъ построена на началахъ любви къ ближнему и евангельской морали. Теократическій элементъ сенсимонизма былъ настолько силенъ, что

проявился у его приверженцев и во внѣшнихъ, обрядовыхъ формахъ. Ихъ проповѣди по своему характеру напоминали церковныя поученія, ихъ спеціальныя священники совершали службы, имѣвшія нѣкоторыя черты сходства съ католическимъ богослуженіемъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что социализмъ, на французской почвѣ по крайней мѣрѣ, не только не наследуетъ скептицизма философовъ XVIII вѣка вроде Вольтера, Дидро, Гельвеція, Гольбаха и друг., но еще выступаетъ въ первый разъ передъ людьми въ священнической расѣ, съ кадиломъ въ рукѣ, съ покорной молитвой на устахъ... Этотъ религіозный характеръ, принятый имъ при самомъ появленіи на свѣтъ, объясняется вѣроятно очень различными и многими причинами, но особенно сильное вліяніе оказало тутъ, разумѣется, время, когда появились сочиненія Фурье и С.-Симона: то были 10-е и 20-е годы, время реставрацій и бѣлаго террора, эпоха реакціи въ политикѣ и ханжества въ религіи. На такой почвѣ свободной научной мысли, если только она рождалась, приходилось облекаться въ форму самую благонамѣренную, приходилось считаться съ духомъ времени и говорить иной разъ чисто-эзоповскимъ языкомъ. Еще у С.-Симона его теократическое построеніе общества можно, пожалуй, объяснить нѣкоторою религіозностью автора, — религіозностью, которая не помѣшала ему, однако, прожить свою жизнь истымъ римляниномъ времени упадка, нисколько не соображаясь съ требованіями церкви, но у Фурье христіанство уже явнымъ образомъ играетъ роль не болѣе, какъ простаго прикрытія для мыслей, ничего общаго съ нимъ не имѣющихъ, даже порой идущимъ въ разрѣзъ съ нимъ. Множество цитатъ изъ Евангелія и твореній св. отцовъ, которыя Фурье для подтвержденія своихъ взглядовъ выбралъ и истолковалъ самымъ произвольнымъ образомъ, подтверждаютъ только то, что въ его время нельзя еще было пренебрегать этимъ важнымъ оружіемъ при распространеніи новаго ученія. Современники Фурье такъ именно и поняли характеръ его ссылокъ на Священное Писаніе: его ученики прямо называютъ ихъ доводомъ *ad hominem*, а враги не замедлили обвинить нашего философа въ безнравственности и безбожій.

Послѣднее обвиненіе, однако, совершенно несправедливо. Если Фурье неправильно толковалъ священные тексты, если онъ прибѣгалъ въ Евангелію въ тѣхъ случаяхъ, когда Бож. Писаніе не разрѣшаетъ и не имѣетъ цѣли разрѣшать экономическія вопросы, то во всемъ этомъ нельзя видѣть ничего враждебнаго религіи. Фурье вовсе не былъ атеистомъ, онъ вѣрилъ въ Бога, Творца вселенной, — вѣрилъ, правда, не по-католически, но все же ставилъ его во главѣ всего міра и надѣлялъ свойствами, которыми можетъ обладать одно только бессмертное божество. Надо, однако, замѣтить, что насколько при-

знаніе самага бытія Божія імѣть у Фурье характеръ непосредственной вѣры, настолько эти свойства, нѣсколько разъ имъ перечисленныя и подробно объясненныя, носятъ на себѣ печать чего-то искусственнаго, придуманнаго съ предвзатою цѣлю.

Такъ оно и есть. Пять основныхъ свойствъ Бога: полное руководство движеніемъ, экономія употребляемыхъ средствъ, распродѣляющая справедливость, всеобщность Провидѣнія, единство плана,—всѣ эти свойства оправдывали какъ разъ соціальную систему Фурье, для какового оправданія они очевидно и приписаны Богу. Въ сущности, значить, не его система опирается на извѣстную теологію, а наоборотъ эта теологія вытекаетъ изъ соціальной системы. Среди только что перечисленныхъ нами свойствъ нѣтъ, какъ оказывается, одного очень важнаго, для каждаго вѣрующаго чуть-ли не перваго свойства Бога,—нѣтъ „всемогущества“, и это не случайное упущеніе. О всемогуществѣ Божиємъ Фурье упоминаетъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и совсѣмъ не говоритъ о немъ въ своей „теологіи“; здѣсь онъ распространяется напротивъ о „математическихъ законахъ“, положенныхъ въ основу всего творенія, не допускающихъ нарушенія и потому стѣсняющихъ какъ будто даже и самого Творца. Во всемъ органическомъ и неорганическомъ мірѣ можно прослѣдить дѣйствіе математическихъ законовъ,—для этого надо только сосредоточить свое вниманіе на томъ постоянномъ и всеобщемъ движеніи, которое составляетъ необходимую основу всего сущаго. Это всеобщее движеніе имѣетъ въ свою очередь пять вѣтвей: движеніе *матеріальное*, по которому совершаются всѣ передвиженія матеріи, движеніе *органическое*, которымъ устанавливаются законы распродѣленія формъ, цвѣтовъ и другихъ внѣшнихъ особенностей вещей, движеніе *инстинктивное* или движеніе страстей и инстинктовъ, движеніе *аромальное*, регулирующее распродѣленіе аромовъ, невѣдомыхъ частицъ природы, наконецъ движеніе *соціальное*, управляющее движеніемъ общественныхъ организмовъ. Фурье разсматриваетъ только одинъ видъ движенія, именно послѣдній, по одинакіе математическіе законы, положенные въ основу мирового механизма, позволяютъ ему дѣлать постоянныя аналогіи между явленіями самыхъ различныхъ порядковъ. Эти аналогіи, какъ ни произвольны, какъ ни смѣшны даже кажутся они намъ подчасъ, (напр. сопоставленіе жираффа съ истиной, любви съ эллипсомъ, дружбы съ фіолетовымъ цвѣтомъ), въ его глазахъ имѣютъ большую важность, подтверждая повсемѣстное единообразіе всего творенія. Вотъ почему онъ такъ дорожилъ своими аналогіями и такъ упорно отстаивалъ ихъ противъ чересчуръ строгой на его взглядъ цензуры учениковъ. Основной законъ соціального движенія заключается въ *плотъни*, въ притяженіи. Какъ отдѣльныя частицы матеріи постоянно стре-

мятся другъ къ другу, такъ и люди приводятся во взаимное столкнове-
неніе своими страстями или, лучше сказать, своимъ страстнымъ вле-
ченіемъ (*attraction passionelle*). Конечное и полное удовлетвореніе
этого влеченія составитъ то, что мы называемъ судьбой, назначеніемъ
человѣчества ¹⁾, и будетъ заключаться во всеобщемъ счастьи, въ гар-
моніи всѣхъ интересовъ; для того, чтобъ это стало возможно, надо
создать такія условія общественной жизни, при которыхъ ни одна
страсть человѣка не осталась бы неудовлетворенной и, кромѣ того,
не оказалась бы въ антагонизмѣ съ какою-нибудь страстью другого
члена соціального тѣла. Тогда только всѣ люди, удовлетворенные во
всѣхъ своихъ стремленіяхъ, будутъ вполне наслаждаться жизнью, по-
лучится громадная экономія принудительныхъ средствъ (всякіе поли-
цейскіе, законодатели и *tutti quanti* будутъ излишни, разъ выгода
отдѣльныхъ лицъ совпадетъ съ общею пользою) и, наконецъ, уста-
новится „согласіе между твореніемъ и творцомъ“, вложившимъ страсти
въ душу человѣка ужъ, конечно, не для того, чтобы ихъ подавляли.
Нечего и говорить, что въ настоящее время совмѣстная жизнь людей
представляетъ собой какъ разъ противоположное этому: самыя есте-
ственныя влеченія игнорируются или удовлетворяются одними во вредъ
другимъ, истиннаго счастья, истинной свободы никто не знаетъ, да-
рованныя Богомъ силы не утилизируются, даже подавляются, уничто-
жаются людьми, отчасти по ихъ невѣжеству, отчасти по ихъ неумѣ-
нію пользоваться своими силами. Слѣдовательно, первымъ шагомъ
на пути къ переустройству общества должно быть тщательно изу-
ченіе того, что есть въ человѣкѣ, его душевной дѣятельности, и
только на полученныхъ такимъ образомъ психологическихъ данныхъ
и возможно построить наилучшій, наиболѣе согласный съ природою
человѣка общественный порядокъ.

Вотъ, въ какомъ видѣ представлялась Фурье духовная жизнь
человѣка. Всѣ люди живутъ трояко: прежде всего, для самихъ себя,
затѣмъ для другихъ и, наконецъ, для всего человѣчества. Сообразно
съ этимъ ихъ внутреннія склонности, ихъ страсти могутъ быть раз-
биты на три категоріи: страсти матеріальныя, страсти душевныя и
страсти интеллектуальныя. Первыя возбуждаются по требованію на-
шихъ пяти внѣшнихъ чувствъ, ихъ удовлетвореніе доставляетъ че-
ловѣку пріятную и здоровую личную жизнь (роскошь—*luxe*, употреб-
ля выраженіе Фурье); никто, однако, не способенъ ограничиться
одною этою матеріальною жизнью,—*душевные* потребности человѣка
побуждаютъ его входить въ постоянное общеніе съ другими людьми,
у него рождаются симпатіи и антипатіи, онъ избираетъ себѣ семью,

¹⁾ Les attractions sont proportionnelles aux destinées.

друзей, словомъ, *круту* близкихъ ему лицъ; но замкнуться въ этой сферѣ домашняго круга человѣку не позволяетъ необходимость трудиться, необходимость добывать себѣ пропитаніе, если даже отказать ему въ безкорыстномъ стремленіи служить общей пользѣ; ему приходится поневолѣ сталкиваться со всякаго рода людьми, руководствуясь уже не своимъ отношеніемъ къ нимъ, но свойствами труда, за который онъ берется и за который берутся его товарищи въ данной отрасли промышленности, составляющіе вмѣстѣ съ нимъ, по терминологіи Фурье, одну *серію* (*série*). Различныя свойства труда имѣютъ непосредственную связь съ такъ называемыми интеллектуальными страстями человѣка: извѣстно, что работа въ одиночку, безъ товарищей, всегда кажется тяжелѣе и дѣлается медленнѣе, чѣмъ въ компаніи другихъ работниковъ; это объясняется тѣмъ, что у насъ есть потребность къ соревнованію, страсть къ интригамъ; далѣе, занятіе, требующее только мышечнаго напряженія и не дающее никакой пищи уму, менѣе привлекательно, чѣмъ то, которое открываетъ нѣкоторое поле для самодѣятельности; причина тутъ лежитъ въ присущей всѣмъ людямъ страсти къ творчеству, въ роли, которую играетъ энтузіазмъ; наконецъ, даже самый пріятный трудъ, разъ онъ продолжается слишкомъ долго и не чередуется съ трудомъ иного характера, дѣлается невыносимымъ, ибо въ насъ есть потребность къ разнообразію. Эти три страсти: къ соревнованію, къ творчеству и къ разнообразію (у Фурье онѣ носятъ причудливыя названія: *cabaliste*, *composite* и *rapillone*) должны быть удовлетворены, чтобы трудъ пересталъ быть какимъ-то наказаніемъ, чѣмъ-то тяжелымъ и непріятнымъ, а едѣлся бы, наоборотъ, источникомъ наслажденія для людей; въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, такъ какъ самъ по себѣ трудъ не можетъ быть названъ усиліемъ непріятнымъ, — его дѣлаютъ таковымъ только тѣ неблагоприятныя условія, въ которыя ставится въ наше время трудящійся ¹⁾).

Изъ этого краткаго обзора психологическихъ данныхъ не трудно уже понять, какимъ требованіемъ, по воззрѣнію Фурье, долженъ отвѣчать общественный порядокъ, чтобы быть въ согласіи съ природою человѣка: онъ долженъ содѣйствовать удовлетворенію страстей матеріальныхъ, душевныхъ и интеллектуальныхъ, т. е. гарантировать здоровье и нѣкоторый комфортъ домашней жизни, свободный выборъ близкихъ лицъ или свободу въ отношеніяхъ между полами и между поколѣніями, наконецъ, свободу избранія и профессіи, согласно индивидуальнымъ особенностямъ cadaго; при этомъ избранное ремесло

---

¹⁾ Для большей наглядности приводимъ „таблицу страстей“, составленную по Фурье *Консидераномъ*:

должно быть еще так обставлено, чтобы оно не нарушало потребности въ соперничествѣ, потребности въ разнообразіи и потребности въ творчествѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вопроса, насколько „*Новый Миръ*“, предложенный Фурье, отвѣчалъ требованіямъ, имъ самимъ выставленнымъ, насколько онъ устранялъ бѣдствія міра настоящаго и насколько вообще примѣнимымъ нужно считать его, — словомъ, прежде изложенія и разбора положительной, практической стороны ученія Фурье, не лишнее будетъ коснуться его взглядовъ на культурную исторію человѣчества. Это отступленіе будетъ уместно сдѣлать теперь же, такъ какъ ретроспективный взглядъ, брошенный нашимъ философомъ на предшествующія стадіи развитія человѣческаго общества, привелъ его къ результатамъ, которые, по его собственнымъ словамъ, позволили ему заключить, что требованія психологиче- скихъ наукъ не должны такъ и остаться пустыми требованіями, что сама исторія ведетъ насъ къ осуществленію того, что природа поставляетъ необходимымъ условіемъ человѣческаго счастья. Посмотрите, какими чертами, по мнѣнію Фурье, отиѣчены пройденныя уже нами ступени культуры и что въ нихъ является залогомъ лучшей общественной организаціи будущаго.

Земной шаръ данъ людямъ въ полное распоряженіе: обрабатывать землю, царствовать на ней—естественное назначеніе человѣчества,—это несомнѣнно, но столь же несомнѣнно и то, что въ младенчествѣ своемъ человѣчество не имѣло ни силъ, ни знаній выполнить это назначеніе; у него не было никакихъ инструментовъ, никакихъ орудій, никакихъ средствъ защиты отъ стихійныхъ силъ природы и дикихъ звѣрей, всего того, что явилось лишь слѣдствіемъ

П р и н ц и п ы .	С т р а с т и .	Пассивный.	Чувствительн. (сфера матери- альная).	<table border="0"> <tr> <td>Зрѣніе.</td> <td rowspan="4" style="font-size: 2em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="4" style="vertical-align: middle;"><i>Роскоши</i> (luxe).</td> </tr> <tr> <td>Слухъ.</td> </tr> <tr> <td>Обонаніе.</td> </tr> <tr> <td>Осязаніе.</td> </tr> <tr> <td></td> <td></td> <td></td> <td>Вкусъ.</td> <td></td> <td></td> </tr> </table>	Зрѣніе.	}	<i>Роскоши</i> (luxe).	Слухъ.	Обонаніе.	Осязаніе.				Вкусъ.			
		Зрѣніе.	}	<i>Роскоши</i> (luxe).													
		Слухъ.															
Обонаніе.																	
Осязаніе.																	
			Вкусъ.														
Активный.	Привязанности (сфера душев- ная).	<table border="0"> <tr> <td>Дружба — стр. однополая (дѣтство).</td> <td rowspan="4" style="font-size: 2em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="4" style="vertical-align: middle;"><i>Группы</i>.</td> </tr> <tr> <td>Любовь—страсть двуполая (юность).</td> </tr> <tr> <td>Честолюбіе—страсть кор- поративная (мужество).</td> </tr> <tr> <td>Семейственность—стр. ро- дительская (старость).</td> </tr> </table>	Дружба — стр. однополая (дѣтство).	}	<i>Группы</i> .	Любовь—страсть двуполая (юность).	Честолюбіе—страсть кор- поративная (мужество).	Семейственность—стр. ро- дительская (старость).									
Дружба — стр. однополая (дѣтство).	}	<i>Группы</i> .															
Любовь—страсть двуполая (юность).																	
Честолюбіе—страсть кор- поративная (мужество).																	
Семейственность—стр. ро- дительская (старость).																	
Нейтральный.	Распредѣляю- щія (сфера ум- ственная).	<table border="0"> <tr> <td>Страсть къ интригамъ.</td> <td rowspan="3" style="font-size: 2em; vertical-align: middle;">}</td> <td rowspan="3" style="vertical-align: middle;"><i>Серии</i>.</td> </tr> <tr> <td>Страсть къ разнообразію.</td> </tr> <tr> <td>Страсть составляющая.</td> </tr> </table>	Страсть къ интригамъ.	}	<i>Серии</i> .	Страсть къ разнообразію.	Страсть составляющая.										
Страсть къ интригамъ.	}	<i>Серии</i> .															
Страсть къ разнообразію.																	
Страсть составляющая.																	

времени, результатомъ опыта и прогресса. Естественно, что въ такомъ безпомощномъ состояніи люди съ трудомъ боролись съ окружающими неблагоприятными условіями, выхода изъ этой борьбы то побѣдителями, то побѣжденными; естественно, что земля въ то время представляла собой не болѣе, какъ „долину скорби и слезъ“. Объ этой доисторической эпохѣ мы не знаемъ ничего вѣрнаго; рассказы путешественниковъ въ некультурныя страны и сочиненія древнихъ историковъ рисуютъ намъ уже позднѣйшую картину общественной жизни: по этимъ даннымъ выходитъ, что наши предки и современные дикари вовсе не такъ жалки и безпомощны, какъ мы склонны предполагать, что они довольны своею жизнью и не страдаютъ отъ лишеній и голода. Таково было дѣйствительно положеніе людей послѣ ихъ первыхъ открытій въ области явленій природы, послѣ изобрѣтенія простѣйшихъ инструментовъ: дѣвственная природа отличалась тогда такимъ изобиліемъ, что ея немногочисленные обитатели добывали себѣ средства пропитанія легко, благодаря самымъ незначительнымъ усиліямъ. Научившись донять скотъ, ловить звѣрей и рыбъ, да укрываться отъ непогоды въ шалаши, они не выказываютъ никакихъ поползновеній къ раздѣлу земли, не ведутъ войнъ, не притѣсняютъ соплеменниковъ и потому по-своему совершенно счастливы. Нѣкоторыя воспоминанія объ этой (первой сколько-нибудь извѣстной) ступени развитія человѣческой культуры сохранились почти у всѣхъ народовъ въ ихъ преданіяхъ о золотомъ вѣкѣ, объ утраченномъ раѣ, о блаженной жизни прародителей; Фурье такъ и окрестилъ эту ступень культуры—*райскою* (*édenisme*). Быстрый ростъ населенія и истощеніе естественныхъ богатствъ нарушили, однако, спокойную жизнь первыхъ вѣковъ, они познакомили людей съ голодомъ и пробудили въ нихъ алчность. Оружіемъ, приготовленнымъ для обороны отъ дикихъ звѣрей, люди воспользовались другъ противъ друга, земля оросилась человѣческою кровью. Но, кромѣ войны, необходимость бороться за свое существованіе породила также соединеніе индивидовъ въ общественныя группы; здѣсь впервые были молчаливо установлены и затѣмъ строго соблюдаемы извѣстныя права людей, каковы права свободной охоты, рыбной ловли, пастьбы, внутренняго мира, кражи внѣ данной общественной группы и беззаботности. Покажется, вѣроятно, страннымъ, быть можетъ, даже вызоветъ улыбку современнаго читателя то обстоятельство, что въ права людей Фурье включилъ „внѣшнюю кражу“ и беззаботность,—явленія совершенно иного порядка, но тутъ все дѣло въ однихъ словахъ: назовите эти семь правъ просто характерными чертами *дикаго* періода (*sauvagerie*), и нельзя будетъ не согласиться, что онѣ схвачены мѣтко и подтверждаются всѣмъ, что мы теперь знаемъ о жизни дикарей. Земледѣліе, постепенно вы-

тѣснѣвшее охоту и скотоводство, обратило бродячій образъ жизни въ осѣдлый, связало человѣка съ землей и побудило его обзавестись хозяйствомъ и семьей; здѣсь, конечно, онъ не утратилъ своихъ воинственныхъ наклонностей и потому, не стѣсняясь, сталъ проявлять свою власть домохозяина; такими чертами отмѣченъ *патріархальный* періодъ. Нѣсколько не ослабѣвавшія междуусобныя войны и прежнее могущество физической силы сдѣлали незамѣтнымъ переходъ отъ главы семьи къ главѣ племени, отъ тираніи домашней къ тираніи государственной, отъ періода патріархальнаго къ періоду *варварскому* съ его неограниченными и обширными деспотіями.

Каждый изъ названныхъ періодовъ, прежде чѣмъ уступить свое мѣсто новому, долженъ былъ, по взгляду Фурье, достигнуть высшаго развитія своихъ главныхъ свойствъ и затѣмъ, постепенно приходя въ ветхость, дойти до окончательнаго разложенія. Эта мысль нагляднѣе всего развита на слѣдующемъ періодѣ, томъ, въ которомъ живемъ теперь мы,—на *цивилизациі*. Слѣдующія ступени прошелъ, проходитъ и пройдетъ этотъ послѣдній извѣстный намъ періодъ: 1) Дѣтство. Освобожденіе женщины отъ затворнической жизни и дарованіе ей гражданскихъ правъ, какъ члена семьи, были поворотнымъ пунктомъ къ новому времени („если бы варвары,—говоритъ Фурье,—признали единобрачіе, они бы сдѣлались цивилизованными уже благодаря одному этому пововведенію; если бы мы, напротивъ, заключили женщинъ въ гаремы, мы бы этимъ однимъ превратились въ варваровъ“). Первые шаги цивилизаціи — это время феодализма, смѣнившаго деспотію, время рыцарства, смѣнившаго грубость нравовъ. 2) Юность. Изобрѣтенія химическія и иныя, разныя открытія увеличили силу знанія. Въмѣстѣ съ тѣмъ на поприще общественной жизни выступаютъ городскія общины и буржуазія, которая тотчасъ вступаетъ въ борьбу съ сословнымъ государствомъ, опрокидываетъ его и провозглашаетъ свободу и равенство; къ сожалѣнію, только „провозглашаетъ“, такъ какъ для того, чтобы ихъ осуществить, мало написать на бумагѣ нѣсколько красивыхъ словъ; поэтому и ступень эта отмѣчена у Фурье ироническимъ эпитетомъ: „иллюзіи свободы“, какъ предшествующая: „иллюзіи рыцарства“. 3) Мужество. Наука доходитъ до полнаго расцвѣта, свобода промышленности порождаетъ широкое развитіе торговли; но въ нихъ уже скрываются сѣмена разложенія. Эта вторая деградирующая половина цивилизаціи отличается тѣми же свойствами, какъ и первая, только въ обратномъ порядкѣ. Между обѣими половинами сходство таково же, какъ между утреннею зарей и вечерней, между сумерками, рассѣвающимися подъ вліяніемъ лучей восходящаго солнца, и сумерками, сгущающимися, когда оно склоняется къ западу. Снова возникаютъ привилегіи, но уже не на почвѣ

происхожденія, а на почвѣ состоянія; мореплаваніе приводитъ къ монополіи въ морской торговлѣ, прогрессъ химіи доставляетъ промышленникамъ средства для фальсификаціи товаровъ. Бѣдствія работающихъ классовъ, непрерывныя войны, финансовыя затрудненія и глубокой развратъ показываютъ, что мы шагнули на послѣднюю ступень, ступень дряхлости, и, слѣдовательно, не далеко уже время полнаго разрушенія цивилизаціи и наступленія новаго періода, названнаго Фурье *гарантизмомъ*. Основною чертой цивилизаціи служитъ злоупотребленіе принципомъ товарищества. Тотъ же принципъ, но въ чистомъ видѣ, мы передадимъ въ послѣдніе гарантизму, гдѣ ассоціація будетъ играть самую видную роль и гдѣ взгляды Фурье касательно постройки общества на новыхъ началахъ найдутъ себѣ, наконецъ, полное примѣненіе.

Изложенные нами въ сжатомъ видѣ историческіе взгляды Фурье представляютъ большой интересъ. Сколько бы неточностей или односторонностей мы ни нашли въ нихъ теперь, когда историческая наука подвинулась значительно впередъ, но уже тотъ фактъ, что для подтвержденія своей системы Фурье обращался къ исторіи, — заслуживаетъ особеннаго вниманія. Ниже мы будемъ еще подробнѣе говорить, чѣмъ Фурье отличался отъ утопистовъ и почему самая эта кличка неприменима къ нему; замѣтимъ теперь, что именно историческое вступленіе было одной изъ его главнѣйшихъ отличительныхъ особенностей. Требованіе извѣстнаго строя на началахъ, выведенныхъ изъ головы мыслителя безъ вниманія къ ходу исторіи, — таковъ общій характеръ всякихъ утопій, у Фурье же, напротивъ, его Новый Міръ вытекалъ столько же изъ самой природы челоука, сколько и изъ всего міроваго прогресса. Такъ полагалъ по крайней мѣрѣ самъ Фурье, обращавшійся къ изученію исторіи съ такимъ же вниманіемъ, какъ и къ изученію психологіи, и считавшій наступленіе Новаго Міра не только желательнымъ, но прямо-таки неизбежнымъ, необходимымъ. Такимъ образомъ, предстояція экономическія формы онъ выводилъ изъ предъидущихъ и потому не допускалъ возможности провести въ жизнь форму, несоответствующую историческимъ условіямъ. Эта глубоко плодотворная мысль выдвигаетъ Фурье далеко изъ ряду всѣхъ его современниковъ, жаль только, что самъ онъ воспользовался ею не болѣе, какъ на половину. Полное осуществленіе своихъ идей онъ ожидалъ увидѣть дѣйствительно только при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, но въ то же время онъ придавалъ уже слишкомъ большое значеніе устройству пробной общины, которая, ничего въ сущности не измѣнивъ въ этихъ общихъ условіяхъ, однимъ лишь примѣромъ не подвинула бы жизнь къ переходу въ новую экономическую фазу, а затѣмъ — и это главная ошибка

Фурье—свой Новый Миръ онъ построилъ не на началахъ, добытыхъ изъ исторіи, не на томъ, что въ силу социологическихъ законовъ *не можетъ не наступить*, но на гораздо менѣе научныхъ, даже нѣсколько произвольныхъ психологическихъ выводахъ, *на томъ, что должно было бы наступить*, если-бъ прогрессъ цивилизаціи приводилъ непременно къ доставленію людямъ все большей суммы счастья, ко все болѣе полному удовлетворенію ихъ физическихъ и психическихъ потребностей.

Мы сейчасъ увидимъ однако, что, слѣдя даже этимъ невѣрнымъ путемъ, Фурье оказывается столь проникательнымъ, что нѣкоторыя изъ высказываемыхъ имъ мыслей впоследствии получаютъ полное осуществленіе, а нынѣ могутъ считаться передовыми даже и въ настоящее время.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Привлекательный трудъ. — Фаланстеръ. — „Новый Миръ“. — Его оцѣнка.

Говоря о бѣдствіяхъ окружающей насъ жизни, мы привыкли жаловаться на чрезвычайно неравномѣрное распредѣленіе богатства, на скопленіе капиталовъ въ немногихъ рукахъ, на полное несоотвѣтствіе между вознагражденіемъ и заслугой. Сдѣлаемъ на минуту предположеніе, что этого несоотвѣтствія, этой неравномѣрности не существуетъ, что имущества всѣхъ уравнены, что отдѣльныя большія богатства отняты отъ ихъ собственниковъ и раздѣлены поровну между всѣмъ населеніемъ. Много ли выиграетъ отъ того человѣчество, много ли получитъ каждый индивидъ? Такое вычисленіе сдѣлано было Фурье для одной Франціи: раздѣливъ цифру ежегоднаго дохода страны на число ея жителей, онъ получилъ, какъ среднюю величину, двѣсти франковъ на душу. Эта ничтожная сумма станетъ еще меньше, если мы введемъ въ вычисленіе всѣ страны всего міра, если примемъ во вниманіе дикарей Азіи, Африки и Австраліи, русскихъ крестьянъ и сибирскихъ инородцевъ. Такимъ образомъ, по вычисленію Фурье, даже математически равное распредѣленіе не спасетъ человѣчества отъ бѣдствій пауперизма. Отчего это произойдетъ? Оттого, разумеется, что хозяйственныхъ благъ, имѣющихся на землѣ, недостаточно для прокормленія всего ея населенія. А это, въ свою очередь, обуславливается отчасти избыткомъ людей праздныхъ, отчасти малою производительностью человѣческаго труда. Въ виду такого печальнаго факта, мы можемъ предаваться размышленіямъ на тему о дурныхъ наклонностяхъ человѣка, можемъ громить паразитовъ или

классифицировать ихъ по какимъ-нибудь признакамъ, можемъ соболъзновать объ удрученныхъ трудомъ рабочихъ, которыхъ произведенія служатъ на поддержку бесполезныхъ существованій. Но какъ уменьшить, какъ уничтожить зло вмѣсто того, чтобы только оплакивать его? Очень просто: нужно такъ организовать трудъ, чтобы онъ сталъ пріятенъ, пріятнѣе даже бездѣлья. Одной этой мѣрой вы увеличите по крайней мѣрѣ въ два раза сумму товаровъ, имѣющихся на землѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убьете заразъ всѣхъ паразитовъ всего земного шара.

Самымъ лучшимъ привлеченіемъ къ труду служить его соотвѣтствіе съ нашими склонностями: этимъ стимуломъ и слѣдуетъ воспользоваться для окончательнаго искорененія паразитства. Пусть отнынѣ каждый членъ общества изберетъ себѣ ту профессію, къ которой онъ чувствуетъ наибольшую склонность, и пусть никакія внѣшнія условія не понуждаютъ его ограничиваться ею одною или отдаваться этой профессіи даже тогда, когда она ему прискучить. Всякимъ вкусомъ можно найти примѣненіе: обжора и лакомка займется кулинарнымъ искусствомъ, любитель цвѣтовъ сдѣлается садовникомъ, тѣ, которые чувствуютъ особенную склонность къ животнымъ, найдутъ себѣ дѣло въ конюшняхъ или на скотныхъ дворахъ; дѣтямъ, любящимъ барахтаться въ грязи, поручена будетъ уборка нечистотъ и т. д. и т. д. Но при этомъ найдутся, разумѣется, люди, у которыхъ не окажется никакой склонности ни къ какому роду труда, найдутся также необходимыя для общества работы, но самому своему свойству неспособны быть источникомъ наслажденія; это мнѣное препятствіе для полнаго проведенія предполагаемой нами реформы устраняетъ тѣ условія, въ которыхъ вообще будетъ находиться трудъ въ „Новомъ Мірѣ“.

Въ сущности вѣдь внѣшнія условія и составляютъ главное для работника. Самое скучное занятіе дѣлается привлекательнымъ, разъ оно сопряжено съ извѣстными удовольствіями, и наоборотъ: самое любимое можетъ опротивѣть, если отнять отъ него обычную пріятную обстановку. Заставьте, на примѣръ, записного танцора выдѣлывать различныя па, прыгать и вертѣться одному въ своей комнатѣ,—онъ съ неудовольствіемъ примется, въ угоду вамъ, за такое утомительное и нелѣпое упражненіе, а пустите его же въ роскошную бальную залу, окружите толпой изящныхъ дамъ и прикажите оркестру взяться за музыку,—посмотрите, что сдѣлается съ вашимъ танцоромъ!... И такъ во всякомъ дѣлѣ: среда, условія, въ которыхъ оно совершается, существеннымъ образомъ вліяютъ на его привлекательность; если теперь всякій трудъ будетъ находиться въ условіяхъ, удовлетворяющихъ людскимъ влеченіямъ, всякій трудъ и сдѣлается *привлекатель-*

мысль, настолько привлекательнымъ, что за него будутъ браться не изъ-подъ палки, не въ случаяхъ крайности, не изъ страха голодной смерти, но просто изъ эгонистическаго желанія доставить себѣ наслажденіе. Въ чемъ должны состоять эти условія, удовлетворяющія психическимъ потребностямъ человѣка,—мы уже знаемъ: сообразно тремъ нашимъ интеллектуальнымъ страстямъ (смотри вышеприведенную таблицу страстей), трудъ долженъ, во-первыхъ, выполняться цѣлой серіей рабочихъ въ коопераціи; во-вторыхъ, долженъ допускать проявленіе творческой силы человѣка и, въ-третьихъ, не быть слишкомъ продолжительнымъ, но чередоваться почаще съ трудомъ иного характера.

„Привлекательный трудъ“—это главнѣйшая особенность рекомендуемаго Фурье общественно-промышленнаго порядка. Мы еще не знаемъ, какъ именно онъ будетъ организованъ, но зато уже съ разныхъ сторонъ подошли къ этому центру практической стороны всего ученія: вамъ теперь извѣстно, какія язвы стремится уврачевать Фурье своимъ „Новымъ Міромъ“, и, кромѣ того, извѣстно, какимъ условіямъ обязанъ удовлетворять будущій строй, чтобы быть въ согласіи съ природою человѣка. Намъ остается, наконецъ, выяснить его предположительную организацію, какъ она обрисована въ сочиненіи Фурье: „Новый Міръ промышленный и социальный“.

Экономія въ производствѣ и экономія въ потребленіи одинаково указываютъ на ассоціацію, какъ на лучшую форму хозяйственной жизни. Выгоды крупной промышленности и совмѣстной жизни многихъ производителей замѣчены были экономистами задолго до Фурье, задолго до него онъ были провѣрены на опытѣ и блестяще обнаружались на фабрикахъ и большихъ мануфактурахъ: несмотря, однако, на свои очевидныя преимущества, коопераціи не получила все-таки всеобщаго распространенія, она не охватила собой всѣхъ отраслей человѣческой дѣятельности и, между прочимъ, не была или почти не была испробована въ земледѣліи. Этотъ пробѣлъ и думалъ восполнить Фурье своимъ предложеніемъ устраивать „земледѣльческія ассоціаціи“, члены которыхъ должны вести совмѣстную жизнь на началахъ потребительскаго товарищества и пользоваться всѣми преимуществами, какія только могутъ доставить людямъ привлекательный трудъ и раціональная организаціи производства.

Квадратная миля—вотъ площадь земли, достаточная для такой образцовой фермы, 600—700 семействъ или 1,600—2,000 человѣкъ—вотъ цифра ея обитателей. Капиталь, необходимый для обзаведенія (4 или 4½ милліона), можетъ быть откуда-нибудь завязать или получить на акціяхъ, которыя, конечно, въ виду выгоды предпріятія, мигомъ расхватаютъ всѣ состоятельнѣе люди, всѣ банкиры и финансисты: впоследствии барыши ассоціаціи позволятъ сполна выплатить

этотъ необходимый долѣгъ, если вообще члены товарищества пожелаютъ быть полными и независимыми собственниками всей фермы. Участокъ, предназначенный для опыта, долженъ быть раздѣленъ на нѣсколько лоскутьевъ, и на нихъ, сообразно почвеннымъ условіямъ каждаго, будутъ производиться особая культура: всѣ лучшіе сорта зернового хлѣба, травъ, льну и другихъ полевыхъ растений, продукты огородничества и садоводства будутъ здѣсь воздѣлываться и дадутъ, благодаря особенно тщательному уходу и всаеческимъ усовершенствованіямъ, самые поразительные урожаи. Жилищемъ для членовъ ассоціаціи должно служить одно обширное зданіе, именуемое *фаланстеромъ* и привороженное для самыхъ разнообразныхъ вкусовъ своихъ многочисленныхъ обитателей. Всякій, кто хоть что нибудь знаетъ о Фурье, навѣрно ужъ слышалъ объ этомъ грандіозномъ народномъ дворцѣ, съ его роскошными залами, читальными, концертными и балными, съ его обширными аудиторіями для публичныхъ лекцій, съ его чудными зимними садами, съ его стеклянными галлереями, служащими мѣстомъ базаровъ и выставокъ, съ его комфортабельными гостиницами для пріѣзжающихъ, съ его телеграфомъ, водопроводомъ, напропроводомъ, обсерваторіей, колокольней, почтовыми голубями и проч., и проч. Многія изъ приманокъ фаланстера въ наше время имѣются въ каждомъ благоустроенномъ домѣ, но современникамъ Фурье, его ученикамъ и послѣдователямъ, предполагаемое обиталище членовъ ассоціаціи должно было казаться верхомъ комфорта и роскоши. Самые послѣдніе бѣдняки, увѣрялъ ихъ Фурье, достигнуть въ фаланстерѣ той степени благосостоянія, которая при обыкновенныхъ условіяхъ доступна только милліонерамъ. Все здѣсь устроено просто, но удобно, вездѣ изящество и, главное, *экономія*. вмѣсто пятидесяти кухонь, которыя бы потребовались при современной раздробленности хозяйствъ, тутъ всего одна обширная кухня, со всѣми необходимыми принадлежностями и съ хорошей вентилляціей, вмѣсто пятидесяти амбаровъ, — одинъ, вмѣсто пятидесяти прачешныхъ — одна, вмѣсто десятка больницъ — ни одной: въ фаланстерѣ при здоровой пищѣ и правильномъ образѣ жизни болѣзни вовсе исчезнутъ; впрочемъ, пріемный покой и нѣсколько врачей будутъ необходимы для оказанія первой помощи на случай какихъ-нибудь увѣчій или нечаянныхъ поврежденій. На врачахъ будутъ лежать главнымъ образомъ обязанности санитаровъ, т.-е. общее наблюденіе за гигиеничностью жизни въ фаланстерѣ.

Было бы слишкомъ утомительно перечислять далѣе всѣ сбереженія, которыя сдѣлаютъ обитатели фаланстера на продуктахъ и дровахъ при приготовленіи пищи заразъ для такой массы лицъ, всѣ сбереженія на машинахъ и инструментахъ во всякаго рода домаш-

нихъ работахъ, наконецъ, громадныя сбереженія во времени и трудѣ при томъ условіи, что все будетъ подъ руками и рабочіе не окажутся вынужденными къ невольному бездѣйствію, какъ это сплошь и рядомъ бываетъ съ нашей прислугой. Совмѣщая въ себѣ, такимъ образомъ, всѣ выгоды потребительной ассоціаціи, фаланстеръ будетъ, однако, избавленъ отъ ея темныхъ сторонъ: онъ не потребуетъ отъ своихъ членовъ никакого однообразія вкусовъ, никакого подчиненія воли индивидовъ одному общему режиму; напротивъ, каждый, сообразно своимъ склонностямъ и своему *состоянію*, будетъ избирать себѣ отдѣльное помѣщеніе, питаться и одѣваться, какъ ему заблагоразсудится, только и пищу, и одежду онъ станетъ получать изъ общихъ складовъ, изъ имущества всей ассоціаціи. Коммунизма въ описанной нами общинѣ нѣтъ и слѣда, и слѣдовательно не правы тѣ критики (Сюдръ, Лавеле, Шафле, у насъ г. Щегловъ и Куперникъ), которые называли Фурье коммунистомъ. Въ „Новомъ Мирѣ“ напротивъ свято охраняются и частная собственность, и бракъ, а индивидуальныя различія не упускаются изъ виду при распредѣленіи работъ.

Но какъ же въ фаланстерѣ организованъ трудъ? Да, собственно говоря, никакъ не организованъ, — онъ самъ организуется сообразно естественнымъ наклонностямъ cadaго работника, и та доля регламентаціи, которая порой необходима, вносится специалистами въ данной отрасли, избранными своими товарищами. Иной власти, какъ власть выборная, иного авторитета, какъ авторитетъ знанія или опытности, иныхъ преимуществъ, какъ преимущества ловкости и ума, въ фаланстерѣ не существуетъ. Каждый членъ общины, безъ различія пола и возраста, избираетъ себѣ то занятіе, которое его болѣе привлекаетъ, и присоединяется къ рабочимъ, уже раньше взявшимся за тотъ же трудъ. Ему приходится при этомъ подчиниться нѣкоторымъ правиламъ своей „серіи“, но онъ нисколько не прикованъ къ развѣ избранному занятію и, слѣдовательно, всегда можетъ оставить эту серію, напр., серію огородниковъ, и присоединиться къ другой. Между такими серіями рабочихъ подѣлены всѣ роды промышленности, и вездѣ мы видимъ одни начала: свободу въ выборѣ себѣ дѣла, работу въ коопераціи и постоянныя сдѣланы, постоянное разнообразіе труда. Благодаря тому, что всякому человѣку прирождено множество наклонностей, никто не ограничится однимъ какимъ нибудь занятіемъ, одною профессіей, какъ это почти неизбежно въ современномъ строѣ, а приметъ, напротивъ, участіе заразъ въ нѣсколькихъ серіяхъ, такъ что при каждомъ отдыхѣ онъ будетъ мѣнять работу. Подобнымъ устройствомъ достигается значительное раздѣленіе труда, а свобода, съ которою дѣлаются переходы, ставитъ это раздѣленіе въ непосредственную связь съ индивидуальными различіями организмовъ.

Частые переходы, постоянныя смѣны труда устраняють вмѣстѣ съ тѣмъ всякую монотонность и даютъ полный просторъ страсти къ разнообразію. Такое же широкое примѣненіе получаютъ и двѣ другія страсти человѣка: страсть къ соревнованію и страсть къ творчеству; первая будетъ возбуждаться постояннымъ присутствіемъ товарищей, вторая явится, какъ результатъ соотвѣтствія работы съ характеромъ работника; извѣстно, что излюбленному занятію всегда предаются съ жаромъ!

Такимъ образомъ, въ фаланстерѣ, гдѣ трудъ сдѣлается удовлетвореніемъ какой-нибудь нашей особенной склонности, а если таковой не имѣется, удовлетвореніемъ главнѣйшихъ интеллектуальныхъ страстей, предаваться ему будетъ, очевидно, для всѣхъ пріятнѣе, чѣмъ посвящать свое время бездѣлю, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ мы только избавляемъ себя отъ того, что можетъ доставить одно лишь наслажденіе. Получаемая, благодаря этому, выгода не исчерпывается привлеченіемъ къ труду тѣхъ паразитовъ, которые порождаются именно отталкивающимъ характеромъ труда и дурною организаціей производства въ современномъ обществѣ. Не меньшую выгоду составитъ также и то, что трата силы въ „Новомъ Мірѣ“ станетъ значительно продуктивнѣе; этому будутъ содѣйствовать не только энтузіазмъ и соревнованіе, которые не замедлятъ здѣсь проявиться, но также введеніе во всѣ отрасли крупной системы производства, пользованіе лучшими машинами и обработка земли согласно почвеннымъ ея условіямъ. Въ настоящее время принадлежность земли и орудій отдѣльнымъ лицамъ ставитъ производство въ зависимость отъ средствъ производителя, — въ фаланстерѣ этого не будетъ: *вся* работы станутъ производиться хорошими машинами, такъ какъ онѣ составятъ собственность цѣлой серіи, точно такъ же и *вся* земля разобьется на участки не для того, чтобы на каждомъ, какъ бы это ни было неудобно, воздѣлывать продукты первой необходимости для хлѣбопашца, а съ тою цѣлью, чтобы какъ можно лучше сообразовать культуру земли съ ея природными особенностями, что, разумѣется, возможно только при условіи принадлежности земли всей ассоціаціи, всей *фалангѣ* (такъ называется населеніе фаланстера).

Фаланга, какъ нѣчто цѣлое, какъ юридическое лицо; выступитъ и въ торговыхъ сношеніяхъ; въ ея общія хранилища будутъ стекаться результаты труда всѣхъ ея членовъ, отсюда же въ обмѣнъ за свои издѣлія они могутъ получать все имъ необходимое. Такимъ образомъ устранятся всякіе посредники между торгующимъ своими издѣльями и покупателемъ, и во внутренней торговлѣ со всѣми сопровождающими ее и указанными Фурье бѣдствіями не окажется больше никакой нужды. Дурныя и фальсифицированныя произведенія вовсе переста-

нута поступать на рынокъ; производить ихъ здѣсь ни для кого не будетъ выгодно, такъ какъ обманъ, позоръ обманувшаго, нисколько не послужитъ къ его выгодѣ. Такое именно дѣйствіе произведетъ система вознагражденія въ „Новомъ Мирѣ“, гдѣ дѣятельность каждаго члена общины станетъ оплачиваться не по количеству произведенныхъ имъ продуктовъ (это количество въ коопераціи не всегда даже можетъ быть вычислено), а по количеству затраченнаго труда, по свойству работы, по силѣ его таланта и по величинѣ вложеннаго въ предпріятіе капитала.

Ни одно изъ этихъ основаній не измѣнится, если доброкачественный продуктъ подмѣнить продуктомъ плохого свойства, не измѣнится, слѣдовательно, и размѣръ вознагражденія нашего производителя. Для болѣе правильной оцѣнки всѣ работы въ фалангѣ располагаются по степенямъ ихъ *привлекательности*, по степени *трудности* и по степени *полезности*, причемъ въ послѣднемъ случаѣ принимается въ соображеніе также и та сторона, которая въ нынѣшнемъ промышленномъ строѣ вознаграждается очень рѣдко, а именно: степень вліянія, оказываемаго работой на возбужденіе въ людяхъ альтруистическихъ чувствъ. Вознагражденіе присуждается рабочему его серіей: 1) прямо пропорціонально тому, насколько его трудъ содѣйствуетъ закрѣпленію единства между членами общины, 2) обратно пропорціонально тому, насколько онъ ему пріятенъ, и 3) прямо пропорціонально препятствіямъ, преодоленіе которыхъ работа требуетъ для своего выполненія. Таковы условія, вліяющія на размѣръ платы или, правильнѣе, на размѣръ вознагражденія (плата возбуждаетъ въ насъ представленіе о деньгахъ, а онѣ въ фаланстерѣ замѣняются простою словесною оцѣнкою серіи), которое должно быть присуждено рабочему только за трату имъ извѣстнаго количества мускульной силы, только за трудъ въ техническомъ смыслѣ этого слова; но каждый продуктъ заключаетъ въ себѣ еще результатъ содѣйствія таланта и капитала,— эти два фактора производства получаютъ себѣ оцѣнку опять-таки по присужденію представителей той же серіи. Примѣрнымъ, болѣе разумнымъ распредѣленіемъ цѣны товара представлялось Фурье то, которое $\frac{4}{12}$ этой цѣны отдастъ капиталу, $\frac{5}{12}$ —труду, $\frac{3}{12}$ таланту; справедливость вознагражденія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обеспечивается тѣмъ, что рабочіе всегда могутъ служить производству всѣми тремя этими элементами или то тѣмъ, то другимъ, то третьимъ, а потому въ массѣ не будутъ настаивать на лучшей оцѣнкѣ одной какой-нибудь стороны; а затѣмъ участіе всякаго производителя сразу во многихъ серіяхъ достаточно гарантируетъ ассоціацію отъ того, чтобы нѣкоторыя отрасли промышленности оцѣнивались въ ней въ ущербъ другимъ.

Полное единение въ средѣ обитателей фаланстера, сознание пользы, приносимой всѣми каждому и каждымъ всѣмъ, наконецъ, взаимная признательность за помощь, какую въ разныхъ серіяхъ умѣлый окажетъ неумѣлому, слабый—сильному, талантливый—неспособному, причемъ рабочій, въ одномъ случаѣ нуждающійся въ руководителѣ, въ другомъ—самъ сдѣлается такимъ руководителемъ,—всѣ эти черты согласія и гармоніи промышленной жизни, устроенной по плану Фурье, сами собой должны исключить въ „Новомъ Мирѣ“ всякое противорѣчіе интересовъ, всякое обогащение одного работника за счетъ другого, сдѣлать невозможнымъ это великое бѣдствіе современнаго намъ капиталистическаго режима, бѣдствіе одинаково гибельное и для нашего производства, и для нашей нравственности. Мы говоримъ: противорѣчіе интересовъ, а не *конкуренцію*, которая останется и здѣсь, но только потеряетъ весь свой острый характеръ вслѣдствіе разносторонности занатій, доступныхъ каждому: столкновение экипажей только тамъ страшно, гдѣ одна дорога и, притомъ, узкая, но на широкомъ пути и тамъ, гдѣ есть много проѣздовъ, сколько угодно повозокъ разъѣдутся, не столкнувшись, не опрокинувъ другъ друга... Тѣ профессии, которыя, не зирая на общія условія солидарной жизни въ фаланстерѣ, получаютъ, все-таки, возможность излечать себя пользу изъ несчастій людей, подвергнутся въ „Новомъ Мирѣ“ коренному преобразованію, такъ что и онѣ не нарушатъ общей гармоніи интересовъ. Для примѣра можно указать на то, какъ Фурье предлагалъ вознаграждать услуги врачей. „Въ цивилизаціи (т.-е. въ соврем. цивилизованномъ строѣ) говоритъ онъ,—докторъ зарабатываетъ пропорціонально количеству больныхъ, которыхъ онъ пользовалъ. Ему, слѣдовательно, выгодно, чтобы болѣзнь были многочисленны и продолжительны, особенно среди богатыхъ. Обратное тому имѣетъ мѣсто въ Гармоніи: доктора содержатся здѣсь дивидендомъ со всего дохода фаланги, дивидендъ этотъ растетъ и падаетъ вмѣстѣ съ общимъ и сравнительнымъ доходомъ фаланги. Меньше она будетъ имѣть больныхъ и умершихъ за годъ, крупнѣе станетъ сумма, предназначенная для докторовъ. Выгода ихъ, такимъ образомъ, будетъ ничѣмъ не отличаться отъ выгоды страховщиковъ жизни: они озаботятся заинтересованными предупредить зло, а не лѣчить его“.

Чтобы закончить нашъ, должно сознаться, слишкомъ недостаточный очеркъ фаланстеріальнаго устройства, намъ остается еще сказать вѣскольکو словъ о тѣхъ преобразованіяхъ, которымъ по плану Фурье подвергнется жизнь домашняя и общественная. Здѣсь, какъ при организаціи промышленности, въ основу всѣхъ отношеній должно лечь свободное удовлетвореніе людскихъ склонностей. Избраніе себя людей близкихъ будетъ такъ же свободно, какъ и избраніе профессіи;

серии рабочихъ, составленныя сообразно различію работъ, распадутся на *группы* лицъ, связанныхъ между собой дружбой или симпатіей; это новое дѣленіе, удовлетворяя душевнымъ страстямъ чловѣка, окажетъ одно только благотворное вліяніе на успѣшность труда: соревнованіе между группами увеличитъ достоинство произведеній. Совмѣстная работа и частыя встрѣчи на поляхъ и въ мастерскихъ молодыхъ людей обоого пола поведутъ къ ихъ взаимному сближенію, а затѣмъ, можетъ быть, и къ браку, но этотъ исходъ не представляетъ въ „Новомъ Мірѣ“ чего-нибудь неизбѣжнаго. *Свобода половыхъ отношеній* въ фаланстерѣ столь велика, что молодая дѣвушка до брака можетъ переимѣнить нѣсколько любовниковъ, а затѣмъ, соединивъ даже свою жизнь съ кѣмъ-нибудь, она не обязана всегда ему оставаться вѣрвой. Фурье думалъ, что главное зло брачной жизни заключается въ нерасторжимости брака и въ необходимости для супруговъ скрывать свои истинныя чувства. Любовь контрабандой представлялась ему величайшимъ развратомъ, и ее-то устранить онъ и имѣлъ въ виду, допуская въ семьѣ, какъ и повсюду, самое широкое удовлетвореніе страстей. Мы уже говорили, что въ такомъ видѣ это значить только узаконить развратъ, назвать просто порокъ добродѣтелью, это значить сдѣлать ту же ошибку, за которую Фурье и его ученики такъ казнятъ экономистовъ, — вмѣсто стѣсняющихъ монополій, предложить анархическую конкуренцію“.

Переходя къ той сторонѣ ученія Фурье, которая касается государственной жизни, приходится отмѣтить, прежде всего, ея неясность и неразработанность, иѣшающія съ увѣренностью приписывать нашему философу тѣ или иные политическіе взгляды. Къ тому же его ученики, болѣе радикальные, чѣмъ онъ самъ, нарочно, кажется, замалчивали и даже по-своему видоизмѣняли взгляды учителя, напримѣръ, на сущность государственной власти. Повидимому, дѣло представлялось Фурье такимъ образомъ, что во главѣ cadaго фаланстера будетъ стоять выборная власть, завѣдующая всѣми его хозяйственными дѣлами, во главѣ всѣхъ фаланстеровъ одной страны — единоличная власть, называемая *унархъ*, во главѣ управленія всѣмъ земнымъ шаромъ — *омнархъ*. Функцій этихъ правителей Фурье въ точности нигдѣ не опредѣляетъ, едва-ли даже онъ оставляетъ на ихъ долю какое-нибудь дѣло, кромѣ общаго наблюденія и руководства: во всякомъ случаѣ онъ не даетъ имъ ни войска, ни какой иной принудительной силы. Впрочемъ, когда фаланстеры получаютъ всеобщее распространеніе, государственное управленіе, вообще, до крайности упростится, дѣла общины будутъ рѣшаться ею же самой безъ посторонняго вмѣшательства, такъ что *государство въ сущности отождествится съ фаланстеромъ*. Тѣ стороны управленія, которыя требуютъ нынѣ особенно

сложныхъ административныхъ механизмовъ, въ „Новомъ Мірѣ“ или вовсе исчезнуть, или получать самую простую и экономную организацію: множество чиновниковъ устранился за ненадобностью вслѣдствіе прекращенія торговли, прямой подоходный налогъ, вносимый въ опредѣленный день каждой серіей, значительно упроститъ финансовое дѣло, уничтоженіе частной поземельной собственности и, слѣдовательно, всякихъ межевыхъ споровъ, тяжбъ о погромахъ и проч., а главное совпаденіе интересовъ всѣхъ членовъ общины совершенно упразднитъ всѣ судебныя учрежденія и всю армію прокуроровъ, адвокатовъ, легистовъ, стражей, полицейскихъ и прочихъ соціальныхъ паразитовъ современнаго общественнаго строя, противнаго природѣ челоуѣка и потому вынужденнаго прибѣгать ко всякимъ принудительнымъ средствамъ.

Теперь нашимъ читателямъ извѣстенъ уже въ общихъ чертахъ весь механизмъ „Новаго Міра“. Они знаютъ, что единственныиъ его двигателемъ являются страсти людей и что правильное ихъ удовлетвореніе и порождаетъ всю ту экономію и всю ту привлекательность, которыми отличаются въ „Новомъ Мірѣ“ устройство общежитія, организація производства, вся домашняя и общественная жизнь. Это единое основаніе, объединяющее различныя части соціального плана, намъ, кажется, удалось съ достаточною ясностью провести и въ нашемъ изложеніи, но зато, гонясь за единствомъ и послѣдовательностью, мы въ значительной степени пожертвовали другой стороною дѣла, именно жизненностью и красотой, такъ что въ нашей, слишкомъ сухой, передачѣ читатели составятъ себѣ очень слабое понятіе о томъ обаяніи, которое можетъ производить знакомство со всѣми подробностями идеальнаго общежитія. Одинъ изъ критиковъ Фурье замѣтилъ, что его описаніе отличается такою точностью и яркостью, будто онъ рассказываетъ уже о чемъ-то существующемъ на землѣ и даже только-что имъ видѣнномъ. При той силѣ воображенія, какою отличался нашъ авторъ, оно почти-что такъ и было: онъ рисовалъ то, что отчетливо носилось предъ его умственнымъ взоромъ, и рисовалъ, притомъ, не какъ пытливый изслѣдователь, но какъ поэтъ въ минуту вдохновенія и внутренняго экстаза, облекая всѣ попадавшіеся на глаза предметы легкою дымкою поэтической идеализаціи.

Мы живо представляемъ себѣ этого одиокаго мечтателя сидящимъ за рабочимъ столомъ въ убогой мансардѣ, въ то время, какъ онъ предается вѣчнымъ своимъ заботамъ о доставленіи счастья всему челоуѣчеству и на крыльяхъ фантавіи облетаетъ имъ же самимъ устроенный райскій уголокъ земли. Возвращаясь къ дѣйствительности отъ такихъ поэтическихъ экскурсій, онъ долженъ былъ съ воодушевленіемъ хвататься за перо и, полный вѣры въ реальность только-что

видѣнаго, въ краснорѣчивыхъ и рѣшительныхъ выраженіяхъ описывать до мельчайшихъ подробностей все устройство новаго, лучшаго міра. Какими жалкими должны были быть въ его глазахъ и наше счастье, и наше богатство, и вся наша жизнь, по сравненію съ тѣмъ, что рисовалось ему въ воображеніи! Преимущества и выгоды фаланстера казались Фурье столь несомнѣнными и, притомъ, столь громадными, привлекательность предлагаемаго имъ общенія настолько превосходящею привлекательность образа жизни самаго обезпеченнаго члена нашей цивилизаціи, грядущее избавленіе рода человѣческаго отъ бѣдствій разврата и бѣдности представлялось ему столь осязательнымъ, что онъ твердо вѣрилъ и въ необходимость, и въ возможность осуществленія своихъ проектовъ въ ближайшемъ будущемъ. Его наивный оптимизмъ въ этомъ отношеніи особенно ярко сказался въ слѣдующемъ фактѣ: объявивши на одной изъ своихъ первыхъ книгъ, что онъ бываетъ дома ежедневно въ 12 ч., Фурье затѣлъ до конца своей жизни сѣлшиль всегда домой къ этому часу, боясь, чтобы своей неаккуратностью не оттолкнуть какого-нибудь богача, который, увѣровавши въ его систему, могъ принести ему въ означенное время сумму денегъ, необходимую для заведенія фаланстера. Только этотъ первый шагъ и казался Фурье труднымъ, а далѣе, какъ только поразительныя выгоды новаго промышленнаго предпріятія стануть извѣстны людямъ, ничто уже, по его мнѣнію, не въ силахъ будетъ задержать быстрое распространеніе фаланстеровъ по всей землѣ. Если бы въ 1822 г., разсуждаетъ онъ, сдѣлать первый опытъ, въ 1824 гармоническій порадокъ былъ бы введенъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, въ 1826 къ нему присоединились бы варвары и дикари, а въ 1828 г. фаланстеры покрыли бы собою весь земной шаръ... „Весь вопросъ о переустройствѣ общества—болѣе осторожно по тому же вопросу высказывается Консидеранъ—сводится къ устройству одной или нѣсколькихъ примѣрныхъ общинъ, практическое вліяніе которыхъ опредѣляетъ собою болѣе или менѣе быструю эволюцію и замѣну безпорядочныхъ обществъ гармоническимъ строемъ“.

Здѣсь на порогѣ этого грядущаго эдема, гдѣ не будетъ ни слезъ, ни страданій, гдѣ „избранными стануть всѣ званіе“, здѣсь останавливается Консидеранъ съ благоговѣніемъ и страхомъ. Исполненный неподдѣльнаго восторга, онъ восклицаетъ съ какой-то дѣтской вѣрой и трогательнымъ умиленіемъ: „Великій Воже! это слишкомъ прекрасно, чтобы это не могло быть осуществимымъ!“ Но его менѣе сдержанный и болѣе пылкій учитель не останавливается въ молчаливомъ созерцавіи предъ грандіозною картипою всеобщаго счастья, онъ идетъ далѣе въ своихъ мечтахъ, забываетъ всѣ законы природы, весь присущій ему здравый смыслъ и смѣло пускается въ откры-

тое море фантазіи: изъ подъ его пера начинаютъ выходить такіа удивительно безумныя вещи, что у читателя можетъ родиться невольное сомнѣніе, не имѣеть-ли онъ дѣло съ помѣшаннымъ или бредящимъ въ горячкѣ больнымъ.

Гармонически устроенная земля, пророчить Фурье, дастъ солнцу необходимыя испаренія, и это будетъ содѣйствовать новымъ твореніямъ въ животномъ и растительномъ мірѣ. Вредныя и опасныя звѣри исчезнутъ, а на ихъ мѣсто природа создастъ противу-львовъ, противу-китовъ, противу-акулъ, предназначенныхъ специально для служенія человѣку: эти животныя по собственному побужденію будутъ возить на моряхъ корабли и самихъ людей на сушѣ съ невѣроятною быстротой и вслѣдствіемъ комфортабельности. Подобныя же измѣненія произойдутъ и въ неодушевленномъ мірѣ: болота высохнутъ, вулканы потухнутъ, теплый климатъ распространится по всей землѣ. Благодаря этому жизнь человѣческая получитъ среднюю продолжительность въ 150 лѣтъ и сдѣлается столь блаженною, что люди будутъ жалѣть только объ одномъ, что день не имѣеть вмѣсто 24 часовъ—48, чтобы можно было удовлетворить чрезвычайному разнообразію удовольствій, производимыхъ господствомъ „Новаго Міра“. Не понимаемъ, отчего было Фурье не сдѣлать людямъ и этой уступки, отчего было не продлить сутокъ до 48 часовъ,—онъ, вѣдь, съ небесными явленіями распоряжался съ тою же легкостью, какъ и съ земными: вся планетная система, по его пророчанію, придетъ въ движеніе, и вотъ земля, совокупившись съ Меркуріемъ, своимъ пятымъ спутникомъ, родитъ землянику, совокупившись съ Палласомъ, четвертымъ спутникомъ, родитъ черную смородину, совокупившись съ Церерой, третьимъ спутникомъ, родитъ смородину съ пшпанами, совокупившись съ Юноной, вторымъ спутникомъ,—смородину гроздыями, совокупившись съ Фебиной, 1-мъ спутникомъ, не родитъ ничего, а совокупившись съ солнцемъ, произведетъ на свѣтъ основной восходящій плодъ, т.-е. виноградъ... Еще болѣе замѣчательны результаты отъ появленія въ планетной системѣ такъ называемой „Сѣверной Короны“, совершенно новаго, дотолѣ не существовавшего свѣтила: эта Сѣверная Корона... Но не довольно ли? *Du sublime il n'y a qu'un pas au ridicule.*

Если мы устранимъ изъ системы Фурье всѣ очевидныя преувеличенія и нелѣпости, если отъ поэтическихъ прикрасъ отвлечемъ одну только экономическую основу и на ней сосредоточимъ свое вниманіе, уму нашему тотчасъ же представится вопросъ, осуществима ли вся эта система, возможно ли устройство фаланстеровъ и водвореніе на землѣ „Новаго Міра“. На поставленный такимъ образомъ вопросъ отвѣтить придется рѣшительнымъ отрицаніемъ: несостоятельность фаланстеровъ видна уже изъ того факта, что ихъ устройство связано

съ благотворительностью. Никакой разумный человекъ не станетъ покупать акцій, не имѣющихъ за собой никакихъ гарантій, слѣдовательно необходимый для обзаведенія капиталъ, равно какъ и земля для опыта должны быть просто кѣмъ-нибудь пожертвованы. Но насколько проблематиченъ подобный расчетъ — долженъ былъ убѣдиться и самъ Фурье: какъ аккуратно ни являлся онъ доной въ 12 часамъ, ни одинъ изъ тогдашнихъ миллионеровъ даже не замѣтилъ такой предупредительности. Кромѣ этой первой, сразу бросающейся въ глаза преграды при осуществленіи всего замысла, прочности уже устроенныхъ фаланстеровъ будетъ не мало препятствій. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно ознакомиться съ исторіей хотя нѣкоторыхъ опытовъ, предпринятыхъ учениками Фурье послѣ его смерти. Во Франціи и въ Америкѣ такихъ попытокъ завести фаланстеры было сдѣлано около 40, и ни одно изъ обществъ не просуществовало болѣе 12 лѣтъ, большинство же ликвидировало свои дѣла послѣ 3-5-тилѣтней жалкой борьбы съ неблагоприятными внѣшними условіями и внутреннимъ разложениемъ.

Нельзя не замѣтить далѣе, что еслибъ даже проектъ Фурье былъ осуществленъ, не получилось бы все же всѣхъ тѣхъ блестящихъ результатовъ, которые онъ намъ предрекаетъ. Остановимся сначала на самой главной отличительной чертѣ „Новаго Мира“, — это, разумеется, его „привлекательный трудъ“. Надо сознаться, что самая мысль сдѣлать трудъ источникомъ наслажденія и такимъ образомъ съ одной стороны привлечь къ производству всѣхъ паразитовъ, съ другой вызвать энтузіамъ въ средѣ трудящихся, мысль эта невольно поражаетъ своей оригинальностью и заманчивостью. Если бъ ее удалось провести въ жизнь, если бы дѣйствительно трудъ могъ стать пріятнѣе бездѣлья, то мы не въ состояніи даже вообразить себѣ всѣхъ благотворныхъ послѣдствій этого нововведенія. Богатство народовъ возросло бы до небывалыхъ размѣровъ, работа стала бы несравненно продуктивнѣе, недовольство рабочихъ классовъ исчезло бы, потому что всѣ бы тогда стали работать... Къ сожалѣнію только условія, въ которыя ставится трудящійся въ фаланстерѣ, не оказываются сами по себѣ достаточными для подобной реформы: работа не станетъ наслажденіемъ и въ этой новой обстановкѣ. Сотрудничество съ любимыми товарищами, постоянныя смѣны занятія, соревнованіе участвующихъ въ коопераціи, способность дѣла возбуждать энтузіазмъ, все это можетъ нѣсколько скрасить непріятность тяжелаго ремесла, но не такіе палліативы производятъ настоящіе перевороты въ чувствахъ, — имъ не сдѣлать наслажденіемъ то, что до тѣхъ поръ являлось лишь въ видѣ печальной необходимости. Въ сущности, вѣдь, требованія Фурье не только не представляютъ собою чего-нибудь неслыханно новаго, невыполнимаго

нигдѣ кромѣ фаланстера, въ разной степени эти требованія удовлетворяются даже современно промышленнымъ строемъ: развѣ, напри- мѣръ, артельная работа не отвѣчаетъ условію совмѣстности и соревни- ванія, развѣ нѣтъ труда въ окружающемъ мірѣ, который бы пробуж- далъ въ людяхъ энтузіазмъ? Названныя условія и теперь, безъ всякаго сомнѣвія, не только осуществимы, но сплошь и рядомъ осуществляются, а трудъ все же не становится пріятнѣе бездѣлья. Значитъ Фурье для выполненія своей оригинальной и до извѣстной степени, надо на- дѣяться, осуществимой мысли не нашель никакихъ другихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыя уже намъ извѣстны и которыя, какъ оказы- вается, рѣшительно недостаточны для столь великаго переворота.

Впрочемъ, и самъ Фурье не считалъ возможнымъ, чтобы всѣ работы въ фаланстерѣ дѣлались только вслѣдствіе ихъ внутренней привлекательности: для болѣе тяжелыхъ и неприятныхъ онъ, вѣдь, устанавливаетъ лучшее вознагражденіе и слѣдовательно допускаетъ въ рабочихъ иной стимулъ къ дѣятельности, какъ только склонность къ данному виду труда. Если отвести этой поправкѣ все принадлежащее ей мѣсто, то и получится какъ разъ то состояніе промышленности, кокое мы видимъ теперь, а именно: *неимущіе* будутъ предаваться труду, на который существуетъ наибольшій спросъ въ обществѣ и который поэтому лучше оплачивается, а *люди состоятельные*, если только не погрузятся въ бездѣйствіе (этого Фурье позволить не можетъ) или займутся трудомъ непроеводительнымъ (въ экономическомъ смыслѣ слова), какъ самымъ пріятнымъ, или, что еще хуже, своими издѣліями, приготовленными въ свободное время и безъ лишнихъ за- тратъ, окажутъ вредную конкуренцію на рынкѣ сбыта.

Отвергнувъ такимъ образомъ главную особенность „Новаго Міра“, казавшуюся способной произвести весьма важныя переизмѣны, и выска- завши увѣренность, что привлекательнымъ каждый трудъ здѣсь не станетъ и что въ выборѣ того или иного труда рѣшающимъ факторомъ, попрежнему, будетъ не его привлекательность, а его вознаграждаемость, намъ теперь уже легко убѣдиться и относительно другихъ нововве- деній Фурье въ ихъ совершенномъ безсиліи избавить человѣчество отъ золъ современной цивилизаціи. Мы уже видѣли, что половныя и брачныя отношенія не получаютъ въ фаланстерѣ никакого упорядоченія. Къ столь же неудовлетворительнымъ результатамъ пришелъ Фурье въ своей борьбѣ съ вредными послѣдствіями торговли, соціального пара- зитства и сложныхъ административныхъ учреждений.

Торговля, столь ненавистная Фурье торговля, несмотря ни на что, раскинетъ свои сѣти и въ Новомъ Мірѣ: вѣдь, въ каждомъ фа- ланстерѣ, при малочисленности его обитателей и ограниченности про- странства, которое онъ занимаетъ, а главное, вслѣдствіе особенностей

климата и почвы, въ каждомъ фаланстерѣ будетъ производиться только часть всѣхъ продуктовъ, необходимыхъ для его продовольствія, а остальное будетъ получаться, конечно, посредствомъ мѣнновыхъ сношеній съ сосѣдними общинами. Вотъ причина, почему въ организаціи Фурье можетъ получиться лишь сбереженіе въ людяхъ и капиталахъ, отдаваемыхъ теперь торговлѣ, но затѣмъ сама она, а также сопутствующіе ей кризисы, банкротства и спекуляціи останутся въ прежней силѣ. Останутся, разумѣется, и сложныя *административныя организаціи*. Едва-ли платежъ налоговъ будетъ производиться такъ аккуратно, какъ полагаетъ Фурье: сборщики податей въ той или иной формѣ, навѣрно, возникнутъ и здѣсь. Не утратится надобность и въ судебныхъ учрежденіяхъ: почему, спрашивается, исчезнутъ въ фаланстерахъ такія правонарушенія, какъ убійства и разныя преступленія противъ личности, дѣла о сопротивленіи властямъ, о нарушеніи „тишины и спокойствія“ и вообще какихъ-нибудь полицейскихъ предписаній? Безъ всякаго сомнѣнія, все это останется и обусловитъ собой существованіе судовъ со всѣми служащими въ нихъ, а затѣмъ конечно, и существованіе жандармовъ, полицейскихъ, „лицъ по деликатному выраженію Фурье—равнымъ образомъ непроеводительныхъ“.

Признавая, однако, фаланстеры съ одной стороны неосуществимыи, съ другой — неспособными устранить всѣ указанныя самими Фурье бѣдствія, мы еще не хотимъ этимъ сказать, чтобы они были ошибочны во всѣхъ частяхъ и чтобы тѣ начала, на которыхъ они построены, были совершенно негодны. Мы постараемся далѣе опредѣлить, что именно въ системѣ Фурье заслуживаетъ вниманія современнаго читателя, чѣмъ можно воспользоваться и въ наше время и что, напротивъ, сохранило лишь чисто историческій интересъ, не имѣя уже ни практическаго значенія, ни научной цѣнности.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Утопическое и неутопическое въ системѣ Фурье.—Экономическій матеріализмъ.—Отношеніе къ работающему классу и къ капиталу.—Судьба и значеніе идей Фурье.

Въ письмѣ къ одному изъ своихъ критиковъ отъ 2 января 1881 г. М. Е. Салтыковъ говоритъ, между прочимъ: „Вѣдь, и Фурье былъ великій мыслитель, а вся прикладная часть его теоріи оказывается болѣе или менѣе несостоятельною и остаются только неумирающія общія положенія“. Вотъ только эту „прикладную часть“ имѣли

въ виду и мы, когда на предъидущихъ страницахъ подвергли критику, а затѣмъ осужденію „земледѣльческую ассоціацію“ Фурье; что же касается тѣхъ общихъ положеній, которыя легли въ основу всей его системы и вылились въ форму идеальныхъ общежитій, то они до сихъ поръ оставались почти незатронутыми. Характеристика главныхъ общественныхъ, этическихъ и экономическихъ взглядовъ Фурье и должна составить теперь нашу задачу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательную, заключительную оцѣнку этого мыслителя. Задача эта, вообще по отношенію ко всякому писателю не легкая, становится въ данномъ случаѣ еще труднѣе въ виду того, что сколько-нибудь законченнаго разбора міросозерцанія Фурье еще не было сдѣлано никѣмъ изъ его критиковъ, въ большинствѣ случаевъ не шедшихъ далѣе отдѣльныхъ критическихъ замѣчаній. Не беря на себя смѣлости дать полную оцѣнку доктрины Фурье и тѣмъ заполнить существующій, по нашему мнѣнію, пробѣлъ въ критической литературѣ о немъ, мы все же въ заключеніе нашей книжки сдѣлаемъ попытку подчеркнуть нѣкоторыя, особенно важныя его идеи, чтобы тѣмъ оправдать наше исключительное вниманіе къ этому мыслителю.

Изъ приведеннаго нами отзыва Салтыкова видно, какъ рѣзко можно отличать Фурье-философа отъ Фурье-практика и какъ высоко можно цѣнить перваго, совершенно не признавая заслугъ втораго. Самая легкость, съ которою практическая прикладная сторона его ученія отпадаетъ отъ основныхъ, руководящихъ идей, нисколько не вредя имъ (въ этомъ сейчасъ мы убѣдимся), показываетъ уже недостаточное сродство его теоретическихъ посылокъ и практическихъ слѣдствій. Въ дѣйствительности, рамки фаланстера силовы и рядомъ только стѣсняли примѣненіе нѣкоторыхъ широкихъ и плодотворныхъ идей Фурье. И насколько эти послѣднія были для своего времени оригинальны и новы, настолько же несамостоятельнымъ должно быть названо его предложеніе соединить людей въ небольшія общежитія. И въ Англій, и во Франціи можно указать цѣлый рядъ писателей XVIII-го столѣтія, которые предлагали подобныя общежитія, какъ наилучшую экономическую форму жизни.

Всего ближе къ Фурье въ этомъ отношеніи стоитъ Морелли, который предвосхитилъ у него даже требованіе удовлетворять людскимъ страстямъ и раздѣлять работы на серіи, сообразно ихъ особенностямъ. Въ подтвержденіе приведемъ слова самого Морелли, въ такихъ выраженіяхъ описывающаго, какъ будутъ въ его общинѣ проводить дороги: „Дѣти, женщины и старики, и люди взрослые оставляютъ свои жилища и раздѣляются на многочисленныя отдѣлы: одни копаютъ землю, переносятъ ее и выравниваютъ, другіе копаютъ, обтесываютъ и кладутъ камни; нѣкоторые сажаютъ деревья вдоль канавъ

и проч... Въ этой толпѣ царствуетъ такой порядокъ, занятія распределены такъ хорошо, что громадныя работы исполняются съ удивительной скоростью и кажутся играми...“ — „Нѣтъ ничего легче,—говорить Морелли въ другомъ мѣстѣ своей *Вазиліады*,—какъ изданіе законовъ для подобнаго братскаго общежитія: здѣсь самый совершенный порядокъ является какъ результатъ неограниченной свободы. И вотъ въ какомъ случаѣ можно отдаться вполне доброй природѣ и за принципъ жизни принять правило, написанное Раблэ на воротахъ телемскаго аббатства: „дѣлай, что тебѣ нравится“. При такомъ порядкѣ всякое принужденіе бесполезно, потому что повиновеніе будетъ исполненіемъ желанія“.

Оказывается, что самую идею фаланстера мы находимъ уже ясно выраженною у одного изъ писателей прошлаго столѣтія и, такимъ образомъ, самостоятельное дѣло Фурье сводится только къ разработкѣ нѣкоторыхъ частныхъ общиннаго устройства. Отвергнувъ цѣликомъ всю эту практическую сторону, мы, слѣдовательно, освобождаемъ ученіе Фурье отъ тѣхъ его чертъ, въ которыхъ сказалось подчиненіе автора вліянію старыхъ утопистовъ и выдвигаемъ на первый планъ тѣ его взгляды, благодаря которымъ онъ такъ выгодно отличается отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ.

Неудачная и неоригинальная форма, въ которую облекъ Фурье свои мысли, только вредила дѣлу ихъ распространенія, такъ какъ заставляла предполагать въ немъ не серьезнаго ученаго, а утописта старыхъ временъ. Это заблужденіе не исчезло еще и понинѣ, и можно найти не мало серьезныхъ критиковъ, которые упорно продолжаютъ обзывать Фурье утопистомъ, не желая проникнуть въ его систему далѣе ея утопической оболочки. Мы, однако, съ своей стороны, готовы настаивать на томъ, что даже эта оболочка, даже пресловутый фаланстеръ не даетъ права на подобное непониманіе, и вотъ почему: Фурье для своего общежитія, въ отличіе отъ всѣхъ утопистовъ, беретъ людей такими, какъ они есть, не предполагая въ нихъ ни особеннаго безкорыстія, ни исключительнаго альтруизма, и, по нашему, это обстоятельство полагаетъ цѣлую пропасть между его „Новымъ Міромъ“ и, напр., „Икаріей“ Каба. Никогда, даже преувеличивая выгоды своего общежитія и предаваясь на этотъ счетъ самымъ несбыточнымъ мечтаніямъ, никогда онъ не упустилъ изъ виду истинной природы челоуѣка, не забывалъ, что себялюбіе, эгоистическія побужденія играютъ самую видную роль въ хозяйственной жизни. Это реальное основаніе всего міровоззрѣнія Фурье заставляетъ насъ искать ему дѣйствительныхъ предшественниковъ, такихъ, которые бы точки совпаденія съ нимъ имѣли не въ формѣ своихъ сочиненій, а въ ихъ сущности, искать такихъ предшественниковъ не въ толпѣ

утопистовъ-мечтателей на манеръ Мабли, Морелли, Гаррингтона и имъ подобныхъ, но среди ученыхъ экономистовъ, воздѣлывавшихъ менѣе привлекательное и менѣе поэтическое поле, поле фактовъ.

Уже отношеніе Фурье къ вопросамъ нравственнымъ обнаруживаетъ въ немъ экономиста по преимуществу. Что такое счастье въ его глазахъ? Не болѣе, какъ „удовлетвореніе страстей человѣка“, оно чувственно и материально. „Я знаю только одного современнаго писателя“, говоритъ онъ, „который нѣсколько приблизился къ опредѣленію счастья, это—Бенпамъ, который требуетъ реальности, а не иллюзіи, всѣ же остальные такъ далеки отъ цѣли, что не заслуживаютъ даже критики“. Та же мысль еще рѣшительнѣе высказана имъ въ слѣдующемъ афоризмѣ: „богатство—вотъ первый источникъ всаческаго счастья“. Такой взглядъ можетъ показаться нѣсколько одностороннимъ, но онъ является господствующимъ у изслѣдователей экономической стороны нашей жизни. Провозвѣстники новой нравственности и реформаторы-идеологи возлагаютъ свои надежды на духовное перерожденіе человѣчества; не такъ поступаетъ экономистъ, въ глазахъ котораго и благосостояніе всего народа, и довольство отдѣльныхъ личностей должны явиться на почвѣ удовлетворенія ими ихъ естественныхъ потребностей. Предлагая свою организацію общественной жизни, Фурье говоритъ, правда, о чувствѣ солидарности, которое свяжетъ тогда всѣхъ людей, и о томъ духовномъ наслажденіи, которое они будутъ испытывать отъ сотрудничества съ лицами избранными, но не на этомъ, очевидно, онъ строитъ свои расчеты: приманкой къ устройству фаланстеровъ должно служить то материальное обезпеченіе, тотъ комфортъ личной жизни, которые сдѣлаются удѣломъ всѣхъ его членовъ.

Столь же материалистически разсматриваетъ Фурье и всю предшествующую исторію. Чисто-экономическія явленія отмѣчаютъ по его взгляду различныя стадіи въ развитіи общества и чисто-экономическія причины обуславливаютъ переходъ отъ одной стадіи къ слѣдующей. Изобрѣтеніе оружія и первыхъ инструментовъ, соединенія людей въ общественныя группы для болѣе успѣшной борьбы за существованіе, возникновеніе земледѣлія и вмѣстѣ съ тѣмъ власти домохозяина, прекращеніе междуобщинныхъ войнъ, благодаря сліянію общинъ въ государства, эмансипація женщинъ, открытія и изобрѣтенія, далѣе: образованіе третьяго сословія, развитіе промышленности и торговли, примѣненіе принципа коопераціи,—вотъ черты, которыми онъ характеризуетъ отдѣльныя ступени человѣческаго прогресса. Въ нихъ довольно ясно сказывается стремленіе найти *экономическую основу во всякихъ сферахъ историческихъ событій*, и хотя у Фурье это и остается только „стремленіемъ“, но оно вполне заслу-

животъ внимания, такъ какъ водитѣ та же мысль находить себѣ горячихъ защитниковъ и волнуетъ твердое научное обоснованіе. Больше надо сказать, что своею философіею исторіи Фурье оказалъ известную услугу современной наукѣ объ обществѣ. Оставивъ въ сторонѣ совершенно ненаучное сопоставленіе періодовъ жизни человѣчества съ таковыми же въ жизни отдѣльнаго человѣка, эту наблюдениую аналогію философовъ начала новаго времени, ни найдеть въ общиѣ Фурье очень вѣрную картину вероыбитаго общества, въ высшей степени кѣткія замѣчанія для характеристики среднихъ вѣковъ и въ общемъ много кѣннаго матеріала для правильнаго пониманія хода исторіи. Едва ли ни ошибаясь востону, если отведемъ Фурье видное мѣсто среди ученыхъ, своими трудами сдѣлавшихъ возможнымъ серьезное изученіе законовъ исторіи, тѣмъ занимается теперь, какъ известно, еще сравнительно молодая наука—соціологія.

Въ строго-экономическихъ вопросахъ у Фурье, конечно, не могутъ не быть много общаго съ предшествующими изслѣдователями хозяйственныхъ явленій: такъ, напримѣръ, его преимущественное вниманіе къ земледѣлію предъ обрабатывающею промышленностью объясняется вліяніемъ *физиократовъ* въ дни юности Фурье, пользовавшихся во Франціи особенною популярностью; его пристрастіе къ крупному производству и къ широкому раздѣленію труда — не что иное, какъ послѣдіе взглядовъ Адама Смита. Но, воспользовавшись, такимъ образомъ, и даже довольно широко воспользовавшись мыслями своихъ предшественниковъ, Фурье во многомъ расходится съ ними и идетъ дальше. Въ методологическомъ отношеніи такимъ шагомъ впередъ было его *ученіе о страстяхъ*, благодаря чему онъ и свои общенія строитъ уже на признаніи въ людяхъ не одного только чувства—эгоизма (какъ вся англійская школа), но и другихъ душевныхъ движеній: дружбы, любви, альтруизма. Однако, главною заслугою Фурье является все же его критическое отношеніе къ существующему общественному строю. Въ то время, когда всѣ видные представители политической экономіи берутъ этотъ строй за исходный пунктъ своихъ теоретическихъ разсужденій и тѣмъ какъ бы признаютъ его неизмѣнностью, Фурье строго осуждаетъ весь современный ему общественный порядокъ и не считаетъ полезнымъ входить съ нимъ въ какіе бы то ни было компромиссы. Полная ломка стараго, осужденнаго на гибель, но еще не разрушившагося,—вотъ что именуется имъ, какъ единственный выходъ изъ настоящаго такоу положенія вещей. Яркость, съ которою онъ изобразилъ бѣдствующихъ классовъ, жестокая иронія, съ которою отнесся къ однимъ совѣтамъ проповѣдниковъ нравственности, снла, съ кою обрушился на царящій повсюду эгоизмъ и развратъ, позволили

живають вниманія, такъ какъ позднѣе та же мысль находитъ себѣ горячихъ защитниковъ и получаетъ твердое научное обоснованіе. Вообще надо сказать, что своею философій исторіи Фурье оказалъ извѣстную услугу современной наукѣ объ обществахъ. Оставивъ въ сторонѣ совершенно ненаучное сопоставленіе періодовъ жизни человѣчества съ таковыми же въ жизни отдѣльнаго человѣка, эту налюбленную аналогію философовъ начала новаго времени, мы найдемъ въ обзорѣ Фурье очень вѣрную картину первобытнаго общества, въ высшей степени мѣткія замѣчанія для характеристики среднихъ вѣковъ и въ общемъ много цѣннаго матеріала для правильнаго пониманія хода исторіи. Едва ли мы ошибемся поэтому, если отведемъ Фурье видное мѣсто среди ученыхъ, своими трудами сдѣлавшихъ возможнымъ серьезное изученіе законовъ исторіи, чѣмъ занимается теперь, какъ извѣстно, еще сравнительно молодая наука—соціологія.

Въ строго-экономическихъ вопросахъ у Фурье, конечно, не можетъ не быть много общаго съ предшествующими изслѣдователями хозяйственныхъ явленій: такъ, напримѣръ, его преимущественное вниманіе къ земледѣлію предъ обрабатывающею промышленностью объясняется вліяніемъ *физиократовъ* въ дни юности Фурье, пользовавшихся во Франціи особенною популярностію; его пристрастіе къ крупному производству и къ широкому раздѣленію труда — не что иное, какъ наслѣдіе взглядовъ Адама Смита. Но, воспользовавшись, такимъ образомъ, и даже довольно широко воспользовавшись мыслями своихъ предшественниковъ, Фурье во многомъ расходится съ ними и идетъ дальше. Въ методологическомъ отношеніи такимъ шагомъ впередъ было его *ученіе о страстяхъ*, благодаря чему онъ и свои обобщенія строитъ уже на признаніи въ людяхъ не одного только чувства—эгоизма (какъ вся англійская школа), но и другихъ душевныхъ движеній: дружбы, любви, альтруизма. Однако, главною заслугою Фурье является все же его критическое отношеніе къ существующему общественному строю. Въ то время, когда всѣ видные представители политической экономіи берутъ этотъ строй за исходный пунктъ своихъ теоретическихъ разсужденій и тѣмъ какъ бы признаютъ его неизмѣнность, Фурье строго осуждаетъ весь современный ему общественный порядокъ и не считаетъ полезнымъ входить съ нимъ въ какіе бы то ни было компромиссы. Полная ломка стараго, уже осужденнаго на гибель, но еще не разрушившагося,—вотъ что рекомендуется имъ, какъ единственный выходъ изъ настоящаго тяжелаго положенія вещей. Яркость, съ которою онъ изобразилъ бѣдствія трудящихся классовъ, жестокая иронія, съ которою отнесся къ безплоднымъ совѣтамъ проповѣдниковъ нравственности, сила, съ которою обрушился на царящій повсюду эгоизмъ и развратъ, позволили

Энгельсу, известному сотруднику Маркса, причислить Фурье къ величайшимъ сатирикамъ всѣхъ временъ.

Столь рѣзко порвавши со всѣмъ окружавшимъ его дѣйствительнымъ міромъ, Фурье не могъ уже остаться въ согласіи и съ экономической наукой того времени. Ея первый лозунгъ *laissez faire* былъ для него ненавистенъ, ея абстрактныя теоретическія построенія были чужды его практическому уму, ея сухое доктринерство въ общественныхъ вопросахъ возмущало его сердце, чуткое къ страданіямъ ближнихъ. И вотъ мы видимъ, какъ Фурье, своими познаніями, подчасъ даже своими выводами, въ значительной степени обязанный тогдашней политической экономіи и во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ оставаясь экономистомъ по преимуществу, рѣшительно и грубо отрещивается отъ всякой солидарности съ этою „живою наукой“. Да и дѣйствительно, что общаго (кромѣ общности теоретическихъ посылокъ) могло быть у него, горячаго заступника всѣхъ угнетенныхъ, неутомимаго поборника поправныхъ правъ пролетарія, у него, обитателя мапсардъ въ рабочемъ кварталѣ, что могло быть у него общаго съ тѣми кабинетными учеными, которые проводили свою жизнь въ обществѣ книгъ, не зная и не желая знать интересовъ голодной толпы, которые и не для нея вовсе предавались наукѣ, но для самой науки, съ полнымъ безстрастіемъ относясь къ тому, кому именно, какому классу общества, какими принципами дадутъ они оружіе въ руки своими изысканіями? У Фурье весь ходъ его мышленія былъ совершенно обратный: предъ его глазами бесмибно стоялъ рабочій съ своими нуждами; отъ этого пункта отправлялся онъ далѣе въ своемъ исканіи не абстрактной истины, но лучшаго жизненнаго строя, такого, гдѣ бы всѣ пужды рабочихъ могли быть удовлетворены. Для кого, въ самомъ дѣлѣ, придуманы имъ и эти частыя смѣны работы, и этотъ привлекательный трудъ, для кого, какъ не для тѣхъ, кто всю свою жизнь въ нашемъ обществѣ влачатъ подъ ярмомъ неизбежнаго, принижающаго душу труда? Для кого въ фаланстерѣ учреждены обширныя читальни, устроены публичныя лекціи, заведены всегда открытыя и всегда цвѣтушіе сады, для кого, главнымъ образомъ, предназначается вся та общедоступность жизненныхъ благъ, которою отличается „Новый Міръ“, для кого, какъ не для тѣхъ, кто въ мірѣ старомъ лишены всего этого?

Особенное вниманіе Фурье къ потребностямъ рабочаго класса отличаетъ его не только отъ послѣдователей Адама Смита, но и отъ его современника С.-Симона, вмѣстѣ съ нимъ стоящаго на порогѣ новаго теченія въ экономической наукѣ. С.-Симонъ имѣетъ съ Фурье много общаго, но опять-таки общаго въ болѣе теоретическихъ вопросахъ: онъ тоже ратуетъ за крупное производство, тоже указываетъ

на естественное стремление людей къ ассоціаціи, тоже нападаетъ на свободную конкуренцію, тоже требуетъ для женщины больше свободы ¹⁾. Но, раздѣляя съ Фурье заслугу всѣхъ этихъ и еще нѣкоторыхъ другихъ идей, С.-Симонъ, въ то же время, представляетъ еще собой человѣка вполне стараго поколѣнія. Въ своихъ симпатіяхъ онъ, подобно англійскимъ экономистамъ, видимымъ образомъ склоняется на сторону буржуазіи, за ней онъ оставляетъ на будущее время право хранить орудія производства, распредѣлять ихъ между рабочими и надзирать за ходомъ промышленности. Классъ промышленниковъ вмѣстѣ съ духовенствомъ получаетъ у С. Симона всю силу государственной власти, а „низшіе“, по его словамъ, „любятъ своихъ законодателей и повинуются имъ“. Хотя Фурье отчасти тоже повиненъ въ недостаточномъ пониманіи классовыхъ противорѣчій, но за то его никто уже, конечно, не упрекнетъ въ пристрастіи къ тѣмъ, кто по-сильнѣе.

Еще болѣе, чѣмъ въ доставленіи всякому возможности пользоваться благами жизни, болѣе, чѣмъ въ рациональной организаціи производства, симпатіи Фурье къ представителямъ рабочей силы сказались въ той главенствующей роли, которую онъ заставляетъ играть трудъ въ „Новомъ Мирѣ“. Капиталъ сохраняется здѣсь, но все значеніе переходитъ къ труду. Капиталистъ можетъ не работать, можетъ жить доходомъ съ имущества, но въ дѣйствительности и онъ не остается безъ дѣла, привлекательный трудъ побудитъ и его присоединиться къ какой-нибудь отрасли производства. Стремленіе обусловить трудомъ самое существованіе человѣка составляетъ одну изъ главнѣйшихъ особенностей экономическихъ писателей новаго направленія, того же стремленія нельзя не замѣтить и у Фурье, хотя имъ оно еще не доводится до своихъ конечныхъ необходимыхъ выводовъ. Въ „Новомъ Мирѣ“, какъ сказано, прибыль, доходъ безъ труда сохраняется и, значитъ, работа не составляетъ еще экономической необходимости, но она дѣлается необходимою нравственной, отъ которой имущимъ такъ же трудно уклониться, какъ и неимущимъ. Далѣе: эта сохраненная въ фаланстерѣ „прибыль“ не оставляетъ, правда, работнику всѣхъ результатовъ его труда, но все-таки и та часть про-

---

¹⁾ Осудивши необузданность въ удовлетвореніи страстей, допущенную Фурье въ его фаланстерѣ, мы здѣсь должны оговориться, что она является у него доведеніемъ до крайности въ сущности весьма симпатичнаго желанія освободить любовь отъ стѣсняющихъ ее условностей. Эта мысль, не чуждая уже писателямъ XVIII-го вѣка, въ послѣдствіи сдѣлается особенно популярною: въ публицистикѣ и въ низшей литературѣ 30-хъ и 40-хъ годовъ „свобода любви“ начинаетъ проповѣдываться съ такою настойчивостью, что становится почти общимъ мѣстомъ (припомнимъ въ особенности романы Жоржъ Зандъ).

дукта, которая поступитъ въ его руки, будетъ настолько велика, что обезпечить ему жизнь не только въ сытости, но и въ довольствѣ, даже въ роскоши. Наконецъ, самое важное: трудъ сохраняется еще свой продажный характеръ, но общественныя условія „Новаго Мира“ таковы, что онъ здѣсь не можетъ не найти себѣ приложенія, не можетъ не получить оплаты. Этихъ провозглашается великая идея: *право каждому работника на трудъ*, т.-е. право не на исканіе только работы, какъ то со времени уничтоженія цеховъ свободно предоставляется каждому, но право на полученіе себѣ занятія и, притомъ, такого, которое бы было достаточно для удовлетворенія потребностей человѣка. Такое право обезпечивается за всѣми членами „земледѣльской ассоціаціи“, а его осуществленіе самымъ кореннымъ образомъ должно измѣнить характеръ промышленной жизни.

Едва-ли, впрочемъ, справедливо было бы утверждать, что капиталъ и прибыль съ него оставлены Фурье неприкосновенными; они остаются, это правда, но управленіе капиталомъ изъ частныхъ рукъ переходитъ въ руки фаланги, такъ что его собственникъ довольствуется только полученіемъ извѣстнаго процента. Такимъ условіемъ обставляется обладаніе денежнымъ капиталомъ или капиталомъ въ видѣ извѣстной суммы продуктовъ потребленія, что же касается капитала, вложеннаго въ орудія производства, то онъ въ фаланстерѣ не составляетъ уже вовсе объекта частной собственности. Подобное устройство не приведетъ, конечно, къ тому, что понимается нынѣ подъ именемъ „коллективнаго капитала“, долженствующаго вытѣснить собой всѣ частныя, и крупныя, и мелкія, капиталы, но самая идея общественнаго производства, управляемаго, правда, еще не всѣмъ государствомъ, но все-таки всей ассоціаціей, эта идея осуществлена уже Фурье въ его фаланстерѣ.

Мы выше сказали, что рамки фаланстера подчасъ только стѣсняли примѣненіе нѣкоторыхъ его весьма широкихъ и плодотворныхъ идей: теперь мы видимъ наглядный примѣръ этому. Сознаніе необходимости объединить производство вылилось у Фурье въ форму коллективнаго общиннаго производства именно потому, что онъ съ самаго начала соединилъ людей въ небольшие общезитія и вытѣснъ съ тѣмъ отвергъ государство. Принципіальнаго различія между національною коллективною промышленностью и производствомъ въ ассоціаціи Фурье, конечно, нѣтъ, все дѣло тутъ только въ размѣрахъ и, тѣмъ не менѣе, различіе выходитъ немалое, такъ какъ въ одномъ случаѣ получается нѣчто цѣльное и независимое, а въ другомъ какъ бы отдѣльныя фабрики, слишкомъ ограниченныя по размѣрамъ, чтобы быть сколько-нибудь прочными и не нуждаться каждую минуту въ содѣйствіи другихъ общинъ. Здѣсь можно видѣть

новое подтвержденіе нашей мысли, что, предлагая самыя непрактичныя или невыполнимыя содѣянія, Фурье исходилъ при этомъ изъ теоретическихъ положеній, поражающихъ и теперь своей дальновидностью и глубиной.

Ознакомившись съ системой Фурье во всѣхъ ея главныхъ частяхъ, было бы чрезвычайно интересно прослѣдить ея роль въ дальнейшей смѣнѣ экономическихъ доктринъ и такимъ образомъ оцѣнить по достоинству ея историческое значеніе. За недостаткомъ мѣста мы вынуждены отказаться отъ этой новой задачи и потому ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ, что вліяніе, оказанное Фурье на современниковъ и потомковъ, было двоякаго сорта: съ одной стороны иѣкоторые изъ ученыхъ экономистовъ позднѣйшаго времени не только ознакомились съ его „соціальной системой“, но даже отчасти отдѣльными мыслями позаимствовались изъ нея, съ другой—непосвященная, средняя читающая публика нашла въ сочиненіяхъ Фурье обильный матеріалъ для размышленія надъ многими соціальными вопросами. Вторая роль Фурье важнѣе первой. Онъ является связующимъ звеномъ между отвлеченной наукой и „обыденнымъ мышленіемъ“; своимъ своеобразнымъ страстнымъ краснорѣчіемъ онъ увлекаетъ за собой массу послѣдователей, направляетъ фантазію людей въ известную сторону и настойчиво выдвигаетъ впередъ — „рабочій вопросъ“.

Бъ вопросу о сословіи ΜΟΘΑΚΕΣ въ древней Спартѣ.

.... Vielmehr wird dem, der sich eingehender mit spartanischer Geschichte beschäftigt, von Tag zu Tag entschiedener die Ueberzeugung sich aufdrängen, dass in der That „grosse Fragen“ hier noch einer wenn bei der Geringfügigkeit des vorhandenen Materials überhaupt möglichen Lösung barren. Eine jede Lösung dieser Fragen wird deshalb denn auch stets ein Versuch bleiben.“

G. Gilbert, Studien z. Altspartanischen Geschichte, Vorwort.

Относительно спартанскаго сословія μόθακες сохранились у древнихъ писателей лишь отрывочныя и какъ-бы противорѣчащія другъ другу извѣстія; они заключаются въ слѣдующихъ восьми отрывкахъ:

Phylarchus apud Athenaeum (VI, 102) εἰσι δ'οἱ μόθακες σύντροφοι τῶν Λακεδαιμονίων. ἕκαστος γὰρ τῶν πολιτικῶν παίδων, ὡς ἂν καὶ τὰ ἴδια ἐκποιῶσιν, οἱ μὲν ἓνα, οἱ δὲ δύο, τινὲς δὲ πλείους ποιοῦνται συντρόφους αὐτῶν. εἰσὶν οὖν οἱ μόθακες ἐλεύθεροι μὲν, οὐ μὴν Λακεδαιμόνιοι, μετέχουσι δὲ τῆς παιδείας πάσης. τούτων ἓνα φασὶ γενέσθαι καὶ Λύσανδρον τὸν καταναυμαχῆσαντα τοὺς Ἀθηναίους, πολίτην γενόμενον δι' ἀνδραγαθίαν.

Aelianus (XII, 43 „Var. Hist“.).

... Καλλικρατίδας γε μὴν καὶ Γύλιππος καὶ Λύσανδρος ἐν Λακεδαιμονίᾳ μόθακες ἐκαλοῦντο, ὄνομα δὲ ἄρα ἦν τοῖς τῶν εὐπόρων οὐς ζυγετέμπεμον αὐτοῖς οἱ πατέρες συναγωνιουμένους ἐν τοῖς γυμνασίοις, ὁ δὲ συγχωρήσας τοῦτο Λυκοῦργος τοῖς ἐμμεῖναισι τῇ τῶν παίδων ἀγωγῇ πολιτείας Λακωνικῆς μεταλαγχάνει.

Plutarch., Cleom. VIII, 1.

... καὶ δύο τῶν συντρόφων τοῦ Κλεομένου, οὓς μόθακας καλοῦσιν, ἐπηκολούθουν στρατιώτας ὀλίγους ἔχοντες.

Harprocraton, μόθων ... μόθωνας δὲ καλοῦσι Δάκωνας τοὺς παρατρεφομένους τοῖς ἐλευθέροις παῖδας.

Schol. in Aristoph., Plut. 279.

... οἱ δὲ Δάκωνες τοὺς παρατρεφομένους τοῖς ἐλευθέροις παῖδας μόθωνας καλοῦσιν.

Schol. in Aristoph., Equit. 634=Suidas, II 872.

μόθωνας γὰρ ἐχάλουον τοὺς παρεκκοριμένους τοῖς ἐλευθέροις παῖδας οἱ Δάκωνες
Etymol. Magn.

μόθων, ανος. οὕτω καλοῦσι Λακεδαιμόνιοι τὸν οἰκογενῆ δοῦλον, ὃν οἱ Ἀθηναῖοι οἰκότριβὰ φασι.

Незуч.

μόθακας· οἱ ἄμα τρεφόμενοι τοῖς υἱοῖς δοῦλοι παῖδας.

Последнія пять извѣстій говорятъ намъ (въ противоположность первому), что μόθακας были мальчики-рабы, воспитывавшіеся вмѣстѣ со спартиатами ¹⁾. Если схолиасты къ Аристофону и Гарнократионъ и не называютъ μόθακας прямо рабами, то противопоставляютъ ихъ тѣмъ свободнымъ мальчикамъ, съ которыми вмѣстѣ они воспитывались, — слѣдовательно, сами μόθακας не были свободными; Гарнократионъ для μόθαξ, или μόθων, какъ стоитъ у него, даетъ въ числѣ синонимовъ δουλοκρατής, ἄτιμος, указывающіе на то же значеніе.

Плутархъ, который упоминаетъ о μόθακας въ биографіи Клеомена, пользовался, какъ источникомъ, Филархомъ, а потому его извѣстіе не можетъ считаться самостоятельнымъ отъ извѣстія Филарха Я возвращусь къ нему ниже.

Въ извѣстіи Эліана есть, повидимому, пропускъ, именно, въ выраженіи ὄνομα δὲ (scil. μόθακας) ἄρα ἦν τοῖς τῶν εὐκόρων ... οὗς ζυγεῖται κερκον αὐτοῖς οἱ πατέρες κ. т. л. между εὐκόρων и οὗς, гдѣ пропущено не менѣе двухъ словъ; изъ нихъ одно должно соответствовать члену τοῖς и мѣстоименію οὗς, другое было опредѣляемымъ для τῶν εὐκόρων и къ чему относятся въ придаточномъ предложеніи αὐτοῖς и οἱ πατέρες. Пропущенныя слова были, повидимому, παίδων ἤλιξι (можетъ быть къ последнему слову было еще опредѣленіе, напримѣръ „δοῦλοι“).

Рассказъ Эліана, при всей своей обстоятельности, немного представляетъ къ извѣстіямъ лексикографовъ и схолиастовъ, такъ-какъ въ каждомъ изъ трехъ сложныхъ предложеній, на которыя распадается приведенный отрывокъ, содержится по крупной невѣрности. Именно, въ последнемъ изъ нихъ сообщается о существованіи закона Ликурга,

---

¹⁾ Изъ авторовъ этихъ извѣстій всѣ, кромѣ Гесихія, употребляютъ вмѣсто спартанской формы μόθαξ, форму μόθων, встрѣчающуюся у Аристофана, которую они и имѣютъ въ виду объяснить, произвольно отождествляя оба слова (объясненіе г. фонъ-Шёффера въ „Berlin. philol. Woch.“, S. 1013—1014).

по которому будто-бы всякій получившій спартанское воспитаніе дѣлался полноправный спартиатомъ, что, какъ извѣстно, невѣрно ²⁾. Во второмъ говорится, что сыновья спартиатовъ „посылались въ гимнасіи, чтобы тамъ упражняться“, тогда-какъ они съ семилѣтняго возраста воспитывались внѣ дома въ спартанскихъ гимнасіяхъ (поскольку это слово примѣнимо къ Спартѣ), такъ-что *посылать ихъ туда* ихъ отцы не могли. Въ первомъ, наконецъ, утверждается, что Калликратидъ, Гилипъ и Лисандръ „назывались въ Лакедемоніи (ἐν Λακεδαιμονίᾳ) *μὲβακας*. „Еще ничѣмъ не доказано (Es bleibt freilich noch dahingestellt), говоритъ по этому поводу Бузольтъ ³⁾, чтобы это названіе соответствовало дѣйствительности, а не было скорѣе сплетнею, какъ въ Спартѣ нерѣдко бывали въ ходу именно подобнаго рода сплетни (Герод. VI, 41, V, 61 и слѣд.).“ Но скорѣе эта сплетня возникла внѣ Лаконики: изъ ненависти къ Спартѣ могли придумать, что Гилипъ и Лисандръ, которымъ они были обязаны окончательною побѣдою надъ Аеннами, и Калликратидъ, прославившійся благородствомъ характера, не были природными спартиатами. О Лисандрѣ мы знаемъ, что онъ былъ сынъ Гераклида—Аристоклейта, по Плутарху (Lyc. II), или Аристокрита, по Павсанію (Ш, 6,7 и X., 9,7), слѣдовательно, спартиатъ. Гилипъ былъ сынъ Клеандрида и спартиатъ по Фукидиду (изъ сопоставленія VI, 93,2 и VI, 92,4) ⁴⁾. По Плутарху (Pericl. XII) отецъ Гиlipпа, Клеандридъ, былъ приставленъ зфорами руководителемъ къ молодому царю Плейстоанакту во время похода въ Аттику 445 года, слѣдовательно, онъ былъ спартиатъ; обвиненный въ томъ, что былъ подкупленъ Аеннами, Клеандридъ бѣжалъ въ Турію, гдѣ былъ принятъ въ число гражданъ. Гилипъ былъ его законнымъ сыномъ, такъ-какъ на этомъ основаніи могъ получить въ 415 году право гражданства въ Туріяхъ (Thuc., VI, 104,2).

Калликратида Діодоръ (XIII, 76) и Плутархъ (Lycurg. XXX) называютъ спартиатомъ. Въ разсказѣ Ксенофонта Калликратидъ не названъ прямо спартиатомъ, но его слова кормчему, тамъ приведенныя ⁵⁾, показываютъ, что онъ считалъ себя въ числѣ жителей города Спарты, т.-е. былъ спартиатомъ. Бузольтъ находитъ подозрительнымъ,

²⁾ Сводъ извѣстій относительно этого и ихъ критика см. у *Busolt*, Die Lakedaimonier und ihre Bundesgenossen, S. 25, Anm. 33.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Слова Алкивиада (Thuc. VI, 92, 4) „...ἄνδρα Σπαρτιάτην ἄρχοντα“ были-ли они дѣйствительно сказаны, или нѣтъ, но стояли-бы у Фукидида, еслибы не были исполнены.

⁵⁾ Xen., Hell, I, 6, 32: εἶπεν, ὅτι ἡ Σπάρτη οὐδὲν χάριον οἰκεῖται αὐτοῦ ἀποθανόντος, φεύγειν δὲ αἰσχρὸν ἔφη εἶναι, ср. у Плутарха (Aporht. lac., 6): οὐ κατ' ἔνα τὰ Σπάρτας...

что его отецъ нигдѣ не названъ; но это обстоятельство объясняется страннымъ обычаемъ Ксенофонта не называть по отчеству назначаемыхъ въ спартанскіе навархи лицъ ⁶⁾. Должность наварха была въ это время слишкомъ важною въ Спартѣ ⁷⁾ и потому трудно допустить, чтобы навархомъ могъ быть назначенъ не только не прирожденный, но и вообще незнатный спартиатъ. Намъ даже извѣстно, что, изъ числа поименованныхъ въ прим. 5, наварховъ Лисандръ и Телевтіи были Гераклидами, а Пейсандръ—зятемъ царя Агесилая. Поэтому едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Калликратидъ былъ спартиатомъ.

Такимъ образомъ рассказъ Эліана, по устраненіи изъ него указанныхъ выше невѣрностей, прибавляетъ къ извѣстіямъ лексикографовъ только то, что *μὲναιες* доставлялись богатыми спартиатами, т. е. воспитывались на ихъ счетъ.

Въ приведенномъ у Атеней отрывкѣ изъ Филарха мы не находимъ явныхъ ошибокъ, какъ у Эліана, и потому его извѣстіе является для нашего вопроса главнымъ источникомъ. Правда, и у него находимъ Лисандра неправильно отнесеннымъ къ сословію *μὲναιες*, но съ оговоркою (*φασί*), что это только слухъ.

Отрывокъ изъ исторіи Филарха, гдѣ говорится о *μὲναιες*, стоялъ у него, вѣроятно, при описаніи убійства эфоровъ Клеоменомъ III, рассказывая о которомъ, и Плутархъ приводитъ этотъ терминъ. Дѣйствительно, Филархъ въ 28 книгахъ описалъ событія съ 272 года по 219, такъ-что на каждую книгу приходится около двухъ лѣтъ; поэтому очень вѣроятно, что въ 25-й, или 4-ой отъ конца книгъ его исторіи (изъ которой Атеней заимствовалъ цитированный отрывокъ) находился рассказъ объ убійствѣ эфоровъ, которое произошло въ 226 г. ⁸⁾.

Одна фраза у Филарха является какъ-бы заключающей противорѣчіе: „*εἰσὶν οὖν οἱ μὲναιες ἐλευθεροὶ μὲν, ἐν μὴν Λακεδαιμόνιοι*“... Но вѣдь Лакедемонянами назывались именно *свободные* уроженцы Лаконики, т. е. спартиаты и періойки, и въ этомъ смыслѣ „Лакедемоняне“

⁶⁾ Кромѣ Калликратиды имъ упоминается о назначеніи въ навархи: Кратеснатиды (Hell. I, 1, 32), Лисандра (I, 5, 1), Арака (II, 1, 7), Самія (III, 1, 1), Пейсандра (III, 4, 29), Эндиха (IV, 8, 20), Телевтія (IV, 8, 23), Герахта (V, 1, 3), Николоха (V, 4, 65) и Мнасинна (VI, 2, 4).

⁷⁾ Agist., Politica II, 6, 22 = p. 71, 3, 40—41 ἡ νναρχία σχεδὸν ἑτέρα βασιλεία καθίστηται, ср. Xen. Hell., III, 4, 7.

⁸⁾ Самое сходство выраженій у Плутарха и Филарха (у послѣдняго: *εἰσὶ δ'οἱ μ. οὐντροφοὶ τῶν Λακεδαιμόνιων*, у перваго: *ἕξο τῶν οὐντροφῶν...*, *οὗς μὲναιες καλοῦσιν*) подтверждаетъ предположеніе, что Плутархъ объясненіе слова *μὲναιες* взялъ у Филарха.

противополагаются гелотамъ—рабамъ⁹⁾. Это можно объяснить тѣмъ, что *μὲταξες* по окончаніи воспитанія служили въ войскѣ гоплитами и становились свободными, подобно неодамодамъ. Если разбираемый отрывокъ Филарха относится именно къ разсказу объ убійствѣ эфоровъ Клеоменомъ, то еще болѣе ясно, почему онъ называетъ моаковъ свободными: онъ имѣетъ въ виду лицъ этого класса какими, какими мы видимъ ихъ дѣйствующими лицами при убійствѣ эфоровъ; въ пересказѣ Плутарха при этомъ двое моаковъ, вмѣстѣ съ двумя другими поименованными лицами и, вѣроятно, Спартиатами, являются во главѣ отряда воиновъ—стало быть свободными.

Получивъ спартанское воспитаніе, *μὲταξες*, несомнѣнно, служили въ войскѣ гоплитами, такъ-какъ оно имѣло спеціальною цѣлью образовывать гоплита. По спартанскимъ законамъ гоплитъ обязанъ былъ всегда находиться въ распоряженіи правительства: никто изъ нихъ не могъ выйти за предѣлы Лаконики безъ разрѣшенія властей¹⁰⁾. Тѣмъ болѣе получившіе воспитаніе (*ἀγούγῃ*) должны были всѣ быть на счету, особенно во время Декелейской войны и второй гегемоніи Спарты: тогда требовались горюсты изъ спартиатовъ во всѣ города отпавшихъ отъ Аѳинъ союзниковъ, начальники и офицеры во флотъ и сухопутныя войска, которые вели войну на всѣхъ границахъ Эллады. Прошедшими *ἀγούγῃ* правительство Спарты дорожило, не только какъ незамѣнимымъ кадромъ, который придавалъ фалангѣ лакедемонскихъ гоплитовъ прославившія ее боевыя качества, но и какъ офицерами—инструкторами въ отряды неодамодовъ и союзниковъ (ихъ можно сравнить съ офицерами изъ европейцевъ въ современныхъ колониальныхъ войскахъ Англіи, Франціи и Германіи). „Одинъ спартиатъ“, по мнѣнію Алкивіада, или Фукидида, приписавшаго ему эти слова, „присланный начальникомъ въ союзный городъ, полезнѣе цѣлаго вспомогательнаго войска: онъ имѣющіхся на лицо людей обучить военному

---

⁹⁾ Для примѣра можно указать Thuc. V, 64, Herod. IX, 28; въ руководствѣ греч. древн. Гильберта указаны еще Thuc. IV, 8, IV, 53, Xen. Hell. VI, 4, 15, VII, 4, 27. Еслибы у Филарха здѣсь подъ Лакедемонянами разумѣлись одни спартиаты, а *μ.* были изъ періоиковъ, какъ это пытался доказать г. Кантарелли (Luigi Cantarelli, I *μὲταξες* spartani, Rivista di Filologia, 1889, 465—483), то Филарху „проще и правильнѣе было-бы назвать ихъ прямо періоиками“ (слова г. фонъ-Шеффера), чѣмъ употреблять такое парадоксальное возраженіе. Я не вхожу здѣсь въ полемику съ названною статьею г. Кантарелли, считая это совершенно излишнимъ послѣ прекраснаго разбора ея г. фонъ-Шефферомъ (Berl. Philolog. Woch. 1891, S. 1013—16).

¹⁰⁾ τὸ μὲταξὸν τῶν μαχιμῶν ἀπὸ τῆς ἀρχόντων ἑνὸς μὲν ἀποδύμειν (Isocrat., XI, 18). Здѣсь подъ *μαχιμοί* могутъ подразумеваться только гоплиты: известно, что легковооруженные въ Лакедемонскомъ войскѣ были только слуги гоплитовъ.

дѣлу, а нежелающих (сражаться) съумѣеть принудить¹¹⁾. Въ далекія и опасныя экспедиціи неодамодовъ и новонабранныхъ въ гопляты гелотовъ посылають тысячами, вызываютъ добровольцевъ изъ другихъ сословій, но спартиатовъ, получившихъ воспитаніе, посылають немного двухъ-трехъ и болѣе до 30 (когда начальствуетъ экспедиціей царь). Эти спартиаты назначаются полководцемъ въ гармысты завоеванныхъ городовъ, или начальниками отрядовъ, которые онъ формируетъ на мѣстѣ дѣйствія, наконецъ, замѣщаютъ его, если онъ убитъ или раненъ; они посылались въ такомъ количествѣ, какое по расчету оказывалось необходимымъ для занятія важнѣйшихъ постовъ.

Спартиатами, какъ получившими военное воспитаніе, очевидно, дорожили и берегли ихъ дома на случай войны въ Пелопоннесѣ, Атикѣ или Беотіи; должны были наравнѣ съ ними беречь и *μὸδακας*, которые были на столько же дисциплинированы. Поэтому, какъ спартиаты, такъ и *μὸδακας* могли принимать участіе въ походахъ только по назначенію властей, но никакъ не въ качествѣ добровольцевъ; уже по этой причинѣ *νόθοι τῶν Σπαρτιατῶν*, упоминаемые въ разсказѣ Ксенофонта о наборѣ отряда царя Агесиполонда (въ Олинескую экспедицію его въ 381 г.), не могутъ быть *μὸδακας*¹²⁾. Кроме того, въ перечисленіи *по сословіямъ* Лаконскихъ участниковъ экспедиціи эти сословія вездѣ поименованы: „*τριάκοντα Σπαρτιατῶν*“, *ἐθαλονταί* „*κολλοί... τῶν περιόικων*“, „*ξένοι τῶν τροφίμων καλοῦμένων*“ „*καὶ νόθοι τῶν Σπαρτιατῶν*“ — слѣдовало-бы ожидать, если-бы послѣдніе были изъ сословія *μὸδακας*—*τῶν μὸδακῶν καλοῦμένων*, но этого нѣтъ и тѣмъ самымъ не имѣемъ прямыхъ данныхъ утверждать, что *νόθοι τ. Σ.* были именно *μὸδακας*. Наоборотъ, необозначеніе здѣсь сословія, изъ котораго были эти *νόθοι*, показываетъ, что ни къ какому сословію они не принадлежали, тѣмъ болѣе, что Ксенофонтъ лучше всѣхъ прочихъ писателей зналъ все, что въ его время происходило въ Спартѣ, и не могъ употребить неопредѣленное выраженіе (*τῶν ἐν τῇ πόλει καλῶν οὐκ ἀπειροί*) тамъ, гдѣ требовался специально-спартанскій терминъ¹³⁾.

¹¹⁾ Thuc. VI, 92, 4 καὶ δ, τι τῆς στρατιᾶς χρησιμώτερον εἶναι νομίζω, ἄνδρα Σπαρτιατῆν ἄρχοντα, ὡς ἂν τοὺς παρόντας ἐυντάξῃ καὶ τοὺς μὴ θέλοντας προαναγκάσῃ.

¹²⁾ Xen. Hell. V, 3, 8—9 ...ἡγεμόνα μὲν Ἀθηναίων βασιλεῖα ἐκπέμκουσιν, μετ' αὐτοῦ δὲ ὡσπερ Ἀθηναίων εἰς τὴν Ἀσίαν τριάκοντα Σπαρτιατῶν. πολλοὶ δὲ αὐτῶν καὶ τῶν περιόικων ἐθαλονταί καλοὶ; ἀγαθοὶ ἠκολούθουν καὶ ξένοι τῶν τροφίμων καλοῦμένων, καὶ νόθοι τῶν Σπαρτιατῶν, μάλα εὐειδεῖς καὶ τῶν ἐν τῇ πόλει καλῶν οὐκ ἀπειροί.

¹³⁾ Гротъ понимаетъ подъ τὰ ἐν τῇ πόλει καλὰ спартанское воспитаніе и *νόθοι τ. Σп.* относитъ къ *μὸδακας* (не имѣя подъ руками подлинника, цитирую по французскому переводу, t. III, p. 349): „Les étrangers appelés Троφίμοι et les fils illegitimes de Spartiates, que Xenophon mentionne avec éloge „comme ayant participé à l'honorable éducation de la cité“ doivent probablement avoir été introduits (въ число получившихъ воспитаніе) de la même manière (упла-

Я не имѣю въ виду отрицать возможность того, что въ числѣ *μόδακες* были и незаконные сыновья спартиатовъ — это очень вѣроятно; полагаю только, что тѣ изъ нихъ, которые пошли охотниками въ отрядъ Агесиполида, не принадлежали къ этому сословію; своимъ участіемъ въ этой экспедиціи они желали, вѣроятно, заслужить себѣ вооруженіе гоплита и мѣсто въ Лакедемонской фалангѣ, подобно неодамодамъ. Далѣе, еслибы незаконные сыновья спартиатовъ (хоты бы я не всѣ), прошедшіе *ἀγῶνῳ*, одни составляли *μόδακες*, то Филархъ прямо сказалъ-бы: *αἱσὶ δ'οὖν οἱ μόδακες ὄδοι μὲν τῶν Σπαρτιατῶν, μετέχουσι δὲ τῆς παιδείας κάστρε*. Но и кромѣ Филарха мы имѣемъ еще традицію, которая нашла себѣ выраженіе въ глоссахъ лексикографовъ и схолиастовъ, и отвергать которую вполне мы не имѣемъ основаній; традиція эта говоритъ, что *μόδακες* были по происхожденію рабы, т.-е. гелоты. Догадка, что эти сыновья гелотовъ были собственно сыновьями спартиатовъ, но незаконными, только стремится объяснить, какъ эти *ὄδοι τῶν Σπαρτιατῶν* могли получать воспитаніе наравнѣ съ законными, но оставляетъ необъясненнымъ, на какомъ основаніи могли получать это воспитаніе *сыновья гелотовъ*. Такимъ образомъ, вмѣсто того, чтобы объяснить послѣднее явленіе, эта догадка является только осложненіемъ вопроса, сама его несколько не объясняя,—осложненіемъ потому, что опирается на мѣсто у Ксенофонта (приведенное въ прим. 12), въ которомъ сословіе *μόδακες* не названо ¹⁴).

Изъ разбора источниковъ такимъ образомъ мы можемъ вывести слѣдующее: по сохранившимся до насъ извѣстіямъ, *μόδακες* были сы-

---

тою стоимости содержанія) par l'apport particulier des riches. Непонятно для меня, отчего Гротъ полагаетъ, что и *τρόφιμοι* получали спартанское воспитаніе; въ этомъ отношеніи я вполне согласенъ съ мнѣніемъ г. Кантарелли (loc. cit., p. 479): gli *ἐῖνοι*, secondo me, non sarebbero gli stranieri educati nella disciplina spartana, e perciò chiamati *τρόφιμοι*, ma gli stranieri i quali facevano parte della categoria di coloni, che in Isparta erano chiamati *τρόφιμοι*.

¹⁴) Гротъ не знаетъ, повидимому, традиціи, что *μόδακες* были сыновьями гелотовъ; по его мнѣнію, это сословіе составлялось изъ дѣтей бѣдныхъ гражданъ (*ὑπομεινονες*), воспитанныхъ на средства богатыхъ, а также и изъ *τρόφιμοι* и незаконныхъ сыновей спартиатовъ. Происхожденію *μ.* изъ *ὑπομεινονες* прямо противорѣчатъ извѣстіе Филарха, который категорически говоритъ: *οὐ μὲν Λακεδαιμόνιοι αἱσὶν*. Послѣдующіе историки, зная эту традицію, отказались отъ мысли выводить *μ.* изъ *ὑπομεινονες* и *τρόφιμοι*, но повторяютъ догадку Грота относительно *ὄδοι τῶν Σπαρτιατῶν* (упомянутыхъ въ Xen. Hell. V, 3, 8—9), не замѣчая, что она теперь (разъ принято, что *μ.* происходили изъ дѣтей гелотовъ) уже ничего не объясняетъ. Напримѣръ, у новѣйшаго историка Греціи, Holm'a, вообще очень осторожнаго въ выводахъ, находимъ относительно *μ.* слѣдующее любопытное объясненіе (B. I. S. 215): Helotenkinder werden Bürger, wenn sie mit jungen Spartanern zusammen erzogen werden, also wenn sie die

историч. овозвращеніе, т. х.

10

новья гелотовъ (лексикографы и схоласти, можетъ быть, Эліанъ, еслибы его разсказъ дошелъ до насъ безъ пропуска), которые воспитывались вмѣстѣ съ сыновьями спартиатовъ (въ источникахъ) на средства богатыхъ спартиатовъ (Эліанъ), получали свободу (Филархъ, Эліанъ) и служили въ войскѣ (Плутархъ, по его разсказу).

Желаая объяснить сословіе *μόθακες*, мы должны объяснить народксамальное явленіе, какъ вмѣстѣ съ Спартиатами, въ воспитательныхъ учрежденіяхъ, носившихъ сословный, кастовой характеръ, могли получать военное воспитаніе и дѣти крѣпостныхъ-рабовъ Спартиатовъ, ихъ гелотовъ. Воспитаніе въ Спартѣ, какъ извѣстно, лежало въ основѣ военнаго устройства государства; оно было такъ тѣсно связано съ послѣднимъ, что рѣшеніе нашего вопроса мы должны искать въ разборѣ военнаго устройства Лакедемона.

Можно считать установленнымъ, что по окончаніи завоеванія Доріанами Лаконіки (въ тѣсномъ смыслѣ: области между хребтати Парнономъ и Тамгетомъ южнѣ Пелланы и Селласіи) каждый спартиатъ получилъ надѣлъ съ опредѣленною доходностью и достаточнымъ числомъ гелотовъ для его обработки ¹⁵⁾, такъ-какъ самъ спартиатъ не имѣлъ права лично обрабатывать свой надѣлъ-помѣстье. Оброкъ, доставляемый крѣпостными-гелотами своему помѣщику, имѣлъ навсегда опредѣленную величину, которая не могла быть измѣняема спартиатомъ. Его должно было едва хватать на содержаніе спартиата съ семействомъ (хотя послѣднее рѣдко бывало многочисленнымъ вслѣдствіе позднихъ браковъ и частыхъ войнъ): это видно по сопоставленію его съ ежемѣсячнымъ взносомъ каждаго спартиата въ сиситіи. Такъ какъ пользованіе правами гражданства обусловливалось правильностью этого взноса, то владѣніе надѣломъ было фактическимъ условіемъ пользованія этими правами и правомъ давать сыну воспитаніе, оплачивая при этомъ его содержаніе. Надѣлъ былъ не-

---

spartanische Erziehung genossen haben. Solcher Vorzug wurde besonders unehelichen Söhnen angesehenener Spartaner zu Theil, den sogenannten Mothakes. Здѣсь повторяется ошибочное утвержденіе Эліана, что одно воспитаніе давало права гражданства, а *μόθακες* оказывается специальнымъ названіемъ незаконныхъ сыновей знатныхъ Спартиатовъ; интересно знать, какъ-же назывались упомянутые 4-мя строками выше Helotenkinder? Оказывается, что Спартиаты, которые такъ высоко ставили свое право гражданства, что никого изъ свободныхъ иностранцевъ не допускали въ свою среду, сами вводили въ нее своихъ рабовъ, воспитывая ихъ на средства гражданъ; эти рабы прямо дѣлались гражданами, а незаконные сыновья вліятельныхъ Спартиатовъ, такимъ-же образомъ воспитанные, получали прованіе *μόθακες*!

¹⁵⁾ Plut., Lys. ὁ δὲ κληρὸς ἦν ἐκάστου τοσαύτος, ὥστε ἁποφορὰν φέρειν ἀνδρὶ μὲν ἐβδომήχοντα κριθῶν μεδίμνους, γυναίκῃ δὲ δώδεκα, καὶ τῶν ὑγρῶν καρπῶν ἀναλόγως τὸ κληθὸς.

раздробить, ¹⁶⁾ а такъ какъ на двѣ или болѣе семей оброка съ него не хватило-бы, то майоратъ былъ естественнымъ послѣдствіемъ требованій государственнаго устройства отъ спартиата, владѣльца надѣла. Новорожденный первенецъ спартиата, если, по осмотрѣ его старцами филы, признавъ былъ здоровымъ и крѣпкимъ, этими старцами тутъ же былъ провозглашаемъ наслѣдникомъ отцовскаго надѣла ¹⁷⁾. Самое право старцевъ—поставленныхъ отъ государства экспертовъ—осудить этого первенца основывалось, безъ сомнѣнія, на той мысли, что если надѣлъ содержитъ непригоднаго для военной службы человѣка, то этимъ наносится ущербъ государству, а потому такой человѣкъ долженъ быть устраненъ отъ владѣнія помѣстьемъ. Недѣлимость надѣловъ сохранилась поэтому и въ законѣ Фиптадея: подарить или завѣщать свой надѣлъ (но не часть его) можетъ владѣлецъ кому угодно ¹⁸⁾.

Спартиатъ, владѣлецъ населеннаго помѣстья-надѣла, на войну обязанъ былъ выйти по первому требованію властей; онъ долженъ былъ явиться въ вооруженіи гоплита, въ сопровожденіи одного или нѣсколькихъ легко-вооруженныхъ слугъ изъ своихъ гелотовъ — „люденъ и оруженъ“, какъ говорилось о дворянахъ въ Московскомъ государствѣ. Періойки, свободные жители Лаконики и Мессенія, также владѣвшіе землею (но не населенною гелотами), должны были выставять известное число гоплитовъ (повидному, различное, въ разное время),

¹⁶⁾ Heraclid. κωλεῖν δὲ τὴν Λακεδαιμονίους αἰσχρὸν νομίζονται τῆς δὲ ἀρχαίας μοίρας οὐδὲ ἔξεστιν (Müller, Fragm. hist. Gr., II, 211). Сравнивая это мѣсто съ Plut., Instit. lac. XXII: ...τῆς ἀρχῆθεν διατεταγμένης μοίρας. κωλεῖν δὲ οὐκ ἐξήν, Гильбертъ (Studien z. alt-Spart. Gesch. 164—5) считаетъ, что первоисточникомъ обоихъ извѣстій была πολιτεία Λακεδαιμονίων Аристотеля. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно указать еще Aristot., Politica VII, 2, 5 = 319a, 10, 11 τὴν δὲ τότε ἀρχαίον ἐν πολλαῖς πόλεσι νενομοθετημένον μηδὲ κωλεῖν ἐξείναι τοὺς κρότους κλήρους.

¹⁷⁾ Plut., loc. XVI ...κλήρον αὐτῷ τῶν ἐνασχολίων προστείμαντες. Упоминаемый здѣсь κλήρος былъ, несомнѣнно, отцовскій надѣлъ, такъ какъ свободныхъ надѣловъ у государства не было: иначе не было-бы безземельныхъ Спартиатовъ и не было-бы надобности въ завоеваніяхъ для ихъ надѣленія (слова Полидора, Plut. Apropht. Lac. Polyd. 2: ἐπὶ τὴν ἀκλήρωτον τῆς χώρας βαδίζω и преданіе объ образованіи этимъ царемъ 3000 или 4500 новыхъ надѣловъ, Plut. Lyc. VIII).

¹⁸⁾ Plut. Ag., V. ἐφορεύσας τις ἀνὴρ, Ἐπιτάδειος ὄνομα, ῥήτραν ἐγραφεὺν ἐξείναι τὸν εἶλον αὐτοῦ καὶ τὸν κλήρον ᾧ ἂν τις ἐθέλοι καὶ ζῶντα δοῦναι καὶ καταλιπεῖν διαθήμενον. Время установленія закона Э. неизвестно (слѣдовало ожидать, чтобы это имя было охутопом, а не рагохутопом, и потому не имѣемъ-ли здѣсь ошибку вмѣсто Ἐπιτάδас? Спартиатъ съ такимъ именемъ былъ убитъ, начальствуя гоплитами на Сфактеріи въ 425 г. Законъ Э. былъ введенъ не позже V вѣка, иначе Аристотель (Politica II, 6, 10) не могъ-бы приписать его Лиургу).

изъ которыхъ каждый сопровождался легко-вооруженнымъ слугою (какъ посадскіе люди, крестьяне „черныхъ волостей“ и всѣ, „за которыми земля есть“, въ Московскомъ государствѣ выставляли на войну даточныхъ людей—опредѣленное число, смотря по надобности, тяжело-вооруженныхъ конныхъ и такое-же легко-вооруженныхъ пѣшихъ). Военная повинность въ Спартѣ была, повидимому, въ полной связи съ владѣніемъ землею. Въ этомъ отношеніи замѣчается большое сходство съ военнымъ устройствомъ Московскаго государства—вслѣдствіе одинаковыхъ условий: оба государства земледѣльческія, оба въ эпоху образованія ихъ военнаго устройства окружены съ трехъ сторонъ врагами, имѣя и внутри государства ненадежныхъ подданныхъ (у Московскаго государства съ запада—Швеція и Польско-Литовское государство, съ востока и юга — татарскія царства, у Спарты съ запада—Мессеняне, съ сѣвера—Аркадіяне и съ востока—Аргивяне ¹⁹⁾).

Если Спарта представляла постоянный военный лагерь ²⁰⁾ на сторожѣ главнымъ образомъ (особенно послѣ покоренія Мессеніи) относительно поработанныхъ туземцевъ-гелотовъ, то Московское государство, котораго покоренные инородцы были менѣе опасны, было постоянно на сторожѣ относительно враговъ внѣшнихъ; оно также превращалось каждое дѣло въ большой военный лагерь: дворянское ополченіе ежегодно собиралось въ отряды, располагавшіеся въ опредѣленныхъ мѣстахъ въ ожиданіи вѣстей о появленіи врага на границѣ.

Оба государства были вынуждены сосредоточить свои усилія на созданіи большой военной силы; оба, какъ земледѣльческія, съ незначительнымъ развитіемъ торговли и промышленности, нашли рѣшеніе этой задачи въ созданіи военнаго сословія, обезпеченнаго населенными имѣніями ²¹⁾. Происхожденіе этого служилого сословія совершенно различно въ обоихъ государствахъ, но тѣмъ болѣе замѣчательно сходство военнаго устройства, какъ слѣдствіе сходныхъ внѣшнихъ условий.

Частыя войны, въ которыхъ погибало множество спартиатовъ,

¹⁹⁾ τοῖς δὲ Λάκωνιν οἱ γειτνῶντες ἔχθροί πάντες ἦσαν, Ἀργεῖοι καὶ Μεσσηνῖοι καὶ Ἀρκαδίαι (Arist. Polit. II, 6, 3 = p. 69^b, 3—4).

²⁰⁾ Это было замѣчено еще современниками: Иосиф. VI, 81 πολιτείαν ὁμοίαν καταστράμεθα στρατοπέδῳ.

²¹⁾ „Натуральное хозяйство и недостаточность денежныхъ капиталовъ принуждали Московское правительство къ замѣнѣ денежныхъ расходовъ по содержанію войскъ раздачею земельныхъ участковъ“ (А. О. Лаппо-Данилевскій, „Выслуженныя вотчины въ М. Г.“ Истор. Обзор., т. III, стр. 109). Ср. Thuc. I, 141, 3 αὐτοῦργοι τε γὰρ εἰς Πελοποννήσιοι καὶ οὕτε ἰδίᾳ, οὕτε ἐν κοινῷ χρήματα ἔστιν αὐτοῖς.

въ связи съ поздними браками у нихъ (не ранѣе 30 лѣтъ) имѣли слѣдствіемъ, что наслѣдникомъ надѣла являлись часто вдова или дочь-сирота ²²). Далекое не всегда такая наслѣдница выходила за безпомѣстнаго спартиата и давала ему этимъ возможность или самому получить права гражданства (если онъ получилъ общественное воспитаніе) или, по крайней мѣрѣ, обезпечить ихъ его сыну: опредѣленнаго закона не было и наслѣдницы выходили замужъ (или ихъ выдавали опекуны) за кого угодно ²³). Такимъ образомъ составились двойные, тройные и т. д. надѣлы, находившіеся въ рукахъ одной семьи. Съ другой стороны младшіе сыновья спартиатовъ образовали классъ безземельныхъ и потому неполноправныхъ гражданъ. Есть основаніе предполагать, что выморочные участки не поступали въ пользу государства, которое могло-бы надѣлать ими безземельныхъ, но переходили къ родственникамъ умершихъ и потому одно и то-же лицо могло являться наслѣдникомъ нѣсколько разъ ²⁴).

Понятно, поэтому, что число полноправныхъ, иначе говоря, владѣвшихъ землею Спартиатовъ быстро уменьшалось, а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшалось и число ихъ въ Лакедемонскомъ войскѣ. Земли Спартиатовъ распредѣлялись между все меньшимъ и меньшимъ числомъ владѣльцевъ, такъ-что нѣсколько надѣловъ содержали одного только спартиата-воина. Мало того, много участковъ оказывалось въ рукахъ женщинъ ²⁵), такъ-что эти надѣлы какъ-бы вносили даромъ пропа-

²²) ...τῶν ἐπὶ κλήρων πολλῶν γενομένων (Arist., Politica, II, 6, 11 = p. 70a, 2—4). Изъ Plut., Cleom., I слѣдуетъ, что наслѣдница (ἐπίκληρος), выйдя замужъ и овдовѣвъ, оставалась владѣтельницею своего имѣнія, хотя-бы и имѣла сына отъ перваго брака.

²³) ἔξεστι δοῦναι τε τὴν ἐπίκληρον ὡς ἂν βούληται καὶ ἀποθάνῃ μὴ διαθέμενος, ὅν ἂν ὑπολείπῃ κληρονόμον, οὗτος ᾧ ἂν θέλῃ διδῶσιν (Ibid. II, 6, 11 = p. 70a 26—29).

²⁴) Arist. Politica, IX, 7, 12 = p. 309a, 20—25 ἐν δ'ὀλιγαρχίᾳ (δεῖ) τῶν ἀπόρων ἐπιμέλειαν ποιῆσθαι πολλήν καὶ τὰς ἀρχὰς ἀφ' ὧν λήμματα τούτοις ἀκονέμεν, καὶ τις ὑβρίστη τῶν εὐπόρων εἰς τούτους, μείζω τὰ ἐπιτίμα εἶναι, ἢ σφῶν αὐτῶν, καὶ τὰς κληρονομίας μὴ κατὰ δόσιν εἶναι, ἀλλὰ κατὰ γένος, μηδὲ πλείονων ἢ μίαν τὸν κληρονομεῖν. Указывая здѣсь, чего должна избѣгать олигархія, Аристотель, повидимому, имѣлъ въ виду специально недостатки спартанской конституціи. Дѣйствительно, слова τῶν ἀπόρων ἐπιμέλειαν ποιῆσθαι πολλήν х. т. л. указываютъ способъ облегчить положеніе бѣдныхъ гражданъ, т. е. исправить недостатокъ указанный (II, 6, 21), въ Спартѣ; слова τὰς κληρονομίας μὴ κατὰ δόσιν εἶναι ἀλλὰ κατὰ γένος прямо указываютъ на порицаемый имъ (II, 6, 10) законъ Эпитадея. Поэтому весьма вѣроятно, что тѣсно связанное съ предыдущимъ предложеніемъ μηδὲ πλείονων ἢ μίαν τὸν αὐτὸν κληρονομεῖν относится также къ недостатку спартанскихъ законовъ.

²⁵) Во время Аристотеля, по его словамъ ²/₃ спартанской территоріи принадлежала женщинамъ (Ibid. II, 6, 11): ἔστι δὲ καὶ τῶν γυναικῶν σχεδὸν τῆς πλείους χῶρας τῶν πέντε μερῶν τὰ δύο.

дали для государства, не доставляя ему воинствъ. Распределение военной повинности между спартиатами становилось, такимъ образомъ, все болѣе неравномѣрнымъ. Уменьшеніе числа полноправныхъ гражданъ (δμοιοι) только увеличивало олигархическій характеръ Спарты, но уменьшеніе числа дисциплинированныхъ воинствъ-спартиатовъ грозило государству совершенной гибелью. На то, что спартанское правительство не принимало никакихъ мѣръ къ увеличенію числа полноправныхъ гражданъ, мы имѣемъ прямыя указанія. Дѣлало-ли оно что-либо для болѣе равномѣрнаго распределения военной повинности между спартиатами и что оно могло сдѣлать въ этомъ отношеніи?

Въ Московскомъ государствѣ вдовы и сироты, владѣвшія населенными имѣніями, дворяне, которые по болѣзни, старости и другимъ причинамъ не могли лично отбывать службу на войнѣ, выставляли вмѣсто себя замѣстителей въ вооруженіи дворянина (т. е. въ тяжеломъ) и съ тѣми-же слугами, какъ и дворянинъ. Эти замѣстители носили то-же имя даточныхъ людей, какъ и выставляемые другими сословіями наемники ²⁶⁾. Какъ-бы прибавочныхъ людей выставляли и крупные помѣщики, именно, они должны были являться съ такою свитою, чтобы на каждыя 100 четвертей „добрый земли“ приходилось не менѣе, какъ по одному тяжело-вооруженному ратнику ²⁷⁾.

Нѣчто подобно должно было явиться и въ Спартѣ, хотя-бы и не могло обнаружиться въ полной мѣрѣ и съ тою ясностью, съ какою мы видимъ это въ Московскомъ государствѣ, уже потому, что рѣдкіе изъ древнихъ писателей имѣютъ сколько-нибудь обстоятельныя и вѣрныя свѣдѣнія о спартанскихъ государственныхъ дѣлахъ, тѣмъ болѣе, что ни писанныхъ законовъ, ни письменныхъ постановленій или актовъ въ Спартѣ не было. Последнее обстоятельство повліяло и на то, что накопленіе земли у отдѣльныхъ лицъ могло сдѣлаться замѣтнымъ только тогда, когда имущественное неравенство достигло уже значительнаго развитія.

Если въ Московскомъ государствѣ крестьянинъ въ вооруженіи своего помѣщика могъ заступать мѣсто послѣдняго на войнѣ, то въ Спартѣ отнятый отъ плуга или виноградника гелотъ не могъ замѣнить въ войскѣ дисциплинированнаго спартиата. Чтобы замѣна спартиата гелотомъ могла достигать цѣли, нужно было дать этому гелоту такую же подготовку, какою получалъ спартиатъ, т. е. воспитать его

---

²⁶⁾ Уложеніе, гл. VII, ст. 17, гл. XVI, ст. 61; точное опредѣленіе даточныхъ людей вообще и сводъ свѣдѣній о нихъ см. у А. С. Лапко-Давилевскаго, „Организація прямого обложенія въ М. Г.“, стр. 890 и слѣд., гдѣ указаны всѣ источники.

²⁷⁾ Указъ Іоанна IV (Никонов. VII, 268), приведенный у Соловьева, т. VII, стр. 14—15 (изд. первое).

вмѣстѣ съ дѣтьми спартиатовъ. Подобныхъ замѣстителей могла выставлять кромѣ женщинъ-землевладѣлицъ (ἐπίκληροι, вдовы и сироты) и тѣ спартиаты, которые владѣли нѣсколькими надѣлами (извѣстіе Эліана, что *μὸβακας* выставляли богатые). Если примемъ существованіе подобныхъ замѣстителей, то объяснятся непонятныя сами по себѣ извѣстія, что вмѣстѣ съ сыновьями спартиатовъ воспитывались дѣти-гелоты и притомъ въ такомъ количествѣ, что составляли классъ съ особымъ названіемъ *μὸβακας* ²⁸⁾. Какъ на прихѣрѣ наложенія на богатыхъ подобной дополнительной повинности, можно указать на обязанность ихъ въ IV вѣкѣ доставлять лошадей и вооруженіе для конницы, чего не было раньше.

Но нельзя думать, чтобы число *μὸβακας* могло пополнить въ войскѣ число полноправныхъ спартиатовъ времени установленія конституціи. Дѣйствительно, при отсутствіи въ Спартѣ правильнаго контроля ²⁹⁾ установленіе повинности выставлять *μὸβακας* должно было возникнуть въ сравнительно позднее время, когда убыль числа спартиатовъ уже дала себя рѣзко почувствовать. Предполагаемое поставленіе могло стремиться только прекратить дальнѣйшее уменьшеніе въ войскѣ числа дисциплинированныхъ гоплитовъ: опредѣлить, кто изъ богатыхъ сколько участками владѣлъ, было невозможно по неимѣнію какихъ либо актовъ. Поэтому число *μὸβακας* только могло дополнять число спартиатовъ до извѣстнаго комплекта, соответствовавшего ихъ числу во время или незадолго до времени установленія закона о замѣстителяхъ.

Есть косвенныя соображенія, по которымъ можно искать этого времени. Въ V вѣкѣ мы замѣчаемъ, что число Спартиатовъ въ Лакедемонскомъ войскѣ составляетъ около половины и численность этого войска уменьшается вмѣстѣ съ убылью Спартиатовъ. Дѣйствительно, при Платеѣ послѣднихъ было 5000 и столько же періойковъ. Число

---

²⁸⁾ Поставленіе въ гимнасіи гелотовъ на воспитаніе было несомнѣнно обязанностью: при сословной спеси спартиатовъ, которые не только на работѣ, но и на „буржуа“ (βάνουσοι) смотрѣли съ пренебреженіемъ (см. анекдотъ объ этомъ Plat., Aporht. Lac., Ages. 72), ихъ воспитаніе имѣло строго-сословный характеръ и потому недостаточно было заплатить за содержаніе гелота, чтобы дать ему туда доступъ.

²⁹⁾ Arist. Pol. II, 5, 23 = p. 71b, 13—15 διὰ τὸ γὰρ τῶν Σπαρτιατῶν εἶναι τὴν πλείστην τῆν οὐκ ἐξετάζουσιν ἀλλήλων τὰς ἐσφοράς. Непонятно, о какихъ податяхъ со Спартиатовъ говоритъ здѣсь А., когда двумя строками выше говоритъ, что въ Спартѣ нѣтъ государственной казны (οὐτε γὰρ ἐν κοινῷ ἐν τῇ τῆς πόλεως ἐστὶν οὐδέν), что совпадаетъ со свидѣтельствомъ Фукидида (οὐτε γὰρ ἐν κοινῷ, οὐτε ἰδίῃ χρήματα ἐστὶν αὐτοῖς, I, 141, 3). Во всякомъ случаѣ, приведенное выраженіе показываетъ, что всѣ повинности, какія могли лежать на Спартиатахъ, распределялись сообразно ихъ земельнымъ владѣніямъ.

сражавшихся при Мантиней въ 418 г. спартиатовъ можно опредѣлить по числамъ взятыхъ на Сфактеріи спартиатовъ и періойковъ³⁰⁾: эти числа относятся приблизительно, какъ 5 къ 7. Принимая то-же отношеніе для сражавшихся при Мантиней Лакедемонянъ, гдѣ ихъ въ 7 батальонахъ было, по Фукидиду, 3584, получимъ 1494 спартиата, или прибавляя 300 „всадниковъ“, не входившихъ въ составъ батальоновъ, получаемъ 1794, что на все войско въ 3884 составляетъ почти половину; если прибавить число Спартиатовъ, занимавшихъ должности въ Спартѣ и другихъ городахъ, то числа Спартиатовъ вообще и сражавшихся въ войскѣ періойковъ сошлись-бы еще больше.

При Мантиней сражалось менѣе 4000 Лакедемонянъ въ 7 батальонахъ („лохахъ“ у Фукидида); между тѣмъ, 24 года спустя, въ битвѣ при Кориней ихъ 6000 въ шести „морахъ“, кромѣ 600 конныхъ, тогда какъ еще въ 424 г. они конницы не имѣли³¹⁾. Очевидно, въ самомъ концѣ V-го вѣка была произведена реформа Лакедемонскаго войска. По мнѣнію Гильберта³²⁾ эта реформа заключалась въ образованіи новыхъ батальоновъ, моръ, вдвое большихъ, по численности, прежнихъ лоховъ. Это основано на томъ, что въ описаніи Мантинейской битвы у Фукидида самая крупная боевая единица Лакедемонскаго войска названа лохомъ, а въ описаніи Коринейской битвы у Ксенофонта—моромъ. Между тѣмъ рассказъ Фукидида V 66—72 сбивчивъ (что признаетъ самъ Гильбертъ l. cit., § 77, Anm. 3). Онъ говоритъ: „царь самъ сообщаетъ (φράζει) свои распоряженія полемархамъ, полемархи—лохагамъ, лохаги—пентеконтерамъ, пентеконтеры—эномотархахъ, а послѣдніе—каждый своей эномотіа“. Лоховъ сражалось при Мантиней 7, въ каждомъ лохѣ было по 4 пентекостіи, а въ каждой пентекостіи по 4 эномотіи; а въ глубину они были построены не одинаково, но по усмотрѣнію каждою лохага³³⁾. Итакъ, по мнѣнію Фукидида, въ каждомъ батальонѣ было 4 пентеконтера, 16 эномотарховъ и одинъ лохагъ, командовавшій батальономъ. Роль-же полемарха, если такъ, сводилась къ передачѣ приказаній царя лохагу, такъ-что полемархи („начальники на войнѣ“) оказываются ничѣмъ не начальствующими, а только состоящими при

³⁰⁾ Мысль этого расчета принадлежитъ Бузольту (Lakedaimonier, S. 20—21, Anm. 29), но онъ не прибавилъ 300 „всадниковъ“, которые въ батальоны не входили (и потому не должны были попасть въ число посланныхъ на Сфактерію, куда гонимты выбирались по жребію „ἀπὸ πάντων τῶν λόχων“), а составили отдѣльный отрядъ, сражавшіяся около царя (Thuc. V, 72, 4).

³¹⁾ Thuc. IV, 56, 2 παρά τὸ εἰσθὲς ἰππέας τετρακοσίων κατεστράσαντο. Судя по рассказу Θ. о Мантинейской битвѣ, 300 „всадниковъ“ сражались пѣшими.

³²⁾ Handbuch de griech. Staatsalterth., B. I. (2-te Aufl.), 5, 77—79.

³³⁾ Thuc. V, 66, 3 и 68, 3.

царѣ въ качествѣ адъютантовъ—такъ это и принимаетъ Гильбертъ³⁴⁾. Но далѣе, 71,₃, имѣемъ у Фукидида: „...παρήγγειλεν (Ἄγχι)... δύο λοχούς τῶν πολεμάρχων Ἴκκονοῖδα καὶ Ἀριστοκλεί ἔχουσι περελθεῖν“ к. т. л.; здѣсь во главѣ „лоховъ“ оказываются полемархи, а не лохаги, и полемархамъ царь *посылаетъ приказаніе* (παρήγγειλε), а не они его передаютъ, и эти полемархи не хотятъ исполнить (72,₁) переданное имъ приказаніе, чего не могло-бы быть, если бы они только были посланы царемъ выполнить задуманный имъ маневръ (какъ это говорятъ Гильбертъ, l. с. 78, Anm. 1 und 2). У Фукидида названія офицеровъ тѣ-же, что и у Ксенофонта³⁵⁾, то-же и число эноматій батальона; но въ описаніи Ксенофонта каждый офицеръ командуетъ опредѣленною частью, у Фукидида-же, какъ показано выше, есть въ этомъ отношеніи неясности и противорѣчіе³⁶⁾. Зная только, что батальонъ дѣлится на 4 части, а низшихъ офицеровъ было въ немъ 16, онъ и дѣлитъ его на 4 крупныхъ и 16 мелкихъ частей, а третье подраздѣленіе пропустилъ; числа офицеровъ моря, въ послѣдовательномъ порядкѣ чиновъ, составляли рядъ 1, 4, 8, 16, при чемъ каждому чину соотвѣтствовала опредѣленная часть батальона. Пропустивъ третье подраздѣленіе батальона, по вѣрно пересказавъ названія чиновъ, Фукидидъ перенесъ роль третьяго чина на роль второго, а роль второго на роль перваго, отчего первый чинъ, т. е. полемархъ и оказался ничѣмъ не начальствующимъ; отъ этого пропуска и произошла вся путаница названій. Между тѣмъ, слѣдуя разсказу своего корреспондента, онъ правильно передалъ названія офицерскихъ чиновъ и правильно разсказалъ инцидентъ непослушанія двухъ полемарховъ.

Поэтому, реформа не коснулась подраздѣленія батальоновъ, а только увеличила ихъ численность. Кромѣ того, число батальоновъ, сражавшихся при Мантинѣ (418 г.) — семь — не соотвѣтствовало ни дѣленію Спарты на 3 филы, ни дѣленію ея на 5 частей; это число, очевидно, случайное, зависѣвшее отъ измѣнявшейся численности войска. Послѣ реформы число моръ оказывается опредѣленнымъ, именно 6, причемъ была сформирована конница³⁷⁾. Съ опредѣленіемъ числа батальоновъ, численность которыхъ зависѣла отъ назначенныхъ въ

³⁴⁾ loco cit., 3, 78.

³⁵⁾ Resp. Lac. XI, 4. По Ксенофонту, морю командуетъ полемархъ (R. L. XIII, 6, Hell. напр. IV, 4, 7, IV, 5, 11) и въ каждой морѣ 4 лохага, 8 центоитеровъ, 16 эноматарховъ.

³⁶⁾ Самъ Фукидидъ какъ будто сознавалъ, что не вполне точно представляетъ себѣ іерархію офицеровъ Лакедемонскаго войска; на это указываетъ его замѣчаніе (V, 66, 4): οὐδὲν γάρ τι πᾶν πλὴν ὀλίγου τὸ στρατόπεδον τῶν Λακεδαιμονίων ἀρχόντες ἀρχόντων εἰσὶ, которое, очевидно, сказано иронически и какъ-бы въ извиненіе себѣ.

³⁷⁾ Которой ранѣе не было (Th. IV, 55, 2), въ количествѣ также 6 моръ

походъ возрастовъ, сдѣлалась неизмѣнною и численность войска. Конечно, главная тяжесть реформы пала на періоиковъ, которые должны были выставять едва-ли не вдвое болѣе гоплитовъ, чѣмъ ранѣе (судя по числу войска при Мантиней (въ 418 г. и при Кориней); но уже изъ того, что на богатыхъ Спартиатовъ была наложена обязанность выставять лошадей и вооруженіе для конницы ³⁸⁾ (что, конечно, не избавляло ихъ отъ личной службы), видно, что реформа коснулась и Спартиатовъ. Разъ была сдѣлана неизмѣнною численность войска, не могло не быть принято во вниманіе въ будущемъ слишкомъ уже явное постоянное уменьшеніе числа Спартиатовъ. Въ это время и могъ быть установленъ законъ о замѣстителяхъ, которыхъ должны были выставять женщины-наслѣдницы (*αἰχλῆροι*) и наслѣдники выморочныхъ надѣловъ (непрямые наслѣдники). Эти замѣстители—*μόβαχες*—какъ-бы поддерживали въ Лакедемонскомъ войскѣ процентъ дисциплинированныхъ гоплитовъ, дополняя число Спартиатовъ до мѣвѣстной нормы. Норма эта была численность Спартиатовъ во время реформы, т. е. 2000 или нѣсколько болѣе ³⁹⁾.

Съ потерей Мессеніи, когда имѣвшіе тамъ надѣлы Спартиаты оказались безземельными, это число должно было уменьшиться, вѣроятно, въ полтора раза (соотвѣтственно преданію, что царь Полидоръ прибавилъ 3000 надѣловъ къ прежнимъ 6000). Поэтому, когда при Агидѣ IV число Спартиатовъ упало до 700, изъ которыхъ далеко не всѣ были богаты землею, то понятно, что приходилось „къ каждому изъ дѣтей (богатыхъ) гражданъ присоединять, какъ товарищей по воспитанію, по одному, по два, а къ нѣкоторымъ и большее число“ ⁴⁰⁾ гелотовъ.

присоединенныхъ къ пѣхотнымъ, такъ что полемарху былъ подчиненъ гиллармость, начальникъ конной моры (Xen., Hell., IV, 5, 12).

³⁸⁾ Xen., Hell. VI, 4, 11.

³⁹⁾ Въ Мантинейской битвѣ (418) сражалось 1800 Спартиатовъ, въ ней участвовало $\frac{5}{6}$ всего войска, стало быть Спартиатовъ, способныхъ носить оружіе, было около 2150 съ прибавленіемъ еще числа занимавшихъ гражданскія должности, всего, слѣдовательно, около 2300. Во времени реформы число это должно было нѣсколько уменьшиться.

⁴⁰⁾ Phylarchus., loco cit.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА

ВЪ

НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Записки С. И. Носовича

1861—1863 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюльвича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1899.

(Оттискъ изъ X и XI томовъ „Историческаго Обозрѣнія“, Сборника Историческаго Общества при С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемаго подъ редакціей Н. И. Карѣева).

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ.

Для исторіи подготовленія крестьянской реформы въ первые годы царствованія императора Александра II издано уже не мало матеріаловъ, хотя еще большее количество ихъ хранится въ столичныхъ и провинціальныхъ архивахъ. Менѣ данныхъ имѣемъ мы о введеніи Положенія 19 февраля 1861 г. Кое что, правда, уже напечатано ¹⁾, но все же мы не имѣемъ свѣдѣній о дѣятельности мировыхъ посредниковъ и присутствій по крестьянскимъ дѣламъ въ первое время по освобожденіи крестьянъ во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Весьма существеннымъ дополненіемъ къ тѣмъ матеріаламъ, которыми располагаетъ уже въ настоящее время русская наука, послужать печатаемыя нами весьма интересные записки покойнаго генералъ-лейтенанта Сергѣя Ивановича Носовича о службѣ его по введенію крестьянской реформы въ Новгородской губерніи въ 1861—63 гг.

Начавъ свое служеніе крестьянскому дѣлу въ Новгородской

---

¹⁾ Напр., „Воспоминанія мирового посредника перваго призыва 1861—1863 гг.“ *Пономарева* (Лебединскаго у., Харьковской губ.) въ „Русской Старинѣ“ 1891 г. № 2; „Воспоминанія мирового посредника перваго призыва о введеніи въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 г.“ *Н. А. Крылова* (Спасскаго у., Каванской губ.) въ „Русской Старинѣ“ 1892 г. №№ 4 и 6; „Изъ дневника мирового посредника 1861—63 гг.“ *П. Безвѣстнаго* въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1863 г. т. 46; „Изъ воспоминаній юриста“ (о дѣятельности мировыхъ посредниковъ перваго призыва) *П. Н. Обнинскаго* въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 г. № 1; *его же* „Калужское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе при В. А. Арцимовичѣ (1861—63 гг.)“ въ „Русской Мысли“ 1896 г. №№ 4, 5 и 6; *Н. Демерта* „Новая воля (изъ записокъ служившаго когда то по крестьянскому дѣлу)“ въ „Отеч. Зап.“ 1869 г. №№ 9—11 и нѣкоторыя другія.

губ., С. И. Носовичъ продолжалъ его въ Витебской и Могилевской губерніяхъ. Затѣмъ въ 1867 г. онъ былъ назначенъ въ Ташкентъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Кауфманѣ. Онъ занималъ должность уѣзднаго начальника въ Кокандѣ, былъ председателемъ организаціонной комиссіи въ Маргеланѣ и командированъ въ Бухару съ порученіемъ, успѣшнымъ исполненіемъ котораго заслужилъ Высочайшую благодарность. Послѣ того онъ служилъ въ Болгаріи, во время ея оккупаціи, и наконецъ въ 1882 г. былъ назначенъ губернаторомъ въ Иркутскѣ. Прослуживъ тамъ четыре года, онъ, по слабости здоровья, не выносившаго суроваго климата Восточной Сибири, оставилъ это мѣсто, заручившись обѣщаніемъ бывшаго генералъ-губернатора Туркестанскаго края пригласить его туда на службу. Продавъ своего назначенія два года безъ содержанія, С. И. Носовичъ принужденъ былъ выйти въ отставку по неизлѣимымъ средствамъ, послѣ 37-лѣтней государственной службы (онъ служилъ еще во время Крымской кампаніи) и скончался 1 января 1897 г.

Лучшимъ памятникомъ покойному послужать его записки (печатаемыя нами съ подлинной рукописи), изъ которыхъ виденъ просвѣщенный, либеральный образъ мыслей автора въ крестьянскомъ дѣлѣ ¹⁾.

В. Семевскій.

---

¹⁾ Еще во время службъ въ Новгородской губерніи С. И. Носовичъ напечаталъ нѣсколько писемъ „Изъ села Исакова (Новгородской губ., Демьянскаго уѣзда)“ въ журналѣ „Вѣкъ“ 1861 г. (№№ 36, 42, 43, 46 и 48), посвященныхъ также крестьянскому дѣлу.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Если придется кому нибудь читать бѣглыя замѣтки эти о ходѣ крестьянскаго вопроса, то я прошу знать, что онѣ писаны подъ впечатлѣніемъ дня, безъ строгой соотвѣтственности предыдущаго къ послѣдующему, т.-е. безъ задуманнаго плана, а просто изъ желанія сохранить воспоминаніе о тѣхъ ежедневныхъ случаяхъ и мысляхъ, которыми сопровождалось для меня мое личное участіе въ реформѣ. Безъ сомнѣнія, здѣсь можно найти много противорѣчій, неясности, недоконченности; тѣмъ не менѣе, отъ начала и до конца заниски эти должны быть и, безъ сомнѣнія, преисполнены моего полного сочувствія къ совершающемуся великому дѣлу; кромѣ того, я старался быть наиболѣе безпристрастенъ ко всему и ко всѣмъ, и если я въ этомъ ошибся, то отвѣтственности не можетъ подлежать моя добрая воля. Наконецъ я прошу знать, что самъ я лично, болѣе или менѣе подвергаясь измѣненіямъ, свойственнымъ вообще нравственной природѣ человѣка живущаго, а не мертваго, невольно отражалъ въ этихъ замѣткахъ и эту сторону самого себя.

С. Носовичъ.

---

17 апрѣля 1861 года. г. Новгородъ.

По французской поговоркѣ: je donne du fil à retordre нашему губернатору, но чтобы это уяснить изложу въ хронологическомъ порядкѣ мои бесѣды съ нимъ. Сегодня утромъ въ 10 часовъ я отправился къ нему, чтобы представиться и поговорить о цѣли моего прїѣзда въ городъ. Дежурный чиновникъ, встрѣтившій меня въ прїемной комнатѣ, просилъ подождать въ ней прибытія его превосходительства, который черезъ $\frac{1}{4}$ часа довольно сановито вышелъ ко мнѣ, предполагая видѣть какого-нибудь проѣзжаго офицера, являющагося къ нему по формѣ по начальству.

Но едва я успѣлъ назвать себя и сказать, зачѣмъ я здѣсь, какъ губернаторъ оставилъ превосходительный тонъ и повелъ меня въ свои внутренніе апартаменты, гдѣ все-таки, боясь уронить свое личное достоинство, не сѣлъ, а сталъ ходить со мной взадъ и впередъ по большой залѣ, чему я былъ впрочемъ доволенъ, предпочитая болѣе говорить стоя, нежели сидя.

Вѣроятно въ этотъ визитъ мой мы обоюдно хотѣли изучить другъ друга, потому что были очень сдержанны и неоткровенны, говорили болѣе намсками и держали другъ друга въ нѣсколько осадномъ положеніи. Губернаторъ хотѣлъ указать мнѣ на неопытность людей, не живущихъ въ деревнѣ; но я окончательно сбиль его съ этой почвы, объяснивъ категорически, что вотчинныя привычки помѣщиковъ ничуть не рекомендуютъ большей способности ихъ къ такой новой общественной дѣятельности, каково должно быть званіе мирового посредника и что для этого мѣста нужны другія качества, совершенно независимыя отъ помѣщицкой опытности управленія своимъ имѣніемъ, на что губернаторъ совершенно согласился, потому что ни разу не возвращался потомъ къ этому доводу. Я хотѣлъ узнать имена кандидатовъ Демянскаго уѣзда, сказавъ, что не вижу въ подобномъ дѣлѣ никакого секрета; губернаторъ видимо уклонялся отъ этого, отговариваясь отсутствіемъ секретаря. Я, разумѣется, не

настаивалъ, предпочитая дѣйствовать *par brusquement, mais d'écisionement*; я узналъ однако, что нашъ уѣздъ имѣеть 2 мировыхъ участка; сверхъ того я не преминулъ указать, что дворянамъ предоставлено не выбирать кандидатовъ, а только составить списокъ изъ всѣхъ тѣхъ дворянъ, которымъ дано Положеніемъ право на полученіе званія мировыхъ посредниковъ; выборъ же этихъ лицъ предоставленъ исключительно губернатору. Я сдѣлалъ это потому, что знаю, что въ нашемъ уѣздѣ баллотировали дворянъ и что они представили списокъ изъ четырехъ лицъ. Губернаторъ промолчалъ, но хорошо понялъ мой намекъ. Губернаторъ, зная мои родственныя связи съ Полтор., Муравьевыми, Набоков. и другими лицами, часто переводилъ на эту тему свой разговоръ со мной; но онъ вскользь коснулся письма, обо мнѣ написаннаго къ нему отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Вообще мой утренній визитъ показалъ мнѣ нерѣшительность Филипповича, — онъ не знаетъ, какъ ему поступить; но просилъ меня быть у него вечеромъ къ чаю. Вечеромъ я пришелъ къ нему въ 8-мъ часу; онъ встрѣтилъ меня какъ хозяинъ дома, представилъ своей женѣ, сидѣвшей за чайнымъ столомъ, и у насъ завязался тотъ общій разговоръ со всѣми пріѣзжими петербуржцами. хотя дѣло шло не о театрахъ и удовольствіяхъ, а о многихъ современныхъ вопросахъ, центръ которыхъ есть все таки Петербургъ. М-те Филипповичъ, образованная, пожилая женщина, разспрашивала меня о Набоковѣ и о другихъ извѣстныхъ ей лицахъ; она знавала въ старину мою мать. По окончаніи чая мы перешли съ губернаторомъ къ другому столу, и тутъ завязался между нами разговоръ, болѣе интересный для меня, въ которомъ мы оба были значительно откровеннѣе, нежели утромъ. Филипповичъ прямо сказалъ мнѣ о бывшемъ къ нему обо мнѣ письмѣ Ланского и о томъ, что всякая рекомендація министра есть приказаніе, которое исполнить опасно, на что я возражалъ, что нѣтъ сомнѣнія, что министръ рекомендовалъ ему меня какъ человѣка, и что я лично чрезъ мое письмо, раньше рекомендаціи министра, обращался къ нему, какъ къ губернатору, прося его о выборѣ моемъ въ мировые посредники. Филипповичъ говорилъ, что напрасно я не былъ въ Демянскомъ сѣздѣ дворянъ и что дворяне, увидѣвъ меня, съ удовольствіемъ захотѣли бы имѣть меня своимъ мировымъ посредникомъ, какъ образованнаго человѣка, значительно выше стоявшаго ихъ въ этомъ отношеніи, на что я отвѣчалъ, что если дворяне не хотятъ меня, то это именно вслѣдствіе послѣдней приведенной имъ причины, что я лично стою въ хорошихъ отношеніяхъ къ дворянству, но что они, вѣроятно, боятся моего *либеральнаго* взгляда на вещи. Филипповичъ возразилъ, что понятіе либерализма очень эластично

и что нужно быть справедливымъ, но не клонить исключительно на сторону крестьянъ, на что я сказалъ ему, что я понимаю и признаю начало справедливости, какъ начало абсолютное, безъ пристрастія къ той или къ другой сторонѣ, но что я поступлю противъ моей совѣсти, если не выскажусь, что я принимаю Крестьянское Положеніе за исходный пунктъ дѣятельности мирового посредника, что правительство старалось примирить по возможности интересы обѣихъ сторонъ, что я вполне стою за правительство въ вопросѣ освобожденія крестьянъ, и что я долженъ поступать честно, а не въ видахъ пользы дворянскаго сословія. Филипповичъ продолжалъ, что положеніе его, какъ губернатора, очень трудное и щекотливое въ крестьянскомъ вопросѣ, что онъ стоитъ между двумя огнями, что, съ одной стороны, недовольное дворянство стрѣляетъ черезъ него въ правительство, а съ другой стороны правительство дѣйствуетъ чрезъ него на дворянство, при чемъ онъ привелъ въ примѣръ переписку его съ министерствомъ по поводу назначенія лицъ въ губернское крестьянское присутствіе; но онъ тотчасъ же поспѣшилъ оговориться, сказавъ, что вполне сочувствуетъ видамъ и цѣлямъ правительства, на что я подтвердилъ ему, что въ губерніи онъ выражаетъ собой высшее правительство, но я, все-таки, полагаю, что сочувствіе его видамъ правительства, вѣроятно, происходитъ и отъ личныхъ его убѣжденій, съ чѣмъ онъ вполне согласился. Филипповичъ назвалъ мнѣ кандидатовъ на званіе мирового посредника, представленныхъ дворянами Демянскаго уѣзда,—одного изъ нихъ Фрикена онъ назвалъ смѣло, а о другомъ моемъ конкурентѣ сказалъ: «кажется Пущинъ»; я считалъ ниже своего достоинства что-нибудь сказать о Пущинѣ, но, вѣроятно, лицо мое измѣнило мнѣ, потому что Филипповичъ чрезъ нѣсколько фразъ, обратился ко мнѣ, сказавъ: что имѣтъ на мѣстахъ мировыхъ посредниковъ людей хорошаго общества и высоко образованныхъ есть дѣло первой необходимости для Россіи, что онъ вполне сочувствуетъ общественному мнѣнію, призывающему на эти мѣста лучшихъ людей, но... при чемъ онъ повторилъ мнѣ свои доводы относительно susceptibility дворянства и что онъ совѣтуетъ мнѣ познакомиться съ губернскимъ предводителемъ дворянства княземъ Мышецкимъ и откровенно и прямо поговорить съ нимъ о моемъ желаніи, на что я сказалъ, что утромъ еще я былъ у князя, но не засталъ его дома, но что я намѣренъ непременно переговорить съ нимъ, что сдѣлаю сейчасъ, отправившись къ нему. Мы разстались съ Филипповичемъ. ничего не рѣшивъ, но нѣсколько узнавъ другъ друга; по моему мнѣнію, онъ принадлежитъ къ лицамъ умѣренно либеральнымъ, мало самостоятельнымъ, паткимъ въ приложеніи своихъ

убѣжденій, но все-таки готовымъ на все хорошее, если бы только все было бы: тишь да гладь да Божья благодать... Я не скрою, что я уѣхалъ отъ губернатора съ ощущеніемъ удовольствія, которое испытываетъ человѣкъ, вступающій въ борьбу за правое, хорошее дѣло; нѣтъ сомнѣнія, что я отказался бы отъ моего намѣренія, если бы оно было менѣе серьезно для меня и если бы это дѣло принадлежало мнѣ лично, а не обществу, а то имѣть Пущина своимъ конкурентомъ и не выдержать борьбы до конца, до невозможнаго— это недостойно всякаго истинно благомыслящаго человѣка. Я думалъ это, ѣхавъ къ Мышецкому, но вторично не засталъ его дома; завтра въ 3-мъ часу, я сказалъ его человѣку, что буду у него. Познакомлюсь съ образомъ мыслей нашего предводителя и увижу тогда, какъ нужно будетъ дѣйствовать. Если я получу мѣсто мирового посредника, то это будетъ тѣмъ болѣе пріятно, что оно далось мнѣ цѣною борьбы и сомнѣнія; во всякомъ случаѣ я не намѣренъ уступить и дойду до конца, объяснюсь и обставлю мое дѣло категорически.

18 апрѣля, вечеръ.

Дѣло мое приняло сегодня совершенно неожиданный оборотъ: вмѣсто мирового посредника, я получаю мѣсто члена отъ правительства въ уѣздномъ мировомъ съѣздѣ, на что долженъ былъ согласиться, чтобы примирительнымъ образомъ согласить обѣ стороны: мое желаніе принять личное участіе въ крестьянскомъ вопросѣ и затруднительное положеніе губернатора, не знавшаго, какъ поступить со мной, чтобы удовлетворить, съ одной стороны, заявленное мною настойчивое желаніе не упустить возможности быть дѣятелемъ въ современномъ важномъ общественномъ вопросѣ, а съ другой стороны, щекотливость дворянства, не выбравшаго меня. Впрочемъ, чтобы не отклоняться отъ хронологическаго порядка, принятаго уже мною вчера, я расскажу сперва о моемъ утреннемъ двухчасовомъ визитѣ къ губернскому предводителю кн. Мышецкому. Разговоръ мой съ нимъ по его долгости и разнообразнымъ переходамъ отъ одной темы къ другой нельзя передать буквально вѣрно. Я началъ изложеніемъ причинъ, по которымъ я считаю себя нравственно обязаннымъ принять участіе въ крестьянскомъ вопросѣ и, хотя довольно умѣренно и сдержанно, но все-таки высказалъ ему мой взглядъ на крестьянское дѣло. Предводитель не смѣлъ противорѣчить такимъ началамъ, которыя сдѣлались теперь общимъ достояніемъ всего образованнаго человѣчества, хотя не могъ удержаться, чтобы не высказать своего несогласія съ Положеніемъ о крестьянахъ и своего несочувствія инициативѣ правительства во

всемъ этомъ дѣлѣ. Я отвѣчалъ ему, что онъ, какъ предводитель и представитель дворянскаго интереса можетъ быть и правъ, но что если ему угодно говорить со мной такъ, какъ образованный, современный человѣкъ долженъ говорить съ другимъ такимъ же, то я откровенно выскажу ему мой взглядъ на все крестьянское дѣло. Я объяснилъ ему совершенно осторожно, что дворянство само виновато въ томъ, что упустило изъ своихъ рукъ этотъ вопросъ, неблагонамѣренно заявляя свои, иногда безразсудныя, притязанія, что правительственная инициатива въ такомъ дѣлѣ, гдѣ стоятъ два противоположные интереса: дворянъ и крестьянъ, необходима. что дворяне не могутъ одни и независимо выбирать себѣ мировыхъ посредниковъ, что это значить быть судьей въ своемъ собственномъ дѣлѣ, что правительство временно, не имѣя возможности предоставить крестьянамъ личное ихъ участіе въ выборѣ мировыхъ посредниковъ, обезпечило себя въ своихъ предначертаніяхъ тѣмъ, что предоставляетъ губернатору право сдѣлать выборъ изъ списка кандидатовъ, при чемъ я привелъ предводителю всѣ доводы для развитія и подкрѣпленія моей мысли. Мышецкій отвѣчалъ мнѣ, что во многихъ уѣздахъ предводители дворянства думаютъ провѣрить состоятельность дворянскаго выбора мировыхъ посредниковъ тѣмъ, что хотятъ спросить объ этихъ лицахъ у крестьянъ, на что я отвѣчалъ ему, что подобный спросъ имѣлъ бы то же самое значеніе, если бы высшее начальство думало бы спросить у моей роты, хочетъ ли она имѣть меня своимъ командиромъ, и что коль скоро я ихъ командиръ и независимо отъ ихъ воли, то подобный спросъ равнялся бы утвержденію, самому незаконному и неестественному, въ чемъ предводитель, какъ я полагаю, согласился, потому что ни разу не возвращаясь потомъ къ этому доводу. Мышецкій, видя, вѣроятно, что, говоря объ отвлеченномъ общемъ вопросѣ, онъ не успѣетъ убѣдить меня въ бесполезности и въ незаконности моего притязанія на мѣсто мирового посредника, и потому, подумавъ нѣсколько, сказалъ: будемте говорить практически, при чемъ онъ изложилъ мнѣ принятый дворянствомъ способъ, по которому оно выбрало въ уѣздѣ лицъ ему знакомыхъ и извѣстныхъ на мѣста мировыхъ посредниковъ, причемъ онъ замѣтилъ мнѣ, что дворяне меня не знаютъ и потому мнѣ не могутъ довѣряться. Я отвѣчалъ ему, что я оставляю совершенно въ сторонѣ то, что подобный образъ дѣйствій противорѣчитъ видамъ правительства, которое не дало дворянамъ права выбора, и что, разсуждая по человѣческой справедливости, это право должно было бы быть двухсторонне, и тогда только выборное начало было бы правильно, разумно и справедливо; дворянство же, выбирая мировыхъ посредниковъ исклю-

чительно изъ лицъ, живущихъ въ настоящее время въ его средѣ, беретъ себѣ монополъ этого дѣла, безъ конкуренціи множества другихъ лицъ, не менѣе ихъ полезныхъ для крестьянскаго вопроса, что не я одинъ. но такъ понимаютъ этотъ вопросъ и правительство. и просвѣщенная сторона общественнаго мнѣнія, привѣтствовавшаго съ радостью тѣ широкія двери, въ которыя дозволено всякому, служащему даже въ коронной службѣ, вступить на новое общественное поприще; что мнѣніе дворянъ о такихъ лицахъ, которыя не жили до сихъ поръ въ ихъ средѣ, можетъ быть исключительно отрицательнымъ; положительное же мнѣніе, не менѣе уважительное, чѣмъ мнѣніе дворянъ, можетъ происходить изъ другихъ источниковъ. и что я, напримѣръ, явившись къ губернатору, не есть лицо, пришедшее съ улицы, при чемъ я указалъ на бывшія рекомендаціи обо мнѣ въ Новгородѣ. Я позволилъ себѣ откровенно сказать Мышецкому, что вопросъ не въ томъ, что мѣстные дворяне не знаютъ насъ, что они очень хорошо знаютъ, кто мы, но что они просто и прямо боятся всякаго свѣжаго элемента, входящаго среди многихъ ихъ старыхъ привычекъ и взглядовъ; что дворяне думаютъ, что мы будемъ стоять только за крестьянъ, а не за нихъ, но что это несправедливо, и потому я считаю своимъ долгомъ заявить ему, какъ предводителю дворянства, что я стою за справедливость, тѣмъ не менѣе отклоняю отъ себя всякую отвѣтственность въ томъ случаѣ, если несправедливости будутъ болѣе на сторонѣ дворянъ, что моя совѣсть есть мой нравственный кодексъ, и что отступить отъ моихъ убѣжденій, въ пользу сословныхъ интересовъ, я не имѣю нравственной возможности. Предводитель поторопился высказать одинаковость своего взгляда съ моимъ на этотъ вопросъ. Я продолжалъ высказывать мой взглядъ на званіе мирового посредника, сказавъ, что званіе это должно стоять внѣ привычекъ исправниковъ и становыхъ, и что способность людей къ этому званію обуславливается не числомъ лѣтъ, прожитыхъ въ деревнѣ, и не личными отношеніями сосѣдства, что дворяне Демянскаго уѣзда не могутъ отозваться обо мнѣ, что они совершенно меня не знаютъ, что я никогда не былъ для нихъ мнѣомъ, что я, кромѣ другихъ отпусковъ, пять лѣтъ подрядъ, по цѣлымъ лѣтамъ проводилъ въ деревнѣ, что, наконецъ, мое семейство давно живетъ въ околѣдкѣ, и что нашъ околѣдокъ, т.-е. нашъ мировой участокъ, меня знаетъ, и не только одни дворяне, но и крестьяне, которымъ не будетъ вовсе противно мое назначеніе къ нимъ. Доводы Мышецкаго косвенно вертѣлись на одномъ и томъ же пунктѣ. т.-е. онъ упорствовалъ на неприкосновенности дворянскаго самоуправления, на что я, въ сотый разъ, замѣтилъ ему, что въ вы-

борѣ лица предводителя дворянства нельзя, наиримѣрь, допустить вмѣшательства правительства, потому что предводитель есть представитель исключительно одной стороны и одного интереса. но что мировой посредникъ есть нѣчто другое. Послѣ долгихъ преній въ вышеуказанномъ мною направленіи, я заключилъ тѣмъ, что я вовсе не думалъ встрѣтить такихъ серьезныхъ препятствій для моего назначенія, и что если бы дѣло это было моимъ личнымъ процессомъ, то я давно бы отказался отъ него, но такъ какъ я смотрю на него, какъ на дѣло общественное, потому и считаю моимъ серьезнымъ долгомъ употребить всѣ мои нравственные силы для того, чтобы принять личное участіе въ крестьянскомъ вопросѣ, что я не могу легко уступить, не доведя борьбы до конца и не сдѣлавъ всего, что было бы въ моей возможности сдѣлать, послѣ чего только я буду спокоенъ въ моей совѣсти, получивъ тогда увѣренность въ томъ, что приложеніе новыхъ силъ несвоевременно пока для Россіи. что все должно идти пока по старымъ привычкамъ и обычаямъ и что нужно пока довольствоваться звучными словами, а не дѣлами. Энергически высказанная фраза, вѣроятно, подѣйствовала на Мышецкаго; онъ сказалъ мнѣ, что вопросъ мой такъ серьезенъ, что нужно будетъ нарочно выписать въ Новгородъ нашего уѣзднаго предводителя, послѣ чего онъ сталъ спрашивать меня, гдѣ наше имѣніе, и сообщилъ мнѣ, что Фрикенъ, какъ онъ слышалъ, не совсѣмъ-то желаетъ быть мировымъ посредникомъ, на что я сказалъ ему, что мой конкурентъ не Фрикенъ, а Пущинъ, и что, вѣроятно, онъ знаетъ послѣдняго, по его участію въ трудахъ губернскаго комитета. Мышецкій воздержался отъ всякихъ похвалъ и сужденій относительно Пущина, и я не могу понять почему, не хотѣлъ онъ или не могъ. Въ заключеніе моего разговора, я сказалъ предводителю, что если я такъ настойчиво желаю его видѣть, то это для того, чтобы имѣть честь обоюдно познакомиться, чего, кажется, тоже желалъ губернаторъ, потому что еще вчера вечеромъ онъ просилъ меня побывать у него; я прибавилъ, что я долженъ уѣхать послѣ-завтра въ Петербургъ, и желалъ бы поэтому имѣть категорическій отвѣтъ о себѣ, что иначе я не могу уѣхать, и что, наконецъ, даже отрицательное рѣшеніе моего дѣла одинаковымъ образомъ удовлетворитъ меня, если только я категорически узнаю доводы неуспѣшности моего исканія мѣста мирового посредника, но что общія оговорки мало пока удовлетворяютъ меня. Мы разстались главнымъ образомъ потому, что наступило обѣденное время, и съ моей стороны было бы неучтивымъ держать долге Мышецкаго, который спросилъ мой адресъ и заявилъ желаніе быть у меня. Значитъ, мнѣ еще разъ предстоитъ говорить съ нимъ, хотя

условія мои совершенно измѣнились, что даетъ мнѣ возможность быть еще болѣе откровеннымъ съ нимъ.

Вечеромъ, въ 7 часовъ, я пришелъ къ губернатору, и мы начали наше обычное хожденіе по залѣ взадъ и впередъ; я передалъ ему болѣе или менѣе весь мой утренній разговоръ съ Мышецкимъ; губернаторъ возражалъ слабо, онъ болѣе вдумывался во что-то. Раздраженный нѣсколько неблагонамѣреннымъ оборотомъ моего дѣла и внутренне скорбя о нашемъ уѣздѣ, крестьянскія дѣла котораго попадаютъ въ руки такого мирового съѣзда, въ которомъ председатель Обрѣзковъ,—старый крѣпостникъ и человѣкъ не совѣмъ съ незапятнанной нравственной репутаціей, а членъ—Пуцинъ, негѣжественный, грубый человѣкъ, имѣющій въ себѣ всего болѣе такихъ свойствъ, съ которыми онъ могъ бы очень удачно для себя занимать мѣсто исправника, въ старомъ и вообще принятомъ значеніи этого слова,—значить, такого мирового съѣзда, въ которомъ два дурныхъ и вредныхъ голоса только противъ одного Фрикена вполне образованнаго и современнаго человѣка. Я былъ очень взволнованъ и отъ сердца, съ искреннимъ, неподдѣльнымъ увлеченіемъ повторилъ губернатору мысль мою, утромъ заявленную предводителю, т. е., что я употребляю всѣ мои нравственныя силы въ этой борьбѣ, что теперь, когда Россія взываетъ къ новымъ силамъ и къ свѣжимъ дѣятелямъ, я считаю долгомъ моей чести и совѣсти исполнить мой долгъ, и что я откажусь отъ моего намѣренія только въ томъ крайнемъ случаѣ, если встрѣчу со всѣхъ сторонъ непреодолимыя препятствія, т. е. когда безвозвратно проиграю не мое дѣло, а дѣло, принадлежащее обществу. Я ни слова не сказалъ о Пуцинѣ, считая это недостойнымъ, но спросилъ, однако, знаетъ ли губернаторъ моего конкурента, на что онъ оффиціальнымъ тономъ бумажной отписки сказалъ, что онъ показалъ себя членъ подобнаго присутствія. Не скрою, что я былъ довольно взволнованъ и, послѣ очень длинной фразы, молча ходилъ по комнатѣ, выжидая реплику губернатора, который, вдругъ остановясь, взялъ меня за руку и повелъ рѣчь по французски: *Pour trancher la question très difficile pour moi, я вамъ предлагаю мѣсто, вчера сдѣлавшееся свободнымъ, члена отъ правительства въ мировыхъ съѣздахъ. Я поинтересовался узнать, въ какихъ уѣздахъ, сказавъ, что хочу быть положительно въ Демянскомъ; губернаторъ сказалъ, что 3 уѣзда: Демянскій, Старорусскій и Новгородскій соединены для этой цѣли, и что значить я буду имѣть три съѣзда. Сообразивъ, что я не лишаюсь очень большой доли вліянія и независимости на дѣла Демянскаго мирового съѣзда и что, съ другой стороны, большій кругъ*

дѣятельности открывается для меня. я согласился принять предлагаемое мѣсто. соответствующее также моему характеру подвижности и нелюбви исключительно къ деревенской уединенной жизни. Я поблагодарилъ губернатора, примирившаго себя со мной и съ дворянствомъ, и мы отправились въ маленькую гостиную, гдѣ въ обществѣ его жены, какой-то скромной и благовоспитанной молодой барышни, болѣе слушающей, чѣмъ говорящей, одного молодого учителя, бывшаго студента петербургскаго университета, и еще неизвѣстныхъ мнѣ двухъ лицъ, провели вечеръ за чайнымъ столомъ, въ истинно-серьезныхъ разговорахъ: о классицизмѣ и романтизмѣ, о живописи, о Костомаровѣ, ожидаемомъ въ Новгородѣ, и о другихъ предметахъ, въ разсужденіи которыхъ старый губернаторъ выказалъ себя человѣкомъ; вполне интересующимся всѣмъ, воспитаннымъ въ московскомъ универс. пансіонѣ, вообще хорошимъ человѣкомъ, хотя по личному характеру своему, выработавшемуся вслѣдствіе постоянной зависимости своей отъ службы и начальства, человѣкомъ крайне со слабымъ характеромъ, девизомъ котораго можетъ служить вышеприведенная мною поговорка: «все было хорошо, если бы только была тишь да гладь, да Божья благодать». Въ 10-ть часовъ вечера я ушелъ отъ губернатора, обѣщавъ зайти завтра, чтобы дать ему свѣдѣнія о моей службѣ.

19 апрѣля.

Сегодня утромъ у меня былъ кн. Мышецкій. но не засталъ меня дома; въ первое время я какъ будто бы сожалѣлъ объ этомъ, потому что желалъ еще разъ поговорить съ нимъ; но по болѣе хладнокровномъ обсужденіи дѣла вижу, что это было къ лучшему; мнѣнія людей не измѣняются отъ двухъ-трехъ разъ разговора, но люди часто раздражаются и бываютъ не воздержанны въ своихъ сужденіяхъ, что не всегда ведетъ къ настоящей цѣли. Вечеромъ губернаторъ получилъ телеграфич. депешу, по которой штабъ гвард. корпуса просить немедленно сообщить обо мнѣ, получаю ли я мѣсто члена отъ правительства. Дешена эта нѣсколько обезпokoила Филипповича. — онъ видѣлъ въ ней большую важность и тотчасъ же прислалъ ее ко мнѣ для свѣдѣнія. Я отправился къ нему, растолковалъ, въ чемъ дѣло и просилъ отвѣчать, сказавъ, что вчера имѣлъ подобную же депешу изъ полка, который интересуется знать о ходѣ моего дѣла для расчета ваканцій производства. Въ провинціи вообще очень пугливы, и эти двѣ депеши дали еще большую рѣшительность губернатору по отношенію меня. Итакъ я воозвращаюсь завтра въ Петербургъ не мировымъ посредникомъ, а членомъ отъ

правительства. Я провел весь вечер у губернатора и поблагодарил его за его гостеприимность, какъ хозяина дома, онъ же благодарилъ меня, какъ полезное приобретение для крестьянскаго дѣла.

Село Исаково Демянск. уѣзда.
26-го мая. 1861 года.

Я пріѣхалъ въ деревню изъ Петербурга, будучи вызванъ новгородскимъ губернаторомъ для занятія должности члена отъ правительства при уѣздныхъ мировыхъ сѣздахъ. Я долженъ бы былъ, получивъ увольненіе изъ моего полка, ѣхать прямо въ Новгородъ, чего не могъ сдѣлать, считая мое присутствіе крайне необходимымъ въ деревнѣ вслѣдствіе писемъ, полныхъ разныхъ страховъ, получаемыхъ мною отъ моего семейства. Я пріѣхалъ въ Исаково два мѣсяца спустя послѣ объявленія манифеста объ освобожденіи крестьянъ и былъ не мало удивленъ, встрѣтивъ со стороны помѣщиковъ большую или меньшую апатію и пассивность въ дѣлѣ, столь важномъ для нихъ, каковымъ должно быть освобожденіе крестьянъ; съ другой же стороны, я былъ тотчасъ же успокоенъ въ моихъ не-приятныхъ ожиданіяхъ найти крестьянъ въ томъ нравственномъ, беспокойно-опасномъ состояніи, о которомъ мнѣ писали въ Петербургъ. Я нашелъ, однако, крестьянъ въ очень возбужденномъ, натянутомъ состояніи духа; главное же—въ состояніи полного невѣдѣнія всего того, что ожидаетъ ихъ не только въ нѣсколько отдаленномъ будущемъ, но даже и непосредственно по обнародованіи крестьянскаго положенія, которое имъ читали и которое они, можетъ быть, и читали сами, но которое осталось для нихъ совершенно непонятнымъ. Бывши въ Демянскѣ. проѣдомъ въ деревню, я уже и тамъ слышалъ о многихъ недоразумѣніяхъ, возникшихъ между помѣщиками и ихъ бывшими крѣпостными; я не знаю, справедливы ли отзывъ тѣхъ лицъ, совершенно впрочемъ постороннихъ, которыя сообщали мнѣ эти вѣсти; но они говорили, что всѣ недоразумѣнія происходятъ отъ неуступчивости помѣщиковъ, которые туго поддаются на реформу; съ другой же стороны, розги рѣшаютъ много дѣлъ не въ пользу крестьянъ, которыхъ заставляютъ слушаться безпрекословно, не разбирая хорошенько, кто правъ и кто виноватъ. Въ Демянскѣ же мнѣ рассказывали исторію крестьянъ Обрѣзкова, нашего предводителя; болѣе 400 человекъ собралось предъ домомъ исправника, требовали облегченія повинностей оброчныхъ подѣлокъ и ругались самыми бранными словами. Мнѣ называли еще нѣсколько болѣе мелкихъ случаевъ неудовольствія крестьянъ, которые ежедневно приходятъ въ Демянскъ, гдѣ и ищутъ своего права.

До пріѣзда моего въ Исаково, положеніе дѣлъ было здѣсь слѣдующее: оброчные крестьяне отказывались исполнять полевые подѣлки, отказываясь тѣмъ, что они читали объ этомъ въ Положеніи; послѣ многихъ тщетныхъ увѣщаній, были призваны уѣздный предводитель дворянства и исправникъ, пріѣздъ которыхъ устрашилъ крестьянъ, хотя они не употребляли вовсе мѣръ строгости, но кротко объяснили заблужденіе крестьянъ на счетъ ихъ притязанія и, уменьшивъ количество подѣлокъ, обязали ихъ, однако, выполнить нѣкоторыя. Нужно сказать, что и до пріѣзда страшныхъ для нихъ властей крестьяне постоянно сохраняли полное почтеніе и хотя протестовали энергически, но прибавляя: «не въ укоръ вашей милости» или «мы, матушка, вами всегда были довольны, но въ людяхъ намъ говорятъ, что подѣлокъ не слѣдъ исполнять» и т. п. Кромѣ этого недоразумѣнія, нетягловыя крестьянки не хотѣли отправлять барщины, другія же не хотѣли ткать, портили красны, а иногда и вовсе отказывались отъ всякой работы. Женская барщина, вслѣдствіе предварительнаго оповѣщенія становаго пристава, была объявлена два дня въ недѣлю, поэтому такъ и отправлялась; но многія женщины не хотѣли ходить въ средніе дни недѣли, считая ихъ для себя неудобными. Я оставлю совершенно въ сторонѣ объясненіе причины, по которой произошли всѣ эти безпорядки у насъ; изъ нихъ главная однако та, что въ имѣніи нашемъ, кромѣ маменьки и сестеръ, никого не было, значить дѣло это объясняется само собой.

По пріѣздѣ моемъ, я наказалъ всѣмъ домохозяевамъ собраться въ церковь въ первое воскресенье для принесенія благодарственнаго богослуженія за освобожденіе крестьянъ и для объясненія имъ главныхъ сторонъ крестьянскаго Положенія. Священникъ передъ молебномъ сказалъ крестьянамъ очень некраспорѣчивое слово, привѣтствуя меня, какъ ихъ хозяина и ихъ начальника; дѣло въ томъ, что крестьяне полагаютъ и называютъ меня начальникомъ надъ мировыми посредниками, даже тѣ, которые изъ нихъ поздравляли меня съ чиномъ, говоря, что царь сдѣлалъ меня старшимъ надъ уѣздомъ. По окончаніи молебствія я вышелъ на церковную площадь, называемую у насъ буйвищемъ, и, окруженный толпой крестьянъ и женщинъ, изложилъ имъ въ историческомъ порядкѣ всю перемѣну, которая произойдетъ для нихъ отъ царской милости. Замѣчу здѣсь кстати, что престижъ царя необыкновенно силенъ въ нашемъ окологдѣ въ глазахъ простолудиновъ; когда читали крестьянамъ манифестъ, то многіе изъ нихъ съ чувствомъ говорили: «вишь батюшка царь обо всемъ позаботился, даже объ нашихъ людяхъ». Я стараюсь поддерживать этотъ престижъ въ томъ смыслѣ, чтобы крестьяне, видя объ нихъ заботливость царя, въ которомъ они и видятъ все

правительство, проникнулись бы сознаниемъ необходимости выполнить свято всѣ требованія крестьянскаго Положенія; съ другой же стороны, я постоянно внушалъ имъ спокойствіе и довѣріе къ тѣмъ лицамъ, на которыхъ возложено наблюденіе за правильнымъ и добро совѣстнымъ выполненіемъ правилъ крестьянскаго Положенія. Я изложилъ крестьянамъ характеристическія черты юридической, административной и хозяйственной перемѣны, ихъ ожидающей; послѣдняя интересуетъ ихъ болѣе всего; она всего болѣе понятна и ощутительна для нихъ, и каждый разъ, какъ только я начиналъ говорить имъ о землѣ или о повинностяхъ, то вниманіе крестьянъ удваивалось, и они ближе подходили ко мнѣ. Я объяснялъ крестьянамъ ихъ настоящія повинности предъ помѣщиками, при чемъ спустилъ съ барщины всѣхъ нетягловыхъ женщинъ, хотя нашъ предводитель и приказалъ имъ отбывать ее. Я распредѣлилъ барщинныхъ крестьянъ на равныя части, прочелъ имъ составленный для этой цѣли списокъ, указавъ поименно каждому свой день, потому я отдалъ этотъ списокъ нашему надсмотрщику надъ работами, которому и наказалъ отмѣчать ежедневно работниковъ, прося ихъ самихъ быть исправными и не доводить и меня, и себя до неприятностей. Я не считалъ исполненіе оброчныхъ подѣлокъ дѣломъ совершенно справедливымъ относительно крестьянъ, но и не могъ коснуться этого вопроса, во-1-хъ, потому, чтобы не подорвать вліяніе и значеніе увѣднаго предводителя дворянства, категорически высказавшагося предъ крестьянами объ этомъ, и во-2-хъ, было бы болѣе вреда, чѣмъ пользы, за 3—4 лишнихъ дня работы поднять притязанія цѣлаго околodka. Я долженъ былъ ко всему этому ограничиться однимъ спускомъ нетягловыхъ женщинъ, стараясь какъ можно болѣе уяснить имъ, что такое тяговая и нетяговая женщина, чтобы крестьяне не могли бы воспользоваться этими недоразумѣніями и не довести себя до новыхъ исторій со своими помѣщиками. Въ заключеніе, я объяснилъ крестьянамъ, что намѣренъ на новый годъ начать работы вольнонаемными работниками, съ крестьянами разойтись справедливымъ образомъ, отдавъ имъ землю по Положенію, и посадя ихъ всѣхъ на душевой оброкъ, причемъ я рассчиталъ, сколько придется оброку на тягло, считая за 6 десятинъ надѣла 9 р. с. оброка съ души. Крестьяне нѣсколько разъ спрашивали меня, какъ велика десятина и какъ будутъ считаться неудобныя земли. Объясненіе мое съ нашими крестьянами кончилось къ общему удовольствію; я разрѣшилъ еще нѣсколько вопросовъ, предложенныхъ мнѣ сторонними крестьянами, прибавивъ имъ, что это такъ сказано въ Положеніи, но что я вовсе не касаюсь до распоряженій ихъ помѣщиковъ.

Въ этотъ день наши крестьяне брали хлѣбъ на сѣмена изъ

сельскаго магазина; я нарочно записывалъ ихъ въ списокъ, чтобы имѣть еще разъ случай еще подробнѣе продолжать съ ними мою бесѣду о крестьянскомъ дѣлѣ. Многие изъ нихъ прямо высказали мнѣ, что они мало вѣрятъ тому, что имъ говорили господа, что и священники тоже читаютъ въ пользу господъ, и что во многихъ мѣстахъ нашего околodka имъ читаютъ не то, что имъ говорятъ господа. Я допрашивался до ихъ личнаго взгляда и ихъ личныхъ ожиданій въ этомъ дѣлѣ и увидѣлъ, насколько они обманулись въ своихъ надеждахъ. Всѣ они высказали мнѣ самое коммунистическое понятіе о собственности; они полагали, что всю землю «взбунтуютъ и съ . . . . . ¹⁾ подѣлятъ между крестьянами». Мнѣ не трудно было доказать имъ неосновательность ихъ доводовъ, и я сразу опровергнулъ ихъ теорію тѣмъ, что предложилъ имъ смѣшати также лошадей, коровъ, кафтаны, шайки, сбрую, утварь и прочее и потомъ подѣлать между всѣми; они согласились, что это невозможно и не справедливо. Я успѣлъ увидѣть въ этотъ разъ, что въ своихъ мірскихъ дѣлахъ крестьяне руководятся по большей части не началомъ справедливости, а началомъ личной выгоды; такъ, на примѣръ, богатые мужики, не нуждающіеся въ хлѣбѣ, не хотѣли выдавать его бѣднымъ изъ магазина. Сверхъ того въ ихъ сельскихъ обществахъ есть крикуны, которые берутъ верхъ надъ скромной серединой и часто заставляютъ ее дѣйствовать въ видахъ личной пользы, а не общаго интереса, такъ, на примѣръ, мірская земля неправильно подѣлена между ними, т.-е. одни изъ нихъ, имѣя въ наличности меньшее число душъ, надѣлены бѣльшимъ количествомъ земли; такимъ образомъ выходитъ, что повинность передъ помѣщикомъ, отбывающаяся нынче съ земли, не совсѣмъ правильна, и крестьянинъ тянетъ 2 мужскихъ тягла, имѣя на 3 души земли, также точно, какъ и тотъ, у котораго земли на 4 души. Я не имѣлъ возможности до тонкости войти въ это дѣло; въ рабочую пору этого сдѣлать некогда и нельзя, но осенью, при общей разверсткѣ земли по деревнямъ и мужскимъ ревизскимъ душамъ, я намѣренъ установить болѣе правильный порядокъ во внутренней раскладкѣ земли между крестьянами. Я замѣтилъ уже раньше, что крестьяне исключительно интересуются хозяйственной переменной, — административная идетъ для нихъ во второмъ разрядѣ, т.-е. они довольно еще съ интересомъ слушаютъ мое толкованіе о волостяхъ и мировыхъ участкахъ, о волостномъ старшинѣ, о крестьянскомъ судѣ и мировыхъ посредникахъ. Но я долженъ съ грустью сознаться, что крестьяне совершенно равнодушны къ юридическому отдѣлу Крестьян-

¹⁾ Одно слово не разобрано.

янского Положенія; права личные, по состоянію и имуществу, дарованныя имъ нынче и возводящія ихъ на степень гражданской полноправности человѣка, совершенно не интересуютъ ихъ; я долго объяснялъ имъ преимущество того человѣка, который, на примѣръ, можетъ взять себѣ жену, гдѣ хочетъ и откуда хочетъ, не спрашиваясь предварительно позволенія у помѣщика; но многіе возражали мнѣ на это, что это худо, что крестьянскія дѣвушки не будутъ выходить за бѣдныхъ парней, которымъ нельзя, однако, обойтись безъ домовой хозяйки, въ смыслѣ работницы; что въ старину было въ этомъ отношеніи лучше, когда помѣщики принуждали жениться, руководствуясь какъ личными, хозяйственными соображеніями, для увеличенія числа тягловъ, такъ и выгодами своихъ крестьянъ, которымъ нужны были работницы. Я опровергалъ крестьянъ всегда тѣмъ, что въ этомъ отношеніи и моя личная доля, хотя я и господинъ, не лучше ихъ, и что за меня, на примѣръ, тоже никто изъ дѣвушекъ не хочетъ выходить замужъ, такъ что, пожалуй, было бы и лучше, если ихъ къ этому попринудили. Крестьяне понимали всегда мою насмѣшку, смѣялись и видѣли свое несправедливое притязаніе. — Странно, грустно, но очень и очень понятно, изъ какого начала проистекаетъ подобный низкій нравственный уровень людей. смотрящихъ на женщину, какъ на самку и работницу; да и сами женщины не иначе смотрятъ на себя: мнѣ недавно еще одна крестьянская дѣвушка ставила въ упрекъ нераспорядительность своего помѣщика, не выдавшаго ее замужъ, въ ея безпутномъ поведеніи (по нашимъ просвѣщеннымъ понятіямъ), а по ея только въ томъ, что она имѣетъ дѣтей; она видитъ въ этомъ самое естественное дѣло. Я не могу, однако, назвать подобное воззрѣніе окончательно развратнымъ, потому что понятіе «жизни по закону», какъ говорятъ крестьяне, является уже послѣ замужества, когда невѣрность мужу считается дѣломъ предосудительнымъ. Какъ видно, естественное право преобладаетъ у простого народа, но оно легко доводитъ ихъ до чудовищныхъ, грязныхъ размѣровъ, при отсутствіи всякой образованности и всякихъ развитыхъ понятій; я не говорю о религиозныхъ понятіяхъ, — кто знаетъ нѣсколько народъ, тотъ навѣрно знаетъ, что большинство его исповѣдуетъ равнодушіе и идолопоклонство въ формѣ образовъ, поповъ и церквей.

Итакъ, крестьяне наши совершенно равнодушны ко всему, что прямо не относится къ ихъ экономическому, матеріальному состоянію; правда, я имѣлъ до сихъ поръ разговоръ съ такими деревнями, которыя не были угнетаемы своими помѣщиками и вообще были ими довольны, значить не могли очень ощутительно чувствовать неудобство гражданской и человѣческой своей неполноправности,

существовавшей въ извѣстныхъ отношеніяхъ для нихъ болѣе de jure, чѣмъ de facto. Всѣ крестьяне только и разсчитываютъ, будетъ ли для нихъ убавка съ нынѣшняго ихъ оброка, и если убавка эта невелика, то они почти равнодушны къ предстоящей реформѣ; они даже смотрятъ съ недовѣріемъ на волости, волостныхъ и мировыхъ ихъ начальниковъ, какъ они называютъ всѣ власти; выкупъ же земли въ собственность помощью ссуды со стороны правительства не только не интересуетъ ихъ, но наводитъ на нихъ скуку; 49 лѣтъ платежа такой срокъ, который въ ихъ представленіи есть вѣчность, но извѣстно, что общая черта всѣхъ людей мало развитыхъ считать полезнымъ и хорошимъ для себя только то, что можетъ осуществиться завтра.

Я могу тоже самое сказать и о помѣщикахъ; многіе изъ нихъ понимаютъ всю практическую пользу реформы въ будущемъ, но первые два, три трудныхъ года заставляютъ ихъ противиться новому порядку вещей, какъ будто совершенно вредному для нихъ. По моему же разумѣнію, поддержаніе крѣпостного права было для самихъ помѣщиковъ дѣломъ чрезвычайно труднымъ. Я не говорю, разумѣется, о чудовищныхъ помѣщичьихъ личностяхъ; для нихъ это было непочемъ, но могло ли, на примѣръ, не содрагаться сердце нѣсколько порядочнаго и развитого человѣка при видѣ бѣдности своего крестьянина, болѣзни его, грубости нравовъ и понятій его; каждый изъ насъ невольно долженъ былъ относить къ себѣ всѣ невзгоды крестьянъ, да и послѣдніе съ своей стороны, привыкли тоже дѣлать это и во всемъ всегда внутренно обвинять своихъ господъ. Многіе помѣщики, бывшіе до сихъ поръ въ хорошихъ отношеніяхъ со своими крестьянами, оскорбились тѣми небольшими непріятностями, которыя недавно произошли у нихъ съ крестьянами, относя это къ неблагодарности и къ безнравственности послѣднихъ; я же говорю, что это есть наказаніе, которое несутъ на себѣ порядочные люди за вѣковое существованіе крѣпостного права, извратившаго натуру русскаго человѣка; мнѣ болѣе больно за крестьянъ, которые нынче никому не довѣряютъ, различая однако хорошаго барина отъ дурного. Я не сказалъ еще о томъ, какъ трудно было до сихъ поръ опекать своихъ крестьянъ, входить во всѣ ихъ нужды, разбирать притворство отъ дѣйствительности, быть справедливымъ, но не слабымъ, вообще быть неограниченнымъ деспотомъ по своему праву и по привычкѣ къ этому со стороны крестьянъ, а съ другой стороны—постоянно видѣть себя въ противорѣчій съ своими убѣжденіями, вѣрованіями и увлеченіями. Да, трудное время кончается для насъ, и если настаетъ другая эпоха, столь же трудная, то это единственно въ экономп-

чешкомъ отношеніи, потому что многіе помѣщики могутъ разориться, другимъ придется много трудиться по отношенію своего сельскаго хозяйства, третьимъ предпринять что-нибудь совершенно новое. Въ нравственномъ же отношеніи мы всё выиграли уже теперь; простое сознаніе, что надѣльная повинность отбывается нынче не въ силу крѣпостной зависимости человѣка, а какъ повинность за землю, дѣлаетъ возможнымъ для насъ выйдти посмотрѣть на работы, распорядиться, даже пожурить неисправныхъ, вообще, безъ сжиманія сердца смотрѣть на потовой, 12-ти часовой трудъ людей въ то время, когда самъ пользуешься благами жизни, по крайней мѣрѣ не убиваешься работою изъ-за куска насущнаго хлѣба. Я думаю, однако, что и въ хозяйственномъ отношеніи можно будетъ выйдти изъ затрудненія; для этого нужно отстать нѣсколько отъ привычекъ барства, черты столь общей у всѣхъ помѣщиковъ, хотя степень этого недостатка различна по состоянію. Я называю барствомъ—нерасчетливость въ употребленіи рабочихъ силъ людей, вообще привычка смотрѣть на трудъ, какъ на даровщину; поэтому думаю, что нужно будетъ для всѣхъ насъ уменьшить число прислуги, распредѣлить болѣе правильно кругъ обязанностей каждаго двороваго человѣка, стараться личнымъ примѣромъ и руководствомъ приучить ихъ къ болѣе тщательному исполненію своихъ обязанностей, наблюдать лично за работами и не такъ, какъ полицеймейстеръ во время пожара, а какъ дѣйствительный и дѣльный распорядитель рабочихъ силъ. Я не могу ничего предугадать впередъ, хотя составилъ уже мысленно планъ будущихъ моихъ дѣйстви въ этомъ отношеніи; т.-е. я хочу нанять рабочихъ для воздѣлыванія земли, завести 4-хъ-польное хозяйство, сдѣлать перемѣну въ личномъ составѣ дворовыхъ людей и измѣнить ихъ содержаніе, получаемое до сихъ поръ, натурою, на деньги, и тому подобное.

Я разговаривалъ со многими изъ дворовыхъ людей, и вотъ ихъ ожиданія и желанія отъ реформы. Дворовые считаютъ себя обиженными по сравненію ихъ съ крестьянами: всѣ они ожидали, что помѣщики должны будутъ водворить ихъ на землю; многіе и до сихъ поръ тверды въ своемъ заблужденіи; нѣкоторые изъ дворовыхъ желаютъ имѣть землю не для себя, а для своихъ дѣтей, то-есть они хотятъ имѣть часть въ мірскомъ надѣлѣ сельскаго общества и, отдавъ эту землю въ аренду, платить за нее причитающійся оброкъ; самимъ же служить лично попрежнему въ средѣ привычныхъ для нихъ занятій; земля же служила бы имъ недвижимымъ фондомъ, обезпечивающимъ будущность ихъ дѣтей, о которыхъ они стали теперь думать замѣтно больше, чѣмъ до сихъ поръ: просятъ учить ихъ грамотѣ, заботятся объ отданіи въ ученіе

и т. п. Съ этой точки зрѣнія я совершенно согласенъ съ предусмотрительностию дворовыхъ: ихъ слѣдовало бы водворять на казенныя земли, давъ имъ въ долгъ нѣкоторое вспомошествованіе. Многіе изъ дворовыхъ стали нынче болѣе осторожны въ своихъ женитьбахъ, другіе упрскають себя за сдѣланные ими промахи въ этомъ отношеніи, видя, что и цѣлая семья дѣтей останется чрезъ 2 срочныхъ года на ихъ полномъ попеченіи. Нужно замѣтить, что до сихъ поръ помѣщикъ обезпечивалъ, худо-ли, хорошо, всякаго родившагося ребенка: бракосочетаніе дворовыхъ не имѣло въ своей основѣ никакой предусмотрительности; нигдѣ нѣтъ такъ много дѣтей, какъ во дворѣ. Старики дворовые боятся за свою будущность и поминутно лстятъ, какъ словомъ, такъ и услугами, своимъ прежнимъ господамъ, да и немудрено: чрезъ 2 года видѣть себя выброшеннымъ на улицу страшно.

Я упомянулъ нѣсколько о грамотности, скажу теперь болѣе. По обнародованіи манифеста и Крестьянскаго Положенія, всѣ крестьяне сряду почувствовали неудобство своей неграмотности: они должны были нанимать чтецовъ или просить читать имъ своихъ господъ; пономари и дьячки, съ Положеніемъ подъ мышками, обходили деревни и собирали подать за свои познанія въ русской грамотѣ; многіе крестьяне, полагая, что можно выучиться читать въ нѣсколько пріемовъ, просили научить ихъ дѣтей; вообще всѣ стали охотно посылать ихъ въ нашу домашнюю школу; сами дѣти занимаются хорошо, и можно надѣяться, что осенью и зимой будетъ много желающихъ учиться, такъ что придется завести не одну школу для разныхъ мѣстностей.

По пріѣздѣ въ деревню я началъ мою обычную практику гомеопатическаго лѣченія больныхъ, которыхъ всегда бываетъ очень много; вѣроятно слухъ о моемъ пріѣздѣ распространяется, потому что больные прибываютъ ежедневно; но я не видѣлъ пока тѣхъ встарѣлыхъ хроническихъ болѣзней, которыя еще появятся передо мной и приведуть въ ужасъ мое полное невѣдѣніе, чтѣ дѣлать пациенту, который считаетъ васъ своимъ спасителемъ и глубоко вѣритъ въ то, что вы можете ему помочь.

Все это время я совсѣмъ не ѣздилъ къ помѣщикамъ, хотя видѣлъ кой-кого изъ нихъ; я воздержусь поэтому отъ всякаго описанія ихъ взглядовъ, желаній и ожиданій въ крестьянской реформѣ, хотя впередъ скажу, что особенно дурныхъ людей въ этомъ отношеніи у насъ нѣтъ, также какъ и нѣтъ людей нѣсколько передовыхъ. Познакомившись съ этимъ вопросомъ, я изложу подробно и его; теперь же въ заключеніе скажу, что волости все еще не открыты у насъ, и что всѣ помѣщики очень равнодушны къ настоящей

надобности сдѣлать первый шагъ въ этой административной реформѣ; но объ этомъ я поговорю впоследствии во-время.

2-го іюня.

Я давно по теоріи зналъ, что понятіе объ одномъ и томъ же предметѣ бываетъ совершенно различно вслѣдствіе того, что оно складывается изъ индивидуальнаго воззрѣнія человѣка, которое, въ свою очередь зависитъ отъ точки отправленія логики и впередъ заданныхъ цѣлей; но я никакъ не могъ думать, что встрѣчусь когда-нибудь на практикѣ со столь противоположными понятіями объ одномъ и томъ же предметѣ; я говорю теперь о Крестьянскомъ Положеніи. Кажется, что можетъ быть яснѣе и какой самый логичный выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ этихъ статей Положенія: ст. 3 объ устройствѣ дворовыхъ людей, гдѣ сказано, «что дворовые люди пріобрѣтаютъ всѣ права личныя, семейственныя и по имуществу, предоставленныя крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости», и ст. 4: «На семъ основаніи дворовые люди обою пола могутъ вступать въ бракъ, не испрашивая разрѣшенія владѣльца; но владѣлецъ не обязанъ давать помѣщеніе и содержаніе женѣ и дѣтямъ двороваго, вступившаго безъ его согласія въ бракъ». По моему мнѣнію такъ же, какъ и по мнѣнію тысячи людей, смотрящихъ на Положеніе, какъ на законодательную мѣру уничтоженія крѣпостнаго права, вышеуказанныя мною статьи даруютъ дворовымъ людямъ право свободно вступать въ бракъ; кажется, это ясно, просто и логично? Ничуть: люди, смотрящіе на Положеніе, какъ на законную возможность продолжить еще нѣсколько времени свою борьбу противъ современныхъ требованій вѣка, которыхъ они не признаютъ, разумѣется объясняютъ совсѣмъ не такъ эти, столь понятныя по смыслу, двѣ статьи Положенія. Они говорятъ слѣдующимъ образомъ: между 3-й и 4-й статьями есть Примѣчаніе: «Въ пользованіи сими правами дворовые люди, состоящіе въ обязательномъ услуженіи у своихъ владѣльцевъ, подчиняются *временнымъ ограниченіямъ*, истекающимъ изъ обязательныхъ ихъ отношеній къ владѣльцамъ, впредь до прекращенія сихъ отношеній способами, указанными въ семъ Положеніи, или до перехода дворовыхъ людей на оброкъ». На основаніи этого примѣчанія, дворовая дѣвушка, находящаяся въ обязательныхъ отношеніяхъ къ владѣльцу, не можетъ выходить замужъ безъ его согласія, во все время въ продолженіе 2-хъ срочныхъ лѣтъ, и такъ какъ, на основаніи 12 ст., дворовые люди могутъ переходить на оброкъ тоже только съ согласія помѣщика, то поэтому для дѣвушки нѣтъ никакого выхода, и она не

имѣть никакой возможности воспользоваться самымъ святымъ, личнымъ правомъ. которое должна имѣть каждая женщина, т.-е. правомъ свободнаго выбора себѣ мужа; значить по этому самому полная крѣпостная зависимость дворовой дѣвушки отъ ея владѣльца остается еще на 2 года во всей возмутительной своей силѣ, невыслимой въ наше время, особенно, когда дѣло идетъ объ освобожденіи людей. На основаніи тѣхъ же самыхъ логическихъ доводовъ пожалуй и крестьянскія дѣвушки, находящіяся въ обязательномъ отношеніи къ владѣльцамъ, не могутъ также воспользоваться личными правами человѣка. Но до этого пока не дошли еще у насъ. потому что нигдѣ въ Положеніи не доискались еще до такого мѣста, къ которому можно было бы прицѣпиться, чтобы объяснить такимъ образомъ личные права крестьянъ; зато у насъ оспариваютъ право нетягловыхъ женщинъ не ходить на барщину, тогда какъ ст. 7 изъ Прав. о приведеніи въ дѣйствіе Положенія прямо говоритъ: «что женская барщина не допускается свыше двухъ дней въ недѣлю съ тягла». Кажется, сказано категорически, но въ манифестѣ есть одно мѣсто, которое выражено такъ: «Какъ новое устройство, по неизбѣжной многосложности требуемыхъ онымъ перемѣнъ, не можетъ быть произведено вдругъ, а потребуетъ для сего время, примерно не менѣе двухъ лѣтъ, то въ теченіе сего времени, въ отвращеніе замѣшательства и для соблюденія общественной и частной пользы, существующій до нынѣ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ порядокъ долженъ быть сохраненъ дотолѣ, когда, по совершеніи надлежащихъ приготовленій, открытъ будетъ новый порядокъ. «Трудно вообразить, чтобы извращеніе человѣческой логики было такъ велико, чтобы на основаніи этого мѣста манифеста можно было бы требовать, чтобы все, что было до сихъ поръ у помѣщиковъ, безъ всякой перемѣны оставалось бы еще на 2 года. Значить, все осуществленіе Крестьянскаго Положенія отодвигается еще на 2 года, и всѣ ужасы крѣпостнаго права должны остаться въ прежней силѣ. Но нѣтъ, помѣщики, практикуясь теперь въ этимологическихъ и діалектическихъ толкованіяхъ не смысла, а слова Крестьянскаго Положенія, хотятъ еще тоньше объяснять многія статьи его, напр статья 7 изъ Прив. въ дѣйств. говоритъ, что: «отмѣняются всѣ добавочныя и сгонныя работы и наряды, кои отбывались доселѣ сверхъ трехдневной барщины». Слѣдуетъ ли изъ этой статьи уничтоженіе карауловъ при господскомъ дворѣ? Нѣтъ, говорятъ помѣщики: караулы должны быть сохранены еще на 2 года, потому что это не добавочная работа и не сгонный день и не нарядъ, а повинность, потому что въ ст. 164 Мѣстн. Велик. Полож. сказано такъ: «Крестьяне не обязываются отбывать въ пользу помѣщика ника-

кихъ повинностей сверхъ установленныхъ симъ Положеніемъ. Поэтому отмѣняются: 1) сборы (вещественныя дани), 2) такъ называемыя добавочныя повинности, какъ-то: караулы при господскихъ усадьбахъ, лѣсахъ, поляхъ, сѣнокосахъ, уходъ за господскимъ скотомъ, сгонные дни и т. п.» Но такъ какъ все это относится только ко времени послѣ составленія и утвержденія Уставной грамоты, на что положено не болѣе 2-хъ лѣтъ, и такъ какъ въ вышеприведенной ст. 7 сказано о добавочныхъ работахъ, а не о добавочныхъ повинностяхъ, которыя отмѣняются ст. 164, то, на основаніи этого тонкаго этимологическаго толкованія, караулы должны быть сохранены до составленія и утвержденія уставной грамоты, значить еще на 2 года. Какъ чудно заявляетъ себя наше дворянство въ XIX вѣкѣ! Нужно совѣтовать нашимъ помѣщикамъ идти еще дальше и быть еще болѣе тонкими и изобрѣтательными въ ихъ этимологій; напр. въ ст. 7 сказано объ уничтоженіи сгонныхъ работъ, а въ ст. 164 объ уничтоженіи сгонныхъ дней, что должно совершиться только по прошествіи 2-хъ лѣтъ; нужно только доказать, что у нихъ нѣтъ теперь сгонныхъ работъ, а есть только сгонные дни, которые, значить, не должны быть уничтожены сейчасъ, а только по прошествіи все тѣхъ же роковыхъ 2-хъ лѣтъ.

Я привелъ только то, что мнѣ удалось слышать, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что я услышу еще болѣе курьезныя вещи; теперь же я невольно задаю себѣ вопросъ, къ чему все это поведетъ и куда идутъ этимъ путемъ наши помѣщики. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, они полагають, что эту мизерностью, этимъ кривотворствомъ мелкаго подъячества можно остановить дѣло столь великое, реформу столь важную въ исторической жизни нашего народа. До сихъ поръ всѣ толкованія Крестьянскаго Положенія, слышанныя мною въ деревнѣ, дѣлались именно въ этомъ направленіи и съ этою заднею мыслью; я нигдѣ и ни отъ кого еще не слышалъ здѣсь хотя одинъ взглядъ болѣе свѣтлый и болѣе общій, чѣмъ этотъ мелкій расчетъ человека-эгоиста и копѣчный расчетъ ховяина-помѣщика. Съ другой стороны, я постоянно слышу здѣсь жалобы помѣщиковъ на деспотизмъ верховной власти и правительства, на личный интересъ руководящій ими въ вопросѣ освобожденія; я часто слышу также площадныя ругательства противъ тѣхъ, кто началъ это дѣло, начатое будто бы потому, что оно выгодное для нихъ, т.-е. противъ чиновниковъ (у насъ слово бюрократизмъ еще не извѣстно); я часто слышу, что въ Россіи нѣтъ права и правды, что въ Россіи нѣтъ закона и справедливости, что деньги крестьянъ, собираемыя податями, тратятся на дворцы и другія придворныя увеселенія, что всему сему долженъ быть конецъ, и такъ далѣе и

такъ далѣе. Но отъ кого же исходитъ этотъ голосъ, полный укоровъ и неудовольствія? Отъ помѣщиковъ, возмущенныхъ тѣмъ, что какая-нибудь Дунька или Машка можетъ выйти замужъ безъ ихъ спроса и оставить ихъ домъ, отъ тѣхъ, кто не можетъ понять, что Машки, Пашки, Федьки и прочіе то же и такіе же люди и часто столь же мало образованные и грубые, какъ и они сами помѣщики; я могу назвать здѣсь не одинъ такой примѣръ, но это общеизвестная истина. Какой хаосъ, какая смѣсь понятій и притязаній, какая неурядица въ мысляхъ и тенденціяхъ людей; я часто не могу высидѣть на мѣстѣ. слыша іереміады какой-нибудь толстой барыни, предъ тяжелой дланью которой долго и давно тряслись отъ страха всѣ Таньки и Машки, на то, что нынче нѣтъ никакой дисциплины, что это ужасно, что дѣвки ея не хотятъ ей служить. Но эта самая барыня съ чувствомъ собственного довольства и самообожанія не имѣетъ стыда и рассказываетъ, какъ года два тому назадъ она продала въ рекруты своего повара за 500 р. какимъ-то удѣльнымъ крестьянамъ, которые, кромѣ денегъ, угощали ее обѣдомъ, катали даромъ въ Царское Село и т. д. Отвратительно, богомерзко, если только они вѣруютъ въ Бога. Но это еще начало, увидимъ, что будетъ впоследствии.

6-го іюля.

Я постоянно слышалъ въ Петербургѣ и часто соглашался съ этимъ мнѣніемъ, что вліяніе бюрократіи на ходъ крестьянскаго дѣла есть самое вредное; что нужно предоставить новымъ элементамъ сложиться самимъ по себѣ; что эта постоянная опека правительства убиваетъ всѣ задатки самостоятельности и всякое начало самоуправленія; что руководить вопросомъ жизни народа изъ центра нелѣпо, что подчинять всѣ проявленія народной жизни одной общей формѣ—это значитъ убивать самую жизнь, и что, наконецъ, отвѣтственность передъ Россією тѣхъ лицъ, которыя такъ упорно держатъ въ своихъ рукахъ инициативу правительства по крестьянскому дѣлу, очень велика. Бывши въ Новгородѣ на страстной недѣлѣ и ознакомившись нѣсколько, въ лицѣ губернскаго предводителя дворянства, съ желаніями и направленіемъ большинства нашего высшаго сословія, я много измѣнилъ взглядъ мой на вышеуказанный мною вопросъ. Я въ этомъ смыслѣ говорилъ уже въ Петербургѣ и теперь ежедневно болѣе и болѣе убѣждаюсь, что заслуга Милютина велика въ томъ, что онъ велъ это дѣло путемъ правительства, въ среду коего были, однако, постоянно приглашаемы лица, не исключительно преслѣдующія дворянскіе интересы, и что эта мѣра была и есть единственная, чтобы сдѣлать пока что-нибудь

порядочное и провести что-нибудь человеческое, либеральное въ жизни нашего отечества. Въ настоящее время, когда реформа проводится уже въ жизнь, во многихъ, а можетъ быть и во всѣхъ уѣздахъ Россіи мѣстное дворянство думаетъ затормозить, если только не совсѣмъ задержать реформу. Въ предыдущей замѣткѣ моей я указалъ на тѣ гениальныя толкованія Крестьянскаго Положенія, на основаніи которыхъ хотѣли у насъ законнымъ образомъ закрѣпить узелъ крѣпостной зависимости; но, къ счастью, тьма невѣжества недолго царила у насъ, свѣтъ истины начинается вторгаться и къ намъ; но онъ все-таки исходитъ изъ правительственной среды, изъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, которое разослало на дняхъ къ нашимъ мировымъ посредникамъ протоколы своихъ засѣданій, въ которыхъ хотя члены-помѣщики и высказались въ пользу крестьянскаго права, но гдѣ все-таки восторжествовало мнѣніе большинства либеральнаго—членовъ отъ правительства. Протоколы эти категорически разрѣшили вопросы: о бобыляхъ и нетягловыхъ женщинахъ, о крестынахъ, приписанныхъ ко двору и желающихъ увольненія и нѣкоторые другіе второстепенные вопросы. Воображаю содроганіе нашихъ мировыхъ посредниковъ, которые наканунѣ этого дня обызывали нетягловыхъ дѣвушекъ ходить на барщину и думали даже возобновить караулы; но вдругъ рѣшеніе ихъ должно быть отмѣнено, къ ужасу помѣщиковъ и къ восторгу крестьянъ, которые болѣе и болѣе получаютъ себѣ право не довѣрять помѣщикамъ. На меня были у насъ въ околodкѣ въ претензіи, что я отъ своего имени спустилъ съ барщины нетягловыхъ женщинъ; мнѣ говорили, что я подалъ этимъ дурной примѣръ въ околodкѣ и что будто бы многія женщины отказывались отъ барщины, указывая на меня.

Завтра назначенъ въ Демянскѣ первый мировой съѣздъ, куда и я отправлюсь, хотя не получилъ еще своего назначенія, какъ члена отъ правительства, но знаю, что оно ожидаетъ меня на почтѣ; увижу, каковъ будетъ дебютъ и какъ выскажутся въ официальномъ засѣданіи наши мировые посредники.

Въ заключеніе отмѣчу нѣсколько мѣстныхъ анекдотовъ, слышанныхъ мною по поводу объявленія манифеста. Въ одной деревнѣ Крестецкаго уѣзда крестьяне остались очень довольны тѣмъ мѣстомъ манифеста, гдѣ сказано объ упичтоженіи господскихъ добавочныхъ работъ и *нарядовъ*, понимая подъ этимъ послѣднимъ словомъ платя ихъ женъ и дочерей: «вотъ это ладно», говорили они,— «Царь не приказываетъ нашимъ бабамъ наряжаться». Въ другой деревнѣ сотскій, которому было поручено отвезти Положеніе, роздалъ его по своей глупости на руки крестьянамъ по отдѣльнымъ листамъ.

Каждый интересовался, разумеется, скорѣй узнать свою судьбу; каждый бросился къ лавочнику, и о ужасъ, кому досталось о рекрутчинѣ—тузили о своемъ горѣ, кому о податяхъ—тоже; но кто надѣется быть волостнымъ старшиною или мировымъ посредникомъ, радуется. Говорятъ дѣло это не обошлось безъ драки между крестьянами. А волостей все еще нѣтъ,—вѣроятно, завтра получать отъ губернатора разрѣшеніе ихъ, которое уже получено у насъ, такъ же, какъ и образцы уставной грамоты.

8-го іюня.

Вчера я былъ въ Демянскѣ, гдѣ съѣздъ нашихъ мировыхъ посредниковъ совершенно не имѣлъ оффиціального характера, вслѣдствіе того, что не получено еще губернаторское утвержденіе по вопросу распредѣленія времени между моими тремя уѣздами. Вчера же я получилъ отъ губернатора извѣщеніе о моемъ утвержденіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ должности члена отъ правительства и его приглашеніе явиться въ Новгородъ, что я и сдѣлаю къ 15-му числу, т.-е. ко времени перваго предполагаемаго мною съѣзда новгородскихъ мировыхъ посредниковъ. Я присутствовалъ поэтому на частномъ собраніи нашихъ посредниковъ, болѣе ихъ слушалъ, нѣсколько поговорилъ со всѣми ими и хотя могу ошибиться, но предполагаю, что нетрудно сдѣлать нѣсколько вѣрную характеристику этихъ лицъ. Предсѣдатель съѣзда, уѣздный предводитель дворянства Обрѣзковъ, очень и очень стоитъ за старый порядокъ вещей: онъ считаетъ дворянъ обиженными въ ихъ личномъ достоинствѣ и ограбленными въ ихъ матеріальныхъ интересахъ; онъ саркастически называетъ крестьянъ дворянами и обратно; онъ часто не воздерживается въ выборѣ своихъ выраженій для высказыванія своихъ мыслей анти-либеральныхъ или, лучше сказать, законныхъ въ понятіяхъ крѣпостного права, какъ права священнаго и неотъемлемаго; вообще съ нимъ придется имѣть много разговоровъ, а можетъ быть и неприятностей. Изъ мировыхъ посредниковъ въ нашемъ 2-мъ участкѣ Пуцинъ. Я полагаю, что онъ будетъ остороженъ, т. е. будетъ слѣдовать предписаніямъ высшаго начальства, но личная инициатива его, если только она будетъ, всегда въ пользу помѣщиковъ; впрочемъ онъ не потерпитъ очевидной несправедливости противъ крестьянина, хотя толкуетъ въ Положеніи всякое, нѣсколько сомнительное, мѣсто въ пользу дворянскаго интереса. Вообще онъ человекъ мало образованный, смотрящій на все дѣло съ оффиціальной служебной точки зрѣнія, не идя далѣе въ смыслѣ его и желая по возможности обойтись безъ ссоры съ крестьянами,

но боясь до крайности ссоры съ дворянами. Въ 3-мъ участкѣ Шестаковъ, человекъ умный и довольно читающій, большой хозяинъ и довольно большой крѣпостникъ; человекъ, разсуждающій объ дѣлѣ съ государственной, съ общей точки зрѣнія, т.-е. бранящій деспотизмъ, но признающій его вреднымъ только для высшаго правительства. а не для себя лично, какъ помѣщика; человекъ по личному характеру своему энергическій, значить, могущій сдѣлать много вреда и много добра, человекъ желчный на словѣ, значить неприятный; вообще, по моему мнѣнію, странное сближеніе призванія мирового посредника, взятаго даже въ очень обширномъ современномъ значеніи этого слова, съ личностію этого барина. Посредникъ для 1-го участка Фрикенъ, человекъ, котораго я видѣлъ всего два раза: о немъ кто-то сказалъ, что онъ бываетъ либераломъ зимой, а консерваторомъ лѣтомъ, т.-е. во время полевыхъ работъ; на мой же взглядъ онъ просто нѣмецкій человекъ, т. е. нѣсколько формалистъ, но, вѣроятно, будетъ высказываться въ либеральномъ духѣ, если найдетъ себѣ поддержку; онъ скромнѣе въ выраженіяхъ и тихъ характеромъ, и я надѣюсь имѣть въ немъ поддержку во время преній и разсужденій нашихъ будущихъ сѣздовъ.

Присмотрѣвшись нѣсколько къ лицамъ нашего сѣзда, которыя всѣ толкуютъ Положеніе по буквѣ, а не по смыслу, значить исключительно въ пользу дворянъ, я намѣренъ въ первое же оффиціальное засѣданіе наше предложить сѣзду слѣдующіе вопросы, очень важные по моему мнѣнію. Во-1-хъ) сѣздъ нашъ будетъ ли публиченъ или закрытъ? Онъ по ст. 66 долженъ быть публиченъ; во-2-хъ) какой порядокъ въ преніяхъ примемъ мы для избѣжанія безпорядка и для скорѣйшаго обнаруженія мнѣній членовъ; въ 3-хъ) какъ будемъ смотрѣть мы на дворянъ и на крестьянъ: какъ на лицъ совершенно равныхъ между собой по закону, значить по своему положенію относительно насъ, или какъ на истцовъ и отвѣтчиковъ, т.-е. первые будутъ всегда жаловаться, а вторые только искать правды, но всегда отвѣчать; въ 4-хъ) будемъ ли мы дозвлять себѣ разсужденія, до нашего дѣла не касающіяся, т.-е. критическій разборъ Положенія, а тѣмъ болѣе выраженія, неумѣстныя во всякомъ порядочномъ обществѣ. Всѣ эти вопросы очень важны, потому что несоблюденіе ихъ въ нашихъ привычкахъ. Я слышалъ въ Демянскѣ о нѣсколькихъ случаяхъ неудовольствія помѣщиковъ противъ своихъ крестьянъ и обратно, и знаю, что мировые посредники ежедневно должны разбирать подобнаго рода дѣла; я, наконецъ, слышалъ о подобныхъ дѣлахъ въ нашемъ сосѣдствѣ, даже у насъ лично, и прихожу къ тому заключенію, что право на неудовольствіе совершенно равно съ обѣихъ сторонъ, т.-е. бываетъ одинаковое

число случаевъ, когда виноваты и помѣщики, и крестьяне. Я смотрю однако на неудовольствіе крестьянъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они неправы, съ той точки зрѣнія, что это есть протестъ ихъ противъ тяготѣвшаго надъ ними крѣпостного права въ продолженіи 3-хъ вѣковъ; значить, это не есть именно неудовольствіе ихъ противъ личности такого-то помѣщика, которымъ вообще крестьяне могутъ быть и довольны, но неудовольствіе противъ крѣпостного начала; помѣщикъ же терпитъ въ подобномъ случаѣ единственно отъ своей солидарности съ крѣпостнымъ правомъ, т.-е. отвѣчаетъ за другихъ, вслѣдствіе чего я не понимаю и не раздѣляю чувства неудовольствія и оскорбленнаго самолюбія подобныхъ хорошихъ помѣщиковъ, осуждающихъ крестьянъ въ неблагодарности, въ грубой нечувствительности и т. д. Я убѣдился также, что крестьяне легко сбиваются съ толку и начинаютъ не вѣрить тому, чему прежде казалось окончательно повѣрили. Напр. на дняхъ я слышалъ, что народъ поговариваетъ о томъ, что мужская барщина назначена два, а не три дня. Конечно, есть между крестьянами дурные люди и съ дурными намѣреніями, да гдѣ же ихъ и нѣтъ, мы не въ Аркадіи живемъ на самомъ дѣлѣ; но я рассуждаю о массѣ и полагаю, что въ каждомъ явленіи нужно искать общую его черту, а если можно, то и законъ его. Недовѣріе крестьянъ, ихъ легкая сбивчивость, ихъ часто несправедливая притязательность происходитъ, какъ я всегда говорю, во-1-хъ отъ ихъ невѣжества: они не знаютъ, что именно сдѣлано для нихъ, потому очень рады, если слухъ идетъ въ ихъ пользу; во-2-хъ) нашъ народъ съ представленіемъ воли соединилъ въ своемъ воображеніи какой-то земной рай безъ скорби и печали, безъ лишеній и заботъ, какое-то Эльдorado счастья и очень изумленъ теперь, видя, что нѣтъ ничего подобнаго, что тотъ же трудъ, тѣ же заботы остались на ихъ долю, какъ и всего человѣчества. Они не понимаютъ нѣкоторой жертвы въ настоящемъ для будущаго; переходное время, необходимое въ дѣлѣ совершающейся для нихъ реформы, хотя и много облегчило ихъ относительно прежняго крѣпостного произвола, но совершенно не удовлетворило ихъ, особенно тѣхъ, которые никогда не были подъ всею тяжестью этого ига. Какое облегченіе видить, напр., для себя крестьянинъ, гдѣ оброкъ не былъ великъ, по мѣстному обычаю, гдѣ была справедливость относительно ихъ дѣлъ, гдѣ въ нихъ видѣли людей и обращались съ ними по-человѣчески? Я убѣдился, что подобные крестьяне ждуть еще чего-то и положительно недовольны теперешнимъ своимъ положеніемъ, хотя неудовольствіе это не есть именно неудовольствіе противъ лица помѣщика, а есть порожденіе крѣпостного права, извратившаго и испортившаго нашихъ

крестьянъ. Крѣпостное право до того въѣлось въ кровь и въ плоть крестьянъ, что многіе изъ нихъ по своимъ убѣжденіямъ гораздо болѣе крѣпостники, чѣмъ нѣкоторые помѣщики; крѣпостное право живетъ въ ихъ домашней средѣ по отношенію сына, жены, невестки и проч.; на основаніи этого права мать бьетъ дѣтей, мужъ бьетъ жену, теща бьетъ невестку и такъ далѣе; даже домашнія работы крестьянъ требуются на основаніи барщинной повинности силой побоевъ и ругательствъ; я видѣлъ нѣсколько подобныхъ случаевъ и могъ бы привести ихъ теперь въ доказательство. И такъ, весь этотъ грустный и тяжелый порядокъ вещей происходитъ отъ темноты и невѣжества крестьянъ; помѣщики наши съ преврѣніемъ отзываются теперь о необходимости учить деревенскихъ дѣтей, не подовѣривая, какую непріятную и тяжелую будущность готовятъ они сами себѣ тѣмъ, что деревенская среда будетъ постоянно оставаться въ темнотѣ и въ предрасудкахъ. Я вижу уже теперь благотворное вліяніе обученія грамотѣ на нѣсколькихъ деревенскихъ мальчикахъ, которые приходятъ учиться къ намъ: они сдѣлались привѣтливыѣ, не смотря изподлобья, не такъ грубы, несмотря на то, что постоянная, всечасная жизнь ихъ вертится въ грубой сферѣ среди брани, побоевъ, грязи и разврата. Я не случайно употребилъ это слово, да, развратъ начинаеть вторгаться въ наши деревни, понимая это слово въ томъ смыслѣ, какъ я объяснялъ его раньше. И такъ мы живемъ въ такую эпоху, когда обѣ стороны, т. е. помѣщики и крестьяне недовольны другъ другомъ; но неудовольствіе это пока въ своемъ началѣ.—при отрѣзкѣ земли отъ крестьянъ, т. е. при составленіи уставныхъ грамотъ, оно должно еще увеличиться. Наше поколѣніе нравственно платитъ за три столѣтія крѣпостного права, подобно тому, какъ потомки наши будутъ матеріально платить за тѣ денежные обязательства, т. е. государственные долги, сдѣланные въ наше время. Но пока еще дѣла наши идутъ *tant bien, que mal*; есть неисправность въ барщинѣ, дней 18 на 200 рабочихъ дней; но когда внутри себя сознаешь ненормальность барщины, которая хотя и не очень трудна матеріально, но все-таки даетъ крестьянамъ право на неудовольствіе, потому что они все еще видятъ въ барщинѣ личную повинность, а не повинность съ земли, хотя мною и сдѣлано все, чтобы это было такъ,—то неловко какъ-то живется въ деревнѣ, и я жду того счастливаго времени, когда кончится весь этотъ старый порядокъ дѣлъ, даже матеріально выгодный для тѣхъ только помѣщиковъ, которые опредѣляютъ барщинное тягло въ 100 руб. сер., тогда какъ общій оброкъ, самое большее,—въ 30 руб. сер.

18-го іюня.

15-го числа въ д. Поляхъ, гдѣ назначено присутствіе волостного правленія, открывалась наша волость, состоящая изъ 3-хъ приходоу: Страилоускаго, Польскаго и Воронинскаго. Приказано было собраться всѣмъ домохозяевамъ для выбора изъ ихъ среды выборныхъ и добросовѣстныхъ по одному съ каждыиъ 10 дворовъ, а также старость для деревень. Нужно было видѣть недоумѣніе крестьянъ, которые въ дѣлѣ выбора видѣли только служебный нарядъ и потому прибѣгали къ жеребьямъ, т.-е. брались руками за колья, чтобы узнать свою несчастную судьбу. Несмотря на всѣ мои объясненія и толкованіе о важномъ значеніи выборовъ для дѣла ихъ сельской администраціи, они ничего не поняли и, привыкшіе всегда видѣть приказъ, просили, чтобы я назначилъ самъ для нашихъ деревень ихъ *начальниковъ*,—такъ вообще называютъ они всѣхъ своихъ должностныхъ лицъ. Многіе не хотѣли принимать на себя обязанности и упирали на другихъ, по ихъ собственному выраженію,—словомъ оказалось, что крестьяне не имѣютъ никакого понятія о какой бы то ни было самостоятельности, что, впрочемъ, очень легко объясняется всей предыдущей ихъ исторіей. Всѣ они стояли съ повинною головою, ожидая своего приговора. Было просто смѣшно видѣть, какъ нѣкоторые изъ нихъ, отдѣлавшись отъ выборной обязанности, кланялись мировому посреднику и благодарили его за оказанную имъ милость. Послѣ нѣсколькихъ часовъ споровъ и разговоровъ, преширательствъ и уклоненій удалось, худо-ль—хорошо-ль, выбрать или, вѣрнѣе сказать, попринудить согласиться на выборъ человекъ 75, изъ которыхъ и составился *волостной сходъ*. По отпращиваніи домой остальныхъ крестьянъ, оставшемуся на лицо волостному сходу было предложено выбрать волостного старшину и судей, и тогда только нѣкоторые изъ крестьянъ, и то поумнѣе, убѣдившись наконецъ, въ чемъ дѣло, т.-е. что они могутъ дѣйствительно попасть въ руки дурныхъ начальниковъ, стали говорить мнѣ: «да какъ же это, батюшка, мы получше то народъ отпустили домой, ослобонили», на что я объяснилъ имъ, что все, что сдѣлалось здѣсь, было уже раньше объясняемо имъ, и что имъ остается теперь только пенять на самихъ себя. Мировой Посредникъ, видя оплошность крестьянъ, дозволилъ имъ назначить для баллотировки людей, не состоявшихъ здѣсь на лицо, и послѣ долгихъ преній было представлено 3 кандидата на мѣсто волостного старшины. Баллотированіе дѣлалось кусочками дерева, и нужно было долго объяснять крестьянамъ значеніе подобной баллотировки; наконецъ дѣло окончили, т.-е. выбрали въ волостныя старшины

человѣка молодого, грамотнаго и, какъ всё говорили, хорошаго, потомъ выбрали 12 судей, назначили волостному старшинѣ жалованья 100 руб. сер. въ годъ, наняли домикъ для волостнаго правленія и въ заключеніе составили мірской приговоръ обо всемъ происшедшемъ, котораго, впрочемъ, подписать не нашлось ни одного грамотнаго, — что я и сдѣлалъ за всѣхъ.

Вся почти прошлая недѣля прошла у меня въ разсужденіяхъ съ народомъ, бывшимъ у насъ на толокѣ для вывоза пазьма, объ разныхъ ихъ мірскихъ дѣлахъ, какъ-то: о хлѣбномъ магазинѣ, объ новой администраціи, о будущемъ ихъ положеніи, объ отношеніяхъ ихъ къ приходскому священнику, на котораго они жалуются и т. д., и вотъ заключеніе, которое сложилось во мнѣ объ ихъ личномъ взглядѣ на эти дѣла, о характерѣ ихъ отношеній къ намъ, т.-е. къ помѣщикамъ, объ ихъ работѣ, наконецъ объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и объ ихъ отношеніяхъ къ своимъ дѣтямъ. Не повторилъ здѣсь всего того, что было уже сказано раньше въ моихъ предъидущихъ замѣткахъ, замѣчу теперь, что привычка быть *опекаемыми* такъ сильно вкоренилась въ нашихъ крестьянахъ, что они отстраняютъ отъ себя отвѣтственность не только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они виноваты, но обвиняютъ своихъ бывшихъ опекуновъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда никто не виноватъ; такъ, напр., если у крестьянина худа лошадь, онъ винитъ своего помѣщика, если у него нѣтъ хлѣба, то помѣщикъ тоже виноватъ. Положимъ, что въ нѣкоторыхъ, и довольно частыхъ, случаяхъ обвиненіе это справедливо; но чѣмъ объяснить случай, бывший однажды со мной. Мнѣ пришли сказать, что на нашемъ озерѣ, во время толоки, тонетъ ребенокъ. Я бросился на берегъ вмѣстѣ со многими другими. Шумъ, смятеніе вокругъ. Во время нашего бѣга одна женщина, торопящаяся свади меня, съ упрекомъ выговаривала мнѣ: „да вы бы, баринъ, сѣкли бы ребятъ, а то они всё перетонуть, долго ли до грѣха“. Мнѣ было не до нея, я спѣшилъ на мѣсто. Когда я пришелъ, тонувшая дѣвочка была вытащена и была совершенно покойна и равнодушна къ своему несчастію, котораго впрочемъ и не было. Многіе изъ окружавшихъ меня людей опять-таки стали настаивать, чтобы я посѣлъ дѣтей, на что я возразилъ, что это дѣло ихъ отцовъ и матерей, а что до меня ихъ шалости не касаются. „Баринъ идетъ, баринъ идетъ“, пугаютъ у насъ плачущихъ ребятъ, „я барину скажу“, пугаютъ у насъ взрослыхъ, словомъ баринъ — это какой-то Моголь, къ которому обращаются всѣ, который отвѣчаетъ за все и за всѣхъ, который виноватъ во всѣхъ неудачахъ и который долженъ обезпечить общее счастье. Правда, что крѣпостное право, право безличности дѣлало подобное положеніе барина не-

обходимымъ и естественнымъ, и долго, долго еще крестьяне наши не будутъ надѣяться на однихъ себя, рассчитывать на однихъ себя. „Да вы прикажите“, часто говорятъ они мнѣ.—„Да какъ же я прикажу, когда это не мое дѣло“, отвѣчаю я, и дѣйствительно не мое дѣло, чтобы жена была послушна мужу, а дѣвушка вышла бы замужъ... Въ виду будущей самостоятельности крестьянъ, я стараюсь приучать ихъ къ понятію общественнаго интереса и общественнаго суда. Такъ, напр., ко мнѣ пристали, чтобы я приказалъ выдать нуждающимся крестьянамъ хлѣбъ изъ ихъ сельскаго запаснаго магазина, и мнѣ нужно было много и долго толковать съ ними, что это дѣло мірское и потому міръ долженъ рѣшить его, что я тутъ не при чемъ и т. д.; наконецъ-то они вразумились силою моихъ убѣжденій и разсужденій тѣхъ передовыхъ, умныхъ мужиковъ, которые поняли мою мысль и растолковали ее прочимъ.—О работѣ крестьянъ откровенно скажу, что вѣковая привычка барщинной работы сдѣлала изъ нихъ и то, что мнѣ пріятно имѣть съ ними всякаго рода отношенія, кромѣ отношеній по работѣ, такъ худо, медленно и особенно неспорко работаютъ они; такимъ образомъ, я полагаю, что нѣтъ никакой возможности нанимать на работы нашихъ бывшихъ барщинныхъ крестьянъ; это значитъ даромъ брошенные деньги. Крестьяне работаютъ только тогда, когда передъ ними стоишь, и рѣдкій изъ нихъ считаетъ предосудительнымъ подобнаго рода поведеніе; когда ихъ понукаешь къ работѣ, то они смотрятъ на это совершенно не обижаясь, напротивъ того, смѣются, говорятъ: „ты баринъ постои около насъ, а то мы будемъ тихо работать“.—Объ отношеніяхъ ихъ къ своимъ дѣтямъ и между собою, скажу, что изъ 160 человѣкъ, которые жили у насъ на толокѣ въ продолженіе 4 дней, я видѣлъ трехъ, четырехъ, у которыхъ отношенія эти совершенно правильны и хороши; всюду слышишь брань, грубыя шутки, грязные разказы, полное неуваженіе къ женщинамъ и т. д., но, несмотря на это и рядомъ съ этимъ, сколько прекраснаго имѣетъ нашъ народъ: радушіе, умъ, сердечность, часто слышатся на полѣ привѣтствія: бра, т.-е. братецъ, кормилецъ, дружокъ и т. д. Невѣжество или темнота, какъ говорятъ крестьяне, крѣпостное право, нужда и суевѣріе извратили крестьянъ во многомъ; сколько вредныхъ предразсудковъ, сколько дурныхъ поступковъ, и все это прористекаетъ изъ однихъ и тѣхъ же началъ, изъ которыхъ самое главное недавно пошатнулось и скоро окончательно рухнетъ.

8-го іюля.

Вчера я вернулся съ моей служебной поѣздки въ Новгородъ, гдѣ представлялся губернатору, принявшему меня необычно-

венно привѣтливо и гостепріимно. Два вечера, проведенные мною въ Новгородѣ, были посвящены исключительно на засѣданія въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, въ которомъ, какъ я могъ замѣтить, господствуетъ духъ неторопливости и служебнаго равнодушія къ дѣламъ. Я сознаюсь, что исключая Жегѣнова, человѣка вполне либеральнаго, скромнаго, но, вѣроятно, съ характеромъ, чтобы провести свои убѣжденія, и Каандера, человѣка трудящагося и умнаго, мнѣ никто не пришелся особенно по душѣ. Позень и Толбухинъ, члены отъ дворянства, только и говорятъ о томъ, что они должны оправдать довѣренность дворянъ, т.-е. дѣлать все въ пользу крѣпостнаго права. Прокуроръ равнодушенъ къ крестьянскому вопросу, какъ будто дѣло идетъ о Китаѣ; въ два дня онъ ни разу не сказалъ ни одного слова. Васильчикова не было въ городѣ, и потому я не знаю образъ его мыслей. Вообще я полагаю, что духъ очень большой умѣренности господствуетъ въ нашемъ губернскомъ присутствіи; но, несмотря на это, помѣщики наши видятъ въ этомъ скромномъ собраніи очень скромныхъ людей чуть не конвентъ или засѣданіе террористовъ,—такъ страшна и ужасна кажется для нихъ смѣлость принимаемыхъ ими рѣшеній. Такъ, напр., Присутствіе положило, что дворовыя дѣвушки, выходя замужъ, не могутъ сдѣлать этого безъ согласія своего помѣщика, иначе какъ внеся предварительно оброкъ за все срочно-обязанное время. Необыкновенно смѣлое рѣшеніе, нарушающее спокойствіе духа нашихъ рабовладѣльцевъ, хватающихся теперь за соломинку; но все кончено, соломинка уже не спасетъ ихъ отъ гибели: при мнѣ былъ полученъ циркуляръ министра, отмѣняющій вышеприведенное постановленіе губернскаго присутствія, т.-е. даровавшій безвозмездное право выходить замужъ и безъ согласія помѣщиковъ; воображаю себѣ ужасъ послѣднихъ! Я пока ни съ кѣмъ не говорилъ изъ нихъ и съ удовольствіемъ буду наблюдать ихъ бесплодную злость на правительство. Я думаю, въ какое еще большее негодованіе приведетъ ихъ другой циркуляръ министра, предлагающій рѣшать недоразумѣнія крестьянъ съ ихъ помѣщиками наивозможно скорымъ составленіемъ уставныхъ грамотъ, въ случаяхъ же излишнихъ притязаній со стороны владѣльцевъ, особенно по вопросу смѣшанной повинности (которая и была, по преимуществу, причиной безчисленныхъ столкновеній и неприємностей обѣихъ сторонъ), брать подобныхъ, слишкомъ притязательныхъ защитниковъ крѣпостнаго права подъ опеку. Медленность работъ нашего губернскаго присутствія поразительна: у насъ едва составили урочное положеніе; вообще все дѣлается гораздо позже другихъ, смежныхъ съ нами губерній, и все сдѣланное имѣетъ харак-

теръ служебной необходимости, т.-е. такъ мало разработано и обдумано, такъ кратко редактированы всѣ постановленія, и такъ вообще мало видно душевнаго, искренняго участія во всемъ сдѣланномъ. что дѣлается грустно за все дѣло. Все состоитъ больше въ отпискѣ по разнымъ вопросамъ, предлагаемымъ изъ уѣздовъ; вообще въ мелкихъ текущихъ дѣлахъ; впрочемъ я много отношу на счетъ лѣта: многіе члены присутствія часто уѣзжаютъ по своимъ деревнямъ и заняты своими личными дѣлами. О мировыхъ сѣздахъ скажу, что новгородскій уѣздный предводитель дворянства Адеркасъ, нѣмецкій человѣкъ, съ баронскимъ взглядомъ на вещи, прямо сказалъ, что онъ не видитъ теперь никакой надобности въ мировыхъ сѣздахъ и полагаетъ, на будущее время, имѣть ихъ не чаще, какъ чрезъ два мѣсяца. Въ Старой Руссѣ уѣздный предводитель Нарманскій, тихій и скромный человѣкъ, высказался обратнымъ образомъ: онъ желалъ имѣть мировой сѣздъ, и я былъ на первомъ, гдѣ и познакомился съ мировымъ посредникомъ старорусскаго уѣзда. Одинъ изъ нихъ, г-нъ Поморцевъ, бывший частный приставъ, другой отставной маіоръ Вейсъ, нѣмецкій человѣкъ и старый военный служака; вообще оба немолодые люди, но первый изъ нихъ съ сомнительной репутаціей и поэтому очень низкопоклоненъ; второй же, вѣроятно, честный, но довольно ограниченный человѣкъ. Словомъ, старорусскій уѣздъ имѣетъ пристрастныхъ, для настоящаго времени, мировыхъ посредниковъ; подобный выборъ ихъ необыкновеннымъ образомъ рекомендуетъ пассивность дворянства, духъ партій и нелѣпый взглядъ на призваніе посредника, который, кажется, дѣлается въ Старой Руссѣ становымъ приставомъ. Засѣданіе старорусскаго мирового сѣзда не имѣло никакого интереса; больше переливали изъ пустого въ порожнее, исполнили нѣсколько бумажныхъ формальностей, главное же ознакомились другъ съ другомъ. Предводитель заявилъ мнѣ желаніе уѣздныхъ дворянъ быть въ слѣдующій разъ на сѣздѣ—для уясненія себѣ многихъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу. Я заявилъ Нарманскому, что теоретическое рѣшеніе разныхъ вопросовъ не подлежитъ вѣдѣнію сѣзда, который долженъ только рѣшать спорныя дѣла, но что я очень сочувствую желанію дворянъ публично обсудить эти нѣкоторые вопросы, которые будутъ предложены ими во второмъ нашемъ засѣданіи, назначенномъ 16-го іюля, но что засѣданіе наше не можетъ быть мировымъ сѣздомъ, а будетъ только частнымъ дѣломъ людей, связанныхъ между собою общимъ интересомъ и однимъ желаніемъ. Посмотрю, что выйдетъ изъ всего этого; но я не рассчитываю на большое значеніе и на большой результатъ; вѣроятно, покричатъ, пошумятъ и развѣдутся, вслѣдствіе чего я и ду-

маю предложить нашему собранію установить нѣкоторый порядокъ, необходимый для нашихъ преній, иначе мы не придемъ ни къ какому практическому результату.

5-го іюля.

Вчера, въ первый разъ мнѣ пришлось быть въ нашемъ волостномъ правленіи, въ помѣщеніи котораго мировой посредникъ нашъ разбираетъ, по вторникамъ, всѣ жалобы и недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами. Нѣтъ еще трехъ недѣль, какъ у насъ открыты волости и выбраны старшины, а полезный результатъ этого административнаго нововведенія уже сдѣлался для всѣхъ неоспоримымъ и очевиднымъ,—такимъ образомъ, что теперь ясно сознается ошибка правительства, объявившаго освобожденіе крестьянъ раньше устройства новой мѣстной администраціи, чрезъ которую Россія избѣгла бы множества бывшихъ до сихъ поръ недоразумѣній, споровъ, столкновеній и даже серьезныхъ дѣлъ. Съ устройствомъ волостей, т.-е. съ окончаніемъ того ненормальнаго періода междуцарствія (во время котораго пресняя, обязательная вотчинная власть помѣщика пошатнулась, а самоуправленіе народа, чрезъ своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, еще не ввелось), крестьяне какъ-то осылись, успокоились и образумились; они стали понимать, что безначалія быть не можетъ, что такъ или иначе порядокъ долженъ быть водворенъ, что законныя повинности, требующіяся съ нихъ помѣщикомъ за поземельное ихъ пользованіе, должны быть отбываемы, что незаконныя требованія и притязанія послѣднихъ должны кончиться что наконецъ всѣ распоряженія дѣлаются нынѣ одинаковымъ образомъ для всѣхъ, на основаніи Крестьянскаго Положенія, а не на основаніи личнаго произвола; все это вразумило, наконецъ, крестьянъ, которые увидели также, что за строптивость и за неповиновеніе закону слѣдуетъ взысканіе, примѣненіе котораго случилось, однако, у насъ не болѣе двухъ разъ. Словомъ, теперь порядокъ установился повсемѣстно, крестьяне свыкаются съ законностью, отвыкаютъ понемногу отъ бывшей надъ ними опеки, видятъ, что они предоставлены своимъ личнымъ силамъ и сами должны завѣдывать своими дѣлами; словомъ, трудное для обѣихъ сторонъ переходное время кончилось, и ходъ дѣлъ становится, поменьку, болѣе правильнымъ и болѣе спокойнымъ. Я присутствовалъ вчера при разборѣ крестьянъ по жалобѣ на нихъ со стороны помѣщицы Спициной и положительно убѣдился, что спокойный и разсудительный образъ дѣйствій со стороны всякой власти гораздо болѣе вразумителенъ, чѣмъ самопроизволь и самоуправство. Нашъ мировой посредникъ

оказался, въ этомъ отношеніи, вопреки моихъ прежнихъ наблюденій надъ нимъ, совершенно современнымъ человѣкомъ, т.-е., не горячася, разбираетъ онъ споры и недоразумѣнія обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ и хотя не имѣетъ никакой личной инициативы, но дѣйствуетъ правильно; такъ, напр., лично всегда признавая незаконность требованія караула или барщины съ нетяговыхъ женщинъ, онъ не смѣлъ отмѣнить этихъ повинностей до тѣхъ поръ, пока губернское присутствіе прямо и категорически не указало ему на это (что довольно предосудительно), хотя само Крестьянское Положеніе, по смыслу своему, уничтожаетъ само по себѣ эти повинности, не говоря о нихъ буквально, а помѣщики наши разными этимологическими тонкостями и сопоставленіями одной статьи съ другою ложно, бессмысленно утверждали, что правительство не имѣло въ виду уничтоженія этихъ неправильно требовавшихся повинностей. И такъ, нашъ мировой посредникъ рѣшаетъ всѣ спорныя дѣла примиреніемъ; впрочемъ, всѣ дѣла наши были до сихъ поръ болѣе недоразумѣнія или нехотѣніе со стороны барщинниковъ правильнаго, т.-е. законнаго отбыванія издѣльной повинности; словомъ, такого рода дѣла, которыя при благоразуміи крестьянъ должны тотчасъ же кончатся, потому что только самыя строптивыя и буйныя натуры могутъ спорить противъ очевидности, напр., говорить, что я не долженъ ходить на барщину, когда имѣю полный надѣлъ земли и т. д.

Прислушиваясь къ толкамъ крестьянъ, я начинаю догадываться, что въ средѣ ихъ происходила та же самая борьба молодого поколѣнія со старымъ, какъ и въ нашемъ образованномъ обществѣ, и у нихъ точно такъ же, какъ и у насъ, старики жалуются на молодежь, что она изъ рукъ выбилась; молодое же поколѣніе довольно самопроизволомъ, хочетъ большей законности и борется противъ началъ покровительства сильныхъ міра сего; другими словами, новый духъ соціальныхъ началъ, разумѣется, совершенно еще не признанный нашимъ народомъ, тѣмъ не менѣе присущъ ему; я недавно имѣлъ въ этомъ родѣ объясненіе съ однимъ молодымъ крестьяниномъ, которому выговаривалъ за ихъ неповиновеніе и неуваженіе къ старшимъ въ деревнѣ и тому подобное.

У насъ страшные жары, что хорошо для сѣнокоса.

8-го іюля.

Сегодня, на сѣнокосѣ, по поводу дурного луга, я разговорился съ крестьянами о нашемъ неправильномъ и неприбыльномъ хозяйствѣ и о томъ, что въ скоромъ будущемъ оно должно измѣ-

ниться къ лучшему, т.-е. мы будемъ сѣять мало, но хорошо удобрять поля, косить то же немного, но хорошіе луга. Крестьяне положительно не вѣрятъ въ возможность бросить ихъ рутинное лядинное хозяйство; однако многіе изъ болѣе умныхъ изъ нихъ начинаютъ недоумѣвать, какъ это будетъ съ ними впередъ, когда количество земли ихъ уменьшится и когда чрезъ два года, самое большое, они вовсе не будутъ имѣть новыхъ мѣстъ для сухой пашни. Я старался доказать крестьянамъ невѣрность какъ нашего, такъ и ихъ расчета въ дѣлѣ сельскаго хозяйства; первое время, т.-е. когда они узнали, что мы теряемъ даровой, рабочей ихъ трудъ, они считали насъ положительно разоренными, многіе даже сожалѣли о насъ; теперь же сдѣлалось нѣсколько иначе, т.-е. они болѣе боятся за себя, и видя, напр., что я не только не печалюсь отъ того, что лишаюсь ихъ работы, напротивъ того, радуюсь, потому что полагаю, что буду имѣть болышій доходъ при болѣе правильномъ и вѣрномъ расчетѣ, начинаютъ вѣрить мнѣ, что я правъ. Присутствуя ежедневно и цѣлодневно на сѣнокосѣ, я окончательно убѣдился, что самая наибольшая опытность сельскаго хозяина, при крѣпостной работѣ, непременно должна была рушиться, потому что рѣшительно нельзя разсчитать, что сдѣлаютъ въ день работники; я исключая предположеніе, что рабочіе руководятся палкою, единственнымъ аргументомъ противъ барщинной, и очень понятной, неповоротливости и недоброй воли. Сегодня за нѣсколько шаговъ отъ насъ убрали, напр., свое сѣно наши же крестьянки; я подошелъ къ нимъ и разговаривался; оказывается, напр., что у насъ жалуются, что нѣтъ возможности работать отъ жары и отъ трудности, а у нихъ работа идетъ весело и бойко, потому что она своя и въ ней свой личный интересъ. Я вполне согласенъ съ тѣмъ взглядомъ экономистовъ, что рабочей долженъ быть непременно заинтересованъ въ выгодахъ своего хозяина, иначе онъ будетъ машиной, мало выгодной какъ для себя, такъ и для своего хозяина.

14-го іюля.

Дня два тому назадъ ко мнѣ прѣзжалъ нѣкто 1-нъ Барсовъ, будущій секретарь статистическаго отдѣленія, вновь образующагося въ Новгородѣ, такъ же какъ и во всѣхъ губернскихъ городахъ Россіи, съ цѣлью собранія и обнародованія разныхъ статистическихъ данныхъ, въ которыхъ у насъ такой большой недостатокъ. Отъ имени губернатора Барсовъ предложилъ мнѣ, такъ же какъ и нѣкоторымъ другимъ помѣщикамъ нашего уѣзда, взять на себя личное содѣйствіе въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ, т.-е. сдѣлаться дѣйствительнымъ членомъ статистическаго отдѣленія, на что я со-

гласился съ удовольствіемъ и съ полною готовностію служить по мѣрѣ моихъ силъ и познаній. Наконецъ-то правительство наше увидѣло, что, дѣйствуя путемъ исключительно официальнымъ, оно не можетъ ничего сдѣлать полезнаго для статистики Россіи. Всѣ свѣдѣнія, получаемыя чрезъ посредство исправниковъ и станovýchъ, чистая нелѣпость; понятно, что господа эти смотрѣли на это дѣло, какъ на формальность и канцелярскую отписку и очищеніе бумагъ; словомъ, это была пародія на статистическія свѣдѣнія. Правительство приняло теперь другой, и болѣе естественный путь, оно обратилось къ частной дѣятельности, т.-е. къ живымъ силамъ нашего общества, и нѣтъ сомнѣнія, что найдутся люди, которые поймутъ важность дѣла и будутъ содѣйствовать его осуществленію. Я съ радостію увидѣлъ, что новыя жизненныя начала стали проникать и во внутрь Россіи, т.-е. въ провинцію, гдѣ до сихъ еще поръ смѣются надъ всѣмъ новымъ, а также не признаютъ въ нашемъ обществѣ никакой самодѣятельности, ожидая себѣ всѣхъ благъ отъ опеки правительства. Не знаю, много ли найдется въ нашемъ уѣздѣ людей, которые захотятъ дѣйствовать въ новомъ направленіи, т.-е. такихъ, которые пойдутъ противъ общественнаго предрасудка, запрещающаго всякому заниматься чѣмъ либо другимъ, прямо не касающимся личнаго интереса; г-нъ Барсовъ полагаетъ, что чело-вѣкъ съ 10 наберется; старорусскій же уѣздъ совершенно безнадеженъ. Программа статистическихъ занятій еще окончательно не составлена; на дняхъ я ѣду въ Руссу, гдѣ переговорю объ этомъ дѣлѣ съ Барсовымъ. Я предполагаю заняться отдѣломъ по движенію народонаселенія, для чего имѣю официальную рекомендацію, по которой войду въ сношеніе со всѣми приходскими священниками; впрочемъ впередъ ничего сказать нельзя, не издавши программы и не обсудивши образъ дѣйствій.

Относительно крестьянскаго вопроса скажу, что общее положеніе дѣлъ значительно улучшилось; крестьяне наши сдѣлались исполнительнѣе въ своихъ повинностяхъ предъ помѣщиками, они поняли необходимость обоюдной законности, даже стали лучше работать на барщинѣ; по крайней мѣрѣ у насъ это такъ. Первое время я былъ недоволенъ работниками въ этомъ отношеніи, теперь же, помощью разныхъ доводовъ и обсужденій съ ними разныхъ вопросовъ жизни, я довелъ ихъ до сознанья, что нужно быть исполнительными въ своихъ обязательствахъ. Я принялъ съ крестьянами слѣдующую методу, которая не разъ удавалась мнѣ въ обхожденіи съ людьми; сначала я предоставилъ имъ дѣлать все, что они хотятъ, причемъ наблюдалъ только характеры и складъ умовъ разныхъ личностей; вообще я изучалъ ихъ; потомъ, познакомившись

съ людьми вѣзбалмошными, слѣдующими исключительно влеченію своихъ страстей, а не разсудка, а также съ людьми дурныхъ свойствъ, я началъ дѣйствовать на нихъ частью убѣжденіями, частью выговорами, взысканій никогда не употреблялъ; овладѣвъ этими людьми, сбивающими съ толку всѣхъ остальныхъ, je suis devenu maitre de la position и совершенно покоенъ теперь. Барщинная работа идетъ у насъ не хуже, чѣмъ въ прошлые годы; правда, что я лично наблюдалъ ее, т.-е. по цѣлымъ днямъ былъ въ полѣ; словомъ, при меньшемъ числѣ работниковъ, чѣмъ въ прошлый годъ, въ то время, какъ у большей части помѣщиковъ работы значительно отстали, я убралъ сѣна немного менѣе прошлогодняго; главное же, я успѣлъ водворить порядокъ въ отбываніи рабочихъ дней, прогуловъ почти нѣтъ, но при всемъ этомъ я нахожусь въ отличныхъ отношеніяхъ съ крестьянами, которые поняли необходимость взаимной законности.

28-го іюля.

Нѣсколько дней тому назадъ, т.-е. 23 числа, я вернулся изъ Руссы, а третьяго, т.-е. 26-го дня, я былъ въ Демянскѣ; какъ тамъ, такъ и здѣсь были мировые сѣзды, о которыхъ я и выскажу теперь мое мнѣніе, нѣсколько сблизивъ между собой различные характеры личностей, составляющихъ собой членовъ этихъ сѣздовъ. Старорусскій сѣздъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ уѣднаго предводителя Нарманскаго, человѣка крайне добраго, но слабого; я не хочу быть жестокимъ по отношенію этого человѣка, доброта котораго доходить до отрицательныхъ достоинствъ, и потому воздержусь отъ прямой квалификаціи отрицательнаго значенія этой личности въ дѣлѣ, требующемъ не только одной доброты, но и ума, характера же по преимуществу; безъ послѣдняго условія нѣтъ никакой опредѣлительности въ пути слѣдованія. Постоянное колебаніе, постоянное уклоненіе отъ одной стороны въ другую такъ же почти вредны, какъ и преднамѣренное слѣдованіе началамъ недобросовѣстности и ала. Мировые посредники Поморцевъ и Вейсъ люди тоже мало самостоятельные, хотя и взаимно рааличествующіе въ другихъ своихъ свойствахъ,—я говорилъ впрочемъ о нихъ раньше. Вслѣдствіе подобнаго состава сѣзда положеніе мое въ немъ до того независимо и самостоятельно, что мнѣ просто страшна моя отвѣтственность предъ самимъ собою въ томъ вліяніи, которое я имѣю на всѣ дѣла; члены сѣзда прямо обращаются за моимъ мнѣніемъ и совѣтомъ, мало оспариваютъ свои личные взгляды; вообще ждутъ моей инициативы, что совершенно не льститъ моему самолюбію, напротивъ того, пугаетъ меня въ моей отвѣтственности предъ обще-

ствомъ. Дѣла, поступившія на разсмотрѣніе старорусскаго съѣзда, имѣли односторонній характеръ; это были письменныя и словесныя жалобы помѣщиковъ одного околотка на дѣйствія своего мирового посредника Поморцева, котораго обвиняли въ пристрастіи къ крестьянамъ, дѣлаломъ во вредъ дворянамъ; были даже предъявлены нѣкоторыя намеки на недобросовѣстность и частью даже на нечестность Поморцева. Не зная лично Поморцева, я былъ поставленъ въ очень затруднительное положеніе; въ частныхъ разговорахъ со мной меня постоянно настраивали противъ него, особенно тѣмъ доводомъ, что онъ занималъ мѣсто мѣстнаго пристава въ Пестербургѣ; но я всегда былъ все таки останавливаемъ въ моемъ приговорѣ тѣмъ соображеніемъ, что онъ былъ призванъ на мѣсто мирового посредника по свободному выбору дворянъ, которые вѣроятно знали же, кого они выбираютъ, а если и не знали, то тѣмъ хуже для нихъ; два же мѣсяца спустя послѣ выборовъ напасть на человѣка, какъ на завѣдомаго мошенника, казалось для меня дѣломъ страннымъ и неестественнымъ. На съѣздъ собралось много дворянъ, которые хотѣли личнымъ присутствіемъ своимъ окончательно утопить Поморцева. Прибывъ на съѣздъ, я не имѣлъ никакого преднамѣреннаго взгляда на Поморцева, хотя былъ нерасположенъ въ его пользу, и потому я ожидалъ ближайшаго разсмотрѣнія жалобъ и дѣлъ, чтобы окончательно судить о немъ; я очень радъ, что поступилъ такъ, потому что вѣроятно ошибся бы. Письменныя и словесныя жалобы, поступившія на Поморцева, были полны самыхъ страстныхъ выраженій раздраженія и неудовольствія, помѣщики жаловались на крестьянъ самымъ желчнымъ образомъ, называя ихъ „бунтовщиками, клеветниками, лжецами“ и другими словами, взятыми изъ лексикона ругательства, нѣсколько только доступныхъ въ письмѣ. Всѣ жалобы были неосновательны, т.-е. Поморцевъ явился на мой взглядъ защитникомъ слабой стороны противъ произвола и насилія, и потому во мнѣ тотчасъ же разсѣялось всякое сомнѣніе въ его недобросовѣстную пристрастность къ крестьянамъ; всѣ жалобы были направлены противъ послабленія его людямъ бѣднымъ: бобылкамъ, дворовымъ дѣвушкамъ и т. п., значить тутъ не могло быть подкупности; напротивъ того, была смѣлость его идти противъ обыкновеннаго мнѣнія дворянъ. Я съ удовольствіемъ и съ быстротою перемѣнилъ мой взглядъ на Поморцева; хотя и до сихъ поръ не могу простить ему его излишнюю услужливость и предупредительность по отношенію меня, что не можетъ окончательно освободить меня отъ внутренняго нерасположенія моего къ его малой самостоятельности, можетъ быть, однако потерянной среди условій прежней его жизни и службы. Разсмотрѣвъ внимательно

дѣла и выслушавъ устныхъ и ѣдкія жалобы помѣщиковъ, я рѣшительно принялъ сторону Поморцева, что высказалъ вслухъ, совершенно прямо и откровенно. Тогда дворяне просили меня съѣздить въ ихъ околотокъ и удостовѣриться лично на мѣстѣ въ справедливости ихъ показаній, что я отклонилъ отъ себя на томъ основаніи, что личное недовѣріе дворянъ къ своему же дворянину, мировому посреднику, ими же самими выбранному, есть дѣло необыкновенно щекотливое и не входящее въ прямой кругъ моихъ служебныхъ обязанностей; но что если помѣщики непремѣнно желаютъ дознанія на мѣстѣ, то лучше и сообразнѣе всего ѣхать къ нимъ уѣздному предводителю, который долженъ былъ на это согласиться. Черезъ недѣлю послѣ съѣзда я видѣлся съ Нарманскимъ и съ исправникомъ, вернувшимся со своей поѣздки изъ этой мѣстности; они совершенно оправдываютъ Поморцева, чему я очень радъ, хотя они и говорятъ, что онъ нѣсколько не бережетъ самолюбіе дворянъ, т.-е. очень рѣзокъ въ своихъ дѣйствіяхъ и сужденіяхъ, въ чемъ впрочемъ я совѣтовалъ ему измѣниться въ частномъ разговорѣ моемъ съ нимъ послѣ съѣзда. Я убѣдился на старорусскомъ съѣздѣ какъ еще мало самостоятельны наши дворяне, много хорохорятся, но тотчасъ же сдаютъ и смиряются. Они остались однако недовольны мною, что высказывали въ своихъ бесѣдахъ въ трактирахъ; но я посовѣтовалъ бы имъ въ настоящее время заниматься побольше своими дѣлами въ деревнѣ, а не жаловаться, что правительство ихъ разорило, тогда какъ они сами разоряютъ себя своимъ кутежемъ, пьянствомъ и игрой. Мнѣ было грустно видѣть въ Руссѣ, какъ богатѣютъ погреба и отели на счетъ дарового труда нашихъ крестьянъ.

Демянскій мировой съѣздъ имѣлъ совершенно другой характеръ, какъ въ отношеніи членовъ своихъ, такъ и въ отношеніи дѣлъ, предложенныхъ на его разрѣшеніе. Я дѣлалъ уже характеристику нашихъ мировыхъ посредниковъ, и мнѣ остается прибавить здѣсь, что всѣ они не выказываютъ должной стойкости и прочности въ своихъ убѣжденіяхъ; такимъ образомъ, напр., что на утреннемъ засѣданіи они высказываются довольно либерально, а на вечернемъ довольно ретроградно; но меня болѣе всего удивило ихъ молчаніе передъ Обрѣзковымъ, но едва только я заговорилъ противъ него, какъ всѣ они въ одинъ голосъ напали на предводителя и окончательно уничтожили его по дѣлу одного г-на Кирилова, довѣреннаго, управляющаго въ имѣніи Аничкова. Дѣло это состояло въ голословной жалобѣ всѣхъ крестьянъ имѣнія безъ исключенія въ ихъ лѣнности, грубости, даже дерзости; значить по своему содержанію дѣло это не подлежало рассмотрѣнію мирового съѣзда. Обрѣзковъ

видимо поддерживалъ Кирилова и думалъ, что мировой съѣздъ, вслѣдствіе его личнаго вліянія и авторитета, разразится громомъ и молніею противъ крестьянъ, по всей вѣроятности дурно управляемыхъ и доведенныхъ до грубости и дерзости неумѣніемъ обращаться съ ними, сообразно съ духомъ нынѣшняго времени. По прочтеніи просьбы Кирилова одинъ мировой посредникъ сталъ уже входить въ подробное разбирательство ея, не имѣя впрочемъ нужныхъ для этого данныхъ; но тогда я поставилъ весь этотъ вопросъ совершенно иначе, сказавъ, что жалоба должна быть принесена или на сельскихъ старостъ, или на мирового посредника этого участка, но что голословное обвиненіе въ бунтѣ всей вотчины (состоящей изъ 800 душъ) не подлежитъ разсмотрѣнію съѣзда, хотя предводитель дворянства и можетъ отъ себя лично войти съ представленіемъ къ высшему правительству о необходимости принятія экстренныхъ мѣръ: военной экзекуціи и тому подобное; съѣздъ же долженъ разбирать споры и недоразумѣнія двухъ сторонъ послѣ того уже, какъ по дѣламъ ихъ сдѣлано первоначальное заключеніе мирового посредника, чего нѣтъ въ настоящемъ случаѣ и чего впрочемъ и быть не можетъ. Обрѣзковъ очень удивился, что онъ ничего особеннаго не значить на съѣздѣ и что голосъ его равенъ голосу остальныхъ членовъ; ему не позволили даже представить своего отдѣльнаго мнѣнія, какъ предсѣдателя съѣзда, и онъ долженъ былъ отступить съ чувствомъ досады, что вліяніе его уничтожается. Нужно замѣтить, что вообще дворяне наши странный народъ въ подобнаго рода отношеніяхъ: за глаза всѣ они бранятъ Обрѣзкова, недовольны имъ, въ глаза же молчатъ, соглашаются и даже льстятъ. Нынче былъ первый опытъ, который вѣроятно удивилъ обѣ стороны, по крайней мѣрѣ Обрѣзковъ очень присмирѣлъ, сдѣлался со мною необыкновенно мягокъ и любезенъ и бросилъ свой тонъ высокоумія. По всѣмъ другимъ дѣламъ Обрѣзковъ считалъ своею святою обязанностью всегда и во всемъ брать сторону дворянъ, но ему этого не удалось въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ этого не должно было быть. Я разъ остановилъ его въ его рѣзкихъ выраженіяхъ относительно того, что дворяне ограблены и тому подобное, причемъ замѣтилъ, что подобное соболѣзнованіе о дворянахъ неумѣстно въ нашемъ засѣданіи, и что мы собраны сюда для рѣшенія дѣлъ на основаніи Положенія, которое мы должны принять безусловно, не имѣя права разсуждать, что въ немъ дурно и что хорошо; но что если когда-нибудь мы составимъ изъ себя законодательное собраніе, тогда я первый буду разсуждать о дѣлахъ въ этомъ смыслѣ, въ настоящемъ же случаѣ мы ни болѣе, ни менѣе какъ простые исполнители. Вообще характеръ демьянскаго съѣзда значительно лучшій отно-

сительно старорусскаго: въ первомъ всѣ мировые посредники люди болѣе или менѣе самостоятельные, разсуждающіе и изучившіе Положеніе въ подробности, во второмъ совершенно обратно; вслѣдствіе этой причины, мнѣ гораздо пріятнѣе быть на съѣздѣ въ Демянскѣ, чѣмъ въ Руссѣ. Мы, кажется, окончательно назначили теперь сроки для нашихъ съѣздовъ, т.-е. чрезъ мѣсяць, по 10 дней въ каждомъ изъ 3-хъ городовъ; 10-го августа я долженъ быть снова въ Руссѣ, а 20-го въ Новгородѣ. Увижу, каковы тамошніе посредники.

2-го августа.

Самый животрепещущій вопросъ послѣдняго времени, наполняющій собой всѣ разговоры помѣщиковъ и исполняющій ихъ чувствомъ страха и неудовольствія, — это циркуляръ министра о крестьянахъ, приписанныхъ во дворѣ, т.-е. живущихъ при помѣстьяхъ на дворовомъ положеніи. Я читалъ въ газетахъ вскользь и не вдумался въ этотъ циркуляръ; по нашей губерніи онъ еще не объявленъ подлежащимъ мѣстамъ, но все-таки я полагаю, что правительство не имѣетъ своею цѣлью уволить всѣхъ такихъ крестьянъ безъ земли, т.-е. оно позволяетъ тѣмъ изъ нихъ немедленно вернуться въ сельское общество и тануть наравнѣ съ прочими, кто, состоя въ личной услугѣ, имѣетъ въ деревнѣ семью, значить имѣетъ и землю. Для неимѣющихъ же земли всего лучше, въ видахъ общественнаго блага, или надѣлать ихъ землею, или уравнять ихъ въ правахъ съ дворовыми людьми, за что и оставить ихъ на два года въ обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщику. Помѣщики наши особенно страшатся этого циркуляра, потому что по большей части случаевъ всѣ люди ихъ, живущіе на дворовомъ положеніи, числятся по ревизіи въ крестьянахъ, что сдѣлано было ими при послѣдней ревизіи, бывшей 57 года, когда уже стали поговаривать объ освобожденіи крестьянъ и когда эти помѣщики задумали, что правительство будетъ выкупать ревизскія души, для увеличенія числа которыхъ они и переписали всѣхъ своихъ дворовыхъ въ крестьяне. Въ тверской губерніи циркуляръ этотъ приводится уже въ исполненіе, многіе изъ людей покидаютъ своихъ господъ, что заставило послѣднихъ удержать у себя этихъ людей наймомъ; у насъ въ губерніи нѣтъ еще никакого распоряженія; навѣрно оно скоро послѣдуетъ, и тогда только можно будетъ судить о его послѣдствіяхъ; я говорю тогда только, потому что нѣтъ ничего невѣроятнаго, что нашъ губернскій комитетъ объяснитъ этотъ циркуляръ нѣсколько иначе, чѣмъ въ тверской губерніи, — по крайней

мѣрѣ тамъ, какъ слышно, увольняютъ всѣхъ безъ исключенія крестьянъ состоящихъ во дворѣ.

Ко мнѣ сегодня явилась женщина, и довольно издалека, съ просьбою, полагая, что я могу переимѣнить распоряженіе мирового посредника; вообще ко мнѣ стали приходять съ подобнаго рода просьбами изъ всѣхъ концовъ уѣзда, и я рѣшительно не могу разувѣрить ихъ въ томъ, что это не въ моей власти. Крестьяне говорятъ, что я начальникъ надъ начальниками и поставленъ царемъ. Понятно, откуда происходитъ подобный нелѣпый взглядъ ихъ на дѣло; правосудіе считаютъ они дѣломъ или счастливаго случая, или подкупа, и потому никакъ не могутъ понять страшный и вредный произволъ въ томъ случаѣ, если бы я могъ въ дѣйствительности рѣшать и вершить дѣла по личному моему расположенію, выслушавъ просьбу, подобно Гарунъ-аль-Рашиду, сидя на бревнѣ въ полѣ или на крыльцѣ въ саду. Я долго бился сегодня съ этой женщиной, у которой дочь посажена въ волостную тюрьму за непослушаніе къ распоряженіямъ мирового посредника, но я не могъ убѣдить ее, что я ничего не могу для нея сдѣлать; она все-таки настаивала на одномъ и томъ, чтобы я далъ ей писюлечку, которая подѣйствовала бы на рѣшеніе мирового посредника и освободила бы ее дочь. Я замѣтилъ однако, что женщина эта по упрямому своему характеру вывела непременно посредника изъ терпѣнія, потому что тотъ тоже обвинялъ ее въ грубости, по ее личному сознанию мнѣ.

4-го августа.

Сегодняшній день, кажется, погода переимѣнилась на лучшее, т.-е. дождь пересталъ лить и мѣшать уборкѣ ржи, которая, стоя въ бабкахъ, начала проростать, т.-е. дѣлаться никуда негодною. Но я занову сюда извѣстіе о погодѣ не для того, чтобы указать на тотъ вредъ, который она сдѣлала сельскому хозяйству и хозяйствамъ, но чтобы отмѣтить другое, не менѣе грустное, явленіе, связанное съ дурною погодою: именно дурное расположеніе духа помѣщиковъ, породившее множество неприяностей и исторій съ крестьянами, которые косвенно какъ будто сдѣлались виноватыми въ неудачахъ по хозяйству, къ которымъ стали болѣе придирааться и которые съ своей стороны платили тѣмъ же самымъ, т.-е. дѣлали продѣлки съ помѣщиками, приводя сихъ послѣднихъ въ такого рода отчаяніе, что нѣкоторые изъ нихъ дали себѣ слово на будущій годъ совершенно отказать отъ барщины и даже вообще отъ хозяйства. На дняхъ приходили ко мнѣ дворовые люди Казина, прося моего совѣта въ ихъ дѣлѣ; дѣло же ихъ состояло въ томъ, что становой приставъ, наканунѣ этого дня, высѣкъ ихъ, по запискѣ Казина,

за то, будто бы, что онъ заставлялъ ихъ работать въ воскресенье, въ чемъ они и отказали ему. Если исторія эта справедлива, то подобное требованіе со стороны Казина я отношу частью къ дѣйствию дурной погоды, долго мѣшавшей ему убирать розь, что онъ и вздумалъ сдѣлать, воспользовавшись хорошею погодою, въ воскресенье, но на что онъ, разумѣется, не имѣлъ никакого права, какъ юридическаго, такъ и нравственнаго. Вообще большая часть нашихъ помѣщиковъ живетъ *мамономъ*, во имя котораго они забываютъ всѣ нравственныя и человѣческія начала справедливости, добра и правды, и я произвожу, главнымъ образомъ, отъ этого гнуснаго недостатка все то упорное сопротивленіе, которое они оказываютъ дѣлу освобожденія крестьянъ. Правда, нельзя отрицать присутствія и другой причины въ этомъ сопротивленіи помѣщиковъ, а именно, что они лишились своей деспотической независимости, т.-е. что теперь они не могутъ произвольно распоряжаться своими крестьянами, что послѣдніе имѣютъ право жаловаться на первыхъ и что, наконецъ, жалобы эти, будучи часто справедливыми, помѣщики признаются виновными (*sic*). Послѣднее обстоятельство много оскорбляетъ самолюбіе ихъ, и они никакъ не могутъ равнодушно перенести своей участи. Я приведу въ примѣръ Казина, который въ продолженіе 30—40 лѣтъ своего пребыванія въ имѣніи никогда не слышалъ ни одного звука контроля надъ собою, а не только что встрѣчалъ какого бы ни было рода сопротивленіе; все преклонялось предъ его произволомъ, даже въ средѣ сосѣдей голосъ его безспорно рѣшалъ дѣла, и сужденія его безпрекословно принимались. Теперь же, и въ какой-нибудь годъ времени, какой ужасный нравственный переворотъ для него: произволъ его тѣсно ограниченъ закономъ, на него крестьяне ходятъ жаловаться и онъ долженъ давать объясненіе въ своихъ поступкахъ; наконецъ многія убѣжденія его, считавшіяся въ старину непреложными въ цѣломъ уѣздѣ, не только что громко и смѣло оспариваются, но и опровергаются. Это должно быть нравственною смертью для такого самолюбиваго и характернаго человѣка, каковъ Казинъ, и дѣйствительно это на него дѣйствуетъ, онъ упадаетъ духомъ и тѣломъ и я не предвижу для него ничего хорошаго. Я увѣренъ что и многіе другіе помѣщики, не могущіе переломить себя, нравственно уничтожаются и непременно погибнуть, какъ это обыкновенно бываетъ во времена всѣхъ сильныхъ общественныхъ переворотовъ. Я положительно утверждаю, что крестьяне хорошо видятъ, кто изъ помѣщиковъ особенно скорбѣетъ (*sic*) объ уничтоженіи крѣпостнаго права. и именно съ этими господами они дѣлаютъ свои продѣлки; съ тѣми же господами, которые не только что не скорбѣютъ объ этомъ, но и откровенно этому рады

и такъ же откровенно говорятъ объ этомъ со своими крестьянами, они поступаютъ нѣсколько иначе, т.-е. сохраняютъ съ ними хорошія личныя отношенія, всегда привѣтливо говорятъ, всегда привѣтливо встрѣчаются и т. далѣе. Но если крестьяне работаютъ дурно на барщинѣ, то нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать идеальныхъ достоинствъ отъ людей необразованныхъ, которые просто не могутъ стать выше своей природной лѣни и привычки всегда и постоянно дурно работать на барщинѣ, вслѣдствіе чего по-моему никакъ нельзя смѣшивать этихъ двухъ вещей. Съ другой же стороны, какъ не обвинить помѣщиковъ, которые теперь еще болѣе, чѣмъ въ старину отшатнулись отъ своихъ крестьянъ, не понимая, что подобный разрывъ окончится худо для нихъ же самихъ; я не имѣю премеи привести здѣсь всѣ тѣ нелѣпыя разсужденія относительно этого вопроса, которыя мнѣ удалось здѣсь слышать, но я поговорю объ этомъ съ г-ми помѣщиками лѣтъ чрезъ 5—6, когда они увидятъ, что значить изолироваться отъ сельскаго населенія только вслѣдствіе какой-то глупой бутады къ нему. Я полагаю однако, что здравый смыслъ восторжествуетъ, и что помѣщики, понявъ свою ошибку, сблизятся съ крестьянами; я думаю, что это начнется отъ людей добрыхъ по природѣ и потомъ перейдетъ и къ прочимъ, вслѣдствіе необходимости. Но, къ несчастію, много еще есть нелѣпыхъ и грубыхъ людей среди помѣщиковъ, и почти ежедневно приходится слышать о разныхъ исторіяхъ, гдѣ они виноваты, и виноваты непростительно!

(Село Исаково, Деман. уѣзда)
8-го августа.

Мнѣ нѣсколько разъ приходилось говорить съ дворовыми людьми о ихъ будущемъ положеніи и каждый разъ мнѣ невольно приходило на умъ сравненіе ихъ съ тѣми изъ заштатныхъ генераловъ, которые, будучи удалены изъ службы, бранятъ неблагодарность правительства, причемъ сильно выставляютъ на видъ десятки и десятки лѣтъ, прослуженныхъ будто бы, съ вѣрою и правдою царю и отечеству. Дворовые наши будутъ поставлены въ одинаковое положеніе съ этими заштатными генералами, которые также точно въ продолженіе одного года числились по запаснымъ войскамъ, а потомъ уже совершенно исключались, значить, какъ будто послѣ года обязательныхъ отношеній они предоставлялись своимъ личнымъ средствамъ и силамъ, постоянно намекаютъ мнѣ на свои долготлѣтнія заслуги предъ моими родителями: кто 30 лѣтъ былъ садовникомъ, кто пропелъ всѣ должности безъ исключенія и постоянно

радѣть о пользахъ господина, «а мы съзнавалѣства служили еще при вашемъ покойномъ дѣдушкѣ» и т. д. и т. д.

Вотъ что слышншь постоянно среди разговора съ дворовыми, и понятно, что задняя мысль этихъ указаній есть: или намекъ на заслуги, которыя должны быть вознаграждены, или косвенная просьба о томъ, чтобы и послѣ 2-хъ лѣтъ обязательныхъ отношеній остаться на прежнемъ мѣстѣ, что совершенно понятно со стороны людей пожилыхъ и семейныхъ, для которыхъ всякая подвижность есть дѣло невозможное, не говоря уже о совершенномъ отсутствіи въ нихъ всякой самостоятельности и рѣшимости предоставить свою судьбу своимъ личнымъ силамъ и уму. Я дѣлаю упрекъ нашимъ дворовымъ людямъ, а не вижу бревна въ своемъ глазѣ, т.-е. и изъ насъ помѣщиковъ большая часть не можетъ до сихъ поръ свыкнуться съ мыслью, что старыи порядокъ дѣлъ окончательно и во всемъ прекращается и что теперь нужно исключительно рассчитывать на свои личные силы и способности, а не на право безвозмезднаго обладанія трудомъ крестьянъ въ матеріальномъ отношеніи и неограниченнаго произвола и безконтрольности въ нравственномъ. Самообладаніе, сдержанность, отвѣтственность передъ судомъ общественнаго мнѣнія и наконецъ даже предъ закономъ вотъ новая категория условій, въ которыя мы никакъ не хотимъ стать; мы все еще самопроизвольничаемъ, въ насъ все еще живучи привычки старинной безцеремонности въ обращеніи съ младшими, и мы еще до сихъ поръ необыкновенно легко и скоро переступаемъ границы должнаго соотвѣтствія разумнаго послѣдствія съ производящей его причиной. Такъ, напр., у насъ какіе-то мальчуганы забрались въ огородъ и украли съ деревьевъ вишни. Никто не споритъ, что это есть не воровство, но какого же рода воровство и какого рода послѣдствіе оно должно влечь за собой; неужели, напр., стоитъ просить мирового посредника, вообще писать просьбы выходить изъ себя, говорить, что мы разорены, что это грабежъ, что негодяи должны быть примѣрно наказаны и тому подобное, неужели можно не понять, какого рода значеніе имѣетъ все это дѣло и неужели, въ самомъ дѣлѣ, эти мальцы должны быть наказаны, какъ воры, а не какъ дѣти. Сегодняшній день былъ однимъ изъ самыхъ неприятныхъ для меня со времени моего пріѣзда въ деревню; я наконецъ долженъ былъ откровенно высказать мой взглядъ и мои убѣжденія, далеко несходные съ тѣми, которые преобладаютъ и вкоренились у насъ, вмѣстѣ съ другими крѣпостными привычками, обычаями и преданіями. Я сдѣлалъ это потому, что считалъ это дѣломъ моей совѣсти, которая давно уже упрекала меня, а голосъ моей совѣсти я считаю для себя святѣе и выше всѣхъ другихъ побужденій. Но довольно,

впрочемъ. объ этомъ неприятномъ и грустномъ для меня предметѣ; я не могъ, однако, не замѣтить этого здѣсь, потому что вопросъ этотъ имѣетъ отношеніе къ дѣлу освобожденія крестьянъ, предметъ котораго и составляетъ цѣль моихъ замѣтокъ.

Г. Старая Русса, 15-го августа.

Вотъ уже четвертый день, какъ я живу здѣсь, пріѣхавъ на мировой сѣздъ, который не состоялся 11-го числа, по неимѣнію въ наличности никакихъ дѣлъ и за отсутствіемъ уѣзднаго предводителя, который однако просилъ меня подождать до 16-го числа, чтобы сдѣлать новое засѣданіе сѣзда подѣ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ. Засѣданіе же наше 11-го числа было не что иное, какъ частное обсужденіе дѣла г-на Маевского, лично пріѣхавшаго на сѣздъ для разрѣшенія серьезнаго недоразумѣнія по одному вопросу, встрѣтившемуся ему при составленіи уставной грамоты. Дѣло въ томъ, что онъ доказываетъ историческими и топографическими доводами, что крестьяне одной изъ его деревень владѣютъ пашнями, отданными имъ, лѣтъ 60 тому назадъ, въ арендное содержаніе за добавочный оброкъ; въ настоящее же время, желая завести собственную запашку при своей усадьбѣ, онъ желаетъ пашни эти отобрать отъ своихъ крестьянъ, замѣнивъ ихъ другими удобными землями, на что крестьяне, разумѣется, совершенно несогласны. Въ силу ст. 17 прим. 3 мѣстнаго Положенія, земли, находящіяся въ арендномъ содержаніи у крестьянъ, не считаются подходящими ихъ надѣлу, и если показанія Маевского совершенно справедливы, то крестьяне его должны будутъ перевести свою пашню на другое мѣсто, причемъ Маевскій обязывается сдѣлать это дѣло постепенно, съ соблюденіемъ всевозможныхъ крестьянскихъ выгодъ, выказывая себя при этомъ случаѣ человѣкомъ, стоящимъ болѣе за свое право, чѣмъ за свой интересъ; усадьба же его безъ пашни не можетъ существовать безъ явнаго ущерба для всего его хозяйства, крестьяне же его желаютъ отвести для него поля въ противоположной совершенно сторонѣ, на что нельзя ему согласиться. Я упоминаю объ этомъ дѣлѣ болѣе потому, что оно соединено съ другимъ серьезнымъ вопросомъ, и именно съ явнымъ недовѣріемъ Маевского къ мировому посреднику Поморцеву, котораго онъ подозреваетъ въ возможности стачки съ крестьянами, вслѣдствіе чего, какъ я и понималъ впоследствии, онъ и предложилъ разъяснить правоту этого дѣла намъ, чтобы заангажировать этимъ Поморцева дѣйствовать по нашему мнѣнію, а не по своимъ соображеніямъ, въ честности которыхъ онъ сильно сомнѣвается. Мнѣніе наше на счетъ дѣла

Маевского было однако высказано нами совершенно теоретически, т.-е. безъ всякаго примѣненія его къ данному случаю, и мы просили Поморцева изслѣдовать на мѣстѣ всѣ доказательства Маевского и потомъ уже совершенно самостоятельно рѣшить этотъ вопросъ въ пользу крестьянъ или во вредъ ихъ, но во всякомъ случаѣ съ строгимъ соблюденіемъ справедливости и правилъ Положенія. Въ четвергъ дѣло это уяснится для насъ, и тогда можно будетъ судить объ этомъ экстренномъ случаѣ. Впрочемъ старорусскій уѣздъ богатъ экстренными случаями, напр., здѣсь есть много деревень, которыя считаются по ревизіи въ другой губерніи, а пользуются надѣломъ въ этомъ уѣздѣ; нѣкоторые же помѣщики не хотятъ давать имъ надѣла здѣсь, а желаютъ перевести въ прежнюю губернію, на что крестьяне, разумѣется, несогласны. Но я полагаю, что подобные крестьяне должны получить свой надѣлъ тамъ, гдѣ они живутъ, потому что въ положеніи прямо сказано о крестьянахъ, водворенныхъ, напр., въ одномъ обществѣ, но числящихся по ревизіи при другихъ имѣніяхъ. Правда, что случай, о которомъ я говорю, таковъ, что крестьяне изъ другой губерніи, принадлежащіе мужу-помѣщику, живутъ въ имѣніи его жены, значить, какъ будто бы это совершенно чужіе крестьяне, но и въ этомъ случаѣ нужно держаться смысла Положенія. Впрочемъ, все это случаи, о которыхъ я слышалъ въ частномъ разговорѣ, т.-е. они не были еще представлены на обсужденіе мирового съѣзда.

г. Новгородъ, 20-го августа.

Я не успѣлъ пріѣхать на здѣшній мировой съѣздъ: онъ состоялся 8-го и 9-го августа. Впрочемъ, по отыску уѣзднаго предводителя дворянства Адеркаса, дѣлъ совершенно не было, значить съѣздъ не имѣлъ ничего интереснаго, хотя я очень жалѣю, что не успѣлъ до сихъ поръ познакомиться съ здѣшними мировыми посредниками, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ говорятъ, хорошіе очень люди. Изъ хорошихъ новостей по крестьянскому дѣлу въ здѣшнемъ уѣздѣ слѣдующія: есть уже одна уставная грамота, кажется Лукина, утвержденная губернскимъ присутствіемъ, также есть предложеніе крестьянъ на выкупъ. Последнее засѣданіе въ старорусскомъ мировомъ съѣздѣ, бывшее 18-го числа, состояло въ жалобѣ одного г-на Федорова на неправильное, самовольное дѣйствіе мирового посредника Поморцева, удержавшаго изъ оброка его крестьянъ деньги на уплату долга этого г-на по роспискѣ, данной имъ своею бывшею крѣпостной женщиной прежде 19 февраля. Жалоба эта была подана въ губернское присутствіе и оттуда уже препровождена къ уѣздному

предводителю. По поводу этой жалобы, между прочимъ, очень справедливой, вслѣдствіе той причины, что мировой посредникъ не имѣетъ права вступать въ разбирательство всѣхъ вообще частныхъ дѣлъ, а тѣмъ болѣе дѣлъ, совершенныхъ до объявленія манифеста, я довольно откровенно высказался предъ Поморцевымъ, который уже черезчуръ самовольно поступаетъ въ дѣлахъ по своей обязанности, что и навлекаетъ на него подозрѣніе въ его неблагонамѣренности, даже въ нечестности. Поморцевъ согласился, что онъ поступилъ сгоряча и неправильно по формѣ, хотя правильно въ нравственномъ отношеніи, впрочемъ онъ хотѣлъ предъявить росписку г-на Федорова въ томъ, что онъ добровольно согласился, чтобы долгъ этотъ былъ уплаченъ изъ причитающагося ему оброка съ его крестьянъ. Въ такомъ случаѣ, Федоровъ не имѣлъ, разумѣется, никакого права обжаловать рѣшеніе посредника, который совершенно правъ какъ предъ писаннымъ, такъ и предъ нравственнымъ закономъ.

Изъ новостей грустнаго содержанія по нашей губерніи — безпорядки среди крестьянъ тихвинскаго уѣзда въ имѣніяхъ Апрулевой, Мегдена (sic) и другихъ носятъ на себѣ общій колоритъ всѣхъ подобныхъ беспорядковъ, бывшихъ въ Россіи. Губернаторъ лично былъ на мѣстѣ и сегодня говорилъ мнѣ, что все дѣло это не имѣло однако большой серьезности, — оно произошло первоначально отъ слишкомъ большихъ повинностей, несомыхъ крестьянами; но что потомъ, по пріѣздѣ жандармскаго штабъ-офицера Буцковскаго, который не только не могъ ничего сдѣлать, но противъ котораго крестьяне составили нѣчто въ родѣ заговора. Нужно было принять болѣе энергическія мѣры для того, чтобы показать силу правительства, вслѣдствіе чего и былъ введенъ баталіонъ солдатъ, чѣмъ все дѣло и окончилось. Однако тамъ наряжена военно-судная комиссія, которая вѣроятно приговоритъ нѣкоторыхъ, по военно-уголовному закону, къ наказанію шпицрутенами, значитъ дѣло это не обойдется безъ грустныхъ послѣдствій. Я убѣжденъ, что въ большей части случаевъ, кромѣ вины крестьянъ, обвиненіе должно падать и на лица помѣщиковъ или ихъ управляющихъ, непонимающихъ духа времени и не дающихъ себѣ труда, правда очень большого и неприятнаго, побольше и повнимательнѣе вникать теперь въ положеніе крестьянъ, въ ихъ настроеніе духа и въ другія условія, чтобы предварительными и своевременными мѣрами не допускать до вмѣшательства жандармовъ и солдатъ, къ помощи которыхъ нѣкоторые лица какъ то прибѣгаютъ легко, не понимая, что лучше и выгоднѣе сохранить дурной миръ, чѣмъ вести хорошую войну.

Изъ Новгорода я намѣренъ побывать въ имѣніи кн. Василь-

чикова, у котораго прекрасное хозяйство, также и у другихъ лицъ, что дѣлаю съ цѣлью большаго ознакоменія моего съ краемъ и съ личностями, считая это необходимымъ для современнаго положенія, какъ своихъ личныхъ, такъ и общественныхъ дѣлъ, съ другой же стороны, удовлетворяя этимъ моей склонности къ передвиженію и къ любви завязывать новыя отношенія по возможности съ большимъ числомъ лицъ. Впрочемъ, если погода будетъ чрезчуръ уже дождлива, то я долженъ буду отказаться отъ моего намѣренія.

Псковской губ., Порховского уѣзда, село Никольское.
26-го августа.

Несмотря на проливные дожди, я исполнилъ мое намѣреніе пробѣхать къ нѣкоторымъ лицамъ старорусскаго уѣзда, которыхъ между прочимъ не нашелъ дома,—такимъ образомъ, что я попалъ сюда, въ имѣніе Мордвиновыхъ, гораздо раньше, чѣмъ предполагалъ. Вотъ уже третій день, какъ я здѣсь, среди интересовъ, касающихся непосредственно крѣпостнаго вопроса, но совершенно почти новыхъ, т.-е. имѣющихъ мало общаго съ тѣми вопросами (по тому же самому предмету), какіе преобладаютъ въ нашей губерніи и особенно въ нашей мѣстности. Но раньше, чѣмъ говорить объ этомъ, я долженъ замѣтить, что все равнообразіе этихъ вопросовъ происходитъ главнымъ образомъ отъ разнообразныхъ этнографическихъ условій мѣстности, частію же отъ личности дѣятелей, двигающихъ этотъ вопросъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Говоря о крестьянскомъ вопросѣ, нужно рѣзко разграничивать оброчныя отъ надѣльныхъ имѣній; въ настоящее время я вижу передъ собой имѣніе первой категоріи и имѣніе богатое, что тоже очень важно для лучшаго уразумѣнія положенія дѣла. Всѣ оброчныя и богатыя имѣнія давно привыкли къ самостоятельному завѣдыванію своими дѣлами, крестьяне ихъ болѣе развиты и болѣе полагаются на себя, вслѣдствіе чего здѣсь, напр., подняты уже такіе вопросы по крестьянскому дѣлу, которые не скоро придутъ на очередь у насъ, какъ, напр., здѣсь дѣлается уже разверстка будущей повинности за усадьбу между домохозяевами, по числу имѣющихся у нихъ ревизскихъ душъ, а до сихъ поръ существующіе тягловые оброки переводятся на душевые и такъ далѣе; у насъ же толкуютъ еще о бобыляхъ, о смѣшанной повинности, словомъ обо всемъ, что составляетъ первое слово азбуки крѣпостнаго права, давно уже отжившаго во многихъ мѣстахъ въ этомъ смыслѣ. Я долженъ сказать, что имѣніе это принадлежитъ человѣку, очень занимающемуся крѣпостнымъ вопросомъ, значить оно составляетъ вѣроятно исключеніе среди многихъ другихъ бога-

тыхъ имѣній, и я очень жалѣю поэтому, что не засталъ дома кн. Васильчикова, т.-е. не могъ овнакомиться съ дѣлами другого богатаго имѣнія, тѣмъ болѣе интереснаго для меня, что въ немъ большое помѣщичье хозяйство, поставленное впрочемъ теперь совершенно на вольнонаемную ногу и, какъ я могъ видѣть, проѣзжая мимо Выбитскихъ полей, усвоившее уже давно всѣ улучшенные приемы хлѣбопашества. Мнѣ говорили, напр., что у кн. Васильчикова 60 постоянныхъ работниковъ, болѣе 500 штукъ скота и такъ далѣе въ подобныхъ размѣрахъ. Возвращаясь опять къ крестьянскому вопросу, скажу, что болѣе или менѣе удачный ходъ этого дѣла зависитъ по губерніямъ отъ состава губернскихъ присутствій, мировые же посредники вѣроятно вездѣ одни и тѣже, т.-е. частью хорошіе, частью дурные, но при хорошемъ составѣ присутствія и сами мировые посредники, несмотря на всю ихъ самостоятельность, могутъ дѣйствовать подъ вліяніемъ инициативы присутствія. Такимъ образомъ, напр., въ нашей губерніи, при страшной апатіи присутствія къ своему дѣлу, при казенномъ взглядѣ ихъ на свое призваніе, самые ретивые мировые посредники и другіе дѣятели должны нѣсколько охлаждаться, — поэтому то у насъ все идетъ вяло, все основано на томъ, чтобы избѣжать только замѣчаній со стороны министерства, и все до крайности пахнетъ чиновничествомъ. Я нѣсколько разъ разговаривалъ съ секретаремъ нашего губернскаго присутствія и вижу, что члены присутствія только подписываютъ журналы, да и то чрезъ нѣсколько недѣль по составленіи ихъ, поэтому то тѣ министерскіе циркуляры, которые давно уже приведены въ исполненіе въ сосѣдственныхъ съ нами губерніяхъ, только что объявлены у насъ. Кромѣ того всѣ постановленія нашего присутствія кратки т.-е. не обнимаютъ вопросовъ всесторонне; я говорю, напр., о наставленіи для составленія уставныхъ грамотъ, по сравненію его съ тѣмъ же самымъ предметомъ, подробно обработаннымъ въ другихъ губерніяхъ. — Я вижу изъ разговоровъ съ С. Мордвиновымъ, что ихъ присутствіе сильно интересуется ходомъ крестьянскаго дѣла, поэтому то самому ихъ постановленія далеко не такъ скудны, какъ наши. Я не могу сказать, чтобы вообще крестьянское дѣло шло бы у насъ хуже, чѣмъ въ псковской губерніи, — этого сказать нѣтъ никакой возможности, но вѣроятно во многихъ частныхъ и мелкихъ случаяхъ мы идемъ сзади Пскова. Я долженъ однако отдать полную справедливость прекрасному образу дѣйствій и усердной дѣятельности многихъ мировыхъ посредниковъ нашей губерніи; я познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ въ Новгородѣ; я довольно подробно узналъ о трудныхъ столкновеніяхъ одного мирового посредника новгородскаго уѣзда съ крестьянами гр. Головина. Множество

неудовольствій было разрѣшено къ общему удовольствію всѣхъ, безъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, одною силою убѣжденія, и я видѣлъ уже представленную грамоту по этому имѣнію. Вообще я очень порадовался, узнавъ образъ дѣйствій мирового посредника Сухова.

Послѣ завтра я уѣзжаю отсюда домой и ожидаю найти тамъ всѣхъ въ большомъ горѣ отъ упорно дурной погоды, грозящей намъ большими убытками въ сельскомъ хозяйствѣ: овсы гніють, сѣна выставлено мало, вообще нехорошо.

Село Исаково, 3-го сентября.

Я возвратился домой 31 августа и нашелъ помѣщиковъ всего нашего околотка въ большой ажитациі по случаю наконецъ-то объявленнаго общаго циркуляра министра внутреннихъ дѣлъ № 2, увольняющаго крестьянъ, находившихся на дворовомъ положеніи изъ имѣній помѣщиковъ. Почти всѣ подобные крестьяне покинули своихъ прежнихъ господъ, тѣ же, которые и остались, пожелали получить жалованіе и по добровольному уговору съ помѣщикомъ остались при своихъ старыхъ обязанностяхъ. Я очень радъ подобному благоприятному выходу этихъ людей, отбывавшихъ до сихъ поръ свою службу даромъ, едва за насущный хлѣбъ, изъ личныхъ принудительныхъ своихъ отношеній. Разрѣшеніе этого вопроса дало большой толчекъ нашимъ помѣщикамъ. Они много оскорблены прекращеніемъ своего права на личность человека, но, скрѣпя сердце, должны были покориться необходимости, т.-е. уговариваться съ своими людьми, которые много и много гдѣтъ назадъ не могли даже и подумать о заявленіи какихъ бы то ни было, самыхъ ничтожныхъ своихъ правъ; теперь же роль этихъ людей перемѣнилась, и они стали съ своей стороны предписывать условія, на которыя нужно было согласиться для того, чтобы не остаться совсѣмъ безъ прислуги.

Относительно нашего дома циркуляръ министра имѣлъ то благотѣльное послѣдствіе, что онъ далъ мнѣ возможность окончательно разрѣшить вопросъ дворовыхъ людей, чего я не могъ сдѣлать до сихъ поръ отъ обстоятельствъ, стоящихъ не въ моей волѣ. Нѣкоторые наши люди получили право отойти, другіе нѣтъ; я позволилъ всѣмъ имъ отходить и оставилъ только тѣхъ изъ нихъ, кто согласился принять добровольно денежные условія мною имъ предложенныя. Условія эти крайне умѣренны, напр., мужъ съ женой, кромѣ полной мѣсячины, получаютъ въ годъ жалованія отъ 48 до 42 р. 50 к. с. Такъ какъ коренные дворовые люди должны еще

1¹/₂ года оставаться у насъ, то я сравнилъ по возможности ихъ содержаніе съ тѣми людьми, которые сами остались у насъ; но я не держу даже и изъ нихъ тѣхъ, кто имѣетъ благоразумное основаніе думать, что онъ устроится на сторонѣ. Такимъ образомъ, напримѣръ, я думаю отпустить кузнеца, заявившаго желаніе платить оброкъ, который облегчу ему, хотя для избѣжанія общаго нареканія со стороны помѣщиковъ и соблазна для всѣхъ дворовыхъ, которые станутъ требовать своего освобожденія, не понимая, въ чемъ дѣло, я долженъ быть остороженъ. И такъ, наконецъ-то прекратилось у насъ самое настоящее крѣпостное право, т.-е. право на безвозмездную службу домашнихъ людей. Первое время люди наши ходили какъ въ туманѣ, будучи поражены новизною своего положенія; теперь же всѣ они повеселѣли, стали услужливы, исполнительны, вообще лучше, да и самъ лично чувствуешь себя лучшимъ передъ ними, можетъ быть требовательнѣе, а то на всѣ упущенія смотрѣлъ до сихъ поръ сквозь пальцы; сталъ какъ то смѣлѣе по отношенію своей совѣсти, а то сперва во многихъ случаяхъ рѣшительно не зналъ, какъ поступать, будучи внутренно связанъ неестественностью и несправедливостью своего положенія относительно нашихъ людей.

И циркуляръ министра сталъ примѣняться у насъ съ обычными стѣсненіями и лжеистолкованіями его прямого смысла, т.-е. въ пользу помѣщиковъ и въ ущербъ крестьянамъ, которыхъ удерживаютъ при дворѣ помѣщика, напримѣръ, въ томъ случаѣ, если семейство его имѣетъ землю и уже до сего времени сполна отбывало повинность. Я спорилъ, что въ этомъ случаѣ подобный крестьянинъ — бобыль, значить онъ долженъ быть уволенъ до уставной грамоты, отъ всякихъ повинностей передъ помѣщикомъ, а по утвержденіи уставной грамоты — нести повинности уже паравнѣ съ прочими крестьянами, на томъ коренномъ началѣ, что всѣ повинности отбываются съ земли, а тутъ остается одна личная повинность. Нѣтъ сомнѣнія, что мировые посредники должны будутъ исполнять этотъ циркуляръ по точному его смыслу, и я не понимаю, зачѣмъ подвергать себя, и не въ первый уже разъ, нареканію общественнаго просвѣщеннаго мнѣнія и, подобно чиновнику, дожидаться приказовъ свыше, чтобы опять-таки исполнять ихъ не по смыслу, а по буквѣ. Ко мнѣ приходили уже съ жалобами нѣкоторые изъ людей, неправильно удержанныхъ мировымъ посредникомъ на основанія того подъяческаго крючка, что въ Положеніи ст. 8 сказано: «сами или ихъ семейства пользуются надѣломъ земли». На мировомъ съѣздѣ въ Демянскѣ я намѣренъ поднять этотъ во-

прось для того, чтобы возстановить неотъемлемое право на личную свободу.

Въ эти дни у насъ были сдѣланы значительныя потравы въ полѣ, по самой снисходительной оцѣнкѣ рублей на 25 серебромъ. Я много толковалъ объ этомъ съ крестьянами и вижу странный, предразсудочный ихъ взглядъ на это дѣло; они стоятъ на томъ, что въ стравѣ пастухъ не отвѣчаетъ, а что по сосѣдству нужно прощать; разумѣется, я не поддамся на ихъ логику и намѣренъ непремѣнно взыскать съ деревень Дружище и Палашино. Я думаю, что два-три раза поступить по закону, т.-е. похлопотать, поговорить, потомъ взыскать штрафъ, и допотопные обычаи нашихъ крестьянъ мало-по-малу искоренятся, а то травить другъ у друга считается у нихъ ничѣмъ, свиньи, наприимѣръ, какъ вольная скотина, могутъ ходить безъ пастуха, лошади тоже, словомъ, безпорядокъ и общій ущербъ.

Погода поправилась теперь, работа снова пошла своимъ чередомъ, народъ повеселѣлъ; у помѣщиковъ расправились морщины, и они сдѣлались мягче въ своемъ тонѣ, вообще пошла снова уборка овса, который однако много пострадалъ и сыплется, значить обойдется не безъ убытка.

Завтра ѣду въ волость, чтобы, по жалобѣ сельскаго магазиннаго старосты, заставить крестьянъ караулить свой мирской хлѣбный амбаръ, а то, по безпечности, это не исполняется у нихъ.

20-го сентября.

Вотъ уже болѣе недѣли, какъ я занимаюсь составленіемъ уставныхъ грамотъ, т.-е. развѣщаю по деревнямъ, собираю свидѣнія относительно земель, поясняю крестьянамъ ихъ будущія обязанности, рассчитываю ихъ повинности за надѣлъ земли, назначенный имъ по Положенію въ постоянное пользованіе, словомъ, занимаюсь всѣмъ, что прямо или косвенно относится только къ этому предмету. Я кончилъ уже большую часть этого дѣла, т.-е. переговаривалъ со всѣми домохозяевами, и если не получилъ ихъ добровольнаго согласія по всѣмъ пунктамъ уставной грамоты, то это было потому, что крестьяне собственно наши, какъ и всѣ вообще, совершенно не были знакомы съ основаніями предстоящей для нихъ реформы, поэтому-то они сразу не понимаютъ, въ чемъ дѣло, а главное они боятся ошибиться и обмануться; требовать же отъ нихъ такого слѣплаго довѣрія къ себѣ, чтобы они повѣрили бы мнѣ на слово и тотчасъ же на все согласились, безъ всякаго возраженія, невозможно и нелѣпо. Я полагаю, что именно послѣдняя эта причина

и заставляла нѣкоторыхъ изъ нихъ сомнѣваться въ справедливости моихъ указаній, хотя они всѣ согласились съ тѣмъ, что грамота должна быть написана въ томъ смыслѣ, какъ я говорилъ имъ, т.-е. строго придерживаясь правилъ Положенія. Чтобы еще болѣе отклонить отъ себя всякій намекъ въ пристрастія къ своимъ личнымъ интересамъ, я объяснилъ крестьянамъ, что грамота наша должна быть разсмотрѣна мировымъ посредникомъ, который долженъ повѣрить ее на мѣстѣ, передъ всѣмъ сельскимъ сходомъ, и потому только она можетъ быть утверждена имъ окончательно; въ случаѣ же неудовольствія и несогласія крестьянъ съ постановленіемъ мирового посредника, они могутъ въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ обжаловать грамоту на мировомъ съѣздѣ; значитъ они совершенно должны быть обезпечены въ томъ, что грамота будетъ составлена совершенно правильно и вѣрно. По написаніи грамотъ начисто я прочитаю ихъ на мірскихъ сходахъ, но я не думаю, чтобы они были бы подписаны крестьянами; послѣдніе недовѣряютъ и боятся за свои интересы, что совершенно понятно въ такомъ важномъ для нихъ дѣлѣ. Крестьяне получаютъ въ надѣлъ по 6 десятинъ на ревизскую душу; по этому расчету отъ 4-хъ нашихъ деревень отрѣзается земли около 800 десятинъ, деревня же Гоголино будетъ имѣть на душу всего около 2¹/₂ десятинъ.

Оброкъ, рассчитанный по этому надѣлу, падаетъ на каждую ревизскую душу по 9 руб. сер.; на тягловыя души онъ распредѣляется неравномѣрно по деревнямъ, что происходитъ отъ болѣе или менѣе выгоднаго отношенія тягловыхъ душъ къ ревизскимъ; такъ, напр., въ деревнѣ Мамоновщинѣ 47 ревизскихъ душъ и 53 тягловыхъ, въ деревнѣ Кадниковѣ 30 ревизскихъ душъ и 32 тягловыхъ, за то въ Лаптевѣ на 48 ревизскихъ душъ всего 36 тягловыхъ. На основаніи этого расчета, въ Мамоновщинѣ на каждую тягловую, т.-е. въ дѣйствительности платящую душу, падаетъ оброка около 8 рублей, въ Кадниковѣ менѣе 9 рублей, зато въ Лаптевѣ около 11 руб., тѣмъ не менѣе душевой, по Положенію, оброкъ значительно меньше барскаго, платимаго крестьянами до сихъ поръ: у насъ тягло платитъ 30 рублей с., т.-е. деньгами 21 р. с. 43 к и подѣлками въ 8 р. с. 57 коп., значитъ, тягловая душа, полагая 2 души въ тяглѣ, платила 15 рублей с. На все имѣнное уменьшеніе оброка состоитъ изъ 1020 р. с., т.-е. 94 тягла, платя по 30 рублей с., даютъ 2820 рублей с., а 200 душъ по 9 р. с. будутъ платить 1800 руб. с. Я полагалъ, что это очевидное и довольно большое уменьшеніе тягости обрадуетъ крестьянъ болѣе, нежели это было на самомъ дѣлѣ; они, разумѣется, рады уменьшенію денежной повинности; но, съ другой стороны, они горюютъ объ отрѣзкѣ земли,

хотя знаютъ, что въ продолженіе 5 лѣтъ они могутъ удержать въ своемъ пользованіи всѣ свои постоянныя пашни и покосы. Въ нашихъ мѣстахъ аренда земли не дорога, значить, нечего, казалось бы, очень и горевать объ отрѣзкѣ, но привычка не хлопотать объ этомъ дѣлѣ, т.-е. всегда имѣть готовую землю, хотя даже и дурного качества, сильно дѣйствуетъ въ этомъ вопросѣ. Я полагаю, что крестьяне наши навсегда удержатъ за собой наши земли, хотя они и постоянно говорятъ мнѣ, что земли ихъ неудобны, вообще худы. Впрочемъ, ко мнѣ приходило уже нѣсколько постороннихъ крестьянъ и неотступно просили меня, чтобы я отдалъ имъ земли подъ посьвъ, былъ даже одинъ, желавшій купить земли около 100 десятинъ. Разспрашивая нашихъ крестьянъ о томъ, какой способъ раскладки оброка примутъ они у себя, я увидѣлъ, что въ дѣлѣ этомъ дѣйствуетъ влияніе нѣкоторыхъ богатыхъ крестьянъ, которые намѣрены поживиться на счетъ бѣдныхъ, т.-е. многодушныхъ по ревизіи семействъ. Дѣло въ томъ, что крестьяне хотятъ подѣлить землю не по тягловымъ душамъ, что было бы совершенно естественно и справедливо, а по ревизскимъ, что поведетъ къ такому роду злоупотребленія, что бѣдные мужики, получивъ много земли, не въ силахъ будутъ выплачивать за нее душевой оброкъ, богатые же, воспользовавшись этимъ, будутъ брать отъ нихъ эти земли за безценокъ; словомъ, будетъ притѣсненіе слабого, на что, разумѣется, я энергически протестовалъ, указывая крестьянамъ всю несправедливость ихъ намѣренія и совѣтуя имъ съ своей стороны земли совсѣмъ не передѣлять по ревизскимъ душамъ, а тянуть повинность по прежнему расчету тяговыхъ дупгъ, надѣленныхъ по вытѣкомъ земли. Я буду имѣть еще разъ случай возвратиться къ этому предмету; сегодня же закончу тѣмъ, что наконецъ-то мы окончили уборку хлѣба. Обстоятельство это, само по себѣ очень обыкновенное, порадовало нынче всѣхъ ховяевъ во-1) вслѣдствіе необыкновенно упорной дурной и дождливой погоды, заливавшей насъ въ продолженіе болѣе шести недѣль, во-2) вслѣдствіе необыкновенно плохой работы барщины, которая сама по себѣ вѣроятно никогда не окончила бы уборки, такимъ образомъ, что у насъ было нанято жней на 90 руб. с., чего никогда не дѣлали, но что очень естественно нынѣшній годъ. Я очень радъ этому первому опыту наемной работы; въ нашемъ краю упорно вѣрили въ то, что наймомъ нельзя ничего дѣлать за неимѣніемъ наемныхъ работниковъ; оказалось же совершенно противное: наемныхъ жней нашлось по 25 человекъ въ день, и въ то время какъ на барщинѣ жнея жала по 10 и 12 бабокъ овса, наемная женщина нажинала 25 и 30 бабокъ. У насъ, всѣ окружные помѣщики нанимали, и всѣ остались довольны;

правда, нынѣшній годъ самый невыгодный для помѣщиковъ, барщина ничего не дѣлаетъ, а нужно платить деньги за дѣло; но будущей годъ, съ 1-го января, слава Богу, вся эта крѣпостная работа и хлопоты копчуются, и мы вѣроятно не будемъ въ накладѣ.

1-го октября.

Вчера я окончательно составилъ всѣ уставныя грамоты. но я далеко не кончилъ съ крестьянами, т.-е. именно въ ту самую минуту, когда я считалъ, что мои толки и переговоры съ ними порѣшены, ко мнѣ явилась депутація изъ деревенскихъ старостъ, съ объявленіемъ, что крестьяне полагаютъ, что уставныя грамоты есть дѣло моего личнаго произвола, потому что никто изъ окружныхъ помѣщиковъ ихъ не пишетъ, и что по окончаніи 2-хъ лѣтъ они ожидаютъ себѣ грамоты отъ правительства. Я разувѣрилъ старостъ въ нелѣпости ихъ взгляда и старался доказать, что грамота только пишется мною, а рассматривать и вводить ее будетъ правительство, гдѣ лицѣ мирового посредника. Мнѣ казалось, что крестьяне мнѣ повѣрили, но это, вѣроятно, до перваго толкованія имъ какого-нибудь грамотея. Вообще это время, по окончаніи полевыхъ работъ, крестьяне снова стали говорить и заниматься собственно ихъ дѣломъ.

У насъ въ домѣ произошло нѣсколько перемѣнъ въ персоналѣ людей, находящихся въ услуженіи; я отпустилъ семейство кузнеца, скотникъ самъ отошелъ; на первое время нѣкоторое разстройство въ хозяйствѣ, но вѣроятно все уладится.

Послѣ завтра ѣду въ Новгородъ на сѣзды.

24-го октября. Г. Демянскъ.

Вчера мы окончили нашъ мировой сѣздъ въ демянскомъ уѣздѣ, чѣмъ я и завершилъ мой служебный объѣздъ этого мѣсяца. Я намѣренъ сдѣлать теперь сближеніе и сравненіе моихъ трехъ уѣздовъ; но я начну съ того, что отдамъ полную справедливость, т.-е. признаю за нашимъ уѣздомъ первенство во многихъ отношеніяхъ. Новгородскій мировой сѣздъ отличается необыкновенною скороспѣлостью своихъ засѣданій. но правда и то, что здѣсь нѣтъ ни большихъ, ни серьезныхъ дѣлъ, чтѣ я отношу къ тому обстоятельству, что уѣздъ этотъ состоитъ изъ значительнаго числа оброчныхъ имѣній, значить въ немъ нѣтъ тѣхъ споровъ и недоразумѣній, которыя встрѣчаются среди населенія барщинныхъ крестьянъ. Мировые посредники этого уѣзда, съ которыми мнѣ пришлось встрѣ-

титься въ первый разъ, люди совершенно порядочные и съ хорошимъ современнымъ направленіемъ; но въ этомъ отношеніи я долженъ сдѣлать одно общее замѣчаніе: всѣ мировые посредники наши оказались людьми болѣе или менѣ либеральными, современными, что происходитъ частью отъ того, что одна половина ихъ дѣйствительно была всегда такова, но только не имѣла до сихъ поръ ни случая, ни самостоятельной возможности высказаться; частью же отъ того, что другая половина посредниковъ, имѣя дѣло съ помѣщиками и ихъ крайнею притязательностью на крѣпостное право, получила невольное отвращеніе къ этому началу; съ другой же стороны, увлеченные соприкосновеніемъ новаго направленія, они мало-по-малу отстали отъ своихъ старыхъ воззрѣній и хотя еще иногда и возвращаются къ старымъ привычкамъ, но, каждый разъ обновляясь соприкосновеніемъ съ современными началами, принимаютъ лучший путь; и безъ сомнѣнія скоро навсегда отвыкнутъ и откажутся отъ своего ложнаго направленія, такъ долго держащаго ихъ въ когтяхъ неправды.

Возвращаясь опять къ новгородскому мировому съѣзду, скажу, что самое замѣчательное дѣло въ этотъ разъ было утвержденіе грамоты графа Головина. Обстоятельство это замѣчательно главнымъ образомъ по событіямъ, сопровождавшимъ составленіе грамоты по этому имѣнію, и по духу и настроенію умовъ его крестьянъ. Нужно однако сказать, что положеніе крестьянъ этого имѣнія постоянно было тяжело, вслѣдствіе выгоднаго экономическаго мѣстоположенія деревни, около береговъ Волхова, тѣмъ не менѣ тягловый оброкъ на ревизскую душу былъ здѣсь въ 25 рублей, значитъ положеніе крестьянъ было все-таки тѣгостное; но главнымъ образомъ крестьяне эти были окончательно сбиты съ толку лжетолкованіями Положенія со стороны ихъ бывшаго приходскаго священника, дурной нравственности человѣка, дѣйствующаго изъ корыстныхъ цѣлей, а также и дурнымъ толкованіемъ флигель-адъютанта князя Горчакова, словомъ, дѣло дошло до необходимости призвать войско, что было однако отклонено настояніемъ мирового посредника Сухова, взявшаго на себя составить уставную грамоту по этому имѣнію. Крестьяне эти объявили, что, кромѣ 5¹/₂ десятинъ, слѣдующихъ имъ по Положенію, они ничего не желаютъ принять и платить оброкъ желаютъ тоже по Положенію, вслѣдствіе чего грамота и была составлена, и по возможности скоро утверждена, чтобы покончить съ подобнымъ натянутымъ положеніемъ дѣла. Изъ другихъ вопросовъ, занимавшихъ новгородскій съѣздъ, было нѣсколько предложеній законодательнаго свойства; нѣкоторые изъ нихъ разрѣшены самостоятельно, нѣкоторые же посланы на разсмотрѣніе губернскаго

присутствія. Посторонних присутствующих на сѣздѣ не было, кромѣ нѣсколькихъ лицъ, знакомыхъ посредникамъ, пришедшихъ посмотреть, что такое мировой сѣздъ; крестьяне же совсѣмъ сюда не появляются, что происходитъ, какъ я раньше замѣтилъ отъ того, что въ уѣздѣ этомъ всѣ они на оброкахъ. Мировые посредники очень торопились возвратиться къ своимъ занятіямъ и на свои мѣста, и потому сѣздъ былъ оконченъ въ три дня, и каждый день въ довольно непродолжительныя засѣданія.

Старорусскій мировой сѣздъ начался 10 октября крупнымъ скандаломъ, на которомъ я однако не присутствовалъ, опоздавши изъ Новгорода однимъ днемъ. Скандалъ состоялъ въ крупныхъ публичныхъ обвиненіяхъ, сдѣланныхъ Масевскимъ мир поср Поморцеву; дѣло дошло до положительной брани, которая едва уладилась, но Поморцевъ подалъ въ отставку, и сдѣлалъ очень хорошо. Я долго колебался въ моемъ мнѣніи на счетъ этого человѣка, и хотя я вовсе не оправдываю образъ дѣйствій Маевского и его несдержанность какъ въ выраженіяхъ, такъ и во всей его выходкѣ въ присутствіи сѣзда, тѣмъ не менѣе я долженъ сказать, что Поморцевъ оказался человѣкомъ двусмысленнымъ, говорящій дворянамъ одно, а крестьянамъ другое, что взаимно вооружало и раздражало ихъ, главное же онъ ввелъ въ свою дѣятельность много полицейскихъ пріемовъ, и никогда твердо не стоялъ за свои убѣжденія; напротивъ того, легко и довольно униженно преклонялся и уступалъ предъ всѣмъ тѣмъ, что онъ считалъ за авторитетъ, что вообще дурно рекомендуетъ человѣка, а главное низводитъ призваніе мирового посредника на степень чиновника и даетъ ему какой-то низкій, подъяческій характеръ. По дѣлу крестьянина Зурова Поморцевъ доказалъ съ очевидностью свою недобросовѣстность; онъ утвердилъ, на примѣръ, уставную грамоту Зурова и послалъ ее уже въ губернское присутствіе, не внявъ совершенно возраженіямъ крестьянъ; словомъ, сдѣлалъ дѣло, угодное Зурову; съ другой же стороны сами крестьяне говорили мнѣ, что онъ руководилъ ихъ въ обжалованіи грамоты, что очень двусмысленно рекомендуетъ человѣка. Грамота Зурова была обжалована крестьянами на томъ основаніи, что она составлена одна общая на цѣлое имѣніе изъ 1035 душъ, такимъ образомъ, что расчетъ земли по грамотѣ сдѣланъ сообща, такъ же, какъ и отрѣзки ея; понятно, что при осуществленіи на дѣлѣ подобной грамоты между деревнями (а ихъ болѣе 16) сдѣлается общее передвиженіе земли, что поведетъ за собою, по собственному же сознанію крестьянъ, много споровъ и ссоръ между ними; съ другой стороны выйдетъ непременно, что одна какая-нибудь крайняя деревня останется безъ пашни, что и случилось съ

д. Налачей, отъ которой предположено было отрѣзать всѣ ея пашни для присоединенія ея къ господскимъ полямъ. Понятно, что подобное положеніе дѣла крайне несправедливо и противорѣчитъ Положенію, и потому я доказалъ г-ну Борнеману, управляющему Зурова, что подобная грамота не можетъ быть утверждена безъ измѣненія, потому что, хотя помѣщикъ и основываетъ свое право—составить общую грамоту на цѣлое имѣніе—на словахъ § 23 Положенія, гдѣ сказано, «смотря по удобству», но условіе это должно быть обоюдное; при томъ же пашня отрѣзывается отъ крестьянъ въ самомъ крайнемъ, а не въ подобномъ этому случаѣ. Я писалъ въ губернское присутствіе и просилъ его, въ видѣ общаго вопроса, разрѣшить мое сомнѣніе на счетъ слова «удобство», потому что не беру на свою совѣсть утверждать грамоты, неправильно составленной и въ ущербъ интересамъ крестьянъ. Но самый серьезный предметъ обжалованія Зуровской грамоты состоитъ въ томъ что крестьяне говорятъ, что 942 д. пашень на Ильменѣ и Мясницкая лѣсная дача куплена ими на ихъ собственные деньги, хотя и закрѣплена, по купчимъ крѣпостямъ, на имя помѣщика. Крестьяне обѣщаются достать всѣ безспорные писанные документы, на что они сдѣлали сборъ въ 1000 рублей и разослали своихъ довѣренныхъ лицъ по архивамъ разныхъ городовъ. Мы пригласили крестьянъ, отъ имени съѣзда, озаботиться этими документами къ 11-му декабря и просили тоже г-на Борнемана имѣть полную довѣренность отъ Зурова, чтобы имѣть возможность рассмотреть и рѣшить это важное дѣло въ первой инстанціи. Сѣнокосъ поженъ приносить крестьянамъ въ годъ 8000 рублей сер. дохода, не говоря о лѣсной дачѣ. Трудно предрѣшить, кто правъ и кто виноватъ; но крестьяне говорятъ о существованіи такихъ документовъ, какъ, напр., рѣшеніе Государственнаго Совѣта, то во мнѣ есть внутреннее убѣжденіе, что они правы. Я, разумѣется, мало даю вѣса клятвамъ и увѣреніямъ самого Зурова, слыша о личномъ характерѣ этого человѣка, хотя онъ въ продолженіе цѣлаго лѣта и увѣрялъ всѣхъ, что скорѣй звѣзды упадутъ съ неба. чѣмъ Ильменская пашня достанется крестьянамъ. Относительно Мясницкой пустоши я полагаю, что крестьяне не имѣютъ достаточныхъ доказательствъ, да и въ прошеніи своемъ они болѣе настаиваютъ на совѣсть г-жи Зуровой, чѣмъ на письменные документы. Вообще нужно сказать, что прошеніе крестьянъ написано великолѣпно, съ полнымъ знаніемъ дѣла и съ полной увѣренностью въ своей правотѣ; всѣ мѣста, относящіяся до Зуровой, очень лестны по выраженію, но въ нихъ преобладаетъ какой-то саркастическій тонъ; похвалы Зуровой очень влы по смыслу, въ одномъ мѣстѣ взята даже цѣлая фраза изъ ма-

нифеста, гдѣ сказано, «что она принадлежитъ къ числу тѣхъ дворянъ, которые были въ патриархальныхъ, наилучшихъ отношеніяхъ къ своимъ крестьянамъ и т. д.»

Кромѣ дѣла Зурова, старорусскій съѣздъ имѣлъ много другихъ дѣлъ, хотя очень обыкновенныхъ, но проистекающихъ изъ барщины; но мы едва покончили ихъ, занимаясь три дня и три ночи.

27 октября. Исаково.

Я остановлюсь на демьянскомъ съѣздѣ съ большимъ сочувствіемъ, чѣмъ на другихъ 4 уѣздахъ, вслѣдствіе того, что я вынесъ изъ его засѣданій неожиданное и болѣе отрадное впечатлѣніе, чѣмъ изъ другихъ. Я долженъ сказать, что съѣздъ нашъ былъ съ одной стороны протестомъ дворянъ противъ направленія и началъ, принятыхъ нашими посредниками; съ другой стороны онъ былъ гласнымъ заявленіемъ, предъ толпою недовольныхъ и частью даже раздраженныхъ дворянъ, этихъ самыхъ началъ, неимѣющихъ ничего общаго съ крѣпостнымъ правомъ, которое думали продолжать наши помѣщики подъ сѣнію мировыхъ учрежденій. Всѣ безъ исключенія дѣла, бывшія на обсужденіи съѣзда, проистекаютъ изъ барщинныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ; такимъ образомъ, что изъ 48 прошеній, едва 8 не касаются этого предмета; помѣщики гурьбой жаловались на дурное отбываніе работъ, на прогульные дни и т. д., но главное, что раздражало ихъ, это то, что мировые посредники не выходятъ изъ предѣловъ законности, восстанавливая порядокъ въ барщинныхъ имѣніяхъ; помѣщикамъ же хотѣлось бы, чтобы имѣнія ихъ были объявлены на военномъ положеніи, и чтобы дѣла и споры ихъ съ крестьянами совершались бы по произволу или какъ по военно-полевому закону. Я никакъ не могъ ожидать, чтобы нѣкоторые изъ мировыхъ посредниковъ могли бы такъ скоро измѣниться къ лучшему, и хотя въ перемѣнѣ этой видятъ ихъ корыстный расчетъ поддѣлаться къ крестьянамъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть ихъ будущій выборъ, значить и ихъ содержаніе, тѣмъ не менѣе. такъ или иначе, перемѣна эта къ лучшему; и я съ удивленіемъ слышалъ отъ нихъ заявленіе такихъ убѣжденій, которыя мѣсяца три назадъ они сами сочли бы за страшную ересь. Наконецъ-то гласно были произнесены такія слова, которыя странно звучали назадъ тому три мѣсяца, такъ. напр., слово: равенство передъ закономъ, значить равенство дворянина и помѣщика въ этомъ отношеніи. Я внутренно радовался, видя какъ коробило нѣкоторыхъ присутствующихъ, когда имъ было вслухъ заявлено, что дѣла крестьянъ и помѣщиковъ одинаково святы и одинаковаго требуютъ

вниманія; мы даже сдѣлали письменное постановленіе въ этомъ смыслѣ, а то помѣщики вѣдумали было обижаться, что мы начали разбирать крестьянъ, недокончивши сперва всѣ ихъ дѣла. Понятно, что дворяне развѣхались недовольные съѣздомъ, многіе изъ ихъ жалобъ были опровергнуты, нѣкоторымъ изъ помѣщиковъ было замѣчено, что они сами во всемъ виноваты. Я не говорю, однако, чтобы прошенія крестьянъ были всегда правильны, напротивъ того, и съ ихъ стороны было много кляузъ; такъ что мы принуждены были даже сдѣлать постановленіе, по которому на будущее время будемъ разбирать крестьянъ съ ихъ словъ, а не по поданнымъ ими прошеніямъ. въ которыхъ часто написано совсѣмъ не то, о чемъ они имѣли намѣреніе просить, что происходитъ отъ того, что, наученные какимъ-нибудь писцомъ по профессіи, они жалуются на что попало, изъ этого выходитъ беспорядокъ и привычка къ сутяжничеству. Я старался однако дѣйствовать примирительно и, насколько было можно, достигъ моей цѣли, т.-е. не допускалъ дворянъ до проявленія крайняго неудовольствія ихъ противъ своихъ посредниковъ, что было замѣтно въ особенности въ ихъ желчныхъ выходкахъ противъ Фрикена. Пущина исключительно обвиняли въ неисполнительности его постановленій и въ слабости по отношенію взысковъ. Шестаковымъ остались довольны, но это не къ его чести; онъ былъ непослѣдователенъ и даже двусмысленъ, т.-е. въ виду помѣщиковъ говорилъ не то, съ чѣмъ соглашался безъ нихъ; вообще онъ не имѣетъ ни твердыхъ убѣжденій, ни прямого пути и, смотря по обстоятельствамъ, расположенію духа и по другимъ причинамъ, сегодня дѣйствуетъ такъ, а завтра иначе. Такъ, напр., онъ рекомендовалъ намъ беспорядки въ имѣніи Аничкова съ цѣлью склонить насъ принять въ немъ энергическія мѣры; но когда мы высказались совершенно другимъ образомъ, т.-е. рѣшили, что нужно поскорѣй ввести здѣсь уставную грамоту, а не вводить экзекуціи, то онъ присталъ къ намъ, хотя повидимому внутреннее сочувствіе его клонится совершенно къ противоположному, т.-е. къ строгости крѣпостного права. Я не ожидалъ, чтобы Шестаковъ былъ до такой степени непослѣдователенъ; сверхъ того я никакъ не ждалъ, что Обрѣзковъ нѣсколько примкнетъ къ намъ; онъ объяснялся со мной въ чувствахъ уваженія ко мнѣ, и просилъ у меня прощенія за неправильное пониманіе моей персоны. Прямой результатъ бывшаго съѣзда это то, что дворяне наши пробудились: они увидѣли, что опора ихъ, т.-е. крѣпостное право рушилось безвозвратно и что нужно искать себѣ другого пути; я полагаю, что пріѣздъ ихъ былъ попыткой поправить свое положеніе, но они увидѣли, что оно проиграно безвозвратно. Я познакомился здѣсь почти со всѣмъ уѣз-

домъ, и кромѣ 3—4 человекъ нѣтъ никого, къ кому можно было бы примѣнить эпитетъ порядочнаго человека.

Вчера я былъ у Ковина; онъ только-что обжалъ свой овесъ, что, вѣроятно, первый примѣръ въ исторіи хозяйства нашего края; вездѣ барщинныя работы шли дурно, но вездѣ помѣщики помогали этому горю наймомъ; Ковинъ же изъ оригинальности и упрямства этого не дѣлалъ, и я не понимаю, какъ ему не стыдно передъ другими имѣть въ полѣ овесъ, когда падаетъ снѣгъ. Вообще, нужно замѣтить, что нынче крестьяне отплачиваютъ дурнымъ господамъ, напримѣръ, у Загарина воровство ежедневное, а онъ никакъ не пойметъ, что чѣмъ хуже, грубѣе и отдаленнѣе держать себя отъ крестьянъ, тѣмъ хуже для него, и что никакой законъ никогда не въ состояніи оградить его отъ нерасположенія къ нему народа.

12-го ноября.

Comparaison n'est pas raison, говорятъ французы, и часто это очень справедливо, тѣмъ не менѣе я не могу удержаться, чтобы не сдѣлать сравненія настоящаго нравственнаго состоянія и взаимныхъ отношеній нашихъ крестьянъ съ расколомъ. Подобно тому, какъ расколъ есть частью превратное, частью буквальное и формальное придерживаніе къ религіи, а не истолкованіе "и пониманіе истиннаго духа христіанской церкви, — такъ точно и крестьяне наши въ гражданскихъ условіяхъ своей жизни далеко стоятъ отъ истиннаго пониманія духа современнаго образованнаго общества, и какъ въ первомъ случаѣ главная причина раскола есть невѣжество, и постоянное усиленіе его происходитъ отъ гоненія раскольниковъ, такъ и во второмъ—невѣжество и крѣпостное право, т. е. гнетъ надъ крестьянами, все болѣе и болѣе ухудшали это дикое положеніе дѣлъ и постоянно держали нашихъ крестьянъ въ тѣхъ же самыхъ нелѣпыхъ, грубыхъ и безнравственныхъ условіяхъ взаимныхъ своихъ отношеній.

Возьму, напримѣръ, положеніе женщины-крестьянки; что можетъ быть гнуснѣе и тяжелѣе этого положенія. Крестьянка — жена, сестра, дочь и казачка — есть раба, въ полномъ значеніи этого слова, своего мужика, который смотритъ на бабу, какъ на существо низшее, недостойное имѣть никакихъ правъ, а постоянно несущее только обязанности: жены, матери, главное же работницы. Крестьянка не имѣетъ никакой собственности, кромѣ льна, да и то изъ него она обязана шить бѣлье своему мужику; заработаетъ-ли она гдѣ-либо какія деньги, подавай ихъ мужику; въ наслѣдствѣ она не участвуетъ; братъ выгонитъ ее изъ дому

послѣ смерти родителей, т.-е. сдѣлавшись лично хозяйномъ; больна ли она, мужикъ этого не разбираетъ, а гонитъ ее на работу, бьетъ ее за неуправку въ домашнемъ хозяйствѣ, въ жнивѣ, за все, и она должна работать наряду съ мужикомъ, а съ дѣтьми, печкой, съ домашнимъ скотомъ и птицами справляться, когда знаетъ и какъ знаетъ; словомъ, она была въ старину крѣпостною и постоянно будетъ таковой. Въ старину это было общее положеніе всѣхъ женщинъ въ Россіи; онѣ жили въ теремахъ, были затворницами и рабами мужичь, для которыхъ служили. Со времени Петра, т.-е. со времени европейской цивилизаціи, расколъ этотъ остался нетронутымъ въ средѣ простолюдиновъ; женщина же образованнаго общества, освободившись изъ терема, получила равныя гражданскія права съ мужчиной, сдѣлалась его подругой, сотрудникомъ, а часто даже и командиромъ.

Но кромѣ крестьянки, каково положеніе всякаго крестьянина-работника относительно своего домохозяина: онъ тоже рабъ своего домохозяина, который чуть-ли не имѣетъ надъ нимъ права жизни и смерти. За примѣромъ ходитъ не долго: родной братъ нашего лаптевскаго крестьянина Зари, богатаго и расудительнаго человѣка, былъ боленъ рожей на рукѣ, такъ что одинъ палецъ правой руки его былъ въ опасности отвалиться; ясно, что работать съ подобною болѣзнью нельзя. Мужикъ этотъ недѣли съ четыре не ходилъ на барщину. Что же дѣлаетъ съ нимъ его братъ дома? Онъ привязываетъ къ его больной рукѣ билу для молоченія и заставляетъ молотить; тотъ плачетъ, но дѣлать нечего, безпрекословно подчиняется варварскому распоряженію своего домохозяина, и никто изъ деревни не осудитъ его за этотъ поступокъ, напротивъ того, каждый способенъ и дѣлаетъ то же самое. Посмотрите на взаимныя отношенія крестьянъ: какая неуступчивость, стяжательность, вздорливость; они крадутъ другъ у друга, постоянно ссорятся между собою изъ пустяковъ, словомъ, представляютъ собою грустное явленіе человѣка на первой ступени своего развитія. Недавно случилось крестьянамъ собирать подушную подать; нынче въ первый разъ дѣло это на ихъ отвѣтъ; посмотрите, съ какой безжалостностью они набрасывались на какую-нибудь вдову и требовали съ нея подати за ревизскую душу ея сына; они открыли по ревизіи всѣхъ, тянутъ на міръ всѣхъ; я не говорю, чтобы это было худо, но побужденіе нехорошо, ни капли великодушія. И чѣмъ богаче крестьянинъ, тѣмъ хуже въ этомъ отношеніи; такъ за копейку онъ радъ уморить своего ближняго; послушайте, что говорятъ батраки и батрачки, нанимающіеся на работы у крестьянъ. То же самое относительно положенія дѣтей къ взрослымъ и дѣтей

между собой, — вездѣ грубое насиліе, вездѣ палка, кулакъ, потасовка, какъ лучшій аргументъ и регуляторъ взаимныхъ отношеній. Я не могу, чтобы не довольно настаивать на томъ, что все это происходитъ отъ невѣжества и отъ предвзсудковъ, преступить которые считается у нашихъ крестьянъ дѣломъ крайне предосудительнымъ. Понятно, что страдательная половина сознаетъ свое бѣдственное положеніе; но какъ идти противъ старины, противъ заведеннаго обычая и порядка, вѣдь это нельзя и т. д. Всякая женщина, напримѣръ, легко пойметъ, что ей лучше быть не битой, «но, какъ-же это, когда завсегда такъ водилось», и ее бьютъ по старинѣ. Вѣдь это чистѣйшій расколъ, и мы можемъ отдѣлаться отъ него только черезъ образованіе народа, а для этого нужны школы, грамота и хорошій примѣръ со стороны лицъ высшаго положенія, но живущихъ въ средѣ крестьянъ; и тогда, хотя не скоро, но тѣмъ эта вѣрно разсѣется мало-по-малу, и крестьяне выйдутъ наконецъ на свѣтлый путь человѣческихъ взаимныхъ отношеній.

Послѣзавтра у насъ въ Воронинѣ открывается школа для крестьянскихъ мальчиковъ деревень близъ лежащихъ; не знаю, каково она пойдетъ. Мы совершенно отдѣлили гражданское воспитаніе отъ духовнаго, — первое въ нашихъ рукахъ, второе у священника; но я полагаю, что отдаленность школы отъ насъ будетъ много мѣшать ея успѣху и что это будетъ болѣе удовлетвореніе формальности и предписанію духовнаго начальства, упорно настаивающаго у приходскихъ священниковъ, чтобы они завели у себя школы. Мы снабжаемъ эту школу всѣмъ учебнымъ матеріаломъ. т.-е. дѣлаемъ ее даровою для крестьянъ, которые, хотя и видятъ теперь пользу отъ школъ, но не согласны сдѣлать для нихъ никакихъ матеріальныхъ жертвъ. Они едва устроили въ деревнѣ избу, и то съ принужденіемъ; хозяинъ же избы взялъ за зиму 6 р. и по возу дровъ съ каждаго обучающагося мальчика. Польза же всякой школы очевидна; я не могу довольно порадоваться, видя нравственный успѣхъ 10—15 учениковъ изъ крестьянскихъ и дворовыхъ дѣтей, обучающихся у насъ на дому сестрами. Не говоря уже объ учебномъ ихъ успѣхѣ, т.-е. о томъ, что многіе изъ учениковъ выучились хорошо читать и писать, какая видна въ нихъ перемѣна во всемъ ихъ существѣ! Какая привѣтливость, открытость въ лицахъ, какая учтивость и предупредительность въ обращеніи, какая веселость духа и порядочность въ отношеніяхъ другъ къ другу! Словомъ, я вижу громадную разницу между этими дѣтьми и деревенскими, грязными ребятами, тупо смотрящими на васъ изъ закоулковъ, робѣющими при разговорѣ, да и попросту не умѣющими говорить. Наконецъ, общеніе крестьянъ съ дворянами, чрезъ по-

средство школь и воспитанія, взаимно связываетъ ихъ лучшими и болѣе крѣпкими узами, нежели тѣ, которыя происходятъ отъ крѣпостныхъ отношеній; родители этихъ дѣтей, обязанные благодарностью, какъ-то сами сдѣлались лучше и привѣтливѣе; всегда нѣжное слово и улыбка на ихъ губахъ при встрѣчѣ; у себя дома, заставляя читать для себя своихъ дѣтей, они проливаютъ слезы умиленія и благодарятъ потомъ, что мы «пронесли въ люди» ихъ дѣтей.

27-го ноября.

Вчера скончался послѣ долгой изнурительной болѣзни крестьянинъ деревни Лаптева Емельянъ Кондратьевъ; человекъ постоянно больной, постоянно трудящійся, но безъ всякаго успѣха, постоянно бѣдный, постоянно обиженный судьбой и людьми, начавшій ходить на барщину въ прошломъ столѣтїи, словомъ, прототипъ крѣпостного крестьянина. Почту горькую судьбу его и печальную память о немъ грустнымъ раздуміемъ объ ужасныхъ послѣдствіяхъ крѣпостного права, а также жесткимъ упрекомъ тѣмъ, кто до сихъ еще поръ упорно стоитъ за это право. Я не спору, что крестьянинъ этотъ могъ бы одинаковымъ образомъ имѣть горькую судьбу, кручинную долю и безъ крѣпостного права; тѣмъ не менѣе вся жизнь его, развивавшаяся среди условій этого права, невольно притягиваетъ къ суду и обвиненію безчеловѣчное право это. Я радъ въ душѣ смерти крестьянина этого, нашего Антона Горемыки, — это былъ послѣдній упрекъ ужаснымъ послѣдствіямъ крѣпостного произвола. Два раза женатый насильно, онъ оставилъ теперь небольшихъ дѣтей, но со смертью его положеніе семейства его очень мало измѣнится; жена его постоянно несла на себѣ всю тяжесть домашнегоъ хозяйства. Да почиетъ прахъ бѣднаго крѣпостного труженника, да отдохнетъ онъ въ своей могилѣ отъ 70-лѣтнихъ трудовъ безъ цѣли и смысла; вся цѣль, весь смыслъ ихъ былъ добыть себѣ кусокъ хлѣба, чтобы не умереть съ голода; изъ этого ясно, что смерть есть желанная цѣль подобнаго существованія. Я былъ у больного за три дня до его смерти и вынесъ неизгладимое впечатлѣніе отъ темной грустной картины, — борьбы смерти съ жизнью, худшею чѣмъ сама смерть. Дурная изба, грязь на кровати, исхудалое лицо, постоянный бредъ больного, въ коемъ высказывалась постоянно томившая его дума: «что онъ все работаетъ, но не имѣетъ силъ и дѣло у него не спорится», — словомъ скверно, тошно стало мнѣ самому, и, уходя отъ больного, я пожелалъ ему смерти, и радъ, что она наконецъ-то покончила его грустное существованіе.

Но оглянитесь кругомъ и вслушайтесь, о чемъ тужать, за что

бранятся въ этомъ Глуповѣ (какъ выразился Щедринъ въ Клеветѣ), за что держатся, какъ за соломинку, что преисполняетъ всѣхъ этихъ глуповцевъ такимъ бранчивымъ расположеніемъ души; это именно послѣдняя пѣснь крѣпостного права. Никакъ не втолкуешь всѣмъ этимъ помѣщикамъ и помѣщицамъ, что жалобы ихъ на дурную барщину, на непочтеніе къ нимъ ихъ людей, на разныя требованія и заявленія правъ есть возмездіе за цѣлые вѣка крѣпостной зависимости, что не Прошка или Акулинка говорятъ теперь съ помѣщикомъ не такъ, какъ бывало, а голосъ крѣпостной зависимости; что не такая или другая барщина дурно работаетъ, а само время, и что, наконецъ, не помѣщику Александру Александровичу грубятъ, а грубятъ помѣщику, какъ идеѣ, принципу. Да объ этомъ и не столкуешься съ этими господами; кромѣ жареныхъ индѣекъ и утокъ, варенья и соленья, а изъ разряда болѣе возвышенныхъ интересовъ, кромѣ молоченія и т. д. ничто не затрогиваетъ этихъ господъ, этихъ чудовищъ въ XIX вѣкѣ,

Недѣлю тому назадъ я снова былъ въ Демянскѣ на съѣздѣ; къ счастью дурная дорога остановила многихъ отъ личнаго ихъ присутствія; тѣмъ не менѣе всѣ дѣла, всѣ прошенія истекаютъ изъ одного зараженнаго гниlostью и зловоніемъ источника, т.-е. изъ барщинной, крѣпостной зависимости. Тѣмъ не менѣе повѣяло уже свѣжимъ воздухомъ, который не скоро, но развѣетъ всю эту затхлость болотнаго гніенія; стали затрогиваться общественные интересы, какъ, напримѣръ, собираются подписи для Общества сельскаго хозяйства, которое будетъ въ Руссѣ; образовалось въ Новгородѣ губерпское статистическое отдѣленіе изъ лицъ, живущихъ въ уѣздахъ. Нужно ожидать, наконецъ, что самостоятельная, личная инициатива сдѣлаетъ, наконецъ, въ Россіи что нибудь, а то опека надъ всѣмъ и всѣми извратила весь нашъ смыслъ; мы не знаемъ, какъ шагнуть, когда остались одни; то же самое и съ нашими бывшими крѣпостными, напримѣръ, съ дворовыми: на дняхъ имъ выданы были увольнительные акты, и нужно было видѣть, съ какою боязнью принимали они ихъ; едва сытъ и одѣтъ, но безъ самостоятельности, и онъ доволенъ. Грустно!

30-го ноября.

На дняхъ я дѣлалъ примѣрный расчетъ замѣны нашей барщины вольнонаемнымъ трудомъ по цѣнамъ, существующимъ въ настоящее время. Правда, расчетъ былъ довольно поверхностный, тѣмъ не менѣе я пришелъ къ тому заключенію, что если не будетъ сдѣлано улучшеній въ системѣ сельскаго хозяйства, то у насъ будетъ дефицитъ. Нѣтъ сомнѣнія, что цѣны на рабочихъ удержатся

высокія и, если продажная цѣна хлѣба будетъ зависѣть не отъ предложенія его съ нашей стороны, а отъ спроса его за границу, словомъ, если цѣна его не будетъ основана на затратѣ капитала съ нашей стороны, то мы будемъ въ убыткѣ. По всей вѣроятности, цѣна хлѣба будетъ высока, нынѣшній годъ рожь продаютъ уже за 6 и 7 рублей четверть, но я не радуюсь этой дороговизнѣ, она все-таки отразится на насъ дороговизною другихъ необходимыхъ для насъ продуктовъ. Трудно будетъ въ первое время, но все это доказываетъ только, какимъ неестественнымъ элементомъ входилъ крѣпостной трудъ въ цѣнность всѣхъ продуктовъ въ Россіи; немислимо, чтобы хлѣбъ могъ быть произведенъ въ Россіи только барщинными руками,—это нелѣпо и съ этимъ нельзя согласиться, не смотря на всѣ доводы помѣщиковъ.

Старая Русса, 15-го декабря.

Вчера я окончилъ мои занятія по мировымъ сѣздамъ, бывшимъ на этотъ разъ въ Новгородѣ и здѣсь. Нынѣшній объѣздъ мой былъ особенно интересенъ, хотя онъ не былъ лишенъ нѣкоторыхъ личныхъ для меня неприятностей въ Новгородѣ. Чтобы объяснить значеніе этихъ неприятностей, нужно сказать, что характеръ, преобладающій на новгородскомъ сѣздѣ, мнѣ не особенно сочувственъ; я не могу сказать, чтобы тамошніе мировые посредники были бы пристрастны въ своихъ рѣшеніяхъ къ помѣщикамъ, но въ нихъ видна борьба чувства долга выполнить законоположеніе 19 февраля и личныхъ симпатій къ сословному интересу. Я не могъ, чтобы при разныхъ случаяхъ не высказать моего противоположнаго взгляда на вопросъ освобожденія крестьянъ; кромѣ того я извѣстенъ здѣсь, какъ человекъ съ крайнимъ образомъ мыслей и, по служебному положенію своему будучи какимъ-то контролемъ, окомъ правительства, не долженъ быть сочувственъ лицамъ съ самолюбивымъ воззрѣніемъ на свое призваніе, лицамъ, идущимъ за правительствомъ въ вопросѣ освобожденія, но въ душѣ бранящимъ реформу въ томъ видѣ, какъ она совершается,—я не говорю уже о крайнихъ представителяхъ дворянскихъ тенденцій.

Въ нынѣшній новгородскій сѣздъ, какъ и всегда, было поднато множество общихъ вопросовъ, но кромѣ этого были поданы мнѣнія посредниковъ: Гурьева относительно уничтоженія лѣсныхъ порубокъ, для чего онъ желаетъ расширить права посредниковъ по § 31 Полож. о губернска. учреж., т.-е. предоставить имъ разбирать и взыскивать за порубки независимо отъ ихъ цѣнности; другой проектъ былъ поданъ посредникомъ барономъ Ренне въ нѣмец-

комъ вкусѣ: онъ хочетъ установленія *кабалы*, какъ способа выиска недоимокъ съ крестьянъ, т.-е. онъ полагаетъ, вопреки Положенія, необходимымъ отдавать неплательщиковъ въ заработки своимъ же господамъ. Я былъ противъ обоихъ проектовъ: первый основанъ на ложномъ и вредномъ принципѣ произвола и скорости въ дѣлѣ возстановленія права собственности, нарушеннаго порубкою; сверхъ того, такъ какъ въ этого рода проступкахъ есть уголовность, то было бы страшно дать въ руки посредниковъ силу карательную. Гурьевъ рисуетъ темными красками разореніе помѣщиковъ отъ порубокъ; по моему мнѣнію, онъ или возводитъ частное явленіе, имѣющее, можетъ быть, мѣсто въ его уѣздѣ, до общаго факта, или опъ забываетъ, что нынче всѣ безпорядки въ имѣніяхъ стали только больше извѣстными своимъ помѣщикамъ, прежде никогда неинтересующимся, что дѣлалось у нихъ, такъ что, если и есть въ самомъ дѣлѣ больше жалобъ на порубки, то это только потому, что помѣщики стали болѣе входить въ свои дѣла. Картина же анархическаго настроенія умовъ крестьянъ и опасностей, отсюда истекающихъ, натянута и по своему слогу, и по содержанію и, хотя она сдѣлала большой эффектъ въ аудиторіи Гурьева, торжествовавшего своимъ успѣхомъ, тѣмъ не менѣе по проекту его, для устраненія одного зла, онъ беретъ другое, еще большее, т.-е. для уничтоженія проступковъ по порубкамъ онъ вводитъ начало самопроизвола и систему падишахскаго каранія безъ правильнаго суда. Я полагаю, что, если духъ анархическаго уничтоженія собственности, принадлежащей помѣщикамъ, дѣйствительно овладѣлъ нашими крестьянами, то никакая мѣра законодательства, а тѣмъ болѣе расширеніе правъ посредниковъ горю не помогутъ; нужно покориться необходимости времени, какъ закону большинства, что нелѣпо, однако, приписывать нашему народу, очень еще далекому отъ анархическаго настроенія умовъ. Я не говорю уже о проектѣ Ренне: онъ внѣ всякой критики благомыслящаго человѣка. Споръ мой произошелъ собственно вслѣдствіе того обстоятельства, что мнѣ предложено было членами сѣзда взять на себя трудъ собирать всѣ подаваемые на сѣздѣ мнѣнія, проекты и предположенія и дѣлать по нимъ мое заключеніе. Тогда я откровенно высказался, что далеко не сочувствую этому одностороннему направленію сѣзда, что все, представленное до сихъ поръ, имѣетъ смыслъ сословный, что я по убѣжденіямъ своимъ буду относиться ко всему этому критически, т.-е. отрицательно, значить цѣль сѣзда не будетъ достигнута,— цѣль же его выработать нѣкоторыя предположенія и представить ихъ на усмотрѣніе правительства. Нужно замѣтить, что Гурьевъ небольшой человѣкъ по росту, большой говорунъ, заслушивающійся,

какъ пѣтухъ, своего собственнаго пѣнія и пользующійся на сѣздѣ авторитетомъ и значеніемъ проводителя идей высшаго порядка; онъ былъ недоволенъ моими возраженіями, смыслъ которыхъ былъ упрекъ въ крѣпостничествѣ. Нынѣче всѣ боятся подобнаго эпитета, но я далъ понять Гурьеву, что нынѣче слово это измѣнилось на защитниковъ собственности, потому что собственно сторонниковъ крѣпостнаго права, въ смыслѣ владѣнія человекомъ. дѣйствительно нѣтъ. Споръ нашъ, не лишенный нѣкоторыхъ личностей, длился довольно долго; онъ повторился, хотя въ другомъ родѣ, вечеромъ, въ тотъ же день на обѣдѣ, который мы давали предводителю дворянства въ отвѣтъ на обѣдѣ Адеркаса, уѣзднаго предводителя. Я долженъ былъ все-таки согласиться принять на себя критику всѣхъ письменныхъ мнѣній, подаваемыхъ на сѣздѣ. Мы разстались, прося вѣрить, что въ спорахъ нашихъ не было никакихъ личностей, хотя онѣ были, особенно по вопросу, какое значеніе и смыслъ имѣеть членъ отъ правительства на мировыхъ сѣздахъ.

Старорусскій сѣздъ представлялъ собой совершенно другой интересъ; дѣло шло объ обжалованіи крестьянами Зурова представленной имъ уставной грамоты. Зуровъ прибылъ лично на сѣздѣ или вслѣдствіе надежды, что присутствіе его будетъ имѣть вліяніе на сѣздѣ или вслѣдствіе сознанія серьезности дѣла. Какую небывалую картину представлялъ собой нашъ сѣздъ! Сенаторъ, бывшій губернаторъ двухъ губерній, поставленъ на одну доску со своими крестьянами и долженъ былъ защищать свои права предъ лицами молодыми и незначительными по положенію сравнительно съ его персоной. Онъ былъ любезенъ съ крестьянами, называлъ ихъ по имени и отчеству и видимо хотѣлъ обворожить ихъ своею любезностью; съ нами онъ былъ привѣтливъ, пожималъ руки,—словомъ, заискивалъ сочувствія. Онъ ползалъ по плану своихъ земель, разложенному на полу, уговаривалъ крестьянъ къ уступкамъ, говорилъ о своихъ хорошихъ отношеніяхъ къ нимъ и т. д.; крестьяне почтительно, называя его превосходительствомъ, отстаивали свои права; ихъ было человекъ 10—12; нѣкоторые изъ нихъ, очень умные и важиточные люди, говорили хорошо и дѣльно, нѣкоторые молчали, но большинство обращалось всегда къ намъ и предъ нами излагали свои права. Дѣло шло объ уставной грамотѣ, неправильно и въ ущербъ крестьянамъ составленной. Зуровъ нарѣзалъ на 1035 душъ общій надѣлъ по $5\frac{1}{2}$ д. на душу безъ указанія, сколько земли приходится на каждую деревню, что ясно ведетъ къ несправедливости; оброкъ душевой одинаковъ для всѣхъ, а пользованіе землей не равное. Другой предметъ обжалованія грамоты—это право принадлежности крестьянамъ Ильменскихъ поженъ и Мясницкой дѣсной

дачи, и я не буду говорить здѣсь объ нашемъ рѣшеніи относительно всѣхъ этихъ предметовъ; изъ постановленія нашего, записаннаго у меня въ книгѣ, это видно. Зуровъ уѣхалъ, сказавъ, что предоставляетъ съѣзду рѣшить, кто правъ; но во многомъ правы крестьяне, я даже нравственно убѣжденъ, что во всемъ, хотя за неимѣніемъ письменныхъ документовъ они не были во всемъ оправданы. Мы два дня занимались рассмотрѣніемъ дѣла Зуровскихъ крестьянъ, и я долженъ сознаться, что въ числѣ членовъ съѣзда есть лица безъ особенно твердыхъ убѣжденій, для которыхъ престижъ сенатора не совсѣмъ безъ значенія, тѣмъ не менѣе правда восторжествовала, и я полагаю, что Зуровъ, узнавъ о нашемъ рѣшеніи, испортитъ себѣ не мало крови, да и немудрено: доживши до старости и пройдя сквозь званія, не знавшія себѣ препятствій, сознавать теперь, что онъ ничего не можетъ и не значитъ,—онъ самъ съ нѣкоторою грустью сказалъ мнѣ это. Завтра я возвращаюсь домой и совершенно больнымъ.

11-го января 1862 года.

Надняхъ я возвратился изъ новоторжскаго уѣзда, тверской губ., проживъ нѣсколько времени въ средѣ людей, искренно преданныхъ крестьянскому дѣлу. Я долженъ по совѣсти сказать, что тверская губернія далеко ушла впередъ въ этомъ отношеніи отъ насъ, новгородскихъ-лапландцевъ; мы бьемся до сихъ поръ за барщину, за оброки, тамъ же прямо идутъ на выкупъ; но главная разница наша отъ нихъ состоитъ въ томъ, что тамъ видятъ въ совершающейся реформѣ путь къ политическому перевороту въ Россіи, что и достигаютъ всѣми зависящими отъ нихъ средствами, а у насъ болѣе думаютъ объ экономической сторонѣ этого дѣла. Небольшая группа передовыхъ тверскихъ людей, въ лицѣ Уньковскаго (котораго портреты видны въ каждомъ домѣ), Европеуса, Вакунина, Кишинскаго и другихъ, успѣли соединиться съ большинствомъ дворянъ и ведутъ ихъ, куда желаютъ; я твердо убѣжденъ, что интимныя тенденціи этихъ двухъ партій мало имѣютъ общаго между собой; единственная общая точка соприкосновенія ихъ—это неудовольствіе противъ правительства. хотя взаимное отношеніе ихъ къ этому пункту совершенно неодинаково. Первая группа желаетъ достиженія идеала истины и справедливости, какъ въ самихъ себѣ, такъ и въ обществѣ и въ правительствѣ, и видя въ послѣднемъ значительныя погрѣшности, восстаетъ противъ него во имя правды всею силою благороднаго своего порыва къ добру; вторая партія, напротивъ того, восстаетъ противъ правительства за уничтоженіе крѣпостного права и, не имѣя нынѣ возможности пользоваться этимъ правомъ лично,

кричить, что они сами крѣпостные правительства, что правительство дурно, что нужно его преобразовать и т. п. Безспорно, они правы во второй части своихъ доводовъ, но первая посылка ихъ невѣрна, правительство худо, но и они сами не лучше его; годъ назадъ, пользуясь крѣпостнымъ правомъ, голосъ ихъ не былъ вовсе слышенъ въ обвиненіи правительства, а почему? потому, что правительство поддерживало еще порядокъ вещей, выгодный для нихъ. потому, что правительство покровительствовало еще имъ, и они, ни мало не думая о высшихъ интересахъ общества, пользовались крѣпостнымъ трудомъ и были совершенно благополучны. Подобное соединеніе и примиреніе двухъ совершенно противоположныхъ партій, каковы тверское меньшинство и большинство, не есть новость: въ исторіи другихъ государствъ нерѣдко встрѣчались подобные же примѣры; но связь эта непрочна,—рано или поздно они узнаютъ себя, и разрывъ будетъ несомнѣненъ. По моимъ убѣжденіямъ, я не могу соединиться съ крѣпостниками во имя общаго нашего неудовольствія противъ правительства, неудовольствія, имѣющаго совершенно различный источникъ; напротивъ того, такъ какъ, въ данный моментъ, правительство лучше крѣпостниковъ, то я соединюсь скорѣе съ первымъ, чтобы побѣдить вторыхъ; наконецъ, я не вижу никакой разницы между правительствомъ и дворянствомъ, и если первое дурно, то это именно потому, что и большинство второго, откуда и взялось наше правительство, не лучше его; не будь у насъ такого дворянства, не было бы у насъ и такого правительства; да и въ самомъ правительствѣ есть двѣ партіи; нынче восторжествовало въ немъ меньшинство, а потому правильнѣе и благоразумнѣе поддержать его, чѣмъ соединяться съ большинствомъ дворянъ, которое нетрудно будетъ правительству, въ случаѣ нужды, улагодить, повернувъ только не въ либеральную сторону. Унковскій въ своей запискѣ къ новоторжскому дворянству доказываетъ, что помѣщикамъ лучше получить что-нибудь, чѣмъ ничего, и что истинные ихъ интересы требуютъ обязательнаго выкупа (это совершенно безспорно), а потому дворянству лучше отказаться отъ 30 р. и получить отъ правительства выкупной ссуды всего 120 р., вмѣсто полныхъ 150 р. Съ экономической точки зрѣнія не все равно, однако, получить 120 руб., вмѣсто 150, но съ политической лучше; дѣло въ томъ, что съ выкупомъ дворянство совершенно развязывается съ крестьянами, а правительство, напротивъ того, связывается съ послѣдними такимъ образомъ, что относительныя ихъ роли перемѣняются: теперь крестьяне стоятъ за правительство, потому что оно ихъ освободило и идутъ противъ дворянъ, тогда же они не могутъ быть противъ дворянъ, потому что ни оброка, ни барщины

не будет существовать, а будет только подать и долговая уплата передъ правительствомъ. Я совершенно сочувствую этому образу дѣйствій, но не сочувствую большинству дворянства, а также не понимаю ихъ жертвы—30 р. с. на пользу политическаго идеала, совершенно для нихъ чуждаго. Губернскій тверской мировой съѣздъ въ собраніи своемъ единодушно постановилъ ходатайствовать у правительства разрѣшеніе обязательнаго выкупа; члены съѣзда заявили правительству полное свое довѣріе и, съ своей стороны, просятъ его оказать ему такое же. Проѣзжая Осташковъ, я говорилъ съ тамошними двумя посредниками, болѣе тяготящимися къ крѣпостному праву, и видѣлъ ихъ двусмысленное положеніе среди вопроса, которому они не сочувствуютъ. Мое убѣжденіе таково, что во всякомъ обществѣ меньшинство людей передовыхъ должно восторжествовать въ борьбѣ своей съ предрасудками и коснѣніемъ общества, но всякая истина торжествуетъ не вдругъ, т.-е. переворотъ дѣлается постепенно, но не скачками; постепенность эта очень скучна, не спору, она приводитъ часто въ отчаяніе людей нетерпѣливыхъ, холерическаго темперамента; но она необходима и естественна; мы не видимъ ломки въ самой природѣ, ходъ жизни ея идетъ плавно и незамѣтно; такъ должно быть и въ обыкновенной жизни,—это есть правильная реформа. Революція другое дѣло,—это ураганъ, крушеніе, она увлекаетъ, но и сокрушаетъ, бываютъ эпохи—она необходима, но никогда нежелательна, поэтому-то тѣ люди, стремленія и убѣжденія которыхъ на столько далеки отъ преобладающихъ въ данный моментъ въ обществѣ элементовъ, что для осуществленія своего они потребуютъ ломки, должны быть умѣрены голосомъ благоразумія и признанія интересовъ большинства, столь же святыхъ, какъ и ихъ собственный интересъ. Мой общественный идеаль—соціализмъ, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы я, не видя никакихъ данныхъ въ обществѣ для его осуществленія, проводилъ бы мои убѣжденія на счетъ интересовъ большинства общества, вовсе не желающаго и не признающаго моего идеала; довольно того, если и теоретически провожу мой взглядъ на предметъ, но въ практической дѣятельности я не считаю за собой права внушать, напр., крестьянамъ непризнаніе собственности, а поэтому и ренты, или оброка помѣщику; это можетъ повести только къ временной анархіи, послѣ чего интересы большинства, не созрѣвшіе до идеала соціализма, опять—таки взойдутъ въ свое обыкновенное русло, на время уклоненное отъ обычнаго своего теченія. Меньшинство тверскихъ дворянъ поступаетъ иначе; я слышалъ, напр., объясненія посредниковъ съ крестьянами, не платящими оброкъ, и если-бы я былъ на мѣстѣ этихъ крестьянъ, я вынесъ бы то убѣжденіе, что

платить оброка не слѣдуетъ, вслѣдствіе того, что если всѣ крестьяне задумають не платить оброка, то съ нихъ нѣтъ возможности его взыскать. То же самое можно сдѣлать и по отношенію податей или выкупныхъ платежей; но все это будетъ наносный слой; крестьяне наши ничего не поймутъ въ этомъ, кромѣ поползновенія къ анархіи, потому что далеки отъ политическихъ идеаловъ самоуправленія, отчетности въ финансахъ и т. п. Люди, соврѣвшіе въ обыкновенной жизни, совсѣмъ иначе смотрятъ на все это, чѣмъ нашъ народъ, который пока можно повести то въ ту, то въ другую сторону; а по моему, правильнѣе предоставить рѣшеніе самому народу, куда ему идти; ставши же во главѣ его съ впередъ заданнымъ планомъ, ни къ чему прочному не поведешь.

Мнѣ говорили въ новоторжскомъ уѣздѣ, будто бы на одной волостной сходкѣ, на коей мировой посредникъ отдавалъ міру отчетъ въ штрафныхъ деньгахъ, нѣкоторые крестьяне обратились къ нему съ просьбой, отчего они не знаютъ, куда дѣваются земскій сборъ и подати, собираемые съ нихъ, и что нужно будетъ дойти до губернатора по этому дѣлу. Это прекрасно, но только въ томъ случаѣ, если это не навѣяно на нихъ верхогляднымъ фразерствомъ съ ними, т. е. если требованіе это дѣлается съ серьезнымъ сознаніемъ необходимости отчета и съ желаніемъ его повѣрить, но если это только слова, да притомъ наносныя, то они ни къ чему прочному не поведутъ.

Мнѣ удалось имѣть сужденіе съ нашими крестьянами относительно повемельной недоимки за 3 прошлыхъ года, сдѣланной вслѣдствіе несвоевременнаго разчета казенною палатою относительно этого сбора. Крестьяне очень легко убѣдились и согласились въ этой недоимкѣ, и я не вижу никакой надобности настраивать ихъ на тонъ требовательности отчета въ ихъ повемельномъ сборѣ, потому что, кромѣ возбужденнаго состоянія ихъ духа, безъ всякаго практическаго и полезнаго результата, это ни къ чему иному не привело бы ихъ, а потому мнѣ кажется, что гораздо лучше и полезнѣе было бы для настоящаго времени подобный отчетъ отъ правительства требовать лицамъ, понимающимъ дѣло, въ законныхъ формахъ, безъ возбужденія народа; это говоритъ благоразуміе, но если спросить голоса страсти, то, пожалуй, и я не прочь къ болѣе энергическимъ мѣрамъ, но это только порывъ.

Дѣло составленія уставныхъ грамотъ идетъ въ тверской губерніи лучше, чѣмъ гдѣ-либо, есть участки въ уѣздахъ, гдѣ всѣ онѣ уже представлены къ посреднику; въ губернскомъ присутствіи на храненіи находится болѣе 400, тогда какъ у насъ не болѣе 50, а есть уѣзды, гдѣ почти нѣтъ ни одной грамоты. Успѣшность этого

дѣла обязана дѣятельности мировыхъ посредниковъ, людей лучшихъ изъ тверскихъ дворянъ; но въ этомъ отношеніи тверская губернія находится въ выгодномъ положеніи: въ ней живетъ множество дворянъ; губернія эта небольшая, густо населенная, дворяне часто сѣзжаются между собой для разсужденія о своихъ и общихъ дѣлахъ, вездѣ слышны и толки, и споры; въ каждомъ домѣ общій вопросъ на устахъ всѣхъ; говорятъ и о крестьянскомъ судѣ, и о волостномъ сходѣ и т. д.; у насъ же совершенно обратно, болѣе молчать, а если уже начнутъ говорить о крестьянскомъ дѣлѣ, то это въ смыслѣ неудовлетворительнаго выполненія крестьянами повинности. т.-е. оброка и барщины, особенно жалобы на послѣднюю пополняютъ собой досужую бесѣду нашихъ помѣщиковъ, но дальше этого никто не идетъ.

И дѣйствительно, барщинная работа идетъ дурно, но, пока нѣтъ средства вдругъ бросить ее, нужно терпѣть это зло, отстраняя по возможности другое вредное ея условіе, именно дурныя личныя отношенія съ крестьянами. Я прямо сказалъ крестьянамъ, что ссориться съ ними изъ-за барщины не намѣренъ и предоставляю это дѣло ихъ совѣсти,—хорошо будутъ работать, тѣмъ лучше для меня, дурно—я понесу убытокъ, но все-таки жаловаться на нихъ не буду, на томъ основаніи, что рано или поздно они увидятъ, кто былъ правъ и кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Работаютъ у насъ дурно, какъ и вездѣ, но я сохранилъ пока хорошія отношенія, что имѣетъ не малую важность. На-дняхъ нашъ посредникъ прибудетъ для введенія въ дѣйствіе уставной грамоты въ нашемъ имѣніи; увижу, какъ пойдетъ это дѣло. Недавно былъ у меня нашъ становой съ статистическими свѣдѣніями по своему стану, изъ коихъ видно, что нынѣшній годъ вслѣдствіе дарованія крестьянамъ личныхъ правъ было на 75 браковъ больше противъ прошлагоднихъ; подати, какъ говорили мнѣ въ казначействѣ, были внесены своевременно и успѣшно.

15-го января.

Вчера и третьяго дня мировой посредникъ Пуцигъ былъ у насъ для провѣрки и утвержденія уставной грамоты. Домохозяева были вызваны къ намъ въ усадьбу и, въ присутствіи должнаго числа добросовѣстныхъ, были прочитаны, растолкованы и утверждены грамоты 5-ти нашихъ деревень. Крестьяне ихъ не подписали; во всѣхъ протоколахъ по этому вопросу сказано, что хоть они и поняли сущность дѣла, но подписать не рѣшились; одни потому, что не желаютъ первыми начинать подобнаго дѣла, а посмотрятъ на мѣръ, на людей; другіе потому, что не знаютъ казеннаго поло-

женія, царской нарѣзки, считая все сдѣланное дѣломъ частнаго произвола, трети, наконецъ потому, что земля ихъ не такъ хороша, какъ-бы имъ хотѣлось ее имѣть. Словомъ, грамоты не подписаны и, главнымъ образомъ, потому, что крестьяне, по совершенному несознанію всего совершающагося, просто боятся наложить сами на себя руку; они не довѣряютъ, боятся, ждутъ чего-то и, какъ люди темные, не могутъ рѣшиться на дѣло большой для нихъ серьезности. Въ нихъ происходила борьба двухъ чувствъ: съ одной стороны—недовѣрія и страха, съ другой—сознанія, что ихъ никогда не обманывали и что они стоятъ къ намъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Имъ было какъ будто совѣстно за себя, у нѣкоторыхъ были слезы на глазахъ, и всѣ они были въ большомъ волненіи, колебались, указывали другъ на друга, говоря: „это мірское дѣло“ и тому подобное. Доводы, приводимые ими, не собственно противъ грамоты, а противъ подписи, по несостоятельности своей были разрушаемы посредникомъ; нѣкоторыя деревни не имѣли, повидимому, никакихъ доводовъ, потому что имъ было по грамотѣ предоставлено ваять свою землю, гдѣ имъ угодно, даже съ надбавкою противъ казенной 6-ти-десятичной нарѣзки, тѣмъ не менѣе они добровольнаго согласія не заявили, а кончали всегда тѣмъ: какъ прикажутъ, такъ и будетъ, какая казенная нарѣзка будетъ, такъ и хорошо, что будетъ съ людьми, то и съ нами и т. д., словомъ, были въ положеніи людей, которые не могутъ сказать ни да, ни нѣтъ. — Я предлагалъ крестьянамъ, говорившимъ о дурномъ качествѣ своей земли, отказаться отъ нея, доказывая имъ, однако, на фактахъ, имъ лучше меня извѣстныхъ, что нигдѣ нельзя нанять землю по 56¹/₄ к. за десятину, платя за которую имъ приходится получить каждую изъ 4-хъ послѣднихъ десятинъ своей нарѣзки. Крестьяне удерживали за собой землю, говоря, съ одной стороны, что безъ нея обойтись нельзя, а съ другой, что она имъ не нужна, и коль скоро дѣло доходило до какого-нибудь окончательнаго результата, т.-е. до отказа или до принятія земли, то они поворачивали въ противоположную сторону. Ясно видно, что они собственно ничего не могутъ сказать противъ грамоты, но просто боятся неизвѣстности, новизны и лавируютъ между всякимъ окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла. Я не настаивалъ на подписи грамоты, считая это дѣло совершенно лишнимъ; тамъ, гдѣ нѣтъ полного сознанія своихъ дѣйствій, тамъ странно ожидать окончательнаго принятія какого-нибудь рѣшенія; въ случаѣ неудачи отвѣтственность падаетъ на самого себя, къ чему наши крестьяне не привыкли отъ вѣковой опеки надъ ними.

Я вполне понимаю, что полного, слѣплого, безграничнаго довѣрія къ намъ быть въ нихъ не могло,—это свойственно только лю-

дямъ. стоящимъ другъ къ другу въ отношеніяхъ павоса, страсти, напрімѣръ, какъ у влюбленныхъ людей, иначе при общемъ довольно большомъ довѣрїи, оказываемомъ въ другихъ случаяхъ, экстренный, особенный случай, выходя изъ ряда обыкновенности, долженъ ставить все-таки людей въ положеніе недовѣрїя. Многіе крестьяне не хотѣли даже новаго душевого по Положенію оброка, и нужно было доказывать имъ цифрами, что бывшій тягловой оброкъ въ 30 р. значительно меньше 17 или 18 руб. с., которые пойдутъ съ нихъ съ тягла по уставной грамотѣ. Оброчные крестьяне съ 1-го января считаются на новомъ душевомъ оброкѣ, барщинные же переходятъ на оброкъ по окончаніи молоченія, т.-е. около 1-го марта, иначе нельзя было сдѣлать: хлѣбъ остался бы немолоченнымъ; всѣ они не отказывались отъ оброка. но желали бы сѣять съ 1-го января, что я, однако, не могъ допустить безъ большого ущерба въ хозяйствѣ, не имѣя машины для молоченья, единственной оставшейся на крестьянахъ работы. Всѣ грамоты поступаютъ на мировой сѣздѣ на утвержденіе, потому что по нимъ предполагается отрѣзка земли отъ высшаго надѣла. Крестьянамъ были выданы копїи съ протоколовъ, по которымъ они могли бы обжаловать грамоты, и смѣшно было слышать ихъ наивный вопросъ, слѣдуетъ ли это сдѣлать непременно и слѣдуетъ ли имъ идти всѣмъ на мировой сѣздѣ. Посредникъ выказалъ большое терпѣніе въ своихъ объясненіяхъ съ крестьянами, но, вѣроятно, я бы имѣлъ большій успѣхъ, еслибы владѣлъ лучше способностью хорошо говорить и внятно читать. Я очень усталъ отъ двухъ дней неумолкаемыхъ толковъ съ крестьянами, которые во все время были крайне вѣжливы, предупредительны и хороши съ нами.

Когда-то окончатся эти срочно-обязанные отношенія, эта булавка между нами, мѣшающая болѣе близкому сближенію!

23-го января.

Вчера я возвратился съ мирового сѣзда изъ Демянска и вынесъ съ собою предурное впечатлѣніе относительно дѣятельности посредника Шестакова. Онъ смотритъ, повидимому, на свое призваніе съ точки зрѣнія земской полиціи, онъ относится къ крестьянамъ не иначе, какъ со стороны отвѣтствующей, онъ видитъ въ совершающемся великомъ дѣлѣ несправедливую борьбу и съ своей стороны помогаетъ дворянамъ имѣть въ ней всегда и во всемъ перевѣсъ надъ крестьянами. Обращаясь съ крестьянами съ этой односторонне-пристрастной и крайне несправедливой точки зрѣнія, онъ совершенно не соответствуетъ позтому своей роли посредника,

онъ заступникъ дворянъ противъ крестьянъ, въ которыхъ видитъ мошенниковъ, негодяевъ и тому подобное, что онъ постоянно и выставляетъ на видъ съѣзду, каждый разъ, когда только предлагается какое-нибудь дѣло на его обсужденіе. Крестьяне понимаютъ его очень хорошо, а онъ удивляется, что они не имѣютъ къ нему довѣрія,—довѣрія къ исправнику!

Ко всемъ, бывшимъ въ разсмотрѣніи, дѣламъ на съѣздѣ, Шестаковъ относился съ этой стороны, и потому понятно, что я долженъ былъ стать на противоположную сторону, чтобы уравновѣсить положеніе; я прямо дѣлался адвокатомъ крестьянъ, даже по дѣламъ, гдѣ право ихъ было сомнительно. На слѣдующій разъ я заявлю во всеуслышаніе, что отнынѣ я откровенно принимаю на себя роль адвоката интересовъ крестьянъ, которые иначе должны являться на нашъ судъ, какъ отвѣтчики, и ясно, что, по невѣжеству своему и не имѣя за себя никого, они будутъ проигрывать свои дѣла. Крестьяне очень хорошо оцѣнили Шестакова, онъ самъ вызываетъ ихъ на дерзости; я сказалъ Обрѣзкову, что для предупрежденія этихъ, искусственнымъ образомъ вызванныхъ проступковъ крестьянъ, влекущихъ за собой арестъ при земскомъ судѣ, я прошу его тотчасъ же удалять крестьянъ по выслушаніи ихъ просьбы или жалобы, что уже и было примѣнено два раза въ послѣдній день нашихъ засѣданій. Всѣ предложенія, дѣлаемые Шестаковымъ, клонятся къ интересу дворянъ, чего я окончательно не допускаю, говоря, что для мировыхъ учреждений интересъ обѣихъ сторонъ долженъ быть святъ и неприкосновененъ одинаковымъ образомъ, и что я никогда не соглашусь ни на какое предложеніе, клонящееся къ ущербу крестьянъ; такъ, напримѣръ, по дѣлу г-жи Лутковской, крестьяне которой платятъ небольшой оброкъ, Шестаковъ хотѣлъ ходатайствовать объ увеличеніи оброка, на томъ основаніи, что имѣніе это было въ опекунскомъ правленіи, и потому помѣщица не могла увеличивать оброковъ, которые низки сравнительно съ окружными деревнями. Я рѣшительно отклонилъ всякое сужденіе по сему предмету, какъ противное смыслу и статьямъ Положенія.

Мои уставныя грамоты были утверждены; крестьяне явились не для обжалованія ихъ, собственно говоря, потому, что ни на что не жаловались, а просто говорили, что они не могутъ подписать грамоты, потому что не видали въ натурѣ своей нарѣзки, въ чемъ они справедливы, хотя нарѣзка эта въ нѣкоторыхъ деревняхъ предоставлена имъ самимъ. Шестаковъ при разговорѣ съ нашими крестьянами и тутъ тоже хотѣлъ ввернуть два-три замѣчанія съ своей точки зрѣнія; но я прямо остановилъ его, сказавъ, что я

крестьянами очень доволенъ и что они хорошіе люди и если и не подписываютъ грамоты, то совсѣмъ не отъ того, что онъ думаетъ. Мнѣ кажется, что наши крестьяне не безъ пользы были на съѣздѣ; они увидѣли, что я ихъ не обманываю, и я думаю, что выигралъ нѣсколько въ ихъ ко мнѣ довѣріи.

Съѣздъ продолжался 4 дня, и мы сдѣлали 24 постановленія. На будущей недѣлѣ я отъѣзжаю въ Москву для составленія уставной грамоты въ клинскомъ уѣздѣ: посмотрю, какъ смотрятъ на все это дѣло тамошніе крестьяне и дворяне; вѣроятно въ общихъ чертахъ то же самое, что и у насъ; но я думаю, что тамъ будетъ труднѣе сговориться съ крестьянами, хотя, собственно говоря, въ Семенскомъ все должно рѣшиться просто, прямымъ выкупомъ.

Село Исаково, 12-го марта 1862 года.

Волѣе шести недѣль я ничего не писалъ сюда, что происходило конечно отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ крестьянскимъ дѣломъ, т.-е. отъ причинъ личныхъ,—тѣмъ не менѣе, въ этомъ отношеніи, во все это время, у насъ былъ застои, о которомъ, по правдѣ, нельзя ничего сказать особенно интереснаго, или достойнаго вниманія. Самое замѣчательное обстоятельство, по своему отношенію къ крестьянскому вопросу, случилось вчера: это былъ *последній день барщины* въ Исаковѣ, это былъ день, въ который навсегда прекратились издѣльная повинность крестьянъ и связанный съ этой повинностью цѣлый рядъ отношеній, неестественныхъ, вредныхъ для обѣихъ сторонъ. Со вчерашняго дня долженъ начаться сельскохозяйственный переворотъ въ имѣніи, и я на столько уже присмотрѣлся къ этому дѣлу, что желалъ бы одного,—чтобы въ продолженіи 3-хъ, 4-хъ лѣтъ выдержать борьбу противъ дороговизны рабочихъ, моей личной неопытности и всеобщаго неурядиства нашего новаго хозяйства, т.-е. протянуть это время, не получая никакого дохода, но имѣя только возможность прожить около хозяйства. Первые годы рабочіе будутъ дороги, притязательны и дурны; я нанялъ пока двухъ годовыхъ работниковъ за 50 руб. каждаго; на лѣто, т.-е. на 7 мѣсяцевъ, я рассчитываю давать отъ 30—35 руб., но не знаю, найду-ли ихъ, сколько будетъ нужно, т.-е. 8 чело-вѣкъ. Я очень радъ, что у насъ сложилось, въ Руссѣ, сельскохозяйственное общество и при ономъ банкѣ,—это дастъ возможность найти, на первое время, необходимый, небольшой оборотный капиталъ; съ другой стороны можно будетъ чрезъ посредство конторы общества выписать нужныя машины, сѣмена, даже и работниковъ.

На прошлой недѣлѣ, т.-е. 5-го марта, была годовщина обноро-

дованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ; цѣлый годъ прошелъ, и мы посмотримъ безпристрастно, что онъ принесъ съ собой, что выработалось у насъ въ это время, кто что потерялъ и выигралъ; словомъ, сведемъ наши счеты за это время. Годъ этотъ принесъ съ собой много перемѣнъ для обѣихъ сторонъ, но онъ болѣе памятенъ помѣщикамъ, чѣмъ крестьянамъ. Мнѣ кажется, что первые много потеряли въ матеріальномъ отношеніи и выиграли въ нравственномъ; во 1-хъ, всѣ помѣщики примирились, поневолѣ, со своимъ новымъ положеніемъ и усвоили себѣ новый порядокъ вещей гораздо лучше и прочнѣе, чѣмъ крестьяне. Я не хочу дѣлать этимъ упрека крестьянамъ: понятно, что люди, значительно выше ихъ стоящіе по образованію, понятіямъ и зрѣлостью характера, должны были скорѣй привыкнуть къ новому началу законности и равноправія; во 2-хъ, всѣ помѣщики, волей-неволей, совершенно отказались отъ своей прежней безправности, безнаказанности и произвола, отношенія ихъ къ крестьянамъ окончательно вошли въ русло законности; съ ихъ стороны нѣтъ и не можетъ быть излишней притязательности, а если она случается иногда, то тотчасъ же нарушенное право крестьянъ восстанавливается мировыми учрежденіями; наконецъ въ 3-хъ, помѣщики примирились, болѣе или менѣе, со своимъ утраченнымъ, старымъ положеніемъ, и, не имѣя возможности идти противъ силы вещей, т.-е. противъ обстоятельствъ, одни пошли откровенно, чистосердечно новымъ путемъ, другіе дуясь и бранясь втихомолку, но все таки бредутъ за первыми, такимъ образомъ, что упорно стоящихъ на прежнемъ нѣтъ и быть не можетъ. Я не могу сказать того же про крестьянъ,—въ нихъ произошла также перемѣна, но это въ смыслѣ броженія умовъ, незнанія, чего имъ хотѣтъ, ожиданія чего-то невѣдомаго, словомъ, нравственная неурядица. Вчера, напр., неурядица въ ихъ головахъ высказалась самымъ оригинальнымъ образомъ; въ нихъ распространилось мнѣніе, что подписывать грамотъ не нужно, что это значитъ *навѣкъ обязаться*, что будетъ казенная цѣпь, которая наръжетъ имъ землю, что все, что дѣлается теперь, не то, что указано отъ Царя; даже дворовые люди, пожелавшіе сами отойти, не берутъ увольнительныхъ актовъ; словомъ, никто не рѣшается ни на что, всѣ чего-то ждутъ, сами не сознавая, однако, чего; и такъ, вчера 2 нашихъ работника упирались, болѣе часа, противъ требованія моего подписать заключенное съ ними условіе. Противъ условія возраженій съ ихъ стороны нѣтъ, оно составлено по обоюдному согласію, деньги ваяты впередъ въ счетъ жалованья, а подписаться боятся, а потому и уклоняются; я настоялъ, однако, на подписи, сказавъ, во 1-хъ, что если я даю имъ впередъ мои деньги.

то хочу имѣть обезпеченіе, чтобы не бросать ихъ даромъ, а, во 2-хъ, если мы не подпишемся подъ этимъ условіемъ, то и я могу то же отпереться отъ моихъ словъ и сказать напр., при расчетѣ, что я нанялъ ихъ за 40, а не за 50 руб. сер. въ годъ. Работники подписались, но не сразу уломалъ я ихъ въ этомъ.

Въ матеріальномъ отношеніи положеніе крестьянъ за нынѣшній годъ вообще не измѣнилось; облегченіе ихъ повинностей предъ помѣщиками относилось, главнымъ образомъ, къ крестьянамъ барщиннымъ; оброкъ оставался неизмѣненнымъ. Барщинные крестьяне стали меньше ходить на господскую работу, стали хуже работать, словомъ, имъ сдѣлалось легче. но это только въ смыслѣ труда; результата же отъ этого новаго порядка вещей для благосостоянія крестьянъ не могло быть въ это короткое время никакого. Крестьяне, можетъ быть, заработали по нѣсколько рублей на жнивѣ и другихъ сѣвнскихъ лѣтнихъ работахъ у помѣщиковъ, но зато для нихъ требовался расходъ на содержаніе ихъ сельскихъ управленій. Крестьяне въ тѣхъ особенно имѣніяхъ, гдѣ никогда не было ни стоговъ, ни поборовъ, продолжали тратить на барскую работу то же самое количество времени; но такъ какъ, по неуспѣшности работъ въ нынѣшнемъ году, онѣ кончились повдно, то никто изъ крестьянъ не могъ воспользоваться зимнимъ свободнымъ временемъ, чтобы сходить на сторонній заработокъ и принести себѣ домой денегъ; словомъ, много времени было растрачено нынѣч непронзводительнымъ образомъ для обѣихъ сторонъ; но цѣною этихъ, ни на что употребленныхъ, дней крестьяне купили, однако, заманчивое, одуряющее сознаніе считать себя людьми свободными. Что-жъ дѣлать,— можетъ быть, со временемъ, покупка эта и пригодится на чтонибудь. но нынѣ она ни къ чему не послужила, кромѣ взаимной натянутости отношеній, взаимныхъ разборовъ, тягательствъ, домогательствъ и тому подобное. Крестьяне не могли также выиграть за прошлый годъ (столько, сколько помѣщики) въ сознаніи зарождающагося новаго общественнаго интереса; они, какъ и всегда, дѣйствовали или изолированно, или силой инерціи молчанія; дворяне многихъ губерній, напр., тверской, владимірской и другихъ, окончательно сознали необходимость дружнаго дѣйствія въ общественномъ дѣлѣ. Дворяне, отказавшись, отрѣпившись отъ стараго, пошли, въ силу поступательной силы прогресса, впередъ на поприщѣ гражданственности; всѣ заявленія, протоколы и адреса къ государю бывшихъ дворянскихъ собраній носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ. Я знаю, что для многихъ побудительной причиной къ этому новому шагу служило злорадство противъ правительства, которому они думаютъ подставить ногу; но зато многіе, и очень многіе

дѣйствуютъ совершенно откровенно, честно и безъ всякой задней мысли. Я дошелъ до необходимости описать здѣсь всю тверскую исторію 13-ти мировыхъ посредниковъ, посаженныхъ въ крѣпость; но не сдѣлаю этого, а отмѣчу только здѣсь обстоятельство это ожиданіемъ и надеждою, что все дѣло это уладится; я думаю, что хотя оно сдѣлалось нѣсколько скороспѣло, тѣмъ не менѣе правда на ихъ сторонѣ, хотя не за нихъ вопросъ времени. Я былъ въ Твери на экстраординарномъ собраніи 1-го февраля, читалъ потомъ ихъ протоколъ, адресъ и несчастное заявленіе 13-ти посредниковъ и вполне согласенъ съ ними во многомъ. Наши же новгородскія тундры мертвенны и тихи, мы сидимъ насупившись, молчимъ. Иногда ругнемъ правительство, но дѣйствовать намъ неохота; да и людей нѣтъ для этого: люди пообразованнѣе, посостоятельнѣе живутъ въ Петербургѣ, въ рядахъ бюрократіи, а туземцы, народъ и мало образованный, и мало состоятельный, заняты болѣе сельскимъ хозяйствомъ, чѣмъ внутренней политикой, зато у насъ тишь да гладь, да Божья благодать: все дѣлается безпрекословно, по приказанію начальства, которому мы служимъ *ad libitum*. Получилъ увѣдомленіе отъ посредника, что 15-го числа будетъ введеніе уставной грамоты въ имѣніи.

22-го марта.

Введеніе въ дѣйствіе нашихъ уставныхъ грамотъ воспослѣдовало 15, 16 и 17 чиселъ. Не скрою, что три дня этихъ принесли мнѣ, кромѣ хлопотъ и споровъ съ крестьянами, не мало и огорченія. Зная крестьянъ и ихъ духъ, я буду, однако, несправедливъ, если обвиню ихъ. Фактъ бывшихъ для меня неудовольствій, вслѣдствіе ихъ страннаго и непонятнаго упорства перейти на оброкъ съ барщины, которую я уничтожалъ исключительно имѣя въ виду ихъ матеріальную и нравственную пользу, взятый отдѣльно, независимо отъ духа времени и новизны всего совершающагося въ крестьянскомъ дѣлѣ, не можетъ не повести ни къ чему иному, какъ къ обвиненію крестьянъ; но если взять въ соображеніе всѣ смягчающія обстоятельства, т.-е. всеобщее, до высшей степени доведенное недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ, а главное ихъ темноту и невѣжество, то скорѣе должно сожалѣть о нихъ. Чѣмъ бранить ихъ, скорѣй нужно подавить въ себѣ чувство неудовольствія, чѣмъ дать ему волю. Крестьяне упирались самымъ нелѣпымъ образомъ оставить ненавистную для нихъ барщину и не хотѣли сѣсть на оброкъ, который по величинѣ своей не могъ оставить никакого сомнѣнія, въ нѣсколько здравомыслящемъ человѣкѣ, въ его выгоду и преимуществѣ предъ надѣльною повинностью. Оброкъ этотъ па-

далъ различнымъ образомъ на разныя деревни, такъ, напр., въ Мамоновщинѣ онъ доходить до 20 руб. на тягло, въ Кадниковѣ до 15 руб. сер., въ Дорофеевѣ до 18 руб., въ Гоголинѣ до 12 руб. сер. и въ Лаптевѣ до 19 руб. сер. Равница эта зависитъ отъ болѣе или менѣе выгоднаго отношенія ревизскихъ душъ къ тягламъ, т.-е. къ плательщикамъ; но ни въ одной деревнѣ онъ не достигаетъ до прежде бывшаго барскаго тяглового оброка, общаго для всѣхъ деревень, т.-е. 21 руб. 43 коп. сер. деньгами и рублей 7 сер. съ копейками работами, словомъ, до 30 руб. сер. Тягость барщинной повинности относительно душевого по Положенію 9 руб. оброка такъ значительна, что нужно быть вполне слѣпымъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ, чтобы упираться между выборомъ 70 рабочихъ дней, т.-е. 40 мужскихъ и 30 женскихъ дней, и душевымъ 9 рублевымъ obroкомъ. Переводя крестьянъ на оброкъ, даже при нѣсколько удовлетворительной барщинной работѣ, т.-е. при одномъ соблюденіи всего полнаго числа дней, безъ прогуловъ, помѣщикъ необыкновенно много теряетъ въ матеріальномъ отношеніи; онъ даже не освобождается и отъ нравственной неприятности; хлопоты съ вольнонаемными работниками не менѣе часты и неприятны, какъ и съ барщиннымъ работникомъ, особенно у насъ, гдѣ народъ вообще смиренъ, боязливъ предъ полицейскою властью и исполнителемъ въ неизбѣжно законныхъ требованіяхъ всякой административной власти. Я никакъ не думалъ, чтобы, переводя нашихъ крестьянъ на оброкъ, они этимъ самымъ почтутъ себя обиженными и притѣсненными мною. Вышло наоборотъ: ни я, ни мировой посредникъ не могли уговорить крестьянъ; они упорно, настойчиво, частью даже рѣзко отговаривались отъ оброка, такимъ образомъ, что все дѣло это я считалъ уже совершенно потеряннымъ. Я долженъ отдать полную справедливость прекрасному и вполне соответствующему своему назначенію образу дѣйствій нашего посредника. Пущинъ, какъ я давно замѣтилъ, значительно измѣнился какъ въ своихъ убѣжденіяхъ, такъ и въ личномъ характерѣ со времени вступленія своего въ званіе посредника; 10-ть мѣсяцевъ новой его дѣятельности, вслѣдствіе ежедневныхъ столкновеній частью съ несправедливыми требованіями помѣщиковъ, частью съ людьми болѣе современнаго образа мыслей, нежели онъ самъ, значительно подвинули его въ правильномъ пониманіи совершающейся реформы въ Россіи. Пущинъ показалъ у насъ много терпѣнія и много снисходительности къ неизбѣжнымъ слабостямъ и недостаткамъ крестьянъ; онъ ни разу не вышелъ изъ своей роли примирителя; онъ долготерпѣливо выслушивалъ притязанія болѣе крикливыхъ, чѣмъ дѣйствительно непокорныхъ и буй-

приказаль бы". Чтеніе статей Положенія, словесное разъясненіе ихъ ничуть не помогаютъ къ разъянїю этихъ нелѣпыхъ вѣрованій крестьянъ; они твердо упираются въ томъ, чего имъ не хочется. напр., расчетъ оброка на десятины ни за что не усваивается крестьянами. и каждый разъ, какъ только дѣло доходитъ до объясненія этого расчета, они недоумѣваютъ и спорятъ, какъ будто слышать это въ первый разъ и какъ будто это есть новая хитрая штука, придуманная въ самое недавнее время; между тѣмъ они не хотятъ понять, что въ продолженіе года имъ твердить постоянно одно и то же. Крестьяне наши, при всемъ наружномъ упорствѣ своемъ, народъ очень смиренный, даже бояливый, слово законъ пугаетъ ихъ тогда, когда они сознаютъ что это есть дѣйствительно законъ; кромѣ того крестьяне вообще быстро переходятъ отъ одного нравственнаго состоянія къ другому, въ нихъ вообще нѣтъ характера, какъ у людей неразвитыхъ, напр., крестьяне расходятся, заспорятъ, упорничаютъ, кажется все дѣло пропало; чрезъ нѣсколько часовъ все это выдохнется, пропадетъ, и они идутъ къ вамъ съ совершенно новыми чувствами и требованіями, т.-е. соглашаются съ вами. Примѣръ недалекъ на нашихъ крестьянахъ: послѣ 2-хъ дней борьбы, споровъ, уговариваній, даже очень чувствительныхъ сценъ, ничто не могло убѣдить ихъ; я далъ имъ срока 2 дня, чтобы раздумать, прося посредника не подписывать протокола о нежеланіи ихъ перейти на оброкъ. Лаптево явилось ко мнѣ на другой день, еще при посредникѣ, и осталось на своемъ, даже просило копию съ протокола, чтобы обжаловать ее въ Новгородъ. Я хорошо знаю, что крестьяне наши не сумѣютъ и никогда никуда не пойдутъ дальше своей волости; но два, три крикуна изъ ихъ же среды, т.-е. мироѣда, сбиваютъ ихъ съ толку, совѣтуютъ разные исходы, хотя сами лично держатся въ сторонѣ, какъ будто дѣло это ихъ не касается, словомъ Лаптево взяло копию и дальше своей деревни никуда не ушло, а я объявилъ имъ, что они останутся на барщинѣ, вслѣдствіе чего и сдѣлалъ для нихъ расчетъ на основаніи Положенія. Покончивъ съ Лаптевымъ, я ожидалъ повостей изъ другихъ деревень; вечеромъ ко мнѣ пришли три деревни, со своими старостами, и, послѣ очень дружелюбнаго объясненія, пожелали перейти на оброкъ; мы поздравили другъ друга рюмкой водки; тѣмъ дѣло покончилось къ общему нашему удовольствію. Лаптево, узнавъ все происшедшее и оставшись изолированнымъ, перетрусило и пришло просить меня перевести ихъ на оброкъ; я рѣшительно оставилъ ихъ на барщинѣ, и они стали уже отбивать ее. Видя, что есть законъ, который выше ихъ произвола, они стали очень внимательны къ этой повинности. ходятъ во время

и т. д. Я просто имѣю хозяйственную выгоду оставить у себя 5 человекъ ежедневныхъ работниковъ, что избавляетъ меня отъ найма ихъ, значить отъ расходовъ, оброкъ же съ этихъ людей значительно меньше, чѣмъ наемная плата работниковъ. Но такъ какъ барщина по Положенію, хотя труднѣе оброка, но легче правильно и точно отбывающейся старой барщины, то крестьяне Лалтева вовсе не въ убыткѣ, оставшись на барщинѣ, и если они будутъ отбывать ее хорошо, т.-е. на нихъ не будетъ взысковъ и штрафовъ, то, сдѣлавъ мнѣ барышъ, они сами ничего не теряютъ, кромѣ стыда оставаться изъ всей вотчины однимъ на барщинѣ, что произошло, однако, вслѣдствіе ихъ наглого упорства, которое, въ свою очередь, проистекаетъ отъ руководства горлодера крестьянина Зари, котораго я срамилъ предъ цѣлымъ ихъ міромъ, объясняя ему всю безнравственность его образа дѣйствій.

2-го апрѣля.

Крестьяне нашей мѣстности болѣе и болѣе проявляютъ свою темноту и недовѣріе ко всему, что бы ни дѣлалось по вопросу уставныхъ грамотъ. Я окончательно убѣдился теперь, что вся эта путаница въ ихъ головахъ происходитъ отъ 2-хъ лѣтъ, указанныхъ въ Положеніи для составленія и введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, и никакія убѣжденія, никакія толкованія не могутъ разубѣрить ихъ, что эти 2 года не назначены для того, чтобы быть „по старому“, какъ они говорятъ, и что послѣ этого будетъ что-то такое новое, кака-нибудь особенная „Царская милость“. Вѣрованіе это до того сильно въ нашихъ крестьянахъ, что они, увидавши, напр., что новыя ихъ повинности легче старыхъ, тѣмъ не менѣе претендуютъ, упорствуютъ быть на новомъ положеніи, говоря, „что вѣроятно тутъ есть какой-нибудь обманъ со стороны помѣщика, иначе онъ не принялъ бы на себя подобнаго убытка, вѣроятно онъ дѣлаетъ это для того, чтобы *обязать* насъ навѣчно“, поэтому-то они и требуютъ „быть по старому“, полагая, что новое настанетъ такое, о которомъ имъ скрываютъ и которое имъ не говорятъ. Та же самая причина лежитъ въ отказѣ крестьянъ брать уставныя грамоты; „и безъ этой бумаги заплатимъ, какъ платили“, говорятъ они, полагая, что, взявъ грамоту, они *обязуются* навѣчно и не будутъ подлежать никакимъ новымъ льготамъ и правамъ, которыя достанутся въ удѣлъ крестьянамъ, болѣе благоразумнымъ и болѣе догадливымъ, т.-е. не взявшимъ грамоты. — Что дѣлать противъ подобнаго положенія? Выжидать, толковать, стоять твердо на законѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что время возьметъ свое и докажетъ крестьянамъ всю безрассудность ихъ недовѣрія. Я совершенно не

раздѣляю мнѣнія, что нужно дѣйствовать принудительно, а тѣмъ болѣе незаконнымъ образомъ; нужно твердо стоять на законѣ и дѣйствовать принудительно только тогда, когда есть явное сопротивленіе ему; послѣдняго, однако, очень страшатся наши крестьяне, вѣря до безконечности въ святость всякаго закона, а тѣмъ болѣе источника всякой власти и закона—въ Царя. Я съ грустью вижу, что никто почти изъ нашихъ помѣщиковъ этого не понимаетъ, можно посердиться на глупость крестьянъ, какъ сердятся, напр., на дѣтей, но это чисто процессъ физическій; чрезъ часъ на ребенка не сердятся, а дѣлаютъ дѣло, т.-е. поучаютъ его, толкуютъ и воспитываютъ изъ него человѣка. Наши помѣщики просто сердятся серьезно, и въ этомъ отношеніи я вижу большую солидарность между ними и крестьянами. Случай въ имѣніи Загарина, по введенію въ дѣйствіе уставной грамоты, служить подкрѣпленіемъ для моего мнѣнія. Тамъ та же самая исторія съ грамотой, ей не вѣрятъ, копій не берутъ и т. п.; можно посердиться въ это время, можно и призвать земскую полицію, когда дѣлается явное неповиновеніе закону, можно подвергнуть людей наказанію, но должно держаться самому на законной почвѣ; а мнѣ говорили, что исправникъ билъ крестьянъ, вслѣдствіе чего въ Гнукицѣ былъ шумъ, скандалъ; разумѣется, 4 крестьянъ наказали розгами,—это не важно, но важно то, что, проводя законъ, который это дозволяетъ, нужно быть самому въ законѣ, чего тамъ не было. Это-то и гадко!

5-го апрѣля.

На этихъ дняхъ я имѣлъ случай поговорить съ нѣкоторыми крестьянами о томъ, почему они не берутъ копій съ уставныхъ грамотъ. Вопросъ этотъ я сравнилъ съ копією купчей крѣпости и примѣрами доказывалъ крестьянамъ, какъ иногда бываетъ нужно имѣть въ своихъ рукахъ подобную копію, иначе какой-нибудь сутяга начнетъ искъ о томъ, что собственникъ не имѣетъ никакого права на свое недвижимое имущество, и, чтобы доказать ему его несправедливую притязательность, нужно бы было хлопотать о копіи съ купчей крѣпости, что неминуемо ведетъ къ расходамъ и волокитамъ. Крестьяне, повидимому, поняли меня, и одинъ изъ нихъ, принадлежащій той деревнѣ, которая не мало сопротивлялась взять копію, даже обрадовался, что она у нихъ въ рукахъ, когда я послѣ предыдущаго и очень нагляднаго объясненія ему предложилъ самъ отдать мнѣ ненужную для нихъ копію съ уставной грамоты, говоря, что я вполне увѣренъ, что рано-ль, поздно-ль, но непремѣнно будетъ время, когда она имъ понадобится, и что они много будутъ хлопотать, чтобы снова имѣть ее у себя. Крестьяне сознавали нелѣ-

постъ упорства ихъ не брать копій, извиняли себя своею темнотою и полнымъ невѣдѣніемъ всего, что до нихъ касается Я не совсѣмъ этому вѣрю, потому что не можетъ же быть, чтобы, послѣ неоднократныхъ объясненій моихъ всей процедуры уставныхъ грамотъ, въ памяти ихъ ничего не сохранилось объ этомъ дѣлѣ; хотя я неоднократно могъ замѣтить что вообще память крестьянъ очень слаба на нѣсколько теоретическія, отвлеченныя вещи, напр., цифры, объясненія и т. п. Нужно много толковать, вбивать въ голову нашимъ крестьянамъ, чтобы они что-нибудь себѣ усвоили. Но я не боюсь, чтобы все дѣло ихъ не уладилось бы тихо, смирно, хотя медленно; крестьяне наши сильно вѣрятъ въ Царя и Бога; эксплуатируя эти невыблимыя вѣрованія ихъ, ихъ можно привести, разумѣется съ умѣніемъ, до конца, куда хочешь. Другой будетъ вопросъ, когда кто или что нибудь станетъ поперекъ этихъ вѣрованій!

15-го апрѣли.

Въ настоящее время стали много писать, а еще болѣе говорить о представительномъ выборномъ правленіи. Я долженъ, однако, оговориться,—въ нашемъ околоткѣ никто и ни о чемъ подобномъ не говоритъ; у насъ въ этомъ отношеніи необыкновенная глубина премудрости; у насъ болѣе дѣйствуютъ органы питанія, чѣмъ мышленія. Я далекъ, однако, отъ того, чтобы сказать, что нужно пренебрегать совершенно отправлениями первыхъ органовъ и жить одними умозрѣніями: питаніе очень важно для организма. но постоянное и исключительное служеніе мамону какъ-то сроднѣ стаду, чѣмъ обществу. И такъ говорятъ о земскомъ соборѣ и представительномъ правленіи, созваніе перваго предсказываютъ даже вскорѣ послѣ тысячелѣтія Россіи, т.-е. говорятъ, что обнаруженіемъ этого новаго и важнаго права народнаго — созывать лучшихъ людей — ознаменуется день 1000-лѣтняго возраста Россіи. Вопросъ состоитъ въ томъ, что важнѣе въ настоящее время для русскаго народа: представительное-ли правленіе, или полное, всестороннее и окончательное разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, и возможно-ли первое безъ послѣдняго? Мнѣ кажется, что собственно для народа, т.-е. для массы, гораздо важнѣе хорошее мѣстное устройство его дѣлъ или, другими словами, для него нужнѣе удовлетвореніе первымъ насущнымъ потребностямъ всякаго общества, чѣмъ удовлетвореніе высшимъ утонченнымъ потребностямъ людей, болѣе его образованныхъ, болѣе его развитыхъ, т.-е. насъ, дворянъ. Для народа важнѣе хорошій уѣздный судъ, хорошая мѣстная полиція, хорошая мѣстная администрація, хорошій урожай, т.-е. матеріальное довольство, и хорошее элементарное его обученіе, т.-е. нравственное до-

вольство, а всѣ высшія потребности—въ парламентѣ, въ отвѣтственности министерствъ и т. п. для него не доступны и непонятны. Я не спорю, что одно связано крѣпко съ другимъ; но я боюсь, что, увлекшись вторымъ, мы не упустили бы изъ вида первое, и, занявшись парламентскими преніями, мы бы не стали забавляться въ игру словопреній, игру очень пріятную и легкую, позабывъ дѣло очень непріятное и трудное, и именно: работать съ народомъ и для народа, жить съ нимъ и для него. Тогда мы всѣ не возьмемъ-ли на себя роль руководителей и не отстранимся отъ званія исполнителей; мы всѣ не зададимся-ли высшими соображеніями чисто теоретическаго свойства и не отстранимся-ли отъ практической дѣятельности, несносной, брюзгливой, скучной, подчасъ невозможной; мы всѣ не устремимся-ли въ города, чтобы пожить, поговорить, поотвлеченничать въ обществѣ порядочныхъ людей, и не покинемъ-ли деревни, эти скучные оазисы мелкихъ хлопотъ, ежедневныхъ дразгъ, постоянного труда и убійственнаго одиночества, которое выпадаетъ на долю всѣхъ провинціаловъ, живущихъ въ помѣстьяхъ, безъ особенныхъ удобствъ жизни, безъ городского комфорта, безъ книгъ по случаю ихъ дороговизны и невозможности покупать для одного себя, безъ ежедневной почты. словомъ такъ, какъ живемъ мы, большинство среднепомѣстныхъ дворянъ. По моему мнѣнію, если-бы попы перестали-бы собирать съ народа Петровщину, если-бы становые не брали-бы взятку, если-бы земскій судъ не облагалъ податью всякаго имѣющаго въ немъ дѣло, если-бы уѣздный судъ рѣшалъ-бы дѣла безъ проволочекъ, если-бы были уѣздные врачи, которые избавили-бы народъ отъ ужасныхъ тѣлесныхъ недуговъ, если-бы всюду былъ-бы въ уѣздѣ проѣздъ, т.-е. мосты и дороги, если-бы крестьяне не терпѣли-бы недостатка въ хлѣбѣ весной, словомъ, если-бы все устроилось-бы хорошо въ уѣздѣ, то народу нѣтъ никакого дѣла до правительства и правленія; его правительство и правленіе исключительно мѣстныя. его заботы и думы по преимуществу насущный хлѣбъ, его счастье и довольство, главнымъ образомъ, въ связи съ мелкими туземными интересами,—такъ что, устроивши все это, мы гораздо скорѣй и лучше устроимъ вообще дѣло Россіи, чѣмъ заведя у себя, въ Петербургѣ, парламентъ, а въ провинціяхъ избирателей и депутатовъ.

Изъ всего предыдущаго можно, пожалуй, вывести такого рода заключеніе, что я стою за старый, отжившій порядокъ вещей, что я поклонникъ бюрократіи и централизаціи, что я не понимаю плодотворности начала самоуправленія, что я ничего не знаю объ Англии, словомъ, что я человѣкъ стараго закала и ретроградъ. Ничуть,—я признаю даже теперъ всю пользу созванія земскаго собора,

какъ учрежденія временнаго, чтобы Россія могла-бы высказать громко и откровенно про всё свои нужды, заботы, горести и страданія; я утверждаю, что польза подобнаго собранія людей опытныхъ, свѣдущихъ, честныхъ и желающихъ блага своему отечеству несомнѣнна; но *du jour au lendemain* устроить палаты ни къ чему практически хорошему не поведетъ. Въ настоящее время дворянство наше, т.-е. высшій, образованнѣйшій классъ общества находится въ наивысшей степени въ размолвкѣ съ народомъ. Я отмѣчаю это не для укора той или другой стороны.—размолвка эта естественна и необходима въ такое время, когда устраиваются новыя взаимныя отношенія, когда въ основаніи этихъ отношеній лежитъ обязательно пользованіе имуществомъ и когда ежедневно та и другая сторона сталкиваются между собою на самомъ щекотливомъ пунктѣ для всякаго человѣка, т.-е. на личномъ интересѣ. Вообще наилучшія отношенія между людьми временно разстраиваются, когда дѣло коснется ихъ личнаго матеріальнаго интереса; людей, готовыхъ на самопожертвованіе для блага ближняго, не много; значитъ невозможно и странно ожидать, чтобы въ періодъ временнообязанныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ между ними было бы взаимное полное согласіе, *entente cordiale*; даже лучшіе люди изъ дворянъ и лучшіе люди изъ крестьянъ временно разошлись между собой, и какъ скоро разрѣшится вопросъ временнообязанныхъ отношеній, тогда немедленно установятся правильныя, хорошія взаимныя отношенія двухъ классовъ народа русскаго.

Теперь крестьяне наши жалуются. «что все и вездѣ дѣлаютъ по господамъ», т.-е. вездѣ дворянскій интересъ на первомъ планѣ, и въ пользу его жертвуютъ интересами народа. Я знаю, что часто это не такъ, но пока народъ самъ не сознаетъ, что для государства интересы обоихъ классовъ одинаково священны, до тѣхъ поръ положеніе двусмысленно: одни имѣютъ роль начальства, другіе подчиненности, одни неправильно завидуютъ другимъ, одни носятъ въ груди своей раздраженіе противъ другихъ, и общаго согласія быть не можетъ. И такъ, по моему мнѣнію, нужно озаботиться сначала объ наиполнѣйшемъ завершеніи крестьянскаго освобожденія и вмѣстѣ съ этимъ озаботиться о мѣстномъ благоустройствѣ и не растрчивать ни своего вниманія, ни своихъ силъ на другія соображенія высшаго порядка. Я знаю, что придется не мало сдерживать свое нетерпѣніе и желаніе все устроить сразу, я знаю, что многое будетъ долго колоть глаза, но что же дѣлать,—постепенность и прочность лучше послѣдственности всеобъемлющей, но ничего не устраивающей. Я думалъ, напр., устроить крестьянъ по новому Положенію, на основаніи поговорки *veni, vidi, vici*, и вижу теперь, что ошибся; тысячу

разъ приходится возвращаться къ одному и тому же предмету, раньше чѣмъ онъ окончательно установится, и время есть одинъ изъ первыхъ элементовъ всякаго прочнаго общественнаго устройства.

22 апрѣля.

Дѣло освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости имѣетъ нѣкоторое сходство съ дѣломъ излѣченія физическаго организма отъ какой-нибудь сложной болѣзни, способной къ ухудшеніямъ и улучшеніямъ, раньше окончательнаго своего исцѣленія, и подобно тому, какъ неопытный врачъ приходитъ въ отчаяніе, пугается и радуется несвоевременно, словомъ, не можетъ сказать ничего вѣрнаго объ исходѣ болѣзни, также точно и мы, люди, занимающіеся крестьянскимъ дѣломъ, пугаемся и радуемся несвоевременно и, наблюдая ежедневно мѣняющіеся симптомы болѣзни нашего общественнаго организма, не знаемъ, къ чему они ведутъ. Разница между нами и врачами та, что врачамъ не первый разъ приходится имѣть дѣло со всякою болѣзною организма, — мы же начали врачевать болѣзнь, до сихъ поръ неизвѣстную въ Россіи, значить не можемъ имѣть опоры въ предыдущей опытности, а должны первыми находить истинный путь къ исцѣленію, а потому и должны невольно испытать на себѣ чувство преждевременнаго страха и надежды на выздоровленіе нашего пациента.

Предыдущее вступленіе мое имѣетъ отношеніе къ слѣдующей хорошей неожиданности, случившейся по крестьянскому вопросу въ двухъ деревняхъ нашего имѣнія, т.-е. въ Мамоновщинѣ и Дорофеевѣ, которыя послѣ полнаго недовѣрія ко всему, что ни дѣбалось по отношенію ихъ, вдругъ, по неизвѣстной мнѣ до сихъ поръ причинѣ, заявили желаніе сдѣлать выкупъ или откупъ, какъ говорятъ у насъ крестьяне, т.-е. рѣшились на послѣдній, крайній исходъ всего крестьянскаго дѣла, — совершенно упираясь въ болѣе простыхъ предыдущихъ операціяхъ его, такъ напр. въ принятіи уставной грамоты, желаніи быть вообще на новомъ положеніи и т. п., теперь же они легко и съ радостью дали свои руки, т.-е. подписали добровольно мірскаго приговоръ, тогда какъ недѣлей раньше они не рѣшились бы подписать самаго выгоднаго для нихъ предложенія, такъ напримѣръ безвозмездной уступки всей ихъ земли. По моему мнѣнію, они рѣшились на выкупъ безъ всякаго предварительнаго расчета выгоды подобнаго исхода дѣла, по просту на нихъ извнѣ набѣжалъ слухъ, что выкупъ дѣлается, что это для нихъ хорошо и т. п.; нѣтъ сомнѣнія, что они ожидали несогласія съ моею стороны, особенно въ разсрочкѣ уплаты 30 р. дополнительнаго платежа съ

души, который они знают, должны внести выкупку сами. Я распрощался ими, без всякаго съ ними торга, эту ушасту на 6 лѣтъ. За что они меня очень благодарили, хотя и сдѣлать это частью для того, чтобы не затруднить крестьянъ, частью же для личной выгоды, т.-е. для того, чтобы имѣть ежегодно небольшой оборотный капиталъ, который необходимо на первое время вольвовременнаго хозяйства для покупки наживы и т. п. Вообще же дилемматический платежъ, по смыслу П. 12-го, я считалъ болѣе подаркомъ, даровою случайностью. Вотому что, не зная крестьяне въ продолженіе 9 лѣтъ желанія выкупиться, всякій выкупщикъ долженъ бы былъ заплатить самъ объ этомъ и тогда по закону онъ лишается права на дилемматический платежъ. Вспоминаясь къ разсказу о выкупѣ Маволовскихъ и Доробеева, скажу, что крестьяне были довольны, веселы и несомненно легко соглашались съ требованіями Положенія, тотчасъ же дали свои руки и благодарили меня и посредника, совершившаго всѣ формальности выкупной процедуры.

И такъ, въ жизни нашей есть всѣ ступени крестьянскихъ отношеній къ выкупку отъ барщины до выкупа. Безъ сомнѣнія верный принципъ поведеть съ собою выкупъ и въ другія деревня, — время есть лучший и правильный двигатель всякой реформы. Я полагаю, что будутъ еще возвраты къ прежнимъ неудовольствіямъ крестьянъ, т.-е. возвраты болѣзни, окончательное исцѣленіе коей воспослѣдуетъ съ отводомъ земли и съ полученіемъ выкупной ссуды, словомъ, нынѣшній годъ придется жить еще не мало заботъ и тревогъ.

3-го іюня.

Недавно я возвратился домой, послѣ 5-ти-недѣльнаго моего отсутствія, побывавъ въ московской губерніи, въ Петербургѣ, въ Новгородѣ, Валдаѣ, Руссѣ и Демянскѣ, словомъ, повидавъ множество лицъ, представителей разныхъ мѣстностей Россіи и, разумеется позапавшись болѣе или менѣе подробными свѣдѣніями о ходѣ крестьянскаго дѣла въ разныхъ губерніяхъ. Возвратясь at home и снова войдя въ обычную колею тихой и невозмутимо наивной, частью даже нѣсколько простоватой жизни нашихъ туземцевъ, я еще рѣзче увидѣлъ разницу собственно нашей мѣстности отъ тѣхъ, о коихъ мнѣ удалось услышать, или которыя мнѣ пришлось увидѣть. Мнѣ кажется, что крестьянское дѣло идетъ у насъ не шибко, но все-таки идетъ впередъ; народъ нашъ часто простъ до наивности, слухи, преобладающіе иногда въ молвѣ, несообразны со здравымъ смысломъ, но они не имѣютъ въ себѣ характера *partie pris*, какъ въ южной Россіи. Хотя однѣ общія черты преобладаютъ во

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Девять томовъ „Историческаго Обозрѣнія“, издаваемого Императорскимъ Обществомъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ подъ редакціей Н. И. Карѣева.

Цѣна за I томъ 2 р. 50 к., за II, III, IV, V и VI—по 2 р. за VII и IX—по 1 р. 50 к.

Тамъ же продается изданіе Историческаго Общества:

Личные мемуары Г-жи Роланъ. Переводъ Н. Г. Вернадской.

Цѣна 1 рубль.

3070
12

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. М. Стасюлевича
(Спб., Вас. Остр., 5 л., д. 28).